Тургеневские чтения

Управление культуры
Центрального административного округа
города Москвы

Государственное учреждение
культуры города Москвы
«Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева»

Тургеневские чтения

3

Москва
Русский путь
2010

Александр Звигильский

Иван Тургенев и Франция

Сборник статей

Перевод с французского

Москва
Русский путь
2010

ББК 83.3(2Рос)1
З-345

ISBN 978-5-85887-365-5

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
префектуры Центрального административного округа
города Москвы*

Издание второе

Составители и научные редакторы
к.ф.н. В.Р. Зубова и к.ф.н. Е.Г. Петраш

Литературный редактор
Т.Е. Павлова

Художник
Ф.В. Домогацкий

На обложке:
Иван Тургенев. Рисунок Людвига Пича

© Alexandre Zviguilsky, статьи, 1977–2003
© ГУК «Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева», составление,
перевод, вступительная статья, 2010
© Ф.В. Домогацкий, оформление, 2010
© Русский путь, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 7

Н. Генералова
К портрету ученого 11

Тургенев в Буживале
Пер. С. Дружбинской 17
Луи Виардо
Пер. Л. Серёжкиной 34
Поль Виардо
Пер. Т. Ждановой 46
Тургенев и Мария Малибран
Пер. В. Лукиной 58
Пушкинский талисман: место и смысл тайного в трех новеллах Тургенева
Пер. Ю. Юстицкой 68
Луи Поме: французский брат Тургенева?
Пер. В. Зубовой 77
Треугольник: Тургенев — Санд — Виардо
Пер. Н. Генераловой 91
Тургенев и французские писатели (по неизданной переписке)
Пер. Л. Балыковой 115
Мериме и Тургенев — послы разных культур
Пер. В. Зубовой 132
Тэн и Тургенев
Перевод *Е. Петраш* 150
Влияние Тургенева на творчество Мопассана
Пер. Е. Петраш 183
Черный человек и мужик
Пер. Е. Петраш 198
Анатоль Франс и Тургенев
Пер. Н. Генераловой 214
Тургенев — советчик Жюля Мишле (по неизданной переписке)
Пер. Н. Генераловой 233

Три французских издателя Тургенева (по неизданной переписке)
Пер. Н. Генераловой 247
Болезнь Тургенева
Пер. Т. Быстрицкой 277
Тургенев и Эдмон Абу
Пер. Н. Генераловой 285
Эрнест Ренан, Тургенев и Полина Виардо
Пер. В. Зубовой 297

От составителей

Впервые труды Александра Звигильского выходят в России на русском языке в виде сборника. Тем самым мы хотим отдать дань уважения известному ученому-тургеневеду, отметившему в декабре 2007 г. свое 75-летие.

Имя Александра Звигильского хорошо известно в России и за ее пределами среди исследователей русской литературы. Теперь его труды станут доступны широкому кругу любителей русской словесности.

Без сомнения, Александру Звигильскому принадлежит значительный вклад в изучение жизни и творчества И.С. Тургенева за пределами России, в первую очередь во Франции. Именно это обстоятельство определило название сборника и подбор статей для публикации.

Основу сборника составляют работы, опубликованные автором в основанном им журнале «Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran», который с 1977 г. издает Ассоциация друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран, возглавляемая Александром Звигильским. Вторым его детищем стал единственный за пределами России музей писателя в Буживале под Парижем, история создания которого также нашла отражение в сборнике.

На протяжении более тридцати лет Звигильский публикует в журнале «Кайе» («Тетради») статьи о Тургеневе и семье Виардо, о взаимоотношениях русского писателя с французскими коллегами-литераторами, историками, издателями. Эти статьи составили основу данного сборника.

Читатель наверняка обратит внимание на статью «Пушкинский талисман: место и смысл тайны трех новелл Тургенева», которая, казалось бы, не вписывается в тему сборника. Но это только на первый взгляд: анализируя новеллы Тургенева, автор приходит к выводу, что в основе переживаний героев лежат взаимоотношения русского писателя с Полиной Виардо.

«Болезнь Тургенева» — единственная статья, взятая не из журнала «Кайе». Мы решились на публикацию этой статьи, поскольку в ней Звигильский показывает высоту и силу духа русского

писателя в последние, наполненные страданиями месяцы его жизни. Тем самым мы откликаемся на еще одну юбилейную дату — 125-летие со дня кончины И.С. Тургенева, отмечаемой в сентябре (по новому стилю) 2008г.

При публикации статей в русском переводе составители отказались от библиографических ссылок на художественные произведения Тургенева. Письма писателя содержат ссылки на академические издания его эпистолярного наследия, выходившие в России дважды в издательстве «Наука» — в 1961–1968 гг. и в 1982–2003 гг. Для удобства пользования мы оставили единое сокращение для обоих изданий — «Тургенев. Письма», указывая, во избежание путаницы, год издания каждого тома. Названия часто упоминаемых изданий на французском языке сокращены. Все иллюстрации, помещенные в сборнике, взяты из журнала «Кайе» и воспроизводятся с подрисуночными подписями французского оригинала.

Составители выражают благодарность Александру Яковлевичу Звигильскому за доверие, которое он оказал Библиотеке-читальне им. И.С. Тургенева, согласившись на издание этого сборника под эгидой Библиотеки. Это третий выпуск из серии «Тургеневские чтения», которые с 2004 года издает Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева.

Составители сборника — сотрудники Тургеневской библиотеки благодарят также исследователей и почитателей литературного наследия И.С. Тургенева, принявших участие в переводе статей с французского языка на русский. Наша особая благодарность автору вступительной статьи д.ф.н. Н.А. Генераловой и к.ф.н. Л.А. Балыковой, оказавших неоценимую помощь в отборе статей для этого сборника.

Список сокращений

BN — Bibliothèque Nationale.

CG — Michelet Jules. Correspondance générale. Textes réunis, classés et annotés par Louis Le Guillou, en collaboration, pour la partie E. Quinet, avec Simone Bernard-Griggiths et Ceri Crossley. Paris: Librairie Honoré Champion, 1994–1999. T. 1–9 (1820–1861).

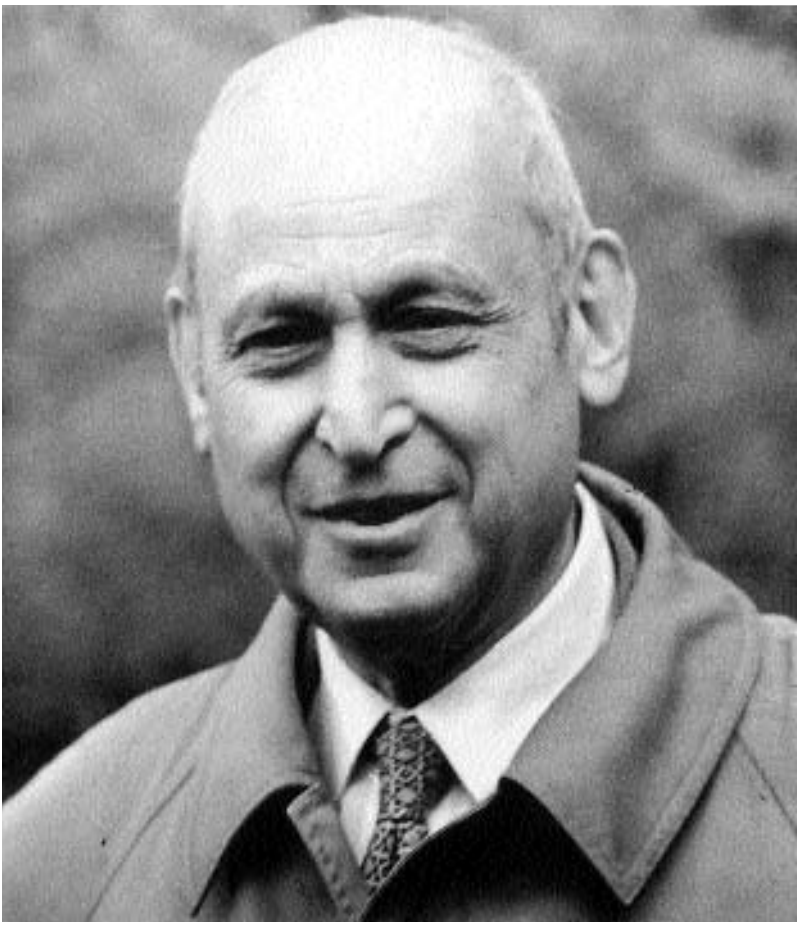
CN — Maupassant. Contes et nouvelles. Texte établi et annoté par Louis Forestier. Paris. Gallimard (Bibliothèque de la Pléiade). 1993.

Cahiers Tourguéniev — Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. Paris: Association des amis d'Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot et Maria Malibran, 1977—.

CFT — Correspondance Flaubert–Tourguéniev. Éd. A. Zviguilsky. 1989.

LI — Tourguéniev Ivan. Lettres inédites à Pauline Viardot et à sa famille. Publiées et annotées par Henri Granjard et Alexandre Zviguilsky. Lausanne, 1972.

NCI — Tourguéniev I. Nouvelle correspondance inédite. Introduction et notes par A. Zviguilsky. T. I–II. Paris. 1971–1972.



Александр Звигильский

Н. Генералова

К портрету ученого

Имя французского исследователя Александра Звигильского хорошо известно в научном мире. Его перу принадлежат сотни статей и десятки книг. Его труды стали классическими почти сразу. Феномен Звигильского объясняется просто: главной целью своей деятельности он сделал публикацию не известных ранее науке материалов. А что может быть важнее и интереснее, чем обнародование новых текстов? Но не только это сделало имя А. Звигильского широко известным.

А. Звигильский многие годы был профессором Сорбонны и как преподаватель оставил по себе добрую память и множество учеников. Именно он стал основателем и бессменным директором Тургеневского музея под Парижем, единственного в мире музея русского писателя, созданного за рубежом. Но и это еще далеко не все. Музей Тургенева и созданное при нем Тургеневское общество (или, точнее, Общество друзей Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран, родной сестры Полины Виардо и тоже знаменитой певицы) явили собой редкий сплав культурной, популяризаторской и научной деятельности. Сколько выставок, литературных и музыкальных вечеров, наконец, научных конференций проведено под руководством А. Звигильского! Сколько людей, посвятивших себя изучению творчества Тургенева, и просто тех, кто интересуется русской и европейской культурой позапрошлого века, смогли посетить замечательный музей и поучаствовать в культурных мероприятиях, организованных его основателем! Весь творческий потенциал ученого реализовался именно здесь. Хранитель, ученый и организатор — такова сфера деятельности этого незаурядного человека. Среди современных ученых

вряд ли найдется еще один, кто мог бы оспорить лавры нынешнего директора Тургеневского музея. Остается только изумляться, как может один человек соединить в себе столько профессий сразу и каждой из них уделять огромное внимание.

Казалось бы, что тут особенного — загляни в архив, найди то, что еще не заинтересовало других исследователей, и публикуй. Но такая задача кажется простой только непосвященным. На самом деле, нет дела более трудного и ответственного, чем вводить в научный оборот новые данные. Ученому-текстологу нельзя ошибиться: прочти он хотя бы одно слово неверно — вот и будет еще одной ошибкой больше в многочисленных исследованиях, которые будут опираться на опубликованные тексты. Публикации, подготовленные А. Звигильским, отличаются научной добросовестностью и добротностью. Ссылаясь на них, вы можете быть уверены, что пользуетесь надежным источником. Вот почему почти все работы ученого стали настольными книгами тургеневедов всех стран. А работ этих немало.

Еще в 1969 г. в Париже вышел в свет собранный А. Звигильским, переведенный и комментированный том знаменитых «Писем об Испании» Василия Петровича Боткина[1], одного из выдающихся русских критиков, современника и друга В.Г. Белинского, А.И. Герцена, П.В. Анненкова, И.С. Тургенева и других представителей славных 40-х гг. XIX столетия. Почти забытые в России, не переиздававшиеся с конца XIX в., эти письма в свое время стали украшением возобновленного в 1847 г. пушкинского журнала «Современник» и оказали значительное воздействие на современный литературный процесс. «Письма об Испании» были изданы на высочайшем профессиональном уровне, и не последнюю роль в этом сыграл тот факт, что подготовивший их А. Звигильский являлся к тому времени уже маститым испанистом. Испания и потом будем занимать особое место в его исследованиях. Но первое место в них все же будет принадлежать русскому писателю Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Случайно или не случайно творческая судьба французского ученого оказалась накрепко связанной с жизнью и судьбой русского писателя? Думается, не случайно. Насыщенная событиями и удивительными художественными открытиями жизнь Тургенева была тесно связана с культурной жизнью европейских стран: прежде всего Германии, Франции, Италии. Круг его общения был настолько широк, что трудно представить себе сколько-нибудь значительное явление русской или европейской жизни, которое

так или иначе не отразилось бы в его творчестве. Наконец, сама обаятельная и богато одаренная личность писателя всегда притягивала к себе не только современников, но и многих людей последующих поколений. Просвещенный гуманизм и благородный строй души сделали личность Тургенева и его произведения неотъемлемой частью сокровищницы мировой культуры.

Именно Тургенев, и именно благодаря усилиям А. Звигильского, оказался центром культурного пространства, вобравшего в себя и научные исследования, и организацию Тургеневского музея в пригороде Парижа Буживале, и, наконец, издание ежегодных выпусков, в заглавии которых объединились знаковые, или, как бы сказал Тургенев, центральные натуры своего времени — Иван Тургенев, Полина Виардо и Мария Малибран. Но начнем по порядку.

Опубликованные в начале 1970-х гг. три тома неизданных писем Тургенева к Полине Виардо и к членам ее семьи стали настоящей сенсацией в научном мире[2]. Более 500 писем были тщательно подготовлены по автографам и не менее тщательно прокомментированы. Конечно, в этом исследователю незаменимую услугу оказало завершившееся в 1968 г. первое академическое собрание сочинений и писем И.С. Тургенева в 28 томах (реально в 30, так как последние тома писем выходили в двух книгах), которое было подготовлено в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Российской академии наук большим коллективом ученых под руководством академика Михаила Павловича Алексеева. Узнав о публикации Звигильским столь значительной части тургеневской переписки (к этому присоединились два тома «Литературного наследства», включившие значительное количество новых материалов), Алексеев поднял вопрос о новом издании полного собрания сочинений и писем Тургенева, к подготовке которого вскоре приступили. Таким образом, участие французского ученого в новом издании было изначально предопределено.

Все письма, к автографам которых мог обратиться Звигильский, оказались подготовленными при его непосредственном участии. Вновь и вновь сверял исследователь драгоценные тексты, попутно предоставляя новые материалы, которые, как правило, печатались в возглавляемом им ежегоднике «Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran», начавшем выходить в свет в 1977 г. Таким образом, второе издание сочинений и писем Тургенева в большой степени обязано французскому слависту Звигильскому.

Даже бегло просматривая тома тургеневских тетрадей, издаваемых ученым, нельзя не заметить, как стремительно набирал силу

новый культурный проект. Все больше людей становилось членами Тургеневского общества, среди них были такие значительные имена, как писатель Анри Труайя, автор беллетризованной биографии Тургенева; один из лучших знатоков творчества Жорж Санд Жорж Любен, под руководством которого было осуществлено наиболее полное собрание сочинений писательницы; известный английский ученый Патрик Уоддингтон, автор многочисленных публикаций и фундаментального исследования «Тургенев и Англия», профессора Сорбонны, Гренобля, Лилля и других городов Франции, наконец, потомки Полины Виардо, хранители семейного архива, в состав которого вошел в свое время и архив Тургенева. Эти достойные представители славного рода Гарсиа-Виардо, подарившего миру немало выдающихся музыкантов, приняли самое активное участие в деятельности Тургеневского общества. И, прежде всего, оно выразилось в предоставлении ценнейших документов, которые находятся в их владении, для публикации на страницах тургеневских тетрадей и отдельных изданий. В первом номере «Кайе» насчитывалось всего 80 страниц, в последнем, 26-м, — 275! Цифра, которая не нуждается в комментариях.

Но не только количеством страниц отличались первые номера «Кайе» от последующих. И не только статьи известных и мало известных исследователей из самых разных уголков мира печатались на страницах тургеневского ежегодника. Здесь впервые были обнародованы сотни новых документов — неизвестные страницы произведений Тургенева, его письма к многочисленным русским и иностранным корреспондентам, письма к нему выдающихся деятелей Европы, уникальные фотографии, дарственные надписи и еще множество других материалов, которые теперь уже вошли в научный оборот. Знакомство с каждым выпуском «Кайе» можно сравнить с чтением увлекательнейшего детективного романа. Сколько удивительных сюжетов затронуто в публикациях ежегодника, сколько новых лиц из окружения Тургенева и Полины Виардо ожило на его страницах. При этом главный редактор журнала всегда стремится дать как можно больше иллюстративного материала, и в этом тоже его издание заметно отличается от привычных научных журналов. Конечно, было бы замечательно, если бы это уникальное издание можно было перепечатать целиком, поскольку ни обозреть, ни даже перечислить все публикации нет никакой возможности.

А вот представить хотя бы в общих чертах основные направления деятельности Общества друзей Тургенева можно, если ознако-

миться с разделом «Хроника» культурной жизни, которая ведется из номера в номер. Эта своеобразная летопись не может не поражать своим размахом. Выставки и концерты, празднование юбилейных дат и поездки по литературным местам, рецензии на просмотренные спектакли и фильмы, приобретение автографов и книг (между прочим, Звигильскому удалось в значительной части воссоздать личную библиотеку Тургенева в Париже) — все эти разнообразные направления деятельности Общества, несомненно, значительно обогатили культурную жизнь Франции. Таким образом, замечательная дружба двух выдающихся людей — русского писателя и французской певицы — не только при их жизни, но и много лет спустя после их смерти продолжает объединять людей разных национальностей, разных возрастов, разных профессий.

Занимаясь Тургеневым, Звигильский стал не только одним из лучших знатоков его биографии и творчества. Он превосходный знаток творчества Гюстава Флобера, о чем свидетельствует подготовленный им том переписки Тургенева и Флобера[3], Жорж Санд, Эмиля Золя и многих других французских писателей. Будучи человеком неиссякаемой любознательности, Звигильский всегда нацелен на поиск неизвестного, но это неизвестное отнюдь не становится очередным артефактом в его интеллектуальной коллекции: ученый стремится осмыслить каждый факт, каждое явление в его генезисе и в конкретном контексте. Подобные черты придают его исследованиям глубокую перспективу и открывают поистине неисчерпаемое содержание художественного текста. То же и в личных отношениях тех или иных субъектов, вступающих во взаимодействие в определенную эпоху и в определенных условиях. В содержательности его исследований может убедиться всякий, кто возьмет в руки настоящее издание.

Подлинным вкладом в жизнь современной филологической науки стали организованные Звигильским масштабные конференции, посвященные различным писателям и проблемам: «Тургенев и Франция», «Виктор Гюго, Иван Тургенев и права человека», «Два учителя Тургенева: Гете и Пушкин. Поэты любви», конференции, посвященные Эдмону Гонкуру, Эмилю Золя и Альфонсу Доде, Жорж Санд и многим другим. Материалы этих коллоквиумов полностью публиковались и публикуются в «Кайе». Звигильскому удается собрать знатоков со всего света, и он один знает, как объединить и удивить своих гостей.

И еще об одной трогательной черте ежегодника хотелось бы сказать. Жизнь, короткая или долгая, все же рано или поздно заверша-

ется. Как это ни печально, но нам приходится прощаться с теми, кого мы любили, ценили, с кем общались на протяжении многих лет. Почти ни один выпуск «Кайе» не обходится без некролога, иногда их насчитывается по нескольку в одном номере. И всякий раз президент Общества и главный редактор журнала находит слова благодарности людям, которые внесли свой, пусть и небольшой вклад в дело, которому он служит, будь то многолетнее научное сотрудничество или помощь в приобретении того или иного экспоната для дорогого сердцу Звигильского музея в Буживале. О многом могут рассказать внимательному читателю эти некрологи.

Все перечисленные штрихи к портрету журнала, из которого извлечены представленные в настоящем сборнике статьи Александра Звигильского, в какой-то мере являются штрихами и к его собственному портрету. Ведь жизнь ученого, собирателя, хранителя, его подлинная биография находится именно здесь — в его научных разысканиях, публикациях, в подготовленных им выставках и экспозициях, в собранной им великолепной коллекции автографов. Бесконечная преданность своему делу, огромное трудолюбие и постоянное стремление поделиться своими знаниями и находками с коллегами очень характерны для творческой личности Александра Звигильского. И эта жизнь, отданная любимому делу, призванному не разъединять людей, а объединять их в стремлении к познанию удивительной тайны — тайны творческого, художественного постижения мира, — эта жизнь прекрасна.

Примечания

1 *Botkine Vassili.* Lettres sur l'Espagne. Texte traduit du russe, préfacé, annoté et illustré par Alexandre Zviguilsky. Paris, 1969. Русское издание «Писем из Испании» вышло лишь семь лет спустя в серии «Литературные памятники», причем в его подготовке принял участие А. Звигильский, здесь же был опубликован русский перевод его вступительной статьи к парижскому изданию.

2 *TourguØniev Ivan.* Nouvelle correspondance inédite. Introduction et notes par Alexandre Zviguilsky. T. I. Paris, 1971 ; *TourguØniev Ivan.* Nouvelle correspondance inédite. Introduction et notes par Alexandre Zviguilsky. T. II. Paris, 1972; *TourguØniev Ivan.* Lettres inédites à Pauline Viardot et à sa famille. Publiées et annotées par Henri Granjard et Alexandre Zviguilsky. Lausanne, 1972.

3 Gustave Flaubert — Ivan Tourguéniev. Correspondance. Texte édité, préfacé et annoté par Alexandre Zviguilsky. Paris, 1989.

Тургенев в Буживале

25 октября 1874 г. Иван Тургенев и супруги Виардо пришли в нотариальную контору мэтра Сурдо в Буживале. Здесь они оформили продажу Ивану Тургеневу и Полине Виардо, урожденной Гарсиа, членом Медицинской академии, доктором Пьером Саломоном Сегала его усадьбы, находящейся на земле Ля Шоссе, площадью 8 гектаров, 21 акр, 39 сентиаров. В усадьбе между решетчатой оградой и двумя павильонами, расположенными справа и слева от главного дома, построенного в итальянском стиле, находился английский сад, а на возвышенной части — заросший парк.

Иван Тургенев, писатель, родившийся в 1818 г. в Орле, в России, становился пожизненным пользователем этого имения. Полина Виардо, преподаватель Консерватории, родившаяся в Париже в 1821 г., владеющая собственным состоянием, в присутствии своего супруга Луи Виардо, литератора, родившегося в 1880 г. в Дижоне, получила право собственности на усадьбу.

Поместье стало называться «Ясени» сразу же, как только Тургенев и госпожа Виардо его приобрели. По меньшей мере, я не обнаружил этого наименования в нотариальных актах, с которыми ознакомился в конторе нотариуса мэтра Тома, внука нотариуса мэтра Сурдо[1].

Должно быть, в то время ясени росли в усадьбе в изобилии, не то что в наши дни. Тургенев, кажется, любил их, даже судя по тому, что говорит о ясене персонаж романа «Отцы и дети»: «Не находите ли вы, — начал Аркадий, — что ясень хорошо назван в русском языке: ни одно дерево так легко и ясно не сквозит на воздухе, как он».

Как-то всезнающий Луи Виардо не без удовольствия напомнил своему другу Тургеневу о том, что ясень имеет опасные для здоровья свойства: «В целом, мне здешний климат больше нравится, и я считаю, что жить здесь будет хорошо, несмотря на то, что в усадьбе много ясеней, и об их опасности напоминает стих Виргилия... “Fraxini mortifer umbra” (“И ясеня тень смертоносная” — *лат.*), как цитировал мне кто-то, помнивший лучше меня “Георгики”. Оставим латинскому поэту это высказывание и пойдем подышим под ясенями...»[2]. К вопросу о климате в Буживале мы еще вернемся. А что касается «Ясеней», то это название фигурирует в заголовках бумаг и писем госпожи Виардо и Тургенева.

Писатель построил для себя в 50 метрах от виллы в итальянском стиле шале, где и поселился 20 сентября 1875 г. Это шале напоминает своими балконами родовую усадьбу Тургенева в Спасском, в 65 километрах от Орла.

Часто упоминают, что Тургенев впервые обосновался в Буживале в 1875 г. в усадьбе «Ясени». Однако известно, что летние месяцы в 1873–1874 гг. вместе с семьей Виардо Тургенев проводил в Буживале у мадам Алган, в доме, называемом «Ля Гаренн», что находится недалеко от церкви.

Вилла Полины Виардо в Буживале

Тургенев однажды похвалил ее большой парк: «Парк мадам Алган — это большая редкость»[3].

Мы знаем, что Тургенев, возвратившись после лечения из Карлсбада, остановился в «Ля Гаренн» и принимал здесь высокого гостя, своего друга Гюстава Флобера. Об этом визите Флобер написал своей племяннице Каролине Комманвиль 28 августа 1874 г.: «Бедный Московит два дня назад как вернулся, и здоровье его совсем ухудшилось. Я ездил навестить его (путешествие просто несносное по причине омнибуса: ему и в голову не придет, какую жертву я принес ради него), и мы провели время, жалуясь каждый на свои болячки. Впрочем, я не променял бы свои на его»[4].

Надо заметить, что в то время прямого сообщения с Буживалем не было. Ехали поездом из Сен-Жермен-ан-Лэ до Рюэй, где на вокзале пересаживались на конку, называемую «американской железной дорогой». В ней основательно трясло. Конка привозила пассажиров в Ля Шоссе и в Пор-Марли. Теперь это соответствует национальной автостраде № 13[5].

Именно Луи Виардо соблазнился близостью остановки конки из Рюэя. Он писал Тургеневу 18 июля 1874 г.: «Предстоит дело.

Шале И.С. Тургенева в Буживале

В ближайшее время, 5 августа в Парижском суде будет выставлен на продажу с аукциона загородный дом с большим садом, источником воды и т.д. Дом находится в Буживале на маршруте конки между Салабером и домом Одилона Барро[6].

Вы отчетливо представляете это место. До Парижа отсюда путь короче на четверть часа, чем от дома Алган, и добираться сюда легче. Дом расположен на невысоком склоне, посреди довольно обширного сада удлиненной формы. Вид, естественно, превосходный, и деревья там больно хороши»[7].

К сожалению, Полине Виардо дом пришелся не по вкусу. Находя его слишком маленьким, она посчитала, что покупка его невыгодна[8]. Тургенев думал иначе. Находясь в Карлсбаде, даже не видав этой усадьбы, он воображал, какую идиллическую жизнь сулит в будущем ему и Клоди, одной из дочерей Полины Виардо, это место: «Дорогая Диди! Завтра состоится продажа или покупка дома. Разве тебя не радует то, что у меня там будет свой павильон? Во-первых, там у тебя будет хорошенькое загородное ателье. Я тоже смог бы там писать; я уверен, что в ателье должно писаться с удовольствием. Ты смогла бы обставить его по своему вкусу, который я ценю безусловно выше моего; и вообще подумай о том удовольствии, какое представится нам при обустройстве этого павильона, куда ты будешь приходить часто, не так ли?! Твоя мама написала, что сад показался вам неказистым и маленьким, но что поделаешь? Парк Алган — это большая редкость.

По плану, который прислала мне мама, я думаю, что дом в самом деле тесноват, но существуют на свете Рамуссе, т.е. архитекторы; там построят павильон, и ничто не помешает сделать его большим-большим. Там можно будет разместить биллиардный зал, а на первом этаже устроить рабочий кабинет — или для папы, или для мамы. Скажи своему Лулу, чтобы он начал поиски хорошего архитектора, человека молодого и с богатым воображением... (N.B. господин Крювелли уже не молод и страдает отсутствием воображения и вкуса. Он как-то пришел в наш дом разодетым, как обезьяна). Я уже сказал твоей маме, что идея постройки шале мне не улыбается: нужен ПА–ВИ–ЛЬ–ОН! Но какого типа построить ПА–ВИ–ЛЬ–ОН? Мне не очень ясно, но это будет заботой молодого архитектора. Я хочу, чтобы молодые люди участвовали в создании моего ПА... чтобы это были ты, твой Лулу и, естественно, твоя мама. Потому что, видишь ли, моя дорогая Диди, твоя мама моложе всех нас! В одном из писем она мне рассказывает с энтузиазмом об ателье художника Клерена (этого подра-

жателя Рэньо), а видела ли ты его мастерскую? Это помогло бы тебе представить, как можно сделать нашу. Да будет тебе известно, что в данный момент меня одолевают и подагра, и богатство — одновременно... я сгибаюсь под слитками золота, я завален ими по горло, я не знаю, что с ними делать. Я как царь Мидас завален золотом со всех сторон и сам источаю золото! Посмотри-ка скорее, вот мой рисунок, который не даст тебе даже слабого представления о моем финансовом положении»[9].

На этом юмористическом рисунке Тургенев изображен нагруженным мешками с золотыми монетами: он держит в правой руке мешок с 40000 франков, и на всех пяти пальцах левой руки — по небольшому мешку с 50, 20, 10 и 5 франками. Голова, нос, грудь, спина, колени и ноги нагружены объемистыми мешками с золотом, и, наконец, наш царь Мидас тащит за собой тележку с 50000 франков. Если это сосчитать, то все в сумме составляет 255605 франков. Между тем, на покупку «Ясеней» ушло 160000 франков, к которым надо было прибавить еще 20000 франков на прочие расходы.

Тургенев пишет своему брату Николаю 18 ноября 1874 г.: «Купили мы с Виардо очень красивую виллу с парком в Буживале —

Дом в Буживале, в котором И.С. Тургенев и семья Виардо проводили летние месяцы в 1873–1874 гг. Фото Марка Звигильского

в часовом расстоянии от Парижа — за 180000 франков. Цена была бы невысокая, но мы, comme de jeunes étourdis (как молодые ветреники — *фр.*), купили дом, *не осмотрев* его предварительно через архитектора... и оказалось необходимых поправок на 15000 фр.!!»[10].

Тургенев построил для себя в парке, выше виллы Виардо, не павильон, а двухэтажное шале. Архитектором был некий г-н Пуатрино, о котором Тургенев сказал, что он человек «честный и способный, но без особого воображения»[11]. Пуатрино имел свое бюро в Париже в доме № 58 на улице Клиши, а его летний загородный дом находился на острове Круасси напротив Буживаля. Мечта воплотится в действительность: в салоне на нижнем этаже будет стоять фортепьяно для Полины Виардо, и Тургенев будет приходить туда, чтобы ее послушать. Самая красивая из всех комнат шале, на втором этаже слева от входа, светлая и просторная, будет его кабинетом, в котором Клоди установит свой мольберт. Молодая художница здесь будет рисовать, занимаясь живописью в свое удовольствие благодаря изобилию света, проникающего сюда с двух сторон через четыре окна. У Тургенева был и другой кабинет — напротив, поменьше и с балконом. В нем

Мемориальная доска от коммуны Буживаля в память о жизни и смерти в имении «Ясени» И.С. Тургенева

на своем страдальческом ложе, измученный раком позвоночника, он скончается 3 сентября 1883 г.

Писатель любил приходить в мастерскую Клоди, ему нравилось видеть ее за работой. И сам Тургенев любил здесь писать. Это единение живописи и литературы, о чем так мечталось писателю, осуществлялось. Дало ли это что-нибудь для его литературного творчества? Ответ не оправдывает надежд.

Скорее всего, у Клоди Шамро-Виардо был некоторый вкус к карикатуре, к выразительной детали. Тургенев называл это по-немецки dein Formsinn (твое чувство формы). Он находил удовольствие в том, чтобы рассказывать ей забавные истории, подобные этой: «Только что я разговаривал (sic) с одной безумной около часа. Эта сумасшедшая вбила себе в голову стать личным секретарем Государя Императора, чтобы внушить ему разработанную ею систему мер, которая сможет обеспечить счастье России в мгновение ока. Представь себе невысокую женщину, лет 50, тучную и кургузую (a dumpy woman — толстушку, как говорят англичане), в черном капоре, надвинутом на самые глаза. Волосы ее блеклые и реденькие, и растрепанные; лицо — круглое, в красных пятнах, с лиловыми губами. Изо рта у нее торчат два длинных

Уличный указатель в Буживале

и узких, как у зайца, зуба, которыми она постоянно покусывает верхнюю губу. Носик крошечный, как у ребенка. Глаза — бледно-серые, цвета потертой серебряной монеты, и взгляд — какой-то мерцающий и наводящий ужас. А голос — самый нежный и мелодичный, какой я когда-либо слышал. Руки у нее пухленькие и короткие, жесты медлительные. Ее речь — напориста и монотонна. И она начала с такой фразы: “Вы видите перед собой воплощенного гения России!” Нет, эта бедняга совершенно неизлечима.

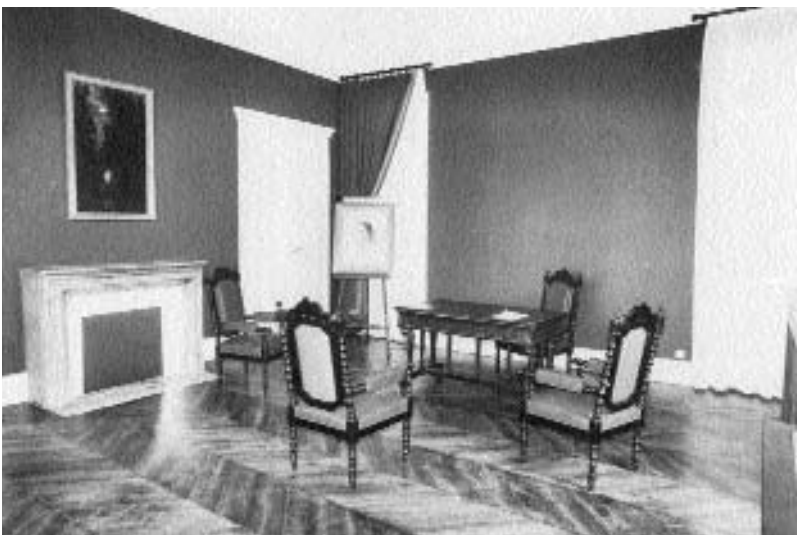
Я рассказываю тебе об этом, приводя столько деталей, потому, что знаю, что с dein Fofmsinn ты сможешь поразвлечься»[12].

В другой раз Тургенев описал Клоди одну семейную сцену, действующими лицами которой были Луи Виардо и Хоакин Рюис, племянник Полины: «Что касается развлечения — здесь по вечерам вист. Это серьезно, происходят самые драматические сцены между папой и добряком Рюисом, который так пугается, что от дрожи его ног стол трясется»[13].

Когда Тургенев в Буживале писал сказки для Клоди, он намеренно преувеличивал, искажал мысль и образы. Это фантастические и в то же время непристойные сказки, героями которых были обитатели «Ясеней». Заметим, что такие дерзости он позволял

Спальня И.С. Тургенева в шале в Буживале

себе только в том случае, если это предназначалось Клоди. Еще он ей сделает такое признание 9 сентября 1877 г.: «Не знаю, смогу ли я ясно выразиться, но я задумался над тем, что существует нечто такое, что романист обязан отразить, а именно — истинную правду жизни; речь идет не только о деталях и реалистических описаниях, но о чувствах и состояниях души. Мне кажется, что в манере их изображения и анализа — даже у очень больших писателей — существует некое соглашение: отображать жизнь правдоподобно, но не истинно правдиво. В этом, возможно, нужно быть более смелым, и идти дальше в раскрытии сущности вещей — особенно чувств, которые я охотно определил бы как состояния doubles, т.е. двойственные или противоречивые, такое встречается чаще, чем об этом думают. Вся эта философия, возможно, есть только иллюзия; и я похож на одного месье, о котором рассказывал Боткин, месье этот верил, что именно он открыл Средиземное море. Невозможно хорошо описать то, что не прочувствовал сам... И у меня были, и теперь еще бывают двойственные чувства, которые почти вопиют во мне; они сталкиваются друг с другом, переплетаются, запутываются. Воображаю твое лицо и тебя за чтением этого вздора: ты, должно быть, говоришь,



Рабочий кабинет И.С. Тургенева в шале в Буживале

“что за чепуху порет мой старый крестный?” Но, может быть, ты меня поймешь лучше, когда я напишу (если я напишу), о чем я думаю.

Вот маленькая литературная исповедь, которая неожиданно для меня самого вышла из-под моего пера. Поговорим о другом»[14].

В Буживале в 1879 г. Тургенев начинает писать повесть «Песнь торжествующей любви», которая в какой-то степени созвучна его творческим исканиям. Спустя полтора года, 7 июля 1881 г. он пишет Клоди: «я переделал и закончил этот образец почти квазифантастической повести, сюжет которой, если не ошибаюсь, я тебе когда-то набросал. Работая над ней, я говорил себе, и не один раз, что это безрассудство. И если это когда-нибудь напечатают, надо мной будут смеяться! Тем хуже! Я опережаю других; у Шиллера есть одно стихотворение, которое мне придавало храбрости “Wage Du zu irren und zu traumen” [имей смелость заблуждаться и мечтать]. Впрочем, во всем, что касается искусства, есть доля безумия; бывает только, что безумства в творчестве приводят к успеху, и тогда это называют вдохновением; а когда они приводят к провалу, то это очень печально. Мы увидим, к какому

Карикатуры И.С. Тургенева на самого себя

роду безумств принадлежит мое. Мне совсем не привыкать: я часто разбивал себе нос»[15].

В нашу задачу не входит комментировать это тяготение к психологическому, патологическому анализу на манер Достоевского. Нам следует отметить, что в Буживале Тургенев задумал и завершил редактирование нескольких своих лучших произведений: свой последний роман «Новь», большую часть своих «Стихотворений в прозе», «Песнь торжествующей любви», «Клара Милич. После смерти».

Если Тургеневу и не удалось сотрудничать с Клоди на ниве живописи, как раньше он совместно работал с ее матерью в области музыки, зато молодая женщина стала его наперсницей, которой он доверял свои литературные искания, когда он продвигался на ощупь, и свои мании, которые проявляются в его скатологически-моралистических сказках, предназначенных только для Клоди, ее дочери Жанны и их близкого окружения.

Следует отметить, что в Буживале в период с 1873 по 1883 г. Тургенев написал 673 письма, что составляет примерно одну десятую часть всей его корреспонденции, адресованной друзьям, с которыми он переписывался на протяжении всей жизни. Эти пись-

Зритель в театре,
который часто аплодировал
и казался безмерно увлеченным.
Рисунок И.С. Тургенева
для маленькой Клоди Виардо.
1868

ма составляют шесть последних томов, включенных в полное собрание писем, и эти письма заслуживают отдельного изучения. В Париже в 1971–1972 гг. вышли три тома переписки Тургенева с семьей Виардо, из которой мы узнаем об их жизни в Буживале. У критика Уильяма Ральстона (William Ralston), часто видевшего Тургенева в Париже, сложилось впечатление, что русский писатель мало работал во французской столице, и что литературой и перепиской он занимался именно в летние месяцы в Буживале.

Какую роль сыграл Буживаль в жизни Тургенева? Этот городок, одно только его название воскрешали в нем, когда он его покидал, множество воспоминаний. В конечном счете, Буживаль для него был тем идеальным местом, куда он всегда стремился, потому что был уверен, что там его встретят любящие друзья. «Буживаль — это для меня теперь, что Мекка для мусульман; это есть цель моего паломничества. И я буду счастливым человеком лишь тогда, когда ее достигну»[16]. Из-под его пера выходят такие строки: «я постоянно думаю о “Ясенях”, которые вижу во сне каждую ночь»[17].

«Мне кажется, что стоит сделать всего лишь одно усилие и “пуф!” — вот я уже стою перед таинственной колокольней, но теперь уже не производящей на меня такого зловещего впечатления, как это казалось мне раньше. Этот “пуф!” сбудется через 30 дней или 720 часов — через 43200 минут»[18]. Или еще одно признание, сделанное в тот период, когда покупали усадьбу «Ясени»: «а я повторяю, все повторяю фамилию Сегала! как Катон повторял “Карфаген!”»[19]

Конечно, здесь сквозит ребячество, но вместе с тем эти высказывания сохранили всю свежесть чувств.

Принимаемый всегда со всей сердечностью в этой семье, которая не была его собственной, но которую он считал своей, обласканный всеми членами семьи Виардо, Иван Тургенев чувствовал себя счастливым человеком. Если ему случалось узнать, что кто-то из членов семьи отсутствует, его охватывало беспокойство: «я узнал из письмеца Марианны (сестры Клоди), что ты чувствуешь усталость и вялость — скорее, скорее в Буживаль, и пусть свежий воздух “Ясеней” оживит тебя»[20].

Привыкший впоследствии к переменчивому климату Буживаля, Тургенев напомнит через пять лет одной своей корреспондентке, что надо было бы остерегаться «влажной тенистой листвы» в усадьбе[21]. Такое постоянное беспокойство о здоровье семьи, даже в его отсутствие, проявляется прежде всего по отношению

к Полине Виардо: «Твоя мама написала, что она снова кашляет, это меня очень беспокоит, присматривай за ней... Ослиное молоко было бы полезно для нее. Я уверен, что его можно достать в Буживале дешевле, чем в Париже»[22].

И спустя три дня он интересуется, обращаясь к мадам Виардо: «Вы ничего не говорите больше о вашем кашле — может быть, он прекратился? Но я снова высказываю свое мнение: надо купить ослицу!»[23]

Тургенев и его друзья вели в Буживале очень приятную жизнь. Случалось, что они устраивали пешие прогулки, например, в Сен-Жермен-ан-Лэ. «Мы, Марианна, мадемуазель Арно и я, совершили упоительную экскурсию в Сен-Жерменский лес. Там, устроившись на траве, мы откушали пирогов и выпили пива, повидали косуль и зайцев (N.B. все жившие в “Ясенях” зайцы оттуда удрали, и тот маленький с белым ошейником исчез вместе с другими)»[24]. Мы знаем, что летом 1877 г. они ездили на ярмарочное гуляние в Ле Лож, что расположен недалеко от Сен-Жермен, и побывали на празднике в Буживале[25]. Полина Виардо описывает Тургеневу довольно красочно торговые лавочки и птиц, которые там продавались[26].

MATINÉE
LITTÉRAIRE ET MUSICALE
AU PROFIT DES INDIGENTS RUSSES A PARIS
AVEC LE CONCOURS DE
Mme PAULINE VIARDOT, Mlle MARIANNE VIARDOT
MM. DIÉMER, PAUL VIARDOT
ET TOURGUÉNEFF
Mardi 27 Mai, à trois heures précises
50, RUE DE BRCAI, 50
N° 91
PRIX : 15 FRANCS

Входной билет на литературное и музыкальное утро у госпожи Виардо. 1875

В семье устраивались чтения вслух. В Буживале Тургенев вместе с мадам Виардо читали вслух из только что изданного в 1881 г. сборника поэм Виктора Гюго «Четыре вихря духа» («Les quatre vents de l'esprit»). Иногда Тургенев писал для Клоди комментарии к только что прочитанному. Он никогда не упускал из виду, что обращается к художнице: «во второй части "Фауста" Гете встречаешь моменты совершенной поэзии, а именно в Classische Walpurgisnacht (в классической Вальпургиевой ночи — *нем.*) встречаются некоторые места, которые так и просятся, чтобы ты это проиллюстрировала: там — нимфы, кусты роз, луна, Хирон, уносящий прекрасную Елену... все это я тебе покажу»[27]. Клоди приняла во внимание замечание своего крестного и изобразила этот сюжет, сделав рисунок чернилами.

Следовало бы сказать несколько слов о музыке в усадьбе «Ясени». Мадам Виардо давала уроки пения все дни недели — по будням, а по воскресеньям устраивались музыкальные утренние спектакли. Мы знаем, например, что 12 августа 1882 г. в большом салоне виллы была исполнена оперетта «Последний колдун» («Le Dernier Sorcier»), сочиненная в Баден-Бадене Полиной Виардо на текст Тургенева.

«Это был вдохновляющий успех! Приятно было смотреть на все эти молодые лица, обращенные к маме с выражением восхищения и умиления. Над проделками Перлимпинпина[28] мадам Василенко смеялась так безудержно, как смеются только дети. И мне представление тоже доставило самое большое удовольствие... Ты знаешь, как я люблю эту поэтичную и грациозную музыку; и все воспоминания о том добром времени, быть может, наилучшем периоде всей моей жизни, проходили перед моими глазами. Я как будто видел тебя в роли королевы эльфов, слышал твой голос до мельчайших его интонаций. И все другие лица вспомнились мне — и Поль — тогда он был другим, не таким как сегодня (N.B. его совсем теперь больше не видно) и т.д. и т.п. Нужно обязательно этой зимой постараться устроить представление "Последнего колдуна"»[29].

Да, воспоминание — доказательство дружеского расположения — соединяет в единую цепь всех членов этой семьи: звенья этой цепи — Луи, Марианна, Клоди и Поль Виардо, оба конца ее держат в своих руках Полина Виардо и Иван Тургенев. И в завершение приведем заключительные строки одного из редких писем Полины к Ивану Тургеневу, написанного 9 мая 1881 г.: «Вспоминаете ли Вы о Париже, о "Ясенях", о карточной игре безик, о Фа-

норе[30], о своих друзьях? Вы найдете себе и новых друзей, но все они, вместе взятые, не дадут Вам и тысячной доли той сердечной привязанности, которую испытывает к Вам самая старая, но и самая верная из всех друзей и подруг»[31].

Примечания

Опубликовано в Cahiers Tourguéniev. № 5. 1981. P. 19–27.

1 Выражаю благодарность нотариусам города Буживаль мэтру Роберу Тома и его сыну Лионелю за возможность изучения архивов их нотариальной конторы по адресу: Буживаль, дом № 2, набережная Клемансо (бывшая набережная Сганзен). Здесь Тургенев оформлял сделку, и акт о продаже собственности сохранился. Этот удивительный документ содержит 31 страницу.

2 Неопубликованное письмо Луи Виардо Тургеневу от 29 июня 1876 г. (Из коллекции Мопуаль).

3 Письмо Тургенева Клоди Виардо от 4 августа 1874 г. NCI. T. I. P. 264.

Дом «Ля Гаренн» существует и в наши дни под № 10 на улице Ля Круа-о-Ван. Он соседствует с церковью, колокольня которой парит над прекрасным парком площадью в 2 гектара, где растут кедры и другие редкие деревья (см.: *Madeleine et Emile Houth*. Bougival et les rives de la Seine. Saint-Germain-en-Laye, Diguet-Deny, 1970. P. 128). Участники конгресса посетили эту усадьбу в сопровождении доктора Филиппа Леколье. Он рассказал об истории «Ля Гаренн», построенного в Буживале в конце XVIII в. в стиле «фоли» на земле владельцев замка графа и графини де Месм господином Жаном-Жаком Гарнье, которого как гостя приглашали к графскому столу.

Жан-Жак Гарнье (1729–1805, Сен-Жермен-ан-Лэ), эрудит и философ, был назначен младшим преподавателем древнееврейского языка в Коллеж де Франс в 1760 г. В 1768 г. он становится инспектором этого заведения, и в 1803 г. — членом Académie des Inscriptions. Жан-Жак Гарнье оставил многочисленные сочинения, в том числе и по истории Франции. Он был лучшим французским ученым в области древнееврейского языка.

Соседом Тургенева был Эно, владелец питомника, живший за старинной церковью (восстановленной только в 1892 г.), на том месте, где когда-то стояла опорная стена поместья «Ля Гаренн». Его последней владелицей была Люси Арбелл, внучка сэра Ричарда Уолласа. Она была певицей Парижской оперы и исполнительницей последних лирических произведений Жюля Массне. Скончалась в «Ля Гаренн» 20 мая 1947 г. бабушка доктора Леко-

лье, Жанна Леколье (1886–1973) была близко знакома с Люси Арбелл, благодаря которой доктор Леколье смог сообщить нам эти ценные сведения. В настоящее время «Ля Гаренн» принадлежит Orphelinat des Arts.

4 *Flaubert*. Œuvres complètes. Correspondance, Paris, Club de l'Honnête Homme, 1975. T. 15. P. 336.

5 Вот маршрут, который сообщила Полина Виардо Жанне Поме: «на Восточном вокзале (Сен-Лазар) берут билеты на Рюей, учитывая пересадку на Буживаль. Когда нет билетов (с пересадкой), то, приехав в Рюей, нужно успеть влезть в конку на Буживаль; или, если слышишь объявление о посадке на катер, то можно сесть на "кораблик" и плыть по Сене. Он высадит пассажиров в Буживале, прямо перед конторой, где останавливается конка. Вы увидите большую улицу, поднимающуюся вверх, именно по ней нужно идти все время вперед.
Дойдя до церкви, поднимитесь по ступеням и следуйте далее по улочке справа от церкви. На самом верху, по правую руку, вы увидите решетку, большой двор и красный дом. Это здесь. Все путешествие — поездом, на конке и нескольких минут пешком — длится один час двенадцать минут. (Буживаль, дом Алган, 5 июля 1874 г. Из коллекции Жанны Гупий).

6 Дом этого сенатора перешел к графу д'Аржансу. Несколько лет спустя он был разрушен, и на его месте стоит l'Hôtel du Parc.

7 NCI. T. I. P. 222, n. 5.

8 См. письмо Луи Виардо Тургеневу. Ibid.

9 Письмо Тургенева Клоди Виардо от 4 августа 1874 г. Ibid. P. 264–265.

10 Тургенев. Письма. Т. X. 1965. С. 324.

11 См.: *Зильберштейн И.С.* Выставка художника В.В. Верещагина // Литературное наследство. Т. 73. Кн. 1. 1964. С. 299.

12 Письмо Тургенева Клоди Виардо от 11 июня 1880 г. NCI. T. I. P. 299.

13 Письмо Тургенева Клоди Виардо от 23 августа 1882 г. LI. P. 292.

14 Письмо Тургенева Клоди Виардо от 9 сентября 1877 г. Ibid. P. 271.

15 NCI. T. I. P. 303–304.

16 Письмо Тургенева Клоди Виардо от 24 июня 1873 г. Ibid. P. 258.

17 Письмо Тургенева Клоди Виардо от 4/16 августа 1881 г. Ibid. P. 306.

18 Письмо Тургенева Клоди Виардо от 4 августа 1874 г. Ibid. P. 264.

19 Письмо Тургенева Полине Виардо от 16 августа 1874 г. Ibid. P. 222.

[20] Письмо Тургенева Клоди Виардо от 1/13 июня 1877 г. LI. P. 261.

[21] Письмо Тургенева Клоди Виардо от 19 июня 1882 г. Ibid. P. 287.

[22] Письмо Тургенева Клоди Виардо от 5 июля 1873 г. NCI. T. I. P. 260.

[23] Письмо Тургенева Полине Виардо от 8 июля 1873 г. LI. P. 188.

[24] Письмо Тургенева Клоди Виардо от 26 августа 1876 г. NCI. T. I. P. 274.

[25] Письмо Тургенева Клоди Виардо от 3 сентября 1877 г. Ibid. P. 280.

[26] Письмо Полины Виардо Тургеневу от 1 августа 1881 г. LI. P. 334.

[27] Письмо Тургенева Клоди Виардо от 3 сентября 1877 г. NCI. T. I. P. 281.

[28] Перлимпинпин, слуга колдуна в оперетте «Последний колдун».

[29] Поль Виардо, брат Клоди и сын Полины. Письмо Тургенева к Клоди Виардо от 13 августа 1882 г. NCI. T. I. P. 290.

[30] Фанор — кличка собаки Луи Виардо.

[31] LI. P. 333.

Пер. С. Дружбинской

Луи Виардо

Мы отмечаем сегодня день памяти Луи Виардо. Он умер 5 мая 1883 г. в Париже в доме № 50 по улице Дуэ сто лет назад.

В наше время имя Луи Виардо было бы уже, скорее всего, забыто, если бы не его замечательный перевод «Дон Кихота», который продолжают регулярно переиздавать во Франции.

Творчество этого испаниста XIX в. довольно значительно: о нем можно судить по книгам и статьям на выставке в этом зале и по сообщениям, которые будут предложены вашему вниманию. На нашем круглом столе, посвященном Луи Виардо, будут представлены и другие стороны деятельности этого писателя, обладавшего разносторонними дарованиями, этого ученого-гуманиста; я хочу рассказать о его большом интересе к философии и истории искусства[1].

Мы постараемся определить во время дискуссии, что из написанного Луи Виардо может еще вызывать интерес в этом заканчивающемся XX в., что неизвестно современным читателям, поскольку эти произведения не переиздавались после его смерти, а между тем, они были довольно благосклонно приняты при его жизни. Судить об этом можно по переизданиям его произведений в минувшем веке.

Луи Виардо родился в Дижоне 31 июля 1800 г. Его отец был генеральным прокурором апелляционного суда Дижона. В 1798 г. художник Прюдон выполнил его портрет и портрет его жены Мари-Анны Кретене, которая родила ему шестерых детей: четырех девочек и двух мальчиков, Луи и Леона. Младший оставил по себе память как художник-портретист. В 1807 г. прокурор в возрасте сорока пяти лет скоропостижно скончался. Его вдове пришлось одной заниматься воспитанием детей. Луи учился в колле-

же Дижона, затем в 1818 г. отправился изучать право в Париж. Он сохранил прекрасные воспоминания о тех временах, когда был бедным студентом в столице, где сумел открыть для себя читальные залы на двоих, где после лекций можно было перечитать всего Руссо, музеи и Оперу, радости интеллектуального труда, который окончательно определил его жизненный путь. Оставаясь без обеда, молодой Луи шел в Итальянский театр, чтобы послушать знаменитого испанского тенора Мануэля Гарсиа в партии Альмавивы или партии Дон Жуана. Виардо не мог даже и представить себе тогда, что когда-то станет директором именно этого театра и женится на дочери именно этого тенора.

Так случилось, что студент, который готовил себя к профессии адвоката, начал свою карьеру в совершенно иной области. В 1823 г. он был принят на должность интенданта в знаменитую экспедицию «100000 сыновей святого Людовика», которой руководил герцог Ангулемский. Ее целью было восстановление на троне Испании короля Фердинанда VII, который был на три года отстранен от дел после восстания полковника Риего[2]. Впечатления от этого путешествия в Испанию переданы в первой книге Луи Виардо «Письма испанца» («Lettres d'un Espagnol»), которая вышла в двух томах 1826 г.

Луи Виардо. 1883

Он пережил чувство глубокого разочарования, открывая Андалузию, лежащую в руинах, и невежественный народ, закабаленный феодальным строем. Адвокат по призванию, Виардо поспешил найти возможное решение. Он думал прежде всего о демократизации страны и полагал, что «Испании, отстающей в своем общественном развитии, следовало бы воспользоваться опытом других стран... ей необходимо раз и навсегда уничтожить гидру инквизиции и теократической власти; ей следовало бы сделать монахов мирянами, а монастыри преобразовать в мастерские; ей нужно было бы упразднить майораты, привилегии и облегчить раздел земель; ей необходимо просвещать народ, чтобы смягчить его нравы и в то же время внушить права и обязанности; ей необходимо, наконец, дать возможность избранным представителям участвовать в работе органов высшей власти, в издании законов и установлении пошлин. И тогда все увидят, как эти новые институты точно спасительный бальзам залечат застарелые раны, губящие страну». Думая о необходимости прогресса в испанском обществе, Виардо хорошо понимал, что реформы, которые он проповедует, должны осуществляться с учетом традиций страны. «Напрасно пытаются, — говорит он нам, — найти средство примирить интересы народа с сохранением в силе королевской власти. Боятся любого народного представительства. Ведь оно, говорят, будет обеспечиваться посредством избранных депутатов. <...> Коль скоро боятся представительской ассамблеи, что, кроме всего прочего, является явным свидетельством истинного состояния общественного мнения, то, может быть, следовало бы найти в существующих обычаях страны какой-либо институт, который мог бы сначала заменить ассамблею, который постепенно приучал бы народ к новым политическим нравам и который руководил бы правительством, не вызывая его опасений? Мне представляется, что этой цели можно достичь учреждением провинциальных ассамблей, или хунт. Слово “хунта” имеет в Испании магическое значение. Главные хунты, провинциальные хунты, хунты кантонов, хунты коммун формировались в ней спонтанно, действовали беспрепятственно, соблюдая порядок, единение; и во все времена они были спасением от опасностей, грозивших родине. Я не могу поверить в то, что хорошо сформированные провинциальные ассамблеи, целью которых будет установление и деление пошлин, распределение общественных средств и просвещение правительства относительно нужд, интересов, чаяний страны, не смогут стать для трона лучшими советниками, нежели камарилья фанатиков и честолюбцев».

С того времени Виардо погрузился в изучение истории Испании и опубликовал в различных парижских периодических изданиях ряд исчерпывающих статей, которые в 1835 г. он собрал в книге, получившей название «Исследования по истории учреждений, литературы, театра и изящных искусств в Испании» («Études sur l'histoire des institutions, de la littérature, du théâtre et des beaux-arts en Espagne»). Следует заметить, что эту книгу открывает исследование по истории национальных ассамблей в Испании, свое видение которых он дал в «Письмах испанца»; это исследование было опубликовано в апреле 1834 г. в издании «Республиканское обозрение» («Revue Républicaine»). В «Исследованиях об Испании» можно найти и несколько страничек, посвященных баскским провинциям, в дальнейшем Виардо разовьет свое суждение в обширной статье, опубликованной в «Независимом обозрении» («Revue Indépendante») в декабре 1841 г. Следует уточнить, что первые статьи Виардо об Испании публиковались в издании «Глобус» («Le Globe») начиная с 1828 г. за подписью Y., что, разумеется, затруднило идентификацию автора.

Виардо в те времена, когда был молод и не женат, участвовал в революционной деятельности. В июле 1830 г. он занял префектуру полиции вместе с Ашилем Рошем, одним из своих коллег по изданию «Глобуса». Тот день, когда он был «префектом полиции» описан в деталях в его рассказе «Воспоминания о 1830 годе» («Souvenirs de 1830»)[3]. Во время той же Июльской революции Виардо был тесно связан с испанскими эмигрантами, которые выступали против тиранического режима Фердинанда VII. В сентябре он стал членом и секретарем революционного комитета в защиту Испании. Позднее, в 1842 г., в трех статьях, которые он опубликовал в «Независимом обозрении», Виардо высказался в поддержку свободной Испании и осудил правительство Луи-Филиппа, которое относилось к ней враждебно. Приблизительно в это время он поддерживал дружеские отношения с либеральными политическими деятелями Мендисабалем и Олозага.

В 1848-м и 1871 г. Виардо не был во Франции. Что касается Парижской коммуны, то Виардо выразил свое негодование по поводу массовых убийств. Он считал, что за одним злом последовало другое, что город оказался во власти толпы и что все было дозволено. Он переживал горестное чувство, вспоминая о бунте чернокожих невольников во французской колонии Сан-Доминго, которые убивали белых, и думая об опасности подобного бунта русских крепостных против их господ накануне реформы 1861 г.[4]. Толерант-

ный Виардо хотел бы жить при подлинно демократическом режиме, при котором уважались бы личные свободы. Он был противником кровопролития. Скептически относившийся к любым формам правления, Виардо был в политике, как и в религии, нигилистом.

Я хочу вернуться к его деятельности испаниста. В 1830-е гг., то есть до женитьбы, Виардо серьезно увлекся изучением испанской истории и литературы. В 1830 г. он перевел «Историю де ла Монья Альферес» («Histoire de la Monja Alférez») доньи Каталины де Эраузо, а в 1835–1838 гг. — пять томов графа де Торено «Историю восстания, войны и революции в Испании 1808–1814 гг.» («Histoire du soulèvement, de la guerre et de la révolution d'Espagne de 1808–1814»). В 1833 г. он издал новую книгу «Эссе по истории арабов и мавров в Испании» («Essai sur l'histoire des Arabes et des Mores d'Espagne»), дополненный вариант которой он напишет в 1851 г. За эту книгу Виардо был удостоен звания почетного члена Испанской академии; по словам Мартинеса де ла Роза, его постоянного секретаря, он нашел ключ к истории Испании. Виардо был также членом Королевской академии истории Мадрида и командором ордена Карла III[5].

Виардо высоко оценивал роль писателя в обществе и выразил это в письме к другу Ивану Тургеневу в связи со своей книгой об арабах, запрещенной в России: «Я был и остаюсь писакой несмотря на жестокие преследования, которым еще долго, наверное, будет подвергаться вся литература от толстых книг до сиюминутных газетных листков... Что касается "Арабов", то я весьма удручен тем, что эти несчастные изгнанники юга Европы стали еще и изгнанниками севера. Где же могут найти убежище истина и справедливость?»[6] Несмотря на минувшие долгие годы, нас волнует голос этого честного человека и гуманиста.

Велика заслуга Виардо и в том, что он понял: миссия писателя — находиться в оппозиции. Эта прогрессивная мысль выражена им в 1842 г. в только что основанном им вместе с Пьером Леру и Жорж Санд «Независимом обозрении». Мы находим эту мысль в предисловии к его переводу «Лазарий де Тормес» («Lazarille de Tormes»). Он считает, что Lazarille «в политической истории Испании являл акт оппозиции, бунт вслед за великим восстанием comuneros; и в этом видна одна из тех редких искр, которые протестантизм разжег издалека в этой стране и которые вскоре потерялись в кострах инквизиции»[7].

В 1836–1837 гг. Виардо опубликовал свой перевод «Дон Кихота». Он вышел в двух томах у Дюбоше с примечаниями и статьей

«Заметки о жизни и творчестве Сервантеса» («Notices sur la vie et les ouvrages de Cervantes»). Издание украсили иллюстрации Тони Жоанно. Этот перевод, гораздо более точный, нежели предыдущие, выдержал множество переизданий. Хочу напомнить, что в 1852 г. тираж разных изданий этого иллюстрированного «Дон Кихота» насчитывал 27000 экземпляров, цифра значительная для того времени. Немецкий перевод «Дон Кихота» вышел в Штутгарте в 1837 г. с тем же предисловием, написанным Виардо, и теми же иллюстрациями Тони Жоанно. Ему было предпослано критическое введение, написанное Генрихом Гейне. Спустя год после первого издания французского перевода вышли английский и итальянский переводы. Предисловие и примечания Виардо были использованы переводчиками. Предисловие известно и в Америке, где его цитирует Жорж Тикнор в своей книге «История испанской литературы» («Histoire de la littérature espagnole»); и равно в России, где он так понравился, что в 1838 г. его использовал Массальский, когда писал биографию Сервантеса, предварив ею перевод с испанского языка «Хитроумного идальго» («Ingénieux hidalgo»).

В завершение я хотел бы отметить еще одно издание романа «Дон Кихот» (на этот раз на испанском языке), которое вышло в Барселоне в 1840 г. с предисловием и примечаниями Виардо, переведенными на испанский язык, но без указания имени переводчика[8].

В 1838 г. Виардо опубликовал свой перевод «Избранных новелл» («Nouvelles exemplaires») Сервантеса, который также переиздается в наши дни[9].

В том же 1838 г. Виардо стал директором Итальянского театра в Париже. В этом театре дебютировала Полина Гарсиа, дочь того испанского тенора, которому Виардо аплодировал в годы своего студенчества; Полина Виардо была младшей сестрой несравненной Малибран, которая ушла из жизни за два года до упоминаемых событий. Что касается Полины, то она не блистала красотой, зато отличалась артистическим талантом и в особенности голосом, тесситура которого была необычайно широкой, так как она могла соединять самое мощное контральто с самым блестящим сопрано. Луи Виардо влюбился в Полину Гарсиа и собирался просить ее руки. Содействие ему оказала (позволю себе это сказать), Жорж Санд, которая считала подобный союз ума и музыкального гения счастливым, или, если воспользоваться формулировкой одного из ее биографов, «союзом, символизирующим двойное устремление к искусству и гуманности»[10].

Злые языки осуждали разницу в возрасте между супругами (21 год). Альфред де Мюссе, в частности, сделал целую серию карикатур на свадьбу Полины и Луи, которая состоялась 18 апреля 1840 г. Несколько этих рисунков можно увидеть в одной из витрин музея в Буживале[11].

Супружескую жизнь Луи Виардо могло бы, пожалуй, омрачать присутствие человека, родившегося под северным небом и влюбленного в звезду сцены. Я имею в виду русского писателя Ивана Тургенева, который в течение сорока лет следовал за семейством Виардо. Он жил у них в замке в Куртавнеле, неподалеку от Розеан-Бри, прежде чем устроиться рядом с ними в Баден-Бадене, куда Луи Виардо со своей семьей переехал в 1863 г., бежав от политического режима Наполеона III. Тургенев последовал за ними в Лондон во время войны 1870 г., позднее он будет занимать этаж в особняке Виардо на улице Дуэ и купит для Полины прекрасное имение в Буживале, где построит для себя небольшой домик. 3 сентября 1983 г. Ассоциация друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран открыла мемориальный музей в том шале, где умер Тургенев, а в особняке, построенном в стиле Директории, принадлежавшем некогда семейству Виардо, создала

Свадьба Луи и Полины Виардо. Карикатура Альфреда де Мюссе

международный центр по изучению культур и литератур XIX в., в котором отдается предпочтение Испании, истории музыки и истории искусства. Этот центр уже получил научную поддержку парижского университета Сорбонна.

Тургенев, преданный рыцарь Полины Виардо, был другом ее мужа. У мужчин была общая страсть — охота, и оба писали о ней. «Записки охотника» — защита в них русского крестьянина содействовала отмене крепостного права в России — вышли шесть лет спустя после книги Луи Виардо «Охотничьи воспоминания» («Souvenirs de chasse»), изданной в 1846 г.

Тургенев и Луи Виардо сотрудничали в области перевода русских авторов. Известны переводы из Пушкина, Гоголя, Тургенева, подписанные Виардо. Но Виардо не знал русского языка; его работа заключалась лишь в том, что он просматривал и редактировал переводы на французский язык. Их передавал ему Тургенев, который был слишком скромен для того, чтобы подписывать их своим именем[12].

После женитьбы Луи Виардо подал в отставку с поста директора Итальянского театра, чтобы стать просто импресарио своей жены, которую он будет сопровождать в ее многочисленных турне по Ев-

Луи Виардо в охотничьем костюме. Худ. К. Шульц. 1847

ропе. И сам воспользуется своим пребыванием в городах — центрах искусства для того, чтобы посещать музеи. Он издал серию путеводителей по европейским музеям, которые пользовались большим спросом в свое время и хорошо, видимо, продавались, поскольку выдержали три издания. Между прочим, Виардо был первым, кто опубликовал во Франции путеводитель по музеям Испании.

Вслед за увлечением Испанией пришло увлечение искусством. Эта двойная страсть Виардо нашла отражение в предисловии к сборнику материалов, который он назвал «Испания и изящные искусства» («Espagne et Beaux-Arts») и который издал в 1866 г. В нем нашла отражение его любовь к Испании, «историю и произведения искусства которой, созданные пером или кистью, он преимущественно изучал». Изящные искусства «были предметом его постоянного интереса и — помимо сердечных радостей — самым большим увлечением» его жизни. Но, уточнит он, «еще больше, чем живопись, я обожал музыку».

Этот коллекционер произведений великих мастеров владел картинами итальянских, испанских, фламандских, голландских художников, пейзажами барбизонской школы. Известно, что он продал музею Лувр «Разделанную бычью тушу» («Le Bœuf

SOUVENIRS

DE CHASSE

PAR LOUIS VIARDOT

PARIS

1859

Обложка книги Луи Виардо «Воспоминания об охоте». 7-е изд., Ашетт, 1859

écorché») Рембрандта, копию которой к нему приходил писать Делакруа. У него были картина Веласкеса и картина Гойи[13]. Ценою многочисленных жертв он приобрел рукопись-автограф «Дон Жуана» Моцарта, перед которой Россини, как говорили, преклонил колени[14]. При распределении должностей, которые он в шутку раздавал в воображаемом королевстве музыки, Моцарт был королем, Бетховен — генералиссимусом, Гендель — министром вероисповеданий, Бах — министром юстиции, Глюк — министром иностранных дел, Вебер — гроссмейстером вод и лесов, Гайдн — генеральным интендантом придворных праздников. Единственная роль, выпавшая на долю итальянца, Россини — ювелир короны. Можно без труда заметить, что Виардо отдавал предпочтение немецкой музыке, а не итальянской. Он ставил Моцарта выше всех других композиторов, Моцарта, в котором свершилось истинное примирение, с которым уже не нужны немецкая поэзия или итальянская скульптура, поскольку он — высшая, неземная музыка, озеро божественной чистоты, в которое впадают две реки — немецкая и итальянская — для того, чтобы соединить в нем свои воды[15].

Виардо искал единое начало в искусствах, единое начало в живописи и музыке. В самом деле, он думал прежде всего о том, как

Фронтиспис первого тома романа Сервантеса «Дон Кихот» в переводе Луи Виардо

с помощью разных видов искусства объединить людей. Он считал, что артисты — почти что благодетели человечества. «Если вдруг когда-то сделают новый календарь, состоящий из новых святых, если дни года поставят под покровительство великих писателей, великих ученых, великих художников, то выберут их из всех наций мира. Дружески смешают моих немцев с вашими итальянцами, с французами, с англичанами и испанцами, с американцами, индусами и китайцами»[16].

Некоторое время спустя после книги «Беседы об искусстве» («Causeries sur les arts») Виардо написал философский трактат, который стал его последней книгой, поначалу называвшейся «Апология неверующего» («Apologie d'un incrédule») и окончательно названной «Свободный экзамен» («Libre examen»). С 1867 по 1881 г. она выдержала шесть изданий. Это копилка цитат разных философов от античности до новых времен.

В конце жизни Виардо переосмыслил идеи своей молодости, когда он мечтал, что социальный прогресс в Испании будет идти через политику. Дожив до преклонных лет, он пришел к выводу, что прогресс немыслим без морали, он мечтал о гармоничном союзе науки и совести, претворение которого в жизнь принесет человечеству счастье.

Семейный склеп Виардо на кладбище Монмартр

Примечания

Опубликовано в Cahiers Tourguéniev. № 8. 1984. P. 5–14.

1 В импровизированном сообщении «Луи Виардо и искусство» Пьер Микель по-новому взглянул на идеи историка в области изящных искусств. См.: Paul Guinard, Dauzats et Blanchard, peintres de l'Espagne romantique. Paris, 1967. P. 132–133.

2 В 1983 г. Испания воздала достойную честь Рафаэлю дель Риего (1784–1823) по случаю 200-летия со дня его рождения. Профессор Альберто Гиль Новалес организовал Международный симпозиум в университете Комплютенс в Мадриде.

3 Эта статья была опубликована в конце кн.: *L. Viardot*. Espagne et Beaux-arts. Paris, 1866. P. 455–462.

4 Письмо Луи Виардо Ивану Тургеневу от 29 марта 1871 г. NCI. T. II. P. 117–118.

5 См.: Cahiers Tourguéniev. № 8. 1984. P. 9–11.

6 Письмо Луи Виардо Ивану Тургеневу от 11 января 1852 г. в кн.: NCI. T. II. P. 110–111.

7 *L. Viardot*. «Lazarille de Tormes» // Revue Indépendante. T. V (novembre 1842). P. 415. См.: R.Guise. La fortune de «Lazarille de Tormes» en France, au XIX siècle // Revue de littérature comparée. Juillet–septembre 1965. P. 355.

8 См.: Каталог выставки Луи Виардо. Cahiers Tourguéniev. № 8. 1984. P. 44–46.

9 См. напр.: *Cervantes*, Nouvelles exemplaires, traduction de Louis Viardot. Paris, Le Club Français du Livre, 1967; и прекрасное издание на трех языках одной из новелл Le Jaloux Estrémadurien («Ревнивец Эстемадурьен»), texte français de Louis Viardot. Éditorial Castalia, 1945.

10 *Madeleine L'Hopital*. George Sand et ses amis Viardot // Cahiers Tourguéniev. № 3. P. 28.

11 См. карикатуру Альфреда де Мюссе.

12 См: *Michel Cadot*. Le rôle de Tourguéniev et de Louis Viardot dans la diffusion de la littérature russe en France // Cahiers Tourguéniev. № 5. P. 51–62.

13 См.: Каталог выставки Луи Виардо. Cahiers Tourguéniev. № 8. 1984. P. 44–46.

14 См.: Cahiers Tourguéniev. № 2.

15 *L. Viardot*. Causeries sur les arts // Espagne et Beaux-arts. P. 380–425.

16 Ibid. P. 424–425.

Пер. Л. Серёжкиной

Поль Виардо
(1857–1941)

Сто лет, почти день в день, отделяет день рождения Луизы Виардо от дня смерти ее брата Поля[1]. Эта двойная годовщина оправдывает появление второго очерка об отношениях Поля Виардо с Тургеневым. Пьеретта Виардо, невестка Поля, уже посвятила ему статью, опубликованную в 1982 г.[2] Естественно, она вытянула все сведения из своего мужа Жака-Поля Виардо (1908–1990), который всю жизнь чтил память своей знаменитой семьи, особенно память своей бабушки Полины и отца Поля.

Из-за отсутствия архива, унаследованного после смерти их матери Клоди и Марианной Виардо[3], Жак-Поль собирал все, что смог обнаружить, о Малибран, Полине Виардо, Тургеневе и их окружении. Он отдал в Национальную библиотеку рукописи, принадлежавшие его отцу; в основном там можно найти, как и следовало ожидать, переписку музыкантов с Полем Виардо и только два письма Тургенева[4]. Жак-Поль Виардо завещал Ассоциации друзей Ивана Тургенева часть своей библиотеки, имеющую отношение к Тургеневу и Луизе Виардо, а также документы, фотографии и несколько любопытных предметов[5].

У Жака-Поля Виардо была привычка снабжать примечаниями издания, которые он получал, и вкладывать в свои книги письма, которыми он обменивался с авторами. Его критические замечания делают ему честь: он опасался, что люди будут распространять как неизменную истину сплетни, повторяемые десятилетиями. Все же он и сам не избежал ошибки. Так, нас постоянно уверяли в том, что Тургенев подарил Полю Виардо скрипку Страдивари. Ну а письмо Полины Виардо, находящееся в личном архиве ее внука, позволяет отрицать это утверждение.

«Благодарю тебя, моя милая Лотта, за твой перевод статей и за фотографию Поля... Мы ожидаем приезда оригинала завтра, и я буду очень рада увидеть его, его шубу и его новую скрипку, прекрасного Страдивари, которую я ему купила. Он нашел ее в Стокгольме»[6].

Без сомнения, для Жака-Поля Виардо столь ценный подарок свидетельствовал о глубокой привязанности, даже о возможном родстве. Жак-Поль, унаследовавший сомнения своего отца, высказал нижеследующее публично и без обиняков: «Мы не знаем, говорил ли Поль Виардо г-ну Семенову, что он считает себя сыном великого русского писателя, но зато мы утверждаем, что он всегда говорил своему собственному сыну Жаку-Полю, что он абсолютно не знает, кто его настоящий отец, и что он семь раз дрался на дуэли, так как в его присутствии оскорбляли честь его матери, обвиняя ее в возможном адюльтере»[7].

Безграничная радость, которую Тургенев проявил при известии о рождении Поля, дает повод принять версию об адюльтере[8]. Среди ее приверженцев — Евгений Семенов, биограф Полинетты Тургеневой. Семейство Золя осведомило этого критика в том же духе[9]. Дочь Поля Алиса утверждала, будто ее отец был уверен

Поль Виардо. 1882

в том, что он — сын Тургенева[10]. Она даже опубликовала эти заявления в одной книге, которую ее единокровный брат Жак-Поль заставил пустить под нож[11]. Похоже также, что Поль поддерживал сердечные отношения с Полинеттой, дочерью Тургенева, и что он был на ее стороне в судебном процессе против собственной матери Полины Виардо: в 1884 г. Полинетта отстаивала свои права на наследие отца.

Конечно, Поль порой ощущал себя больше Тургеневым, чем Виардо. Фактически между ними никогда не было никакого настоящего диалога и нет никаких следов переписки, за исключением трех сохранившихся писем. Несостоявшаяся «встреча» Тургенева с Полем Виардо имела губительные последствия и нанесла молодому человеку глубокую психологическую травму.

Пора детства, столь важная для расцвета личности, оставила у него скорее приятные впечатления. В тоне первой главы его воспоминаний чувствуется некоторое согласие между Тургеневым (50 лет) и Полем Виардо (11 лет), двумя единственными плохими актерами оперетт, представленных в Баден-Бадене[12]. Впрочем, это согласие возникнет вновь, когда Тургенев поручит вниманию Поля дам из Санкт-Петербурга, за которыми надо было поухаживать, для того чтобы извлечь выгоду из их обширных связей[13].

Привязанность, которую Тургенев испытывал по отношению к Полю, не будучи чрезмерной, все же, казалось, была постоянной и глубокой и могла походить на родительское чувство. Но Тургенев испытывал похожие чувства и к остальным детям мадам Виардо, особенно к Клоди. Два его признания хорошо раскрывают природу этой привязанности. Вспоминая огорчение маленького Борисова, ровесника Поля, покидающего родительский дом, чтобы ехать на учебу в Москву, Тургенев сравнивает его переживания с переживаниями сына Полины Виардо, собирающегося после каникул поступить в лицей в Карлсруэ[14]. И это истинная правда: Поль Виардо подтверждает это в своих «Воспоминаниях артиста». Ну, а в следующем году псевдородительские чувства изливаются уже на сестру Поля: «Мой друг Борисов находится здесь с сегодняшнего утра вместе со своим сыном — очаровательным созданием 11 лет — вот голова, которую ты с удовольствием изобразила бы: у него чрезвычайно большие глаза, блестящие и выразительные. И кроме того, мне очень смешно видеть, до какой степени отец его обожает; это порождает между нами нечто вроде равенства или товарищества, потому что я такой же

и умею обожать, как и он, не так ли? Тебе ведь об этом кое-что известно? (не забывая о моем дне рождения)»[15].

Похоже, что психологическая травма была нанесена Полю в период его возмужания. В начале 1870 г. Тургенев замечает постоянные отлучки мальчика, оставшегося в Баден-Бадене в разгар войны со своим старым отцом: «Кажется, Поль — в последнее время — не вылезал от Дерров; он бегал по городу с утра до вечера: эта привычка болтаться без дела опасна — особенно для него. Мадемуазель Берта говорила об этом со священным ужасом... она почти готова была сказать, что его лучше отослать к господину Коссману»[16].

Ухудшение его поведения отмечено тремя годами позже: «Поль очень дерзок, порою несносен — но из него вырабатывается большой скрипач»[17]. Постоянно из-под пера писателя проступает эта двойственность — талант музыканта и трудный, неустойчивый характер, такой же, как у его сестры Луизы. Должно быть, к этому времени в семье с ним происходили тягостные сцены, на которые в завуалированной форме делает намеки в своем завещании Луи Виардо (ему в то время было 75 лет). Мы полностью воспроизводим этот не публиковавшийся ранее и очень трогательный документ.

Поль Виардо в возрасте шести лет

Вот мое завещание.

У меня нет никакого способа высказать моей горячо любимой жене мое глубокое почитание и признательность за тридцать пять лет мира и счастья, которыми я ей обязан. Я только прошу ее принять в память о нашем долгом союзе мои картины, рисунки и гравюры, мои книги, мое оружие и мебель. Она может раздать кое-что из этих личных вещей на память моим сестрам, брату, зятьям, своему брату Мануэлю, нашим самым близким друзьям, начиная с Ивана Тургенева, и сохранить остальные для наших милых четверых детей, нашего внука и нашей внучки.

Для того чтобы обеспечить моей горячо любимой Полине в ее обязанностях и трудах по опекунству все возможное спокойствие и, более того, помощь мудрого советчика — как и для того чтобы передать в надежные и умелые руки управление имуществом наших детей, если она скончается до того, как все четверо достигнут совершеннолетия — я настоятельно рекомендую своему поверенному (не сомневаясь в том, что он уважает мою предусмотрительность и желание как отца) освободить моего брата от обязанностей второго опекуна.

Я прошу поверенного семьи при необходимости поручить эти обязанности либо моему зятю Мануэлю Гарсиа (если он в это время будет жить во Франции), либо моему родственнику и другу Адольфу Жоанну, либо Луи Поме, Жюлю Симону, Анри Мартену или иному другу нашей семьи, но при категорическом отстранении моего брата.

Я прошу мою жену продолжать выплачивать пожизненную пенсию, которую получали от меня мой брат и моя сестра Берта. Не зная, будет ли к моменту моей кончины состояние [2 помарки], которым я располагаю, достаточным для выплаты этой пенсии, я все же уверен, что моя жена и, в случае надобности, мои дети сочтут своим долгом и удовольствием исполнить эту мою последнюю волю.

В моем портфеле будет найдена записка, объясняющая ситуацию с моим очень скудным состоянием и с куда более значительным состоянием Полины, а также с ценностями, принадлежащими моей дочери Марианне лично и по дарственной.

Мое тело можно похоронить в склепе на кладбище дю Нор в Париже, где уже похоронены моя мать и моя сестра

Жени, если только моя жена не предпочтет выбрать другое место семейного погребения для себя и для меня. Однако в любом случае я хочу, или, скорее, решительно настаиваю, чтобы обряд моего погребения был чисто гражданским, без священника и без религиозной церемонии; если же после моей кончины будет возможно произвести кремацию, я бы предпочел захоронению ее.

Мне нет необходимости советовать моим детям, даже моему сыну Полю, сохранять по отношению к их матери уважение и нежность, которые я ей всегда оказывал и которые она так ценила.

Париж, двадцатое февраля 1875 г.

Луи Виардо

Два зачеркнутых слова недействительны. Л.В.[18]

Как раз с 1875 г., даты написания завещания, и до 1879 г. мы не располагаем никакими письмами Тургенева к Полине Виардо, поэтому откровенные признания относительно Поля следует искать в переписке писателя с Клоди.

«То, что ты говоришь о Поле, удручает меня. Очевидно, есть в нем какой-то органический недостаток, и поскольку он сам необуздан и своеволен, он не будет ничего предпринимать для того, чтобы предупредить несчастные случайности и заботиться о своем здоровье. Я опасаюсь, что он предается излишествам; я уверен, что он пьет “свободно” вино и пиво и т.д. Ему бы следовало вернуться на некоторое время в “Ясени”: там он почти не развлекается сам и не развлекает других, но именно эта спокойная скука и пойдет ему на пользу»[19].

Два с половиной месяца спустя желание Тургенева осуществилось: Поль приезжает в Буживаль; ему двадцать лет, но его поведение не отвечает всеобщему ожиданию.

«Поль здесь со вчерашнего дня, но ему скучно здесь с первого же получаса. Вот вполне самодовольный малый, который не в состоянии справиться сам с собой. Я согласен, молодой человек не создан для одиночества, но это плохой знак, когда он не может ни вынести одиночества, ни извлечь из него пользы, занявшись всерьез своей работой. В конце концов, он усвоил эту привычку; нужно, чтобы он — он тоже — следовал своему предназначению — до конца»[20].

Вспоминается подобное замечание, сделанное Тургеневым по поводу Луизы: «она никогда не бывает такой, какая она на самом

деле»[21]. То, что Тургенев называет «органическим недостатком», мы теперь называем генами, которым писатель и вменяет в вину пороки молодого человека: праздность и пристрастие к алкоголю.

В 1882 г. Тургенев, очень больной, выражает свою горечь, вспоминая маленького мальчика прошлых лет, который был его партнером в «Последнем чародее»: «Я видел тебя в роли королевы эльфов, я слышал твой голос — до малейших интонаций — и всех остальных: и Поля, который не был теперешним Полем. (N.B. Его теперь совсем не видно)»[22].

Через несколько месяцев у Тургенева возникнет чувство отвращения. В одной из последних записей в его дневнике можно найти такие строчки: «Paul совсем ошалел. Уезжает с каким-то пройдохой, певцом *Миранда* (?!!) dans une tournée[23]. По ночам пропадает, груб, как боров, несет от него вином... Я на него рукой махнул»[24].

Несмотря на свою сдержанность относительно Поля, Тургенев наблюдал за его успехами в карьере скрипача, как он наблюдал и за Луизой. Он аплодирует Полю Виардо на его первых выступлениях в цирке Паделу, где тот в присутствии 4000 слушателей исполняет первый концерт Мендельсона[25]. Конечно же, только благодаря Тургеневу Людвиг Пич, его немецкий друг, соглашается написать хвалебную статью о Поле Виардо[26]. Известно о гневном возмущении Флобера, вызванном тем, что его русский друг отменил назначенную встречу, так как он должен был присутствовать на одном из концертов Поля Виардо: «Ваши объяснения мне кажутся смешными, мой милый друг. Например, мне кажется, что молодой Виардо может играть на скрипке без вас и что ваше присутствие не является для него необходимым»[27].

Флобер, который осуждал добровольную зависимость Тургенева от Полины Виардо, все же и представить себе не мог, насколько тесно тот был слит с этой семьей. Вот что писала мадам Виардо Тургеневу как раз по поводу этого концерта: «Я постоянно думаю о Марианне и о том, каким развлечением будет для нее побыть здесь... Я надеюсь, что концерт Поля не утомит ее голос. Ну, и каков был результат концерта? Была ли какая-нибудь статья? Присутствовали представители прессы? Каков был чистый доход? 12 франков 50 сантимов за номер?»[28]

Тургенев с большой тщательностью подготовил концертное турне, которое Поль Виардо должен был совершить по России. Он вручил ему семь рекомендательных писем и очень сожалел о том, что Поль не встретился в Санкт-Петербурге с одним очень

влиятельным человеком, Виктором Гаевским, адвокатом французской дипломатической миссии в российской столице. Им не удалось увидеться во время пребывания Гаевского во Франции[29]. Судя по списку лиц, который получил Поль, похоже, что Тургенев просто забыл Гаевского[30]. Этот факт, с виду совершенно обычный, интересен тем, что показывает, с какой настойчивостью Тургенев старался помочь молодому человеку.

Случай для дебюта Поля Виардо за границей не был столь благоприятен: как раз в это время в России находился Пабло де Сарасате, и Тургенев предвидел сдержанность публики.

«Почва для приезда Поля — в будущем году — здесь хорошо подготовлена. Но этот малый не может перестать мямлить! Здесь не стоит рассчитывать на недостаток музыкального слуха у публики... это становится затруднительным»[31].

Критика была полезна для музыканта, носившего такое прославленное имя: «Этот виртуоз сразу привлекает внимание своей хорошей школой, благородством звука, легкостью и уверенностью исполнения. Элегантность и пикантность придают его игре чрезвычайно симпатичный оттенок, но в его исполнении нет сильных порывов; виртуоз производит впечатление очень приятное, но не особенно глубокое»[32].

Увы, Поль Виардо заставил заметить себя своей эксцентричной манерой держаться и скандальным поведением в салоне княжны Барятинской, которой его тепло рекомендовал Тургенев.

«Это был ужасный тип, настоящий мерзавец, дерзкий, наглый; я помню, у него на правой руке был серебряный перстень, с него свешивались маленькие колечки, которые все время поблескивали, когда он двигал своим смычком. Ничто ему не нравилось: ни публика, ни акустика, ни место, где он должен играть, ни аккомпаниаторша. Он изливал все свое недовольство на бедняжку Малоземову; в конце концов, дойдя до белого каления, он раскрыл перед ней партитуру Сен-Санса и начал играть в таком головокружительном темпе, что бедная Софья Александровна, ученица Рубинштейна, одна из лучших преподавателей Петербурга, читая с его листа, едва-едва поспевала за ним. Внезапно он бросил свою скрипку на фортепиано. “Если вы хотите, чтобы я играл, подготовьте, по крайней мере, хорошего аккомпаниатора!” Присутствующие окружили мадам Малоземову; Виардо продолжал выражать свой гнев»[33].

Поэт и художник-любитель Яков Полонский, без сомнения, прослышал об этой истории. Когда Тургенев попросил его при-

слать ему в Буживаль картины, которые Полонский написал в Спасском, тот воспротивился из опасения, что они могут попасть в руки Поля Виардо: «Если ты воротишься в Россию и, почувствовавши облегчение, не захочешь вернуться в Париж — не попадут ли мои картинки из Буживаля куда-нибудь в переднюю или столовую к юному скрипачу Виардо — для которого они не будут иметь никакого значения?»[34]

Тургенев спешит успокоить друга: у Поля Виардо всего одна комната, а Буживаль для писателя такое же постоянное жилище, как и Спасское[35]. К тому же, он вышлет ему свидетельство на возвращение картин в случае его кончины.

Мадам Виардо не отвечает на просьбу Полонского, тогда он обращается к художнику Боголюбову: «Мог ли думать, что виды Спасского и того сада, где Тургенев провел свое детство, будут со временем в передней или будуаре какой-нибудь французской кокотки или любовницы знаменитого скрипача, от всей души презирающего все русское?»[36]

Годы шли, и Поль помирился с матерью, как об этом свидетельствуют нежные письма, которые он ей посылал и одно из которых было опубликовано в наших «Кайе»[37].

Поль Виардо и его дети Жак-Поль и Алиса

В 1910 г., в год смерти Полины Виардо, ее сын издает книгу воспоминаний, где намеки на Тургенева встречаются редко. В 1912 г. Андре Мазон, прочитав книгу, обращается к Полю Виардо, чтобы получить сведения о Тургеневе. Скрипач отсылает его к своей сестре Клоди, которая, по его словам, единственная способна объяснить «поступки и действия» ушедшего из жизни писателя[38].

Поль Виардо находился на вершине своей карьеры скрипача международного класса. Он был дирижером парижской Оперы и занимался сочинительством[39]. Он написал две книги по истории музыки. Последний представитель семьи великих музыкантов окончил свои дни в Алжире в возрасте 84 лет в должности временного директора консерватории этого города.

Примечания

Опубликовано в Cahiers Tourguéniev. № 15. 1991. P. 123–132.

1 Луиза родилась 14 декабря 1841 г., Поль умер 11 декабря 1941 г.

2 См.: *Viardot Pierrette*. Un grand violoniste: Paul Viardot // Cahiers Tourguéniev. № 6. P. 45–68.

3 Похоже, что Поль Виардо отдал свою часть обеим своим сестрам в обмен на денежную компенсацию.

4 Они были опубликованы вместе с третьим письмом, принадлежавшим Алисе Виардо (1889–1973) в LI. P. 243–244, 303–306.

5 См.: Cahiers Tourguéniev. № 14. 1990. P. 158.

6 Неопубликованное письмо Полины Виардо к Шарлотте Валантен. Париж, 23 ноября 1879 г. Старинная коллекция Жак-Поля Виардо.

7 Cahiers Tourguéniev. № 10. 1986. P. 193–194.

8 См.: Письмо Тургенева к Полине Виардо, написанное после ее родов, датируется Зинцигом (Германия) 24 июля 1857 г. (NCI. T. I. P. 87–88).

9 См.: *SØnØnnoff*, La vie douloureuse d'Ivan Tourguéniev. Paris. 1993. P. 43.

10 Ibid. P. 54. Биограф Полины Виардо Гюстав Дюлон приводит утверждения Семенова и Поля Виардо для того, чтобы возразить им. (См.: Dulong G. Pauline Viardot, tragédienne lyrique, éd. Association des Amis d'Ivan Tourguéniev. 1987. P. 88–89).

11 Desternes Suzanne et Chandet Henriette avec collaboration d'Alice Viardot. Paris. Fayard. 1969. На суперобложке книги можно прочитать, что Алиса Виардо является «внучкой Полины Виардо и Тургенева» и что певица была «любовницей Тургенева, матерью его ребенка».

[12] См.: Письмо Тургенева к Наталье Рашет от 20 сентября / 2 октября 1868 г.: «Театральные наши представления поневоле прекратились, так как один из главных наших актеров, маленький Paul Viardot, находится в Карлсруэ для приготовления в лицей» (Тургенев. Письма. Т. VII. 1964. С. 215–216).

[13] См.: Письмо Тургенева к Полю Виардо от 6 января 1881 г. LI. P. 303.

[14] См.: Письмо Тургенева к И.П. Борисову от 25 сентября / 7 октября 1869 г. (Тургенев. Письма. Т. VIII. 1964. С. 90).

[15] Письмо Тургенева к Клоди Виардо от 15 июня 1870 г. NCI. T. I. P. 255.

[16] Письмо Тургенева к Полине Виардо от 20 февраля 1871 г. (Ibid. T. I. P. 179).

[17] Письмо Тургенева к Людвигу Пичу от 23 марта / 4 апреля 1873 г. (Тургенев. Письма. Т. X. 1965. С. 86); см. также письмо Тургенева к Клоди Виардо от 5 июля 1873 г. из Карлсбада: «Вы уже играли на бильярде? Только бы он не стал главным занятием Поля!» (NCI. T. I. P. 261).

[18] BN. Papiers Viardot, nouvelles acquisitions françaises. 16278, f. 74–75.

[19] Письмо Тургенева к Клоди Виардо от 9/21 июня 1877 г. из Санкт-Петербурга. (NCI. T. I. P. 277).

[20] Письмо Тургенева к Клоди Виардо от 9 сентября 1877 г. из Буживаля. (LI. P. 271).

[21] *Zviguilsky A.* Louise Héritte-Viardot // Cahiers Tourguéniev. № 15. 1991. P. 104.

[22] Письмо Тургенева к Клоди Виардо. Буживаль от 13 августа 1882 г. (LI. P. 290).

[23] в турне — *фр.*

[24] Последний дневник Тургенева. Публикация И.С. Зильберштейна // Литературное наследство. Т. 73. Кн. 1. С. 394.

[25] См. письма Тургенева к Анненкову и к Людвигу Пичу от 11/23 и 13/25 ноября 1876 г. (Тургенев. Письма. Т. XI. 1966. С. 350; Т. XII. Кн. 1. 1966. С. 5).

[26] См.: Письмо Тургенева к Людвигу Пичу от 16/28 декабря 1876 г. (там же. С. 37).

[27] Письмо Флобера к Тургеневу от 27 апреля 1879 г. из Круассе. (Flaubert G.–Tourguéniev I. Correspondance. Éd. A. Zviguilsky. Flammarion, 1989. P. 265.)

[28] Письмо Полины Виардо к Тургеневу от 2 мая 1879 г. (NCI. T. I. P. 361).

[29] Письмо Тургенева к В.П.Гаевскому от 13/25 августа 1880 г. (Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 2. 1967. С. 297).

[30] См.: Письмо Тургенева к Полю Виардо от 6 января 1881 г. (LI. P. 303–304).

[31] Письмо Тургенева к Полине Виардо от 10/22 апреля 1880 г. из Санкт-Петербурга (Ibid. P. 225).

[32] Статья Н.Ф. Соловьева в «Новостях Санкт-Петербурга». 24 января / 5 февраля 1881 г. Поль Виардо играл произведения Моцарта, Шумана, Чайковского и Годара.

[33] *Волконский С.* Мои воспоминания. Берлин, 1923. С. 105–106.

[34] Письмо Я.П. Полонского к Тургеневу от 1/13 сентября 1882 г. цит. по: Фонякова Н.Н. Спасское-Лутовиново в этюдах Я.П.Полонского // Литературное наследство. Т. 76. 1967. С. 618.

[35] См. письмо Тургенева к Я.П. Полонскому от 6/18 сентября 1882 г. (Тургенев. Письма. Т. XIII. Кн. 2. 1968. С. 32.)

[36] Письмо Полонского к А.П. Боголюбову от 3 января. Цит. по: Фонякова Н.Н. Указ. соч. С. 622.
Полина Виардо вернула художнику семь картин из тринадцати.

[37] См.: Cahiers Tourguéniev. № 10. 1986. P. 194.

[38] См.: NCI. T. I. P. XVII.

[39] См.: Cahiers Tourguéniev. № 6. 1982. P. 83. Соната № 3 для скрипки и фортепиано Поля Виардо была исполнена 18 мая 1982 г.

Пер. Т. Ждановой

Тургенев и Мария Малибран

Тургенев знал о Марии Малибран только по рассказам ее близких: сестры Полины и ее мужа Луи Виардо. Без сомнения, молодому Тургеневу поведали трагическую историю этой гениальной певицы, умершей в самом расцвете юности, его новые знакомые — Луи и Полина Виардо, которая три сезона подряд выступала на сцене Большого театра в Санкт-Петербурге (1843–1846). Начинающему писателю запомнились именно два эти факта: гениальность и преждевременная смерть.

Имя Малибран впервые упоминается Тургеневым на листке, датированном 14 декабря 1848 г., где перечислены без всякой связи имена ушедших и живущих знаменитостей, среди которых странным образом присутствует имя Малибран, но отсутствует имя ее сестры. Этот автограф находился в парижском салоне немецкого революционера-изгнанника Георга Гервега[1]. Действительно, лишь год спустя, только после блистательного исполнения партии матери в «Пророке» Мейербера Тургенев поставит Полину Виардо в один ряд с Марией Малибран[2].

Известно, что, отправившись в 1845 г. во Францию, Тургенев остановился у своих друзей Виардо в замке Куртавнель, недалеко от Розе-ан-Бри.

Воспоминания о Куртавнеле встречаются впервые, начиная с марта 1847 г., в одном из первых рассказов сборника, который получит название «Записки охотника». Это третий по счету охотничий рассказ, озаглавленный «Мой сосед Радилов», действие которого, хотя внешне и происходит в России, на самом деле переносит нас в куртавнельский парк. Со времени первого визита Тургеневу запомнились великолепные липы, располагавшиеся

неподалеку от прилегающей к замку фермы. Несколько лет спустя он предложит г-же Виардо произвести некоторые изменения именно в этом месте.

«Я бы снес половину фермы, находящейся возле дома, как здесь показано: все пространство, обозначенное так //// ABCD; с помощью этих материалов я бы отремонтировал Виконте и привел в порядок другую половину фермы <...>, от A до B я возвел бы стену, а великолепные липы и место, где стояла разрушенная половина фермы, все это отойдет к парку. Можно было бы устроить чудесный фруктовый сад вплоть до оранжереи, а среди лип — зеленую беседку, которая, я в этом уверен, станет лучшим местом в саду... Что вы мне на это скажете и что скажет Виардо?» (письмо от 19 июня 1849 г.)[3].

Между тем «Мой сосед Радилов» начинается с похожих наблюдений: «Прадеды наши, при выборе места для жительства, непременно отбивали десятины две хорошей земли под фруктовый сад с липовыми аллеями. Через лет пятьдесят, много семьдесят, эти усадьбы, “дворянские гнезда”, понемногу исчезали с лица земли <...>. Одни липы по-прежнему росли себе на славу <...>. Прекрасное дерево — такая старая липа... <...> Лист на ней мел-

Мария Малибран в роли Дездемоны. Литография Ф. Элиаса. 1836

кий, могучие сучья широко раскинулись во все стороны, вечная тень под ними».

Певец природы пробует свои силы в новом жанре, который принесет ему славу: достоверное полотно деревенской жизни, на котором художник набрасывает то картину нравов, то психологические образы окружающих его людей. «Мой сосед Радилов» относится к этой второй категории и заимствует психологические черты и эпизоды жизни реальных лиц. Имя Радилов является почти полной анаграммой фамилии Виардо[4]: это землевладелец, хозяин поместья, ничем, за исключением имени, не напоминающий мужа Полины Виардо. Что касается этого персонажа, то, создавая его, Тургенев, очевидно, ориентировался на бельгийского скрипача Шарля Огюста де Берио, вдовца Марии Малибран, женившегося, несмотря на огромное горе, во второй раз. Также и Радилов потерял свою жену, с которой прожил три года. Похоже, Тургенев воспользовался биографическими подробностями из жизни Малибран, переданными ему недавно супругами Виардо: известно, что в 1833 г. у Марии родился сын и что 23 сентября 1836 г. она умерла, будучи беременной, — детали, которые фигурируют и в рассказе. Жена Радилова умирает во время родов, ле-

Портрет Марии Малибран.
Худ. Л.Э. Кедес. 1835

том. Сам Радилов тяжело переживает ее смерть, не только сразу после нее, но и много позже, когда встречается с нашим охотником: он «вдруг вздыхал и опускался в кресла, как человек, утомленный тяжкой работой, проводил рукой по лицу. Вся душа его, добрая и теплая, казалось, была проникнута насквозь, пресыщена одним чувством».

Биографы Шарля де Берио единодушны во мнении, что он был сокрушен разлукой с женщиной, которую обожал: после смерти Марии Малибран эта невосполнимая потеря принимает форму навязчивой идеи. Тем не менее, он вскоре снова женился[5], как и Радилов в рассказе Тургенева.

Мать главного героя напоминает Хоакину Гарсиа, мать Марии Малибран: автор меняет местами родственные связи, сохраняя верность прототипу: «старушка небольшого росту, в коричневом платье и белом чепце, с добреньким и худеньким лицом, робким и печальным взглядом».

Наконец, Тургенев создает яркий образ разорившегося помещика, неразлучного с дрянной скрипкой, проживающего в доме у Радилова: здесь автор снова иронически заимствует скрипку де Берио, чтобы отдать ее родственнику Виардо, проживавшему

Мануэль Гарсиа в роли Отелло. Литография Г. Анголман

в замке. Не является ли знаменитый Федор Михеич тем самым «кузеном Теодором», комната которого прилегала к тургеневской?[6]

В 1851 г. Тургенева и Полину Виардо разделяют тысячи километров, и мучительную боль разлуки писатель мастерски выразил языком музыки в рассказе «Три встречи». Безмолвие бледной северной ночи в русской деревне разрывает песня незнакомки, некогда встреченной в Сорренто: «Все в ней дышало уверенностью и отдыхом любви, торжеством красоты, успокоенной счастьем. Она долго не шевелилась, потом оглянулась назад, в комнату, и, внезапно выпрямившись, три раза громким и звенящим голосом воскликнула: “Addio!” Далеко, далеко разнеслись прекрасные звуки, и долго дрожали они, слабея и замирая над липами сада, и в поле за мною, и повсюду. Все вокруг меня на несколько мгновений наполнилось голосом этой женщины, все звенело ей в ответ, — звенело ею».

Как убеждает письмо Тургенева к Полине Виардо от 21 июня 1850 г.[7], слово «addio», печально повторенное незнакомкой в Сорренто, отсылает нас к романсу Марии Малибран «Прощание с Ниццей» («Addio à Nice»). Дата этого письма весьма примеча-

Портрет Марии Малибран. Эстамп неизвестного художника

тельна: писатель окончательно покидает Париж и уезжает в Россию: его охватывает отчаяние при мысли, что он никогда больше не увидит Полину: «Когда-то вы показывали мне арию, сочиненную в ранней молодости вашей сестрой на слова Метастазио: “Ecco il un fiero istante” <“Вот сей плачевный час”>[8]. Помню, что она поразила меня, словно печальное предчувствие. Вот уже несколько дней, как эти слова не выходят у меня из головы. Addio, addio. И вот это слово addio пробуждает во мне другое воспоминание: во время карнавала 1840 года я находился в Риме. Я шел по маленькой, уединенной улице, как вдруг на пороге одного из домов увидел красивую девушку в одежде крестьянки из Альбано, которая держала за руку мужчину, закутанного в коричневый плащ, и, заливаясь слезами, говорила ему: “Addio, addio”. Она произносила это таким проникновенным, таким чистым и в то же время таким грустным голосом, что звук его остался в моих ушах, и мне кажется, что я слышу его и сейчас. Не знаю, зачем я все это вам рассказываю. Addio!»[9].

Печальный звук этого слова навязчиво преследует его всю жизнь. 12 (24) апреля 1859 г. он пишет В.П. Боткину: «Addio, vita, слышал я раз на Корсо, во время Карнавала; молодой женский

Портрет
Шарля Огюста де Берио
Худ. Ланш

голос произнес эти слова — и долго звук их звенел у меня в ушах»[10]. 20 лет спустя, в июне 1879 г., будет написана вариация на ту же тему — стихотворение в прозе «Я встал ночью...».

«Но вдруг где-то вдали возник жалобный звук и, постепенно усиливаясь и приближаясь, зазвенел человеческим голосом — и, понижаясь и замирая, промчался мимо.

“Прощай! прощай! прощай!” — чудилось мне в его замираниях.

Ах! Это все мое прошедшее, все мое счастье, все, все, что я лелеял и любил, — навсегда и безвозвратно прощалось со мною!

Я поклонился моей улетевшей жизни — и лег в постель, как в могилу».

Прощание с жизнью, желанная встреча со смертью, которая будет преодолена вечной любовью, — таковы лейтмотивы творчества стареющего писателя. Михаил Гольдштейн убедительно показал в своей статье[11], что Тургенев намеревался рассказать о разрушенной идиллии Шарля де Берио после ухода Марии Малибран в самом расцвете юности. В свою очередь мы полагаем, что эта история была полностью воссоздана, правда, в своеобразном ракурсе, в одной из последних повестей писателя «Клара Милич. После смерти».

Бюст Марии Малибран работы скульптора Жефа

Реальное происшествие, самоубийство русской певицы Евлалии Кадминой (1853–1881), умершей, как и Малибран, в возрасте 28 лет, послужило поводом или толчком к написанию повести. Имя молодого человека, который влюбляется в Клару после ее смерти, Аратов, снова является почти полной анаграммой фамилии Виардо. Тургенев как будто хочет завершить портрет де Берио, набросанный 35 лет назад в «Моем соседе Радилове». «Биография Клары мною вымышлена, а также и отношение ее к Аратову, типу, сохранившемуся в моей памяти еще со времен молодости»[12]. Нет ли здесь намека на рассказ 1847 г.: «Вся душа его, добрая и теплая, казалось, была проникнута насквозь, пресыщена одним чувством»?

Если повесть 1882 г. действительно представляет историю психоза человека, мучимого навязчивой идеей, которому приданы черты овдовевшего Шарля де Берио (еще не женившегося повторно), то Тургенев мог заимствовать какие-то черты у Марии Малибран, соединив их с теми, которые он мог получить после недавнего самоубийства ее alter ego — Евлалии Кадминой. Смерть Марии Малибран была очень похожа на самоубийство, хотя версия несчастного случая дожила до наших дней. По крайней мере, в повести причина самоубийства остается загадкой, поскольку источ-

Портрет Полины Виардо.
Худ. Нефф. 1842

ники подобного болезненного поступка остаются для трезвомыслящего писателя-реалиста непостижимыми. Напротив, в случае с Кларой Милич все ясно: писатель с удовольствием сравнивает ее с Полиной Виардо, подчеркивая цыганские или еврейские черты лица героини, ее смуглость; героиня носит мантилью; с другой стороны, по примеру Марии Малибран, она певица, обладающая контральто, и актриса. Она плохо ладит с отцом (как Мария Малибран со своим), который пытается выдать ее замуж за купца: намек на Эжена Малибрана очевиден. Она «нетронутая», девственница, какой осталась и Малибран после фиктивного брака с Эженом Малибраном; нет никаких сведений о ее любовных связях[13].

Клара публично признается в любви человеку, которого она видела один раз в жизни, что несколько напоминает признание Марии Малибран в любви Шарлю де Берио после его концерта. Любопытно, впрочем, что в повести ситуация меняется на противоположную: находясь на сцене, Клара влюбляется в зрителя, оставшегося в целом безучастным к ее пению. За сорок лет до этого Тургенев пережил похожее потрясение, увидев Полину Виардо на сцене Большого театра в Санкт-Петербурге. Прядь черных женских волос, которую находят в стиснутой руке умирающего Аратова, неправильный, размашистый почерк (принадлежавший Марии или Полине?) перекликаются с реальными деталями, которые Тургенев, скрупулезный наблюдатель, посчитал нужным внести в свое произведение.

Можно спросить, чем объясняется настойчивый интерес писателя к истории Малибран и Берио: навязчивой идеей, которая проходит почти через всю его человеческую и писательскую жизнь. В конце ее эта одержимость как будто соединяется с эзотерическими течениями и с поисками тайн реинкарнации. Евлалия Кадмина, она же Клара Милич, воплощенная Мария Малибран — все они принадлежат к циклическому движению человеческой комедии, откуда проистекают те проблески истины, которые так восхищали Флобера, увидевшего в некоторых эпизодах жизни Тургенева свой собственный опыт, свои собственные иллюзии.

Примечания

Опубликовано в Cahiers Tourguéniev. № 10. 1986. P. 73–77.

[1] Автограф хранится в Музее поэтов в городе Листаль (Швейцария), факсимиле — в музее Тургенева в Бужи-вале.

2 См. *Тургенев*. Сочинения. Т. 4. 1980. С. 455–459.

3 Тургенев. Письма. Т. 1. 1982. С. 302.

4 ВИАРДО складывается в РАДИЛОВ. 30 лет спустя Тургенев найдет для м-ль Бларамберг, гостившей в то время в доме у Виардо в Буживале, литературный псевдоним АРДОВ, составленный из части фамилии хозяев (см. предисловие к изд.: *Ardov E.* Essais sur l'Asie Centrale. Shanghaï, 1935).

5 Второй женой Шарля де Берио в 1840 г. стала Мари-Луиза Юбер (Hueber), дочь венского судьи, которая родила ему сына.

6 См. письмо Тургенева к Полине Виардо от 4/16 мая 1850 г. (Тургенев. Письма. Т. 2. 1987. С. 20.)

7 См.: там же. С. 23–26.

8 Романс «Прощание с Ниццей» («Addio à Nice») вошел в изданный посмертно альбом музыкальных сочинений Марии Малибран под редакцией Шарля де Берио: Dernières pensées musicales de Marie Félicité Garcia de Bériot Paris: Troupenas, 1837. № 7. См. также статью: *Lesure F.* Maria Malibran, compositeur // Cahiers Tourguéniev. 1986. № 10. P. 82–86.

9 См.: Тургенев. Письма. Т. 2. 1987. С. 24.

10 Тургенев. Письма. Т. 4. 1987. С. 38.

11 Имеется в виду статья, опубликованная в этом же выпуске «Кайе»: *Goldstein M.* Charles Auguste de Bériot // Cahiers Tourguéniev. 1986. № 10. P. 65–72.

12 Письмо Тургенева к Л. Б. Бертенсону от 19/31 января 1883 г. (Тургенев. Письма. Т. XIII. Кн. 2. 1968. С. 157.)

13 И здесь Тургенев верен прототипу. Считается, что Мария Малибран вела очень целомудренный образ жизни. Теофиль Готье, не знавший о ее связи с Шарлем де Берио, писал 27 июля 1836 г. из Остенде своему другу Эжену Пио: «Женщины совсем не похожи на море, у них слишком много различий; даже относительно границ, поскольку женщины чрезвычайно ограничены и даже недоступны, как г-жа Малибран» (Correspondance générale, éditée par Claudine Lacoste-Veysseyre, sous la direction de Pierre Laubriet. Genève-Paris, Librairie Droz, 1985. P. 72).

Пер. В. Лукиной

Пушкинский талисман: место и смысл тайного в трех новеллах И.С.Тургенева

«Яков Пасынков», новелла, написанная 13–25 февраля 1855 г., занимает место посередине между двух других сочинений Тургенева: «Переписка», завершенная в 1854 г., и «Фауст», появившийся в 1856 г. Все три новеллы объединены общим мотивом переписки. Первая повествует о пятнадцати письмах, которыми обмениваются мужчина и женщина; третья представляет собой «рассказ в девяти письмах». Что касается промежуточной новеллы, которой будет посвящено это исследование, тема переписки занимает центральное место с первых же страниц произведения. Константин Асанов хвалится как трофеем десятью любовными письмами, написанными рукой юной девушки; во время дружеского застолья он демонстрирует их всем окружающим, небрежно кинув письма на залитую шампанским скатерть. Тайна, так бережно хранимая до последнего момента, выставляется на всеобщее обозрение. На первых страницах «Якова Пасынкова» говорится о том, что каждый из нас «что-то прячет глубоко в душе». Несколько листков, испещренных женским почерком на французском языке, приобретают ценность магического предмета, приносящего счастье, некой нити, связующей навеки судьбы двоих. Письма становятся залогом взаимной верности: «Мой дорогой друг Константин... будьте осторожны по-прежнему, а я буду ничья или ваша».

Мы не можем отказать себе в удовольствии упомянуть здесь отрывок из одного письма Пушкина, адресованного его невесте, где мы встречаем похожие слова. И хотя в остальном нет заметного сходства, ибо Тургенев не мог тогда (в 1855 г.) знать переписку поэта с Натальей Гончаровой, которая будет опубликована толь-

ко в 1878 г.: «что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь»[1].

Тургенева не столько интересует клятва любви, сколько ее нарушение во всех зловещих проявлениях. В «Якове Пасынкове» предание огласке тайной любви приводит к разрушению любви, хотя, в конечном итоге, менее трагичному, чем в двух других новеллах. Рассказчик, герой повести, узнает в письме Константину почерк Софьи: она писала также и ему, но скрыла свою любовь к другому.

Пятью годами ранее Тургенев упрекал мадам Виардо в том, что она писала длинные письма Шарлю Гуно, его более счастливому сопернику, заслонившему его собою в сердце певицы[2]. Писатель узнает об их разрыве в 1852 г. после неожиданной свадьбы композитора. Сам Тургенев в момент создания «Якова Пасынкова» ощущает, что душевная разлука с мадам Виардо близка: ее письма становятся все более и более редкими и их содержание грешит сухостью. Что же касается Тургенева, то после несостоявшегося намерения жениться на своей молодой кузине Ольге Тургеневой (мадам Виардо из ревности не перестает его в этом упрекать в своих письмах) он посылает Полине Виардо стихотворение А.С. Пушкина «Прощание», которое поэт написал графине Воронцовой за некоторое время до своей свадьбы с Натальей Гончаровой:

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас...
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

Удивительно, что издатели второго академического издания произведений Тургенева не упомянули в комментарии к «Якову Пасынкову» о том значении, которое это стихотворение имело тогда для самого Тургенева, для его ума и сердца. Только в 1971 г. было впервые опубликовано письмо Тургенева к мадам Виардо, содержащее текст «Прощания» на русском языке[3]. Это письмо от 10/22 февраля 1855 г. написано тремя днями ранее начала работы над редакцией «Якова Пасынкова». Две первые строки процитированы во второй части новеллы. Они предшествуют неожиданному признанию в тайной любви Пасынкова (он третий воздыхатель!) к Софье. Всеобъемлющая любовь, пронесенная сквозь долгие годы, несмотря на невозможность осуществления, созвучна чувству Пушкина, скрепленному клятвой: «Я буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь».

Связь со стихотворением Пушкина очевидна: Тургенев вводит в новеллу психологическую ситуацию, которую переживает сам и которая напоминает ему, что пережил поэт четверть века назад. «Все стихи виноваты», — восклицает Пасынков.

Помимо тайны любви Тургенев затрагивает другой важный аспект истинной страсти: клятву и обещание верности.

Тончайшая цепь, соединяющая сердца влюбленных, материализуется через переписку — как в случае Константина Асанова и Софьи — или через предмет — как в чувственной идиллии Пушкина и Елизаветы Воронцовой. Кольцо, которое она дарит своему возлюбленному с надписью на иврите, становится талисманом и залогом верности в любви. Отступив от своего обязательства, Пушкин, прежде чем жениться, адресует бывшей возлюбленной в оправдание известное стихотворение «Прощание», которое произвело сильнейший эффект на воображение Тургенева в его 37 лет.

Он снова вернется к этому сюжету 20 лет спустя, когда будет сам обладать этим таинственным перстнем, ценным в его глазах, поскольку он принадлежал его почитаемому учителю — Пушкину. В фантастическом рассказе «Сон», который он напишет, главной идеей будет не верность в любви, а нарушение клятвы супружеской верности, ее осквернение, противоречащее закону любви.

Кольцо Пушкина унаследовал его друг Василий Жуковский[4], оно было передано Тургеневу в 1875 г. сыном поэта Павлом Жуковским. «Я очень горжусь обладанием пушкинского перстня и придаю ему, так же как и Пушкин, большое значение. После моей смерти, я бы желал, чтобы этот перстень был передан *графу*

Льву Николаевичу Толстому как высшему представителю русской современной литературы, с тем, чтобы, когда настанет и “его час”, гр. Толстой передал бы мой перстень по своему выбору достойнейшему последователю пушкинских традиций между новейшими писателями»[5].

Значение иррационального в нашей жизни было подчеркнуто Пасынковым: «Вся жизнь наша сон, и лучшее в ней опять-таки сон». Тургенев перефразирует здесь заглавие пьесы Кальдерона «Жизнь — это сон», которое вдохновило его в молодости и заставило сказать: «La vida es sueno, y el sueno es la vida» («Жизнь есть сон, и сон есть жизнь» — *исп.*)[6].

Сюжет рассказа «Сон» начинается в атмосфере тайны, подчеркиваемой на каждой странице произведения: «тайная печаль» матери молодого рассказчика, повествующего о «неведомых тайнах», которые скрываются за полуоткрытой дверью. Его сон является вещим, тайный смысл которого он пытается отгадать. В конце концов, он встречает «загадочное» существо, которое он много раз видел в своих снах.

В действительности сын отыскивает своего настоящего отца, который, в мистических обстоятельствах обесчестив его мать, украл у нее обручальное кольцо необычной формы: с семью маленькими золотыми звездочками, которые чередуются с семью серебряными. Это была старинная семейная драгоценность. Магнетизм этого кольца приводит молодого человека к берегу моря, где он находит тело своего отца, выброшенное волнами, и видит на его пальце то роковое кольцо. Срывая кольцо с руки своего родного отца, герой освобождается от навязчивого сновидения, которое его преследовало.

Описание этого кольца напоминает кольцо Пушкина, которое поэт получил из рук графини Воронцовой. Это кольцо поэт считал своим талисманом, который должен был охранять его от чар другой женщины.

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя —

Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»

А.С. Пушкин. Талисман
1829

Поэт отказывается от своего обещания и женится на Наталье Гончаровой. Со своей стороны, Тургенев в рассказе «Сон» изображает символами разрыв счастливой супружеской жизни своей героини в сцене похищения ее талисмана бароном. Писатель верит или заставляет поверить, что наказание непременно найдет того, кто нарушил клятву: Пушкина настигает смерть на дуэли спустя семь лет после его расставания с графиней (число семь есть символ: семь золотых звездочек чередуются с семью серебряными и соединены попарно). В рассказе «Сон» барона-насильника сначала как будто убивают за карточным столом, а позже он, выжив после ранения, тонет при кораблекрушении.

Тургенев со свойственным ему артистизмом, кажется, не верит ни в предсказания, ни в предчувствия, ни в предзнаменования[7]. Тургенев придает дополнительные магические свойства кольцу-талисману, которым он обладает и которым некогда обладал Пушкин. Благодаря своей писательской фантазии он указывает в своем рассказе на духовное родство с потомком арапа Петра Великого, изображая слугой барона одного негра высокого роста. Не очевидно ли, что для образа барона прототипом послужил барон Геккерн, убийца Пушкина, который отнял у него жизнь, жену и обручальное кольцо.

Тургенев на этом не останавливается. В рассказе он приводит барона к смерти в обстановке, похожей на ту, которую Пушкин выбирал для своих любовных свиданий с Елизаветой Воронцовой: морской пейзаж, «где крутые гребни длинных валов чередою катились и разбивались о плоский берег»[8]. Тело барона лежало «возле крупного камня, одиноко торчавшего среди однообразной скатерти песчаных берегов». Вариации пушкинской темы встречаются и в других пассажах рассказа. Барон погибает во время партии в карты и, как старуха из «Пиковой дамы», появляется вновь после смерти. Стараясь ввести оккультные элементы в свой психологический (или скорее психоаналитический) рассказ, Тургенев включает в ткань повествования моменты из жизни и фрагменты из произведений Пушкина. Основная идея рассказа «Сон» — это мысль о том, что сын после смерти отца овладевает тайной, заключенной в чудесном кольце, и приобретает «магическую силу», которую воспел поэт[9]. Несомненно, хранить или заполучить силой сокровенный предмет («который тебе дала любовь», «старинная семейная ценность»), или выведать с помощью угроз секрет старой дамы — все эти действия заслуживают наказания, которое во всех трех случаях неизбежно настигает виновного. Пушкин, который изменил клятве верности, встречает смерть на дуэли, защищая свою честь. Барон, мужчина, который добился силой замужней женщины и украл у нее обручальное кольцо, носит на себе печать бесчестия. И «счастливый» обладатель изящного мартингала-ремня, решившийся завладеть им через преступление, оказывается запертым в доме для душевнобольных.

Проявление низменных и жестоких инстинктов человеческой натуры неизбежно связано с суевериями, предчувствиями и видениями, составляющими целый мир, где Тургенев черпает вдохновение, размышляя о кольце Пушкина. Мир, который знаком Тургеневу с давних времен и который находит отражение в рассказе

«Сон», возникает в более ранних произведениях, в частности в новелле «Три портрета», написанной тридцатью годами раньше. Тургенев затрагивает тайны наследственности[10], показывая необузданность поведения своего двоюродного деда по материнской линии, обесчестившего свою сестру и убившего ее жениха, который, узнав о том, что произошло, уже не захотел на ней жениться. Физический и моральный портрет Василия Ивановича напоминает черты барона.

Три портрета (1846)

> Его смуглое худощавое лицо дышало дерзкою надменностью. Его тонкие длинные брови почти срастались над черными, как смоль, глазами; на бледных, едва заметных губах играла недобрая улыбка.
>
> В нем не было ни совести, ни доброты, ни честности... Даже люди, уверенные в сухости и холодности его души, не раз поддавались чарующему могуществу его влияния.
>
> <...> Братья его немели перед ним и удивлялись ему, как существу высшему.

Сон (1876)

> Жидкие завитки черных волос спускались почти до самого носа; тонкие губы стискивали мундштук короткой трубки. <...> Каждая черта его смуглого, желчного лица... запечатлелась в моей памяти... он возвел на меня свои черные, колючие глаза...
>
> Мне не нравилась улыбочка, с которой г-н барон меня расспрашивал; не нравилось также выражение его глаз, когда он их словно вонзал в меня... В них было что-то хищное и покровительственное... что-то жуткое.

Тургенев идет дальше, чем Пушкин, в психологическом анализе существ жестоких и властных. Его Василий Иванович, живой образец двоюродного деда Алексея Лутовинова, «дон Жуан, злодей, остроумный, изысканный — и варвар». Тем, что он соблазнил свою сестру Ольгу и убил ее жениха, он не вполне доволен. Тотчас же после он проколол на месте сердца портрет жениха Ольги. Тургенев проникает в глубь его психологии, читая тайные мысли его сердца: потомство будет думать, что честь защищена, что правосудие свершилось. Ольга беременна от про-

делок своего жениха! Вместо священной тайны настоящей страсти, пушкинского талисмана, доступного только возвышенным душам, Тургенев показывает подмену этого символа, над которым насмехаются на всех уровнях социальной лестницы фальсификаторы истории.

Примечания

Опубликовано в Cahiers Tourguéniev. № 11. 1987. P. 27–33.

1 Письмо А.С. Пушкина к Н.Н. Гончаровой, конец августа 1830 г. (Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В: 10 т. Т. X. М.: Наука, 1966. С. 303).

2 Тургенев принимал свою судьбу с юмором. Он писал семейству Виардо 2/14 мая 1850 г., ссылаясь на письмо, полученное от Полины: «Я начал с вашего — каждому по заслугам его — и, потом, что бы вы ни говорили, вы не слишком-то баловали меня письмами этим летом — я знаю кое-кого, кому не раз уже завидовал — он-то их получал! и какие *мясистые,* плотные, написанные мелким почерком, который к концу становился еще более мелким». И четырьмя днями позже: «Это чудовище Гуно получает письма на 8 страницах! Ну что же! Я не стану завидовать его счастью» (Тургенев. Письма. Т. 2. 1987. С. 16–17, 21).

3 Письмо Тургенева к Полине Виардо от 10/22 февраля 1855 г. (там же. Т. 3. 1987. С. 11–12).

4 В продолжение этого писатель намеренно приглашает молодого Жуковского на чтение своего нового рассказа «Сон» 24 мая 1876 г. в Grand Hôtel в Париже (см. письмо Тургенева П.В. Жуковскому от 11/23 мая 1876 г. — Тургенев. Письма. Т. XI. 1966. С. 261).

5 Речь записана журналистом Василием Пасеком, который встретил Тургенева в Париже в 1876 г. (опубликована в журнале «Новое время» 8 марта 1887). Со своей стороны, Жуковский трепетно относился к тому, что кольцо должно было перейти к нему после смерти Тургенева. Его унаследовала Полина Виардо и передала в дар Музею Александровского Императорского Лицея в 1887 г., откуда оно было похищено 23 марта 1917 г. Ранее Тургенев одалживал кольцо и прядь волос поэта для выставки, посвященной Пушкину и организованной в С.-Петербурге в 1800 г.

6 См. письма Тургенева к Полине Виардо от 19 и 25 декабря 1847 г. (Тургенев. Письма. Т. I. 1961. С. 279, 281–282), 13 августа 1849 г. (там же. С. 366).

7 Он напишет своей дочери Полинетте 24 марта 1882 г.: «Не верь так называемым “предчувствиям”. Мой опыт

сотни раз мне доказывал, что они *никогда* не сбываются. Это занятие столь же вредно, сколько и бесполезно». И 9 мая: «Отделайся раз и навсегда от всех твоих страхов, подозрений, волнений, суеверий — словом, от всего того, что причинило тебе в жизни так много вреда; и, главное, верь, что я говорю тебе сущую правду — ничего не прибавляя и не уменьшая» (Тургенев. Письма. Т. XIII. Кн. 1. С. 216, 241).

8 Тургенев размышляет над двумя первыми строками стихотворения Пушкина «Талисман», но также вдохновляется для создания морского пейзажа в главе XIV картиной Гюстава Курбе, висящей у него в кабинете на улице Дуэ, где он пишет этот рассказ весной 1876 г. Он представляет себе жизнь пляжа в Сен-Обен-сюр-Мер (1872).

9 Пушкин А.С. «Талисман», строфа 2, стих 3. Тургенев пометил знаком «X» в сборнике, который у него был в Спасском (Пушкин А.С. Собрание сочинений в 11 томах. С.-Петербург, 1838–1841. Т. 3. «Песни, стансы, сонеты». 1838. С. 64–65). Тургенев помечает карандашом на полях именно эти строки (Библиотека им. И.С.Тургенева в Орле). Этой ссылкой я обязан г-же Людмиле Балыковой, которая собрала все книги в одну объемную библиотеку.

10 Флобер считал рассказ «Сон» шедевром. Он говорил о «подсознательном насилии». См. письмо к Тургеневу от 26 января 1877 г. (*Flaubert G.* Œuvres complètes. Club de l'Honnête Homme. 1975. T. XV. P. 533).

Пер. Ю. Юстицкой

Луи Поме: французский брат Тургенева?

До сих пор считалось, что у Ивана Тургенева было два брата: старший, Николай, родившийся в 1816 г. и умерший в 1879 г., и младший, Сергей, родившийся в 1821 г. и скончавшийся в 1837 г. Г-н Гупий, муж родственницы Луи Поме по нисходящей линии[1], в своем исследовании «Загадка Луи Поме: роман или реальность?» поставил, впрочем, так и не решив, проблему родства Поме и Тургенева.

Луи Эдмон родился в Париже 3 февраля 1835 г. в доме по улице Нев де Пети Шам от 23-летней матери-швеи и неизвестного отца. Эти данные взяты из регистра актов рождения мэрии 2-го округа. Другой же документ, официальный, свидетельство от 3 ноября 1842 г., заверенный парижским нотариусом мэтром Лефебюром де Сент-Мором, сообщает, что Луи Эдмон является сыном Луи Клода Поме и Марии-Терезы Перронсель: мальчику было около восьми лет, когда его усыновил 51-летний г-н Поме, оптовый виноторговец из Берси, женившись на его матери.

Г-н Гупий напрасно искал свидетельство о крещении Луи Эдмона: его нигде не было — ни в Сент-Роше, ни в Нотр-Дам де Виктуар, ни в Сент-Жермен л'Оксеруа. Мальчик, однако, вырос в католической вере: заметим, что отсутствие записи о крещении в приходских книгах 2-го округа наводит на мысль, что ребенок в самом деле родился не здесь.

Раннее детство Луи Эдмона было трудным из-за скромного достатка его матери. В семье все еще рассказывают историю об яйце, разбитом мальчиком после покупки. Малыш слизал его со ступеньки лестницы, чтобы оно не пропало.

Его жизнь изменилась после замужества матери. Луи поступа-

ет в лицей Карла Великого, где знакомится с Альфонсом де Курселем — их дружба будет крепкой и продолжится около полувека до самой смерти Луи Поме, сопровождаясь не лишенной интереса перепиской[2]. Луи Поме учился блестяще: в 15 лет на Главном конкурсе получил первую премию за перевод с латыни, в 17 лет — первую премию за сочинение на латинском языке. Затем он изучал право и стал, разумеется, помимо своей воли, нотариальным клерком у того же мэтра Лефебюра де Сент-Мора, который оформлял акт усыновления в 1842 г. Заметим, что в 1864 г. Тургенев обратится к мэтру Лефебюру в связи с брачным контрактом своей дочери[3].

Из переписки, которую вел Поме со своим лицейским другом Альфонсом де Курселем, известно, что Луи готовил докторскую по праву, которую так и не завершил. Известно также, благодаря многочисленным письмам Полины и Луи Виардо, что Поме увлекался живописью, что мечтал стать художником, работать творчески и забыть тяготы жизни седьмого помощника нотариального клерка: его активно в этом поддерживали Альфонс де Курсель и Полина Виардо, познакомившая Луи с Энгром[4]. Это была, можно сказать, навязчивая идея, к которой примешивалась, естественно, закомплексованность незаконнорожденного ребенка. Он не знал, кто его настоящий отец; зато у него была крестная из придворных дам короля Луи Филиппа[5], чем он гордился, сожалея, как он сам говорил, что имеет такую разношерстную семью.

До смерти своего приемного отца, последовавшей в 1859 г., Луи Поме, по словам его биографа, жил «как сын миллиардера, с утонченной элегантностью». Он не наследует торгового дела по продаже вин. Все переходит кузенам Луи Клода Поме. Тем не менее, ему достается значительное состояние, потому что спустя некоторое время, после женитьбы 19 ноября 1864 г. на бесприданнице Жанне Фаутье, он построит дом на бульваре Ланн, как раз напротив оборонительных сооружений.

26 января 1867 г. в семействе Поме родится дочь, в будущем — талантливая миниатюристка. Она выйдет замуж за художника-пейзажиста Пьера Баллю. Луи Поме будет жить в основном на деньги от уроков рисования, и за портреты, которые будет писать. Некоторые из них он выставит в Парижском Салоне. Одновременно с занятиями живописью Поме занимается пением: он получит роль паши Пиньюфа в оперетте Полины Виардо на слова Тургенева «Слишком много жен» и роль Кракамиша в их же оперетте «Последний колдун». Но в основном Поме будет сочинять

слова, адаптировать или переводить тексты романсов и музыкальных пьес, транспонированных для голоса Полины Виардо. Их список впечатляет. Луи Виардо напишет ему 26 октября 1863 г.: «Я уверен, что оставшуюся жизнь художник-музыкант не будет сожалеть о том, что почти не стал нотариусом»[6].

Прекрасный латинист, Поме в 1865 г. переведет «Басни» Федра на французский язык, посвятив сборник своему соученику по лицею Карла Великого, барону Альфонсу де Курселю — французскому послу в Лондоне[7]. Годом раньше он опубликует у того же издателя, Поля Оллендорффа, свой перевод на французский поэмы Лермонтова «Мцыри», назвав ее «Послушник» и написав посвящение Ивану Тургеневу: «О, ты, кого я с гордостью называл своим другом // в то время, когда соперники провозглашали тебя своим учителем, // прости, если я передал только половину // очарования этих стихов, с которыми ты меня познакомил. // Ты хвалил мне их грацию и простоту, // но у меня, быть может, ты стал бы искать их напрасно // и наказал бы меня (заслуженная кара!), // вспомнив старую поговорку, называющую переводчика предателем. // Я надеюсь, однако, что ты смотришь без гнева, // ты, боготворивший свою страну, // на опыт, который я предпри-

Луи Поме с дочерью Терезой. 1872

нял для того, чтобы сделать любимым у нас // имя Лермонтова, столь дорогое твоей отчизне»[8].

Интерес Луи Поме к России, к ее литературе очевиден, но он не знает языка. Дипломат Альфонс де Курсель, служа в Петербурге, писал своему другу: «Мне стыдно, что я пишу Вам из Петербурга, ни словом не обмолвившись о стране ваших грез»[9]. Поме несомненно воспользовался прозаическим переводом «Мцыри» Тургенева, сделанным с помощью Мериме, и опубликовал свой стихотворный перевод в «Ревю модерн» 1 июля 1865 г. Таким же образом он переводил стихи Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Фета, Тургенева, подписывал их своим именем, причем ограничивался переводом тех стихов, которые Полина Виардо хотела использовать для переложения на музыку[10].

Но вот что важно: прекрасный сборник из пятидесяти песен Шуберта издан Полиной Виардо в 1873 г. с надписью на обложке: песни переведены Луи Поме. Однако из письма Тургенева Поме от 27 сентября 1865 г. мы узнаем, что на самом деле немецкие тексты на французский язык перевел русский писатель вместе с г-жой Виардо, а Поме был только скромным переписчиком их работы. Г-жа Виардо и Тургенев со всей очевидностью благоволили Поме, стараясь представить его в выгодном свете, как это сделали бы его родители.

Из длительной и эмоциональной переписки, которую вела г-жа Виардо с Поме, следует, что она была его покровительницей и близким другом. Он стал в каком-то смысле членом ее семьи, и она окружила своей любовью всех его близких: его жену Жанну Поме, его дочь Терезу, и даже после смерти Луи, последовавшей в Жерардмере 7 сентября 1901 г., его внуков — именно малышке Жанне она отдала театральные принадлежности своей сестры Марии Малибран[11].

Полина приобщала Поме к высокому искусству: «Какую радость я испытываю в своем сердце при мысли, что вы не будете нотариусом, что ваш ум вместо того, чтобы коснеть и чахнуть в бюро, будет развиваться в стремлении к прекрасному, что ваше сердце найдет счастье в литературной деятельности. Я выражаю самые искренние надежды, что, может быть, однажды, вы станете творцом.

О! Никогда не сожалейте о принятом вами важном решении. Оно будет источником настоящей жизни, настоящей жизни, самой прекрасной, о которой мог бы мечтать человек, о борьбе с самим собой, об облагораживании своего “я”»[12].

Интересно отметить, что урок этой «матери-философини» сопровождается конкретными рекомендациями: Поме должен избавиться от низменных страстей, от пошлых вкусов, чтобы посвятить себя только служению прекрасному: «Поскольку вы желаете войти в храм искусства, то, как сказал бы немецкий критик, нужно себя очистить от всякой внешней грязи и обратить свой взор только к прекрасному <...> Французский для вас в целом уже пройденный материал, и ум теперь сможет безбоязненно обращаться ко всякого рода развлечениям, нет, этого не будет. Развлекаться, конечно, можно, даже нужно, но при условии постоянного поиска лучшего. Не сердитесь, мой друг, и не огорчайтесь; то, что вы способны понимать и воздавать должное, вселяет в меня твердую уверенность и неистребимую надежду на лучшее. У меня ужасно честолюбивые намерения в отношении вас»[13].

Скорее всего, г-жа Виардо развивает здесь идеи Тургенева относительно прекрасного и вдохновляется коротким разговором между доктором Лушиным и Зинаидой из повести «Первая любовь» (глава XVI), французский перевод которой появился в марте 1863 г.:

> — Представьте себе великолепный чертог, летнюю ночь и удивительный бал. Бал этот дает молодая королева. Везде золото, мрамор, хрусталь, шелк, огни, алмазы, цветы, куренья, все прихоти роскоши.
>
> — Вы любите роскошь? — перебил ее Лушин.
>
> — Роскошь красива, — возразила она, — я люблю все красивое.
>
> — Больше прекрасного?— спросил он.
>
> — Это что-то хитро, не понимаю.

Имя Поме впервые появилось в переписке Тургенева в 1863 г., первая записка, адресованная Поме, как известно, датирована апрелем 1863 г.[14], но в тексте уже чувствуется некоторая интимность, да и в других, последовавших за ней записках тоже: два человека, должно быть, познакомились раньше. Здесь обязательно нужно внести некоторые уточнения. Случайно мы узнали, что писатель и нотариальный клерк одновременно проходили водолечение в Виши летом 1859 г. Альфонс де Курсель отмечает это обстоятельство, связанное с Поме, в одном из своих писем (21 августа 1859 г.), и Тургенев сообщал из Виши 30 июня 1859 г. своему другу, поэту Фету: «Пишите мне в Париж, poste restante, а M-r Ivan T .— Тургеневых вдруг в Париже расплодилось как мух»[15].

Быть может, он имеет в виду этого родственника, чудесным образом обнаруженного в городе на водах. Вряд ли намек касался дальнего родственника писателя, декабриста Николая Тургенева, который обосновался с семьей в столице, а жил во Франции с 1824 г.

С другой стороны, в главе III романа «Накануне», который Тургенев начал править в Виши 28 июня 1859 г., дается описание персонажа романа Павла Шубина, вначале художника, затем, в окончательной редакции, скульптора. Жизнь этого персонажа совпадает по многим пунктам с биографией Луи Поме: «Его отец служил в Москве. <...> С ранних лет начал он оказывать наклонность к ваянию. <...> Внезапная смерть отца Шубина чуть было не изменила всей будущности молодого человека. <...> Но Анна Васильевна помогла ему деньгами, и он, с грехом пополам, девятнадцати лет поступил в университет, на медицинский факультет. Павел не чувствовал никакого расположения к медицине <...> он не выучился анатомии, на второй курс он не перешел и, не дождавшись экзамена, вышел из университета, с тем, чтобы посвятиться исключительно своему призванию <...> Мать его, парижанка родом, хорошей фамилии, добрая и умная женщина, выучила его по-французски <...> и умирая еще в молодых летах от чахотки, упросила Анну Васильевну взять его к себе на руки. Тогда ему уже шел двадцать первый год».

Мать Луи Поме умирает в Париже в ноябре 1855 г., когда сыну исполняется 21 год. Тургенев использует для своего героя прототип из плоти и крови, жизнь и характер которого он знает. Гончаров ошибался, обвинив его в плагиате по поводу персонажа из романа «Обрыв», художника-дилетанта Райского.

Я возвращаюсь к физическому облику Луи Поме. Г-н Гупий нашел его паспорт[16]. Поме был высоким брюнетом с карими глазами, тогда как Тургенев — крупным голубоглазым блондином; однако, согласно г-ну Гупию, на разных портретах и фотографиях, которые у него имелись, проявлялось заметное их сходство, хотя борода, скрывающая нижнюю часть лица, затрудняла сравнение[17]. У некоторых детей Жанны Баллю, внучки Луи Поме, была группа крови, редкая для Франции (3%), но часто встречающаяся у славян (A1 B Rh +).

Наконец, г-н Гупий пытается отыскать в автобиографической повести Тургенева «Первая любовь» следы предполагаемой родни Луи Поме. Загадочная фраза в конце XXI главы привлекает к себе его внимание: «Матушка после его кончины послала довольно

значительную сумму денег в Москву»; Зинаида (так в тексте. — *Ред.*) имела ребенка от отца Тургенева; действие повести происходит в 1833 г., а Луи Поме родился 3 февраля 1835 г.

Последним обстоятельством следует пользоваться осмотрительно. Отец Тургенева в самом деле умирает в Москве 11 ноября 1834 г. после довольно продолжительной болезни. Он не может быть отцом Луи Поме, родившегося спустя три месяца далеко за пределами России. Мать же Тургенева, напротив, уезжает в Италию в мае 1834 г., а возвращается в Россию только в феврале 1835 г., несмотря на известие о смерти мужа. Это обстоятельство всегда возбуждало любопытство у биографов Тургенева. Некоторые из них утверждали, что она была беременна от другого мужчины в момент своего отъезда и хотела рожать за границей[18]. Наиболее правдоподобной выглядит версия о рождении мальчика в одном из итальянских городов, которого затем перевезут в Париж[19] и доверят молодой девушке скромного поведения.

Есть еще доводы в пользу родства Луи и Ивана: сердечное поведение последнего по отношению к Луи, превосходящее обычную дружбу, является лучшим тому доказательством. Тургенев специально возвращается в Нанси 19 ноября 1864 г., чтобы присутствовать на свадьбе Поме, дарит Жанне дорогой браслет, который до сих пор хранится в семье. Он переживает по поводу смерти первенца четы Поме в 1865 г. (письмо от 27 сентября), беспокоится о слабом здоровье Жанны и выдает ей флакон соли, которую свято берег.

Он пишет дочери Поме, малышке Терезе, «я тебя люблю» и подписывается «Господин с большущим пирогом»[20]. Пока Тургенев находится в Париже между 1863-м и 1870 г., он сопровождает Поме повсюду, в театр, в оперу, в ресторан.

Пятнадцать писем Тургенева Поме, которые доверила нам Жанна Гупий, поражают своей особой сердечностью. Он называет своего адресата «Фридолин» и подписывается «Фридолин-папаша», «Фридолин-старик», «Fridolino il Vecchio» или просто «Ваш папаша». Фридолин — имя героя баллады Шиллера «На железный завод». Проживая на Шиллерштрассе, или на улице Шиллера, в Баден-Бадене и принимая в своем доме в августе 1865 г. Поме, Тургенев увлекся этой маленькой забавной игрой: первое упоминание этого прозвища появилось в письме от 9 января 1864 г. Впрочем, Тургенев любил награждать своих друзей именами литературных персонажей: так, князь Трубецкой и Людвиг Пич получили прозвища Micawber, персонажа «Дэвида Коп-

перфильда». Почему Фридолин? Луи Поме вписывается в шиллеровский типаж: молодой, добрый, умный идеалист, не знающий еще превратностей жизни. Таков вкратце портрет, который набросал в своем дневнике его соученик Альфонс де Курсель[21].

Обратимся к началу баллады Шиллера:

Его графиня вознесла,
Средь слуг ему почет;
Из дивных уст ему хвала
Немолчная течет.
И не слуга ей Фридолин, —
Он, сердцем любящим, ей сын,
И госпожа, полна отрады,
На нем свои покоит взгляды.

Два новых Фридолина (потому что Тургенев причисляет и себя к этому персонажу) очень похожи между собой по статусу пажа, который для них является и призванием, и способом жизни. Мы видим, как в расцвете XIX в. возрождается куртуазная, рыцарская любовь. Эта тема так глубоко запала в сердце Тургенева, что он воплотил ее в романе «Дворянское гнездо» (где Лем поет балладу Friedlein), а также в своем философском эссе о «Гамлете и Дон Кихоте», в котором именно рыцарю отведена возвышенная роль.

Вскоре после окончания редактирования в Петербурге эссе «Гамлет и Дон Кихот», в начале 1860 г. Тургенев принялся за написание повести «Первая любовь». В XV главе героиня повести Зинаида говорит своему юному воздыхателю: «Послушайте, ведь я гораздо старше вас — я могла бы быть вашей тетушкой, право; ну, не тетушкой, старшей сестрой. <...> Я вас с нынешнего же дня жалую к себе в пажи; а вы не забывайте, что пажи не должны отлучаться от своих госпож».

Юноша согласился на роль пажа: она заключалась в том, чтобы слепо повиноваться даме и во всем ей признаваться. Известно, что, начиная с 1850 г., Тургенев предлагал Полине Виардо себя в этой роли[22]. Вот почему, когда мы читаем переписку Полины Виардо с Луи Поме за 1863 г., нас не удивляют те же требования, высказанные Полиной в подобной форме!

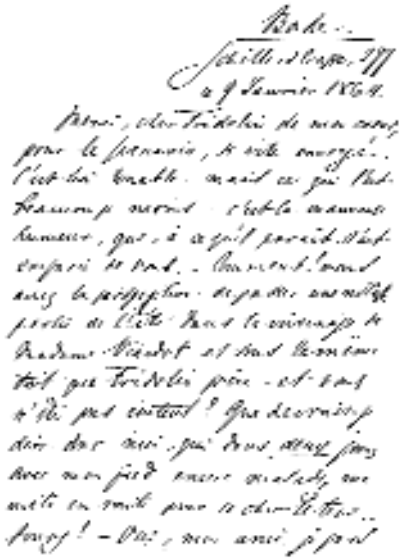
Полине было 42 года, Поме — 28: для писем характерен шутливый, сердечный и материнский тон: «Как, у вас было такое бобо в горлышке, и вы мне ничего не сказали об этом? А, скверный мальчишка, на этот раз я вас отчитаю! Я спешила рассказать вам

о моем приключении только потому, чтобы вы были в курсе всего, что происходит со мной. А вы, вы болеете тайком, как гадкий притворщик, ничего не говоря мне, вашему другу. Так знайте же, это не поведение fraternello-filiale, которое, как вы обещали, будет между нами»[23].

Зинаида тоже говорила своему Фридолину: «Вам, я слышала, шестнадцать лет, а мне двадцать один: вы видите, я гораздо старше вас, и потому вы всегда должны мне говорить правду... и слушаться меня» («Первая любовь», IV глава).

Ключ к отношениям между Полиной Виардо и Луи Поме — в выражении «поведение fraternello-filiale», которое также характерно для отношений между Тургеневым и Поме. Таким образом, настоящее братство идет не по крови, а по нашему выбору, и связано с теми, кого мы любим.

Тургенев, как известно, по своему характеру близок к типу бескорыстного благодетеля, особенно в отношении Полины Виардо и ее детей. Он не был отцом Поме, хотя и называл его своим сыном[24]. Он не был его братом по крови, хотя существует столько предположений. Он чувствовал необходимость вселенского братства не в теории, а на практике. Он любил Поме как брата. Его



Письмо И.С. Тургенева Луи Поме. 1864

жертвенное отношение к нему не искало взаимности. Просто было радостно видеть его любимым и быть самому любимым одной и той же женщиной: «Мой дорогой сын Фридолин <...> Вы говорите в нем о г-же Виардо столь изящно умно и сердечно, что когда я ей прочитал его, она была по-настоящему растрогана. А теперь довольно об этом, не следует вас портить <...> Фридолин, по прозванию “старый”»[25].

Добровольное отторжение таких злых чувств, как ревность, ненависть, является результатом долгой и терпеливой работы над своим характером, что было привычно для писателя. Вспомним центральный эпизод из повести «Первая любовь», отмеченный Флобером и признанный им возвышенным: «Но собственно против отца у меня не было никакого дурного чувства. Напротив: он как будто еще вырос в моих глазах. Пускай психологи объясняют это противоречие, как знают» (XX глава).

Без сомнения, такое возвеличивание любви и неприятие ненависти дается только избранным. Полина Виардо со своей стороны старается добиться того же среди близкого ей окружения. Ее искренняя переписка с Поме дает тому множество примеров. Тургенев для нее, естественно, был находкой: «Наш добрый Тур-

Романсы Полины Виардо на стихи А. Фета. Обложка нот. Издание Ж. Амеля

генев мне много о вас рассказывал — он вас нежно любит», — писала она из Баден-Бадена 24 апреля 1864 г.; а это — 26 сентября: «Папаша Фридолин охотится по меньшей мере девять дней в неделю. Но он все равно самый обаятельный мужчина, и он любит вас всем своим большим добрым сердцем».

Что же касается Луи Виардо, который имел бы, наверное, веские основания для беспокойства по поводу близкой дружбы жены с этим молодым человеком, то он сам же вступает в игру: «Луи снова меня попросил приветствовать вас от его имени (Поме как раз принял решение заняться живописью. — *А.З.*). Он вас любит, несмотря на свой холодный вид. А я? Наикрепчайше, глубочайше, искреннейше, самым сердечным образом. Ваша навсегда снова и снова Полина»[26].

В самом деле, письма Луи Виардо Поме носят дружеский характер, и, как можно заметить, в каждом из них упоминается Тургенев, поступки и жесты которого он точно передавал адресату. С начала пребывания четы Виардо в Баден-Бадене двое мужчин занимают сердце Полины: Тургенев и Поме, фотографии которых украшали ее стол на виду у мужа: «Красивую вазу из золоченой бронзы, которую кто-то из ваших знакомых мне подарил, я поместила в центре

Полина Виардо.
Фото А. Саломона.
1861

[стола]; справа и слева находятся фотографии Тургенева и красивого брюнета, которого вы часто видите в вашем зеркале, множество пресс-папье из мрамора и бронзы, красивая чернильница из резного дерева, которую мне подарил Тургенев. Мой роскошный инкрустированный бювар и все перед моими глазами, и какая-то маленькая зеленая вазочка в ландышах, которую принесла однажды некая дорогая мне особа, в которой всегда стоят самые красивые цветы из сада. Вы видите, дорогой друг, что в моем маленьком уголке многое напоминает о вас. У вас там хорошее место, рядом со мной. Я всегда хранила все, что вы мне посылали, начиная с ваших маленьких записочек, все здесь. Только вы там»[27].

В том же письме г-жа Виардо объясняет свое понимание любви: «Наша дружба такая добрая, нежная и святая. Я не могу себе представить, что было время, когда мы не знали друг друга. Следует признать, что случай, этот великий устроитель встреч, был ленив в отношении нас. Однако я далека от того, чтобы жаловаться, ведь только подумалось, что больше не будет дано мне испытать большого и серьезного чувства, одну из тех основ жизни, которую я имела счастье найти в Ари Шеффере и в Тургеневе — как тут же в мою жизнь вошло ваше сердце. О, мой друг, никогда не сомневайтесь во мне. Пусть никогда не будет недоразумений между нами, никогда ничего недосказанного. Вы увидите, как это благотворно, как хорошо — точнее, лучше — чувствовать помощь, поддержку во всем тебе преданного и строгого в своем чувстве сердца, когда смотрит на тебя понимающим взором тот, для которого *ни что* не безразлично из того, что трогает твою душу...».

Треугольник Полина Виардо — Иван Тургенев — Луи Поме образовался именно в 1863 г. Процитируем еще одно признание Полины Виардо Луи Поме: «Вы так счастливы, что можете видеть друг друга. Я хотела бы быть с вами обоими»[28].

Образы двух братьев, художника и музыканта, любящих одну и ту же женщину, Тургенев обессмертил в 1881 г. в повести «Песнь торжествующей любви».

Примечания

Опубликовано в Cahiers Tourguéniev. № 7. 1983. P. 139–147.

[1] Я хочу отдать дань уважения исследовательским талантам А. Гупия, скончавшегося 22 октября 1983 г., и тепло поблагодарить Жанну Гупий, внучку Луи Поме, предоставившую в мое распоряжение архив своего деда.

2 Хочу выразить мою благодарность барону Г. де Курселю, позволившему мне ознакомиться с перепиской его деда Альфонса де Курселя (1835–1919) с Луи Поме.

3 См. письмо Тургенева к Полине Виардо от 31 декабря 1864 г. (LI. P. 124).

4 В письме к Поме от 7 февраля 1864 г. г-жа Виардо писала: «Как я довольна, что ваш дорогой “святой отец” Энгр вас так хорошо принял. Надеюсь, что вы до конца воспользуетесь предоставленным вам разрешением часто его посещать. Используйте эту возможность со всей полнотой. Передайте тысячу благодарностей от моего имени ему и г-же Энгр» (неизданное письмо из собрания Жанны Гупий).

5 Валентина Делессер, урожденная графиня де Лаборд (1806–1894), с которой Тургенева познакомил Мериме и которая, скорее всего, представила ему Поме, своего крестника.

6 Неизданное письмо из собрания Жанны Гупий.

7 *Louis Pomey*. Fables de Fèdre. Traduction en vers français, Paris: Ollendorff. 1895.

8 Перевод Н.С. Никитиной (Тургеневский сборник. Т. I. М.-Л.: Наука, 1964. С. 329. — *Ред*.).

9 Неизданное письмо А. де Курселя Луи Поме от 3 февраля 1862 г. (из собрания Г. де Курселя).

10 См. Douze mélodies sur des poésies russes de Pouchkine, Tourguéneff, Feth, Lermontoff, Koltsoff, par M-me Pauline Viardot-Garcia, traduction de Louis Pomey. J. Hamelle, éditeur.

11 Г-жа Гупий подарила его музею Тургенева в Буживале.

12 Неизданное письмо г-жи Виардо к Поме от 11 сентября 1863 г. (из собрания Ж. Гупий).

13 Неизданное письмо г-жи Виардо к Поме от 22 сентября 1863 г. (из собрания Ж. Гупий).

14 См.: NCI. T. II. P. 83.

15 Тургенев. Письма. Т.III. 1961. С. 313.

16 Он хранится у Сюзанны Гупий.

17 Читатель имеет возможность сравнить портреты Тургенева и Поме. Заметим, что Иван Сергеевич был похож не на отца, а на мать.

18 Это мнение Николая Чернова.

19 См.: *Чернов Н*. Повесть Ивана Тургенева «Первая любовь» и ее реальные источники // Советская литература. № 202. 1975. С. 73. Чернов подтверждает присутствие Варвары Петровны в Италии и во Франции в 1834–1835 гг.

20 Письмо Тургенева к Поме от 25 января 1870 г. (Cahiers Tourguéniev. № 7. 1983. P. 156).
Оригиналы писем Тургенева к Поме были переданы г-ном и г-жой Гупий в 1969 г. в РГАЛИ в Москве.

21 См. неизданные письма Альфонса де Курселя к Поме: «Мой брат <...> так очарован вашим разговором, вашими идеями, вашей дружбой <...> В самом деле, если бы знать как сблизиться, как подружиться на этом кратком пути нашей земной жизни» (7 декабря 1859 г.); «если до сих пор жить идеалами и быть безразличными к реалиям жизни, как мы это делали в молодости, расплата будет ужасной, когда великие и малые беды наваливаются на вас, и ваша жизнь становится тяжким бременем» (Брюссель, февраль, 1860 г.).

22 «Не забывайте, что я *серьезно*, и очень серьезно рассчитываю на ваши советы, позвольте сказать — на ваши приказания. Мне сладостно произносить это слово, применяя его к вам, и я буду счастлив вам повиноваться. Итак, милостивая государыня, решайте, я жду» (Письмо Тургенева Полине Виардо 9/21 июля 1850 г. (Тургенев. Письма. Т. 2. 1987. С. 348).

23 Неизданное письмо г-жи Виардо к Поме от 16 мая 1863 г. (из собрания Ж. Гупий).

24 Полина делала то же самое. Она писала Жанне Поме 15 сентября 1865 г.: «думаю о твоем замечательном муже, моем дорогом сыне»; 1 ноября 1871 г. она обращается к нему начальными словами из партии Фидес («О, мой сын, будь благословен»), из роли матери, которую она исполняла в «Пророке» Мейербера и заканчивает письмо: «С любовью к Жанне, Терезите... а также к моему бородатому сыну» (неизданные письма из собрания Ж. Гупий).

25 Письмо Тургенева к Поме от 11/23 декабря 1866 г. (Тургенев. Письма. Т. 7. 1990. С. 79.)

26 Неизданное письмо Полины Виардо к Поме от 20 сентября 1863 г. (из собрания Ж. Гупий).

27 Неизданное письмо Полины Виардо к Поме без даты, вероятно, июль 1863 г. (из собрания Ж. Гупий).

28 Неизданное письмо Полины Виардо к Поме от 25 марта 1864 г. (из собрания Ж. Гупий).

Пер. В. Зубовой

Треугольник: Тургенев — Санд — Виардо

Наша Ассоциация чувствовала себя обязанной, отдавая дань уважения великой французской романистке, вспомнить о дружбе, которая связывала ее с Иваном Тургеневым[1]. Дружба была взаимной, и в некоторой степени она неотделима от другой, более продолжительной и более глубокой, связывавшей Жорж Санд и Полину Виардо[2]. Со своей стороны, Тургенев в течение сорока лет любил г-жу Виардо и, в определенном смысле, именно через нее научился уважать автора «Консуэло». Значительное число его суждений о писательнице содержится именно в письмах к Полине Виардо и, осмелимся предположить, в ее письмах, почти полностью утраченных[3]. В своей некрологической статье о Жорж Санд, которую мы воспроизводим в этом номере, Тургенев перепечатывает почти целиком адресованное ему письмо своей подруги, потрясенной смертью романистки.

В этой статье, которая является словом прощания, поражает почти полное отсутствие упоминаний о творчестве Жорж Санд. На первом, если не на единственном, месте стоит женщина. Доброта Жорж Санд побуждает Тургенева сказать, что она была «одной из наших святых». Нет сомнения, что жанр некролога, если таковой имеется, располагает к подобного рода размышлениям. Двенадцатью годами ранее, в связи с кончиной одного из лучших русских критиков — Александра Дружинина, Тургенев так же ограничился указанием на его нравственные качества и общественную роль в создании русского Литературного фонда, или Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, основателем которого тот являлся[4]. Тургенев применил к нему выражение Вольтера: «Я сделал немного добра, но это мое лучшее произведение». Несо-

мненно, для Ивана Сергеевича личность значила едва ли не больше, чем писательство. Относительно оценки творчества Жорж Санд его суждения, в сущности, покоятся на двух противоречащих друг другу, но в то же время взаимодополняющих мыслях. Одна из них состоит в том, что нельзя быть хорошим писателем при отсутствии сердечного жара, и в этом смысле Жорж Санд отвечает потребности вдохновения[5]. С другой стороны, и Тургенев неоднократно подчеркивал это, творчеству Жорж Санд недостает правдивости. Он спешит прибавить, что французы не ищут истины в книгах и что это «самое меньшее, чего они ищут»[6]. В поддержку сказанного он приводит список писателей XIX в., в котором помимо Жорж Санд и Дюма находятся, как ни странно, имена Гюго и Бальзака[7]: «Великий талант может существовать рядом с непониманием художественной правды в одном и том же человеке — этому поразительный пример Бальзак. Все его лица колют глаза своей типичностью, выработаны и отделаны изысканно, до мельчайших подробностей — и ни одно из них никогда не жило и жить не могло; ни в одном из них нет и тени той правды, которой, например, так и пышут лица в “Казаках” нашего Л.Н. Толстого»[8].

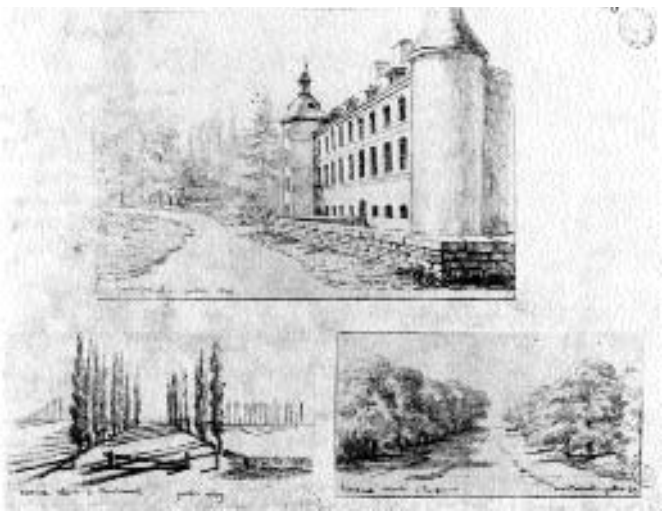
В современной французской литературе исключение сделано лишь для «Госпожи Бовари» Флобера: «бесспорно, самого замечательного произведения новейшей французской школы»[9]. Отправившись на поиски истины, Флобер сумел донести ее до своих соотечественников, показать им их недостатки, так же, как Эдгар Кине в своей «Революции»[10].

Таким образом, именно вокруг этих размышлений о вдохновении и об отсутствии художественной правды, свойственном многим французским писателям, размышлений, которые Тургенев записывал на протяжении тридцати лет, возникают суждения о произведениях Жорж Санд.

Для Тургенева Жорж Санд является непререкаемым авторитетом: он называет ее имя в ряду лучших писателей века. 10 августа 1874 г. он пишет Генри Джеймсу по-английски: «Я не “ejusdem farinae” (“из того же теста” — *лат.*), как Диккенс, Ж. Санд или Дж. Элиот. Я вполне довольствуюсь вторым или даже третьим местом после этих действительно великих писателей»[11]. Или еще, своему переводчику Эмилю Дюран-Гревилю: «Смерть г-жи Санд меня глубоко огорчила; она останется одной из великих фигур современной литературы»[12]. Тургенев не упускал случая отметить популярность произведений Жорж Санд в России[13], которая, если судить по статье Николая Солнцева, не уменьшилась до сих пор[14].

Русский писатель был знаком со значительной частью творчества Жорж Санд, в особенности с романами[15], но также с воспоминаниями[16] и с драматическими произведениями[17]. Он читал ее статьи в «Сьекль»[18], а также «Бюллетенях республики» («Bulletins de la République»)[19], которые она составляла в 1848 г. С 1872 г. он интересуется «Впечатлениями и воспоминаниями» («Impressions et souvenirs»), появлявшимися в фельетонах газеты «Тан» («Le Temps»): очерком «Пьер Боннен», который Жорж Санд посвятила ему; «В лесах» (1873), «Путешествием к господину Блезу» (1875)[20].

Полагаем, что ему были известны статья Жорж Санд «Итальянский театр и мадемуазель Полина Гарсиа», появившаяся в феврале 1840 г. в «Ревю де дё монд» («Revue des Deux Mondes») и перепечатанная в сборнике «Литературные воспоминания и впечатления» («Souvenirs et impressions littéraires», Dentu, 1862)[21] и книга «Вокруг стола» («Autour de la table», Calman-Levy, 1875). То же относится и к «Контрабандисту», которого он мог прочитать в 1876 г., получив книгу в подарок от автора[22]; эта «лирическая история» берет начало от испанской песни «Yo que soy contrabandista», сочиненной отцом Полины Мануэлем Гарсиа, чей выразительный портрет Тургенев создал в «Вешних водах» (1872).



Замок Куртавнель. Рис. Мориса Санда. 1849

Первые упоминания о Жорж Санд относятся к 1840 г., последние — к 1876-му. Было бы утомительно перечислять их все. Тургенев никогда не отличался подробными сообщениями о прочитанном: чаще всего он краток и лаконичен. Некоторые из его наблюдений заслуживают того, чтобы быть процитированными, поскольку они дают представление о вкусах русского писателя. Некоторым романам он явно отдавал предпочтение: «Франсуа-найденышу», «Мопра», «Консуэло».

Именно Полине Виардо он пишет 17 января 1848 г.: «Муж, должно быть, говорил вам о последнем романе г-жи Санд "Франсуа-найденыш", который опубликован в фельетонах "Journal des Débats". Он написан в ее лучшей манере: просто, правдиво, пронзительно. Она, возможно, злоупотребила народными выражениями: временами это придает рассказу оттенок нарочитости. Искусство не дагерротип, и такой большой мастер, как г-жа Санд, мог бы обойтись без этих капризов художника с несколько пресыщенным вкусом. Но ясно видно, что ей до смерти наскучили все эти социалисты, коммунисты, пьеры леру и иные философы; что она ими измучена и с наслаждением окунается в источник Юности искусства наивного и близкого к земле. Между прочим в самом начале предисловия есть одно описание в несколько строк осеннего дня... Это восхитительно. Эта женщина имеет способность передавать самые тонкие, самые летучие впечатления языком четким, ясным и вразумительным; она умеет рисовать все, вплоть до запахов, до малейших шорохов... Я плохо выразился; но Вы меня понимаете. Описание, о котором я говорю, заставило меня думать о дороге, обсаженной тополями и ведущей в Жарриель, вдоль парка; я вновь вижу золотистые листья на фоне бледно-голубого неба, красные плоды шиповника на ограде, стадо баранов, пастуха с собаками и множество других вещей!»[23]

В письме к той же корреспондентке от 7 мая 1850 г. Тургенев напоминает, как пять лет тому назад они вместе читали «Мопра» в гостиной куртавнельского замка в Бри, имении Виардо[24]. Это чтение, должно быть, происходило вскоре после первого приезда Тургенева во Францию и встречи с Жорж Санд в Куртавнеле между 7 и 9 июня 1845 г.[25] Чтение на два голоса этого романа отмечено печатью близости: оно воскрешает сентиментальную привязанность к тексту, которую привносит третий голос и связывает все воедино. Тургенев мечтает вернуть эту гармонию, перечитав «Мопра» вместе с г-жой Виардо.

В том же письме упоминается Консуэло, героиня романа Жорж Санд, прототипом которой послужила Полина Виардо. Мы ожидали откровений, вышедших из-под пера Тургенева, по поводу «Консуэло», которую он прочитал лишь в 1849 г. Впечатление после этого первого прочтения имеет свои оттенки: он не упоминает о сходстве между героиней и ее прототипом, которой Жорж Санд посвятит роман только в 1875 г. «На этих днях я просмотрел “Консуэло”. Очень много прелестных мест, но г-н Альбер несносен так же, как вся нездоровая фантасмагория, которая его окружает. Г-жа Санд часто портит самых обаятельных своих героинь, делая их болтливыми, рассудительными и педантичными, в том числе и маленькую Фадетту. И все же в наше время, когда попирают ногами самые священные права, когда кровь льется потоками, когда несправедливость, грубая сила или лицемерие торжествуют, для людей, не окончательно еще утративших способность чувствовать или не совершенно беспечных от природы, единственным, быть может, прибежищем (если для деятельности время прошло или еще не наступило) остается мистицизм, безмерная и неопределенная вера...»[26]. Здесь содержатся в зародыше мысли будущей речи «Гамлет и Дон-Кихот» (1860): ге-

Полина Гарсиа (слева) и Жорж Санд. Рис. Э. Делакруа. 1840

рой Сервантеса, воодушевленный верой, с решимостью приступает к действиям, в то время как герой Шекспира, снедаемый духом анализа и скептицизмом, замыкается в холодной области мысли[27]. Тургенев отдает дань идеализму, или, скорее, некой форме идеализма — религии. Но будучи озабоченным в то время, время поражения революции 1848 г., политическими проблемами, он принимается говорить о другом идеале — искусстве, живым символом которого является Консуэло, жрица пения. Однако несколько лет спустя мысль уточняется, хотя сандовская героиня не присутствует в его рассуждениях: «Как оглянусь я на свою прошедшую жизнь, я, кажется, больше ничего не делал, как гонялся за глупостями. Дон-Кихот по крайней мере верил в красоту своей Дульцинеи, а нашего времени Дон-Кихоты и видят, что их Дульцинея — урод, а все бегут за нею. У нас нет идеала — вот от чего все это происходит: а идеал дается только сильным гражданским бытом, искусством (или наукой) и религией»[28].

Образ главного героя романа — Альберта де Рудольштадта, как мы уже видели, решительно не понравился Тургеневу. И все же, возможно, при повторном чтении в 1853 г. он пленяется видением Консуэло, которой Альберт представляется в образе сатаны

Полина Виардо и Фредерик Шопен в Ноане в 1845 г. Рис. Полины Виардо

(гл. LV): «И вдруг Консуэло почудилось, будто скрипка Альберта заговорила и произнесла устами сатаны: “Нет, Христос, мой брат, любил вас не больше, чем я люблю. Пора вам узнать меня, пора, вместо того чтобы называть врагом рода человеческого, снова увидеть во мне друга, который поддержал вас в борьбе. Я не демон, я архангел, вождь праведного мятежа и покровитель великих битв”»[29]. 12/24 мая 1853 г. Тургенев пишет молодому Миницкому, будущему автору неизданной статьи о «Маленькой Фадетте»: «Знайте, что без веры, без глубокой и сильной веры не стоит жить — гадко жить; знайте, что это говорит Вам человек, про которого, может быть, думают, что он весь насквозь проникнут иронией и критикой — но без горячей любви и веры ирония — дрянь — и критика хуже брани. Если разобрать поэзию зла, воплощенную в типе сатаны, — то и в ней мы найдем основанием бесконечную любовь — вспомните Consuelo»[30].

Заметим, что Тургенев ни в малейшей степени не испытал влияния Жорж Санд, но он находит здесь знакомую ему почву. За шесть лет до этого, читая пьесы Кальдерона, он высказывал схожие мысли. Божеству, помещенному испанским драматургом на небеса в пьесе «Поклонение кресту», Тургенев противопоставляет

Мануэль Гарсиа и Иван Тургенев. Рис. Полины Виардо. 1845

сатану, того, кто отверг Бога: «И все же я предпочитаю Прометея, предпочитаю Сатану, образец возмущения и индивидуализма. Как бы ничтожен я ни был, я сам себе владыка; я хочу истины, а не спасения; я чаю его от своего ума, а не от благодати»[31]. Зато упомянутая глава романа «Консуэло», несомненно, оказала влияние на замысел «Легенды о Великом инквизиторе» Достоевского: известно, что писатель был почитателем творчества Жорж Санд[32].

Как бы то ни было, Испания представлена в творчестве обоих русских писателей[33]. И не будем забывать, что в Консуэло-Полине «текла хорошая испанская кровь»[34].

Письма Полины и Луи Виардо к Жорж Санд доказывают интерес певицы к роману «Консуэло», первая часть которого подходила для хорошего оперного сюжета[35]. Тем не менее, не Санд, а Тургенев осуществил замысел сценария на сюжет романа. Три листка этой рукописи никогда ранее не публиковались[36]. Речь идет о переложении первых двадцати глав романа[37].

Состав исполнителей следующий:

Порпора — баритон
Граф Дзустиниани — бас
Андзолето — тенор
Консуэло — меццо-сопрано
Корила — сопрано
Клоринда
Хор девушек
Хор гондольеров. Маски

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА 1-я

Сцена изображает школьную залу, смежную с церковью, где слева находится орган; справа — вход.

Хор Хор девушек. — Конс<уэло> стоит неподвижно в углу. Девушки ждут учителя — они резвятся. Кло<ринда> пытается передразнивать его... Входит П<орпора>. — Он слегка бранит их — потом объявляет им о приезде графа Дз<устиниани>. — Он хочет выбрать среди вас одну для театра... Радостные восклицания — театр! Некоторые девушки прихорашиваются. П<орпора> недоволен... Кого ему выбирать: вы ничего не умеете. Ни вы, ни вы. У одной Консуэло кое-что получается. — Он берет ее за руку. Небольшая сценка. Иди-

те готовьтесь, готовьте ваши глотки. Граф должен прийти. — Девушки уходят. П<орпора> задерживает К<онсуэло>. Он вызнает, не хочет ли она поступить в театр... говорит ей, что надо остаться здесь, чтобы петь. Она отвечает, что сделает так, как он захочет. *Дуэт*. — Иди, дитя мое... я подожду графа. Порпора остается один. Из его *арии* становится ясно, что он любит Консуэло. Он знает о ее любви к Андзолето, о том, что она его невеста, — таково было желание ее покойной матери. Спустя мгно<вение> появляется граф в сопровождении Кориллы и Андзолето, одетого в дорожное платье. Беседа. Дзустиниани рекомендует Андзолето как певца... (можно ввести *арию*, которую Дз<устиниани> просит спеть Андзолето. Нетерпение Порпоры.) Давайте начнем прослушивание... Останьтесь здесь, я не хочу, чтобы вы смущали их. П<орпора> уходит. За сценой. — Церковный хор. — Восх<ищение> графа. Порпора возвращается. Прекрасно! Учитель, среди ваших учениц есть жемчужина — покажите ее. П<орпора> приглашает учениц. — Ария графа (он по очереди указывает на каждую) эта... эта... П<орпора> качает головой. Наконец он указы-

Дуэт
Ария
Баркарола
Хор и соло
Ария

Полина Гарсиа в роли Розины.
Литография
с портрета Жюльена.
1839

вает на К<онсуэло> — эта... Удивление графа... Нет, она не подходит мне для театра. <Порпора.> Хорошо, хорошо. Мы поговорим. Граф разговаривает с Андз<олето>. Радость Порп<оры> и т.д. <Андзолето> Не говорите сразу учителю — он не отпустит ее... но я попробую ее убедить. — Ты? Андз<олето> графу в сторону: это моя невеста, возьмите ее, она — лучшая пев<ица> Юга. — Ты полагаешь? Недовольство остальных учениц, столпившихся в глубине <сцены>.

Квартет П<орпора> — доволен
К<онсуэло> — обеспокоена
Андз<олето> — беспечен
Дз<устиниани> — колеблется.

КАРТИНА 2-я

Комната Консуэло на Корте-Минелли

К<онсуэло> одна... Она прибирает в ком<нате>... и т.д. *Ария* Она в ожид<ании> Андз<олето>. — *Ария*. — Входит *Дуэт* Андз<олето>. — *Дуэт*. — Андз<олето> уговаривает ее поступить в театр... Он говорит о графе, об ангаж<ементе>. — *Трио* А где граф? Здесь... Он приводит графа. — *Трио* подписания <ангажемента>. Она отказывается... Входит Порпора. Само небо послало вас... — Квартет. А<ндзолето> и Дз<устиниани> пытаются убедить Порпору — будут ставить ваши оперы... Наконец он соглашается. Она подписывает ангажемент. — Порпора: я потерял ее!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Слева ложа управляющего театром, отделенная от вестибюля справа занавесом (драпировкой). Налево — дверь, ведущая в театр. В глубине — маленькая потайная дверь.

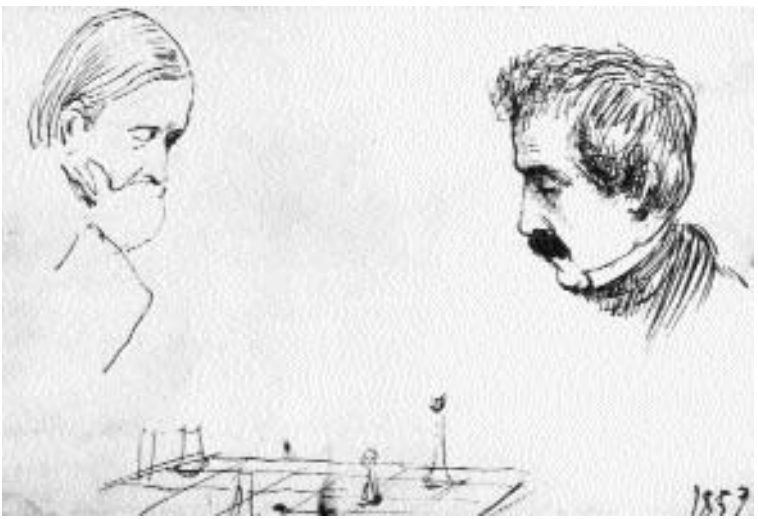
Хор Мальчики украшают цветами. Они уходят. Ария. Через по- *Ария* тайную дверь входит Корилла. Она выраж<ает> чувства, которые ее волнуют... (она видела Андз<олето> и он ей понравился.) Справа входит Андз<олето> (она тайком наблюдает за ним) — его приятели шумно удаляются. — Он *Хор* входит. — Сцена. — Андз<олето> убеждает ее, что Кон<су- *Дуэт* эло> не опасна... Ко<рилла> пытается вскружить ему голову... Она признается ему в любви — но она не потерпит со-

перницы, пусть он знает об этом. — Я или она! Слышится шум — она уходит. — Андз<олето> озадачен. — Входят П<орпора>, Кон<суэло> и Дз<устиниани>... *Квартет*. — Начинается пьеса. — Все уходят. Порпора остается один. (Идет его опера.) — Ария. — Тревога П<орпоры>. — Входит Андзолето. Андз<олето> выглядит недовольным — он уже завидует (у него совсем маленькая роль). Он бросается в кресло... Стремительное появление Дзустиниани. Все в порядке: она имеет успех. Незаметно входит Корилла и склоняется над креслом... Вы обманули меня... Она талантлива — ее талант будет расти, вы будете ничто рядом с ней — покиньте ее! Вы слышите победное пение... Они идут... Следуйте за мной! Порпора, наблюдавший за ними, не может этого вынести и уходит. А<ндзолето> в нерешительности, но все же остается. — Входят Кон<суэло> и Дз<устиниани>... Затем П<орпора>. Сцена торжества. — Где Андз<олето>? — Порпора прижимает ее к груди и це<лует>. Консуэло счастлива... Андзолето взволнован.

Квартет

Ария

Ария



И.С. Тургенев и Мунуэль Гарсиа играют в шахматы.
Рис. Полины Виардо. 1859

Трио Консуэло говорит Порпоре: учитель, вы опечалены? — Ах, дитя мое!.. Я плачу... не о себе!..

КАРТИНА

Небольшая площадь
Канал. Ночь. Светятся бумажные фонарики.
Справа подходят гондолы — слева тоже. Хор масок.

Хор. — Гондолы на воде. ... На переднем плане... сидит Порпора. Прих<одят> Дз<устиниани>, Конс<уэло> и Андз<олето>. — К<онсуэло> и Андз<олето> обмениваются парой слов. Их окружают танцующие маски арлекинов, уводят Андз<олето> и разбегаются. Дз<устиниани>: Конс<уэло>... где Андз<олето?>. П<орпора> поднимается и хочет уйти. — Андзолето. — Он знает, что Корилла здесь, он только что слышал ее голос... Какое-то домино обращается к нему... Это Клоринда. Он гонится за другим и натыкается на П<орпору>. *Дуэт*... — Его зовут. — Он вырывается от него. П<орпора> заставляет его почти признаться в том, что он не любит больше Конс<уэло>. — Ты больше не любишь эту чистую душу. Уходит. Корилла... Сцена между нею и Андзолето. — Она ставит ему свои условия... Неподалеку их ожидает гондола... Он ведь знает ее характер... Бежим... Мы будем счастливы... Она увлекает его за собой. Вновь появл<яются> Конс<уэло> и Дз<устиниани>. Дз<устиниани> ухаживает за ней, он сообщает, что Андз<олето> изменяет ей с Кориллой. Я не хочу этому верить... Но разве Андз<олето> <конец фразы нрзб.> — Оставьте меня, господин граф, я хочу сама спросить его. Сцена между Консуэло и Андзолето. Андзолето, прошу тебя... Порпора приближается... Он лжет. Я лгу... Послушай. Трио. — Появляется гондола... Андзолето убегает. Консуэло падает на грудь Порпоры. — Жить для искусства... и т.д. Снова поет хор. — Одна! Навек одна!

Обращает на себя внимание, что роль Консуэло должна была исполняться меццо-сопрано, то есть, по всей видимости, г-жой Виардо. Музыка, которую должна была написать Полина, не сохранилась, но сценарий серьезно проработан и состоит из основных частей: двух актов и четырех картин, с указанием вокальных партий (хор, дуэт, баркарола, хор и соло и т.д.). Текст представля-

ет собой череду кратких замечаний, восстанавливающих действие в указанном фрагменте первой части романа, с его «венецианским колоритом» и «классическим оттенком», который привлекал г-жу Виардо. Замысел не вполне выражен. Известно только, что Консуэло — лучшая певица Юга[38]. Это одно из замечаний в числе многих других, встречающихся в многочисленных диалогах, которые должны были быть разработаны в дальнейшем. Зато опущено всякое упоминание о некрасивости Консуэло, и причина этого не ясна. Сам по себе документ представляет определенную ценность: Тургенев составляет предварительный план либретто оперы, таким образом, он исполняет просьбу Полины, сотрудничая с нею, а также пожелание Жорж Санд, которая давно хотела услышать музыкальное сочинение своей подруги, созданное по одному из ее романов.

Сценарий, на первый взгляд, не представляет большого литературного интереса, однако в конечном счете открывает нам то, чем могло бы стать это лирическое произведение, будь оно осуществлено. Андзолето убегает с Кориллой в гондоле; Консуэло восклицает: «Жить для искусства». Это высказывание великолепно раскрывает если не замысел романа, то, по крайней мере, харак-

Музыкальное утро на вилле Виардо в Баден-Бадене. Полина Виардо за органом, справа И.С. Тургенев, за роялем Антон Рубинштейн. 1865

тер его главной героини, то есть ее прототипа — Полины Виардо. Но в особенности важно то, что здесь впервые мы видим у Тургенева выражение, которое, судя по разысканиям специалистов, должно было стать названием его романа, без сомнения, навеки утраченного[39]. Этот роман, по предположениям разных авторов, должен был называться «Все для искусства», «Жизнь для искусства» или просто «Артистка»[40]. Следует сказать, что благодаря длительному пребыванию в Баден-Бадене и встречам с немецкими композиторами, проблемы связи музыки с литературой и жизнью все больше и больше занимают писателя к концу 1860-х гг. В частности, этой печатью, ценной для современных компаративистов, отмечена повесть «Несчастная» (1869), где появляется тип музыканта-убийцы[41], сюжет, уже затронутый великим Пушкиным в пьесе «Моцарт и Сальери» (1830). В то же время текстуальные совпадения с романом «Консуэло» свидетельствуют о том, что Тургенев накануне внимательно перечитал его. В VIII главе повести «Несчастная» находим следующие слова: «Мне всегда чудилось и чудится доселе, что в цитре заключена душа дряхлого жидаростовщика и что она гнусливо ноет и плачется на безжалостного виртуоза, заставляющего ее издавать звуки»[42]. В главе XXXIX Консуэло слышит жалобную песню цыгана Зденко, в которой она различает немецкие слова:

> Там, там душа в унынии и в тревоге ждет своего освобождения.
> Освобождения и обещанного утешения.
> Но, кажется, освобождение — в оковах, а утешение — неумолимо.
> Там, там душа в унынии и в тревоге томится ожиданием[43].

Двумя страницами ниже мы узнаем, что Зденко ненавидит немецкий язык, однако выражается именно на нем. Зденко является живым символом Богемии, угнетенной Австрией. Что касается Тургенева, то он через музыку косвенно намекает на то, что его героиня Сюзанна является символом несчастного еврейства, притесненная и порабощенная Ратчем, музыкантом-офицером немецко-чешского происхождения. Фаготист Ратч и скрипач Альберт де Рудольштадт схожи в одном: оба являются убийцами и оба скрыли свое преступление.

Похоже, что Тургенев вдохновился видением героини из той же главы романа «Консуэло» и использовал его в своей повести. Впечатление ужаса и удушья передано в обоих произведениях поразительно. Консуэло «поминутно просыпалась в испуге, вообра-

жая, что стоит на ступеньках той ужасной лестницы и не в силах на нее подняться, а вода под ней все прибывает и прибывает с глухим ревом и молниеносной быстротой»[44]. «Я <...> видел во сне, будто мы с Сусанной бродим по каким-то подземным сырым переходам, лазим по узким крутым лестницам, и все глубже и глубже спускаемся вниз, хотя нам непременно следует выбраться вверх, на воздух, и кто-то все время беспрестанно зовет нас, однообразно и жалобно»[45].

Когда Тургенев скажет, что Жорж Санд оказала на него как писателя огромное влияние[46], он, без всякого сомнения, будет иметь в виду романы, способствовавшие его художественному становлению, но он также будет иметь в виду и то, что он делал совместно с Полиной Виардо, — либретто, прямо заимствованное из одного из шедевров Жорж Санд. Редакцию сценария «Консуэло» можно датировать концом пребывания четы Виардо и их русского друга в Баден-Бадене, когда писатель и певица занимались вместе сочинением четырех оперетт[47]. Говоря о последней, «Зеркале» («Le Miroir»), Тургенев писал Морицу Гартману 1 декабря 1868 г.: «Готовится новая оперетта — и у меня задумано еще кое-что»[48]. Возможно, этой «новой вещью» была именно

Полина Виардо с дочерьми Марианной и Клоди. Баден-Баден. 1870

опера «Консуэло»: в этом тексте заметно некоторое владение жанром. Это тем более вероятно, что, как уже верно заметил Р. Оливье по поводу «Таинственного человека»[49], речь здесь идет о замысле оперы, а не оперетты. Наконец, сходство почерка, которым написаны повесть «Несчастная», вдохновленная романом «Консуэло» и завершенная в Баден-Бадене 9 сентября 1868 г., и оперетта «Зеркало», последовавшая тотчас за нею, в которой один из главных персонажей, верный друг Альберта де Рудольштадта, носит имя Зденко[50], указывают на то, что именно в этом году Тургенев перечитал роман Жорж Санд. Это объяснило бы сближение (но не встречу, как ошибочно полагали[51]) между Тургеневым и Жорж Санд в 1868 г. С перерывом в 25 лет они встретились в Париже 19 января 1870 г.[52]

Похоже, Тургенев был ободрен успехом двух представлений в апреле 1869 г. его оперетты «Последний колдун» на музыку Полины Виардо на сцене великогерцогского театра в Веймаре[53]. В одном из последних известных документов о сотрудничестве Ж. Санд и г-жи Виардо, в письме Луи Виардо к Адольфу Жоану от 7 июня 1869 г., речь идет лишь о «Чертовом болоте» («La Mare au Diable»), замысел оперы по которому был окончательно оставлен[54]. Возможно, после этой даты Тургенев набрасывает свой сценарий по роману «Консуэло», музыку к которому г-жа Виардо так никогда и не напишет.

Луи Виардо говорил, что его супруга наделена особым даром сочинять характерную музыку, тем более, когда речь шла о сюжетах экзотических, написанных на иностранных языках, итальянском или немецком. Напомним, что ею созданы сборник «Тосканские мелодии», вариации на темы итальянских напевов XVIII в., она переложила для голоса «Канцонетту» из квартета № 17 Йозефа Гайдна[55]. Можно представить, какое место в опере «Консуэло» должны были занять два главных действующих лица романа — старый венецианский мэтр Порпора и молодой композитор Йозеф Гайдн, спутник Консуэло по дорогам Богемии. Замысел был, во всяком случае, амбициозным, поскольку в итоге Полина должна была воссоздать образ персонажа, для которого она послужила прототипом. Побоялась ли она, в конце концов, как утверждал ее муж, оказаться не на высоте произведения, принадлежащего перу великой французской писательницы? Заметим, что Тургенев тоже не осмелился изобразить Полину Виардо в своих произведениях, боясь оказаться не на высоте[56]. Писатель и певица испытывали сходные чувства: тем не менее, им

противоречат как черновик, которым мы располагаем, так и фраза из письма Полины: «Полагаете ли Вы, что из “Консуэло” можно извлечь сюжет на один, два или более актов? Я не хотела бы быть слишком тщеславной, однако этот венецианский колорит вместе с легким оттенком классического меня очень соблазняет»[57].

Известно, что Тургенев, по настоянию Брамса, написал либретто оперы, которая не была обнаружена и название которой остается неизвестным[58]. Есть искушение предположить, что ею могла быть «Консуэло»: осуществление этого замысла могло быть прервано франко-прусской войной 1870 г. и отъездом Виардо и Тургенева из Германии. Летом 1865 г. Брамс приезжал в Баден-Баден к Виардо, где он аккомпанировал на фортепьяно оперетте «Последний колдун». Тургенев отметил его приезд в Баден-Баден в августе 1866 г.[59], а в 1869 г. Брамс дирижировал той же комической оперой в частном театре г-жи Виардо. Наконец, именно она 3 марта 1870 г. сочиняет «Alto Rhapsodie», opus 53. Вопрос о возможной передаче Брамсу полномочий по созданию оперы на сюжет «Консуэло» по либретто Тургенева остается открытым. Но гипотеза все же соблазнительна: она позволила бы обозначить треугольник Брамс — Клара Шуман — Полина Виардо[60].

Треугольник Тургенев — Санд — Виардо существовал с 1850 г. Иван Сергеевич взял на себя целиком и полностью обязательство Альберта принадлежать душой и телом Консуэло: «С меня довольно, что ты будешь знать, что можешь повелевать и самовластно управлять мною... но не как братом, а как существом, которое отдалось тебе целиком и навсегда»[61]. «Не забывайте, что я *серьезно*, и очень серьезно рассчитываю на ваши советы, позвольте сказать — на ваши приказания. Мне сладостно произносить это слово, применяя его к вам, и я буду счастлив вам повиноваться. Итак, милостивая государыня, решайте, я жду»[62].

Примечания

Опубликовано в Cahiers Tourguéniev. № 3. 1979. P. 145–157.

1 С конца XIX в. этой проблемой занималась г-жа Комарова, писавшая под псевдонимом Владимир Каренин (*KarØnine V.* George Sand, sa vie et ses œuvres (1804–1876). Paris: P. Ollendorff, 1899. T. I. Chap. I. P. 27–30). Она изложила эту тему в превосходной статье «Тургенев и Жорж Санд» // Тургеневский сборник / под

ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921. С. 87–129. См. также: *Silberstein Ilia*. Du nouveau sur les rapports de George Sand avec Ivan Tourguéniev et la famille de Pauline Viardot // Cahiers Tourguéniev. № 3. 1979. P.110–136.

2 См.: *Th. Marix-Spire*. Lettres inédites de George Sand et de Pauline Viardot. Paris, 1959; Correspondance de George Sand par Georges Lubin. Garnier. T. IV–XIV. 1968–1979. Названы тома, вышедшие ко времени написания статьи. Полностью издание было завершено с выходом в свет 26-го тома. — *Ред.*

3 Из них известны лишь двадцать, опубликованные Анри Гранжаром (LI. P. 309–335.) и Александром Звигильским (NCI. P. 343–361).

4 *Тургенев И.* Памяти А.В. Дружинина. Впервые опубликовано в газете «Русский инвалид» (18 февраля 1864 г.). Переиздано в: Тургенев. Соч. Т. XV. 1968. С. 45–47.

5 См.: LI. P. 77; NCI. T. I. P. 193; Тургенев. Соч. Т. V. 1963. С. 374, а также мою статью «Tourguéniev et les écrivains français d'après leur correspondance inédite» // Cahiers Ivan Tourguéniev. № 1. 1977. P. 24.

6 Письма о франко-прусской войне (Тургенев. Соч. Т. XV. 1968. С. 24). В тексте это выражение дано по-французски («c'est le cadet de leurs soucis»).

7 Предисловие к переводу романа Максима Дюкана «Утраченные силы» (там же. С. 97–98).

8 Там же. С. 98.

9 Там же. С. 99.

10 Письма о франко-прусской войне (там же. С. 24). 14/26 мая 1866 г. Тургенев писал Флоберу: «Та живая и человеческая правда, которую вы неустанно ищете, постигается только в счастливые дни. У вас они были — и будут еще, и немало их будет» (Тургенев. Письма. Т. VII. 1964. С. 140). Он видел во Флобере alter ego: «Стремление к беспристрастию и к Истине всецелой есть одно из немногих добрых качеств, за которые я благодарен природе, давшей мне их», — писал он Дружинину 11 ноября 1856 г. Последний считал, что направление Жорж Санд — это «заблуждение, которое следует искоренить»; Тургенев возражал ему: «для меня оно — неполная Истина, которая всегда найдет (и должна найти) последователей в том возрасте человеческой жизни, когда полная Истина еще недоступна. Вы думаете, что пора уже возводить стены здания; я полагаю, что еще предстоит рыть фундамент» (Тургенев. Письма. Т. III. 1961. С. 30, 29). Символический характер этого высказывания заслуживает быть отмеченным.

11 Тургенев. Письма. Т. X. 1965. С. 270.

12 Письмо от 20 июня / 2 июля 1876 г. Там же. Т. XI. 1966. С. 284.

13 18 июня 1876 г. он писал из Спасского Флоберу: «Русская публика была из тех, на кого г-жа Санд оказала наибольшее влияние» (там же. С. 272).

14 См.: *Solntsev Nicolas*. En hommage à la dernière Sand: Aurore Sand inéedite // Cahiers Tourguéniev. № 3. 1979. P. 177–180. — *Ред.*

15 Мы насчитали пятнадцать из них: «Леоне Леони», «Индиана», «Лукреция Флориани», «Франсуа-найденыш», «Консуэло», «Графиня Рудольштадт», «Маленькая Фадетта», «Жанна», «Мопра», «Мельник из Анжибо», «Грех господина Антуана», «Лелия», «Даниэлла», «Мадмуазель де Кинтини», «Колокольных дел мастера». Г-жа Комарова замечает в своей статье (с. 90), что в заглавии первого произведения Тургенева, драматической поэмы «Стено», написанной им в 1834 г. в возрасте шестнадцати лет, использовано имя одного из персонажей романа «Лелия» (1833) — Стенио. Герой одного из рассказов «Записок охотника», «Касьян с Красивой Мечи» (1851), напоминает Пасьянса, героя «Мопра», романа, столь любимого, как мы увидим далее, Тургеневым и г-жой Виардо. Именно этот рассказ имеет в виду Тургенев, когда подчеркивает гармонию, царящую в его отношениях с Полиной Виардо: «Известно ли Вам, что в одном месте моей книги (получили ли Вы ее?) я говорю вашими словами о деревьях, которые, кажется, растут из неба? И это не впервые, когда одни и те же мысли приходят нам в голову» (NCI. T. I. P. XXXIII).

16 Тургенев признавался в том, что предпочитает этот литературный жанр: «Lettres d'un voyageur» («Письма путешественника») и «Journal d'un voyageur pendant la guerre de 1870» («Дневник путешественника во время войны 1870 года») (см. письмо к Полине Виардо от 13 апреля 1871 (NCI. T. I. P. 192–193).

17 Тургенев мало ценил пьесы «Как вам это понравится» и «Маркиз де Вильмер».

18 Он посмеивался над нею, когда она вмешивалась в политику: «Г-жа Санд напечатала в "Le Siècle " восторженную статью о Луи Блане, теперь... Мы знаем, чем это у нее заканчивается» (письмо к Полине Виардо от 27 ноября 1847 // LI. P. 8).

19 «Последний бюллетень г-жи Санд заставил смеяться весь Париж; она цитирует в нем Жан-Поля Рихтера и заставляет министра внутренних дел говорить о клеветах, о зрелых плодах, об угрызениях совести и о мушиных яйцах, отложенных в плодах. Какого черта она ввязалась в это дело? Но я не хочу говорить с Вами о политике» (письмо к Полине Виардо от 30 апреля 1848, впервые опубликовано А. Гранжаром в: Quelques

lettres d'Ivan Tourguéniev à Pauline Viardot et à sa famille. Paris-La Hays, 1974. P. 62).

20 Известен лишь один восторженный отклик на предисловие к «Пьеру Боннену», который был ему посвящен (письмо к Ж. Санд от 30 октября 1872 г.). Он хвалит беспристрастный отзыв писательницы о Наполеоне III, данный в связи с его кончиной (письмо к П.В. Анненкову от 30 января 1873 г.). И в письме к Флоберу он хвалит «весьма милый фельетон г-жи Санд в "Le Temps"» (письмо от 15 октября 1875 г.). См.: Тургенев. Письма. Т. X. 1965. С. 9–10, 61; Т. XI. 1966. С. 136. Тургенев трижды побывал в Ноане: они стали с Жорж Санд добрыми друзьями.

21 В 1867 г. Тургенев собирался рассказать свои «литературные и общественные воспоминания за четверть века» (письмо к Полине Виардо от 29 марта / 10 апреля 1867 г. (Тургенев. Письма. Т. VI. 1963. С. 211). Окончательное название — «Литературные и житейские воспоминания», кажется, навеяно «Литературными воспоминаниями и впечатлениями» Жорж Санд, сборника статей, охватывающих схожий период. Как увидим далее, именно в это время, то есть в 1868 и 1869 гг. у него наблюдается оживление интереса к автору «Консуэло».

22 *G. Sand*. Œuvres complètes. La coup, Lupo Liverani, Le toast, Garnier, Le contrebandier. Paris: Michel Lévy, 1876. Тургенев подтвердил получение тома в последнем письме Ж. Санд от 4 апреля 1876 г. и обещал начать читать его тотчас (Тургенев. Письма. Т. XI. 1966. С. 241).

23 Тургенев. Письма. Т. I. 1961. С. 292.

24 NCI. T. I. P. 38.

25 В 1972 г. была установлена точная дата этой первой встречи (см. NCI. T. II. P. XLIII. n. 135 bis) благодаря «Хронологии» Жоржа Любена (Lubin Georges. Chronologie // Correspondance de George Sand. T. VI. 1969. P. 764) и упоминанию Тургенева в «Мемориале»: «1845 <...> Куртавнель. Жорж Санд» (Тургенев. Соч. Т. XV. 1968. С. 202).

26 Письмо к Полине Виардо от 24 июля 1849 г. (Тургенев. Письма. Т. 1. 1982. С. 308–309).

27 См.: *Kagan-Kans Eva*. Hamlet and Don Quixote: Turgenev's ambivalent vision. Paris-La Haye, Mouton, 1975.

28 Письмо к Е. Е. Ламберт от 10 (22) июня 1856 г. (Тургенев. Письма. Т. II. 1961. С. 365–366).

29 Зд. и далее цитируется по: Санд Жорж. Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. Л., 1972. С. 385. Пер. А. Бекетовой.

30 Тургенев. Письма. Т. II. 1961. С. 152.

31 Письмо к Полине Виардо от 19 декабря 1847 г. (Тургенев. Письма. Т. I. 1961. С. 279).

32 Достоевский посвятил ей две статьи в «Дневнике писателя» за июнь 1876 г.: «Смерть Жорж Санд» и «Несколько слов о Жорж Санд». См. *Viard Jacques*. Socialistes chrétiens: George Sand, Dostoïevsky et Péguy // Études. Octobre 1974. P. 389–413).

33 См. мою статью «Tourguéniev et Espagne» (Revue de littérature comparée. Janvier-mars 1959. P. 50–79). Известно, что существует связь между князем Мышкиным из «Идиота» Достоевского и Дон-Кихотом. Доминик Арбан выявил важнейшую роль речи Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», которую Достоевский слышал в январе 1860 г. (*Arban Dominique*. Dostoïevski par lui-même. Paris, 1962. P. 140–143).

34 Ж. Санд. Консуэло. Указ. соч. С. 12.

35 Письмо Полины датировано 23 марта, Луи — 24 марта 1864 г. Сюжет «Консуэло», сразу по выходе романа в свет, соблазнил двух композиторов, Мейербера и Листа. Первый хотел сделать местом действия своей оперы замок Великанов в Богемии (см. письмо Полины Виардо к Жорж Санд от 2 августа 1843 г., опубликованное Мари-Спир. Op. cit. P. 181). Что касается Листа, о замысле его пятиактной оперы сообщалось 29 октября и 5 ноября 1843 г. в «Ревю е газет мюзикаль» («Revue et Gazette Musicale»). См.: *Marix-Spire Th*. Op. cit. P. 182. N. 8). См. также статью Жозе-Марка Байбе (Bailbé) «Musique et personnalité dans “Consuelo”» (La Porporina. Entretiens sur Consuelo. Presses Universitaires de Grenoble. 1976. P. 127–128).

36 BN. Fond Mazon. Slave 75, 26, M. 11 (c). Ff. 108 r.–v. 109. Этот «Сценарий» был упомянут Андре Мазоном в его книге «Manuscrits parisiens d’Ivan Tourguéniev» (Paris, 1930. P. 73). В 1964 г. Робер Оливье опубликовал на русском языке под названием «Консуэло» комментарий к другой рукописи Тургенева, которая тоже имела заголовок «Сценарий» и которую Мазон предлагал называть «Таинственный человек» («L’homme mystérieux») (BN. Même fonds. 26. M. 11 (d). Ff. 105–107. См.: *Mazon*. Op. cit. P. 72–73 и «Литературное наследство». Т. 73. Кн. 1. С. 85–86). Путаница с обеими неопубликованными рукописями должна была произойти, тем более что статья Р. Оливье проиллюстрирована первой страницей «Сценария» по роману «Консуэло» (там же. С. 87).

37 Впервые французский текст сценария и перевод опубликованы: *Тургенев*. Соч. Т. 12. 1986. С. 233–237 и 237–240.

38 Ibid.

39 См. статью: *April Fitzlyon*. Un roman inédit d’Ivan Tourguéniev? // Cahiers Tourguéniev. № 1. P. 9–16).

40 См.: *Wiegler Paul*. Geschichte der fremdsprachigen Weltliteratur. Berlin, 1932. P. 482; Berl Heinrich. Baden-Baden im Zeitalter der Romantik. Baden-Baden, 1937. P. 181; *Саводник В.* Забытые страницы Ивана Тургенева. М., 1915. С. 3.

41 См. мое сообщение «Рихард Вагнер в одной из повестей Тургенева» («Richard Wagner dans une nouvelle de Tourguéniev») на IX Международном конгрессе по компаративистике (Инсбрук, 1979).

42 *Тургенев*. Соч. Т. 10. 1965. С. 82. См. мою статью «Тургенев и еврейский вопрос» (Annales du C.E.S.E.R.E. N 1. 2e semestre 1978. P. 82–86).

43 *Ж. Санд*. Консуэло. Указ. соч. С. 267.

44 Там же. С. 270.

45 *Тургенев*. Соч. Т. X. 1965. С. 142. Жорж Санд оценила эту повесть, переведенную на французский язык под названием «L'Abandonnée» («Покинутая»): «Да, я прочитала "L'Abandonnée", это прекрасно, как все, что он делает» (письмо к Г. Флоберу от 4 июля 1873 г. Correspondance entre G. Sand et G. Flaubert. Paris, 1904. P. 369).

46 Письмо к Ж. Санд от 30 октября 1872 г. (Тургенев. Письма. Т. X. 1965. С. 9).

47 «Trop de femmes», «Le Dernier Sorcier», «L'Ogre», «Le Miroir» («Слишком много жен», «Последний колдун», «Людоед», «Зеркало»).

48 Тургенев. Письма. Т. VII. 1964. С. 244.

49 Литературное наследство. Т. 73. Кн. 1. 1964. С. 85. Мы приносим живейшую благодарность г. Роберу Оливье за предоставленный в наше распоряжение французский текст его научной статьи, посвященной опереттам Тургенева.

50 Первым заметил эту реминисценцию Робер Оливье в своей статье об оперетте «Зеркало» (цит изд., с. 82). Отметим, что речь идет лишь о заимствовании имени: принц Ратмир, переодетый цыганом и называющий себя Зденко, не имеет ничего общего с простосердечным балагуром, созданным Ж. Санд.

51 Недоразумение произошло, кажется, в связи с неверной интерпретацией следующей фразы Тургенева из его некрологической статьи 1876 г. «Несколько слов о Жорж Санд»: «Когда, лет восемь тому назад, я впервые сблизился с Жорж Санд <...>». Г-жа Комарова (art. cit. P. 100) утверждает, что оба писателя виделись в Париже в доме Виардо в начале зимы 1868–1869 гг. Эта встреча не могла состояться: с 1863 г. Тургенев и Виардо поселились в Баден-Бадене; русский писатель находился в Париже с 19 по 24 ноября 1868 г. (22 числа он навестил в Круассе Флобера), затем с 25 марта по 3 апреля 1869-го. 2 апреля Санд писала из Ноана Флоберу:

«Я буду очень рада возобновить знакомство с Тургеневым, с которым была немного знакома, не читая его, и которого с тех пор читаю с величайшим наслаждением. Мне кажется, ты его очень любишь: в таком случае и я его люблю и хочу, чтобы ты привез его к нам, когда закончишь свой роман. Морис тоже знает и ценит его, а ведь он любит то, что не похоже на других» (Correspondance entre G. Sand et G. Flaubert. P. 163).

52 См. фрагмент письма Ж. Санд к детям от 19 января 1870 г., опубликованный Жоржем Любеном, и письмо от того же дня Тургенева к Ж. Санд в статье Ильи Зильберштейна.

53 *Тургенев И.С.* Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре» (Тургенев. Соч. Т. XIV. 1967. С. 286–296).

54 См.: *Th. Marix-Spire*. Vicissitudes d'un opéra-comique: La Mare au Diable, de George Sand et de Pauline Viardot (d'après des documents inédits) // Cahiers Tourguéniev. № 3. 1979. P. 56–74.

55 Тексты «Тосканских стихотворений» и «Канцонетты» написаны Луи Поме, им же переведены на французский язык итальянские песни XVIII в. (см.: NCI. T. II. P. XLIX. N. 170).

56 Этот же недостаток смелости, отступление перед масштабом выдающейся личности сказались, когда он задумал написать свои воспоминания о Жорж Санд. Тургенев задумал их написание сразу после смерти писательницы (письмо к М.М. Стасюлевичу от 19 июня 1876 // Тургенев. Письма. Т. XI. 1966. С. 273). «Написать же что-нибудь дрянное о Ж. Занд я не могу», — объяснял он неделю спустя редактору «Вестника Европы», где в июле 1876 г. была опубликована на русском языке статья Э. Золя «Жорж Санд и ее произведения» (там же. С. 277). Еще до появления статьи Золя Тургенев предполагал, что будет полемизировать с ним: «Золя, кажется, написал длинную статью о г-же Санд в своем русском журнале; статья очень хороша — но, говорят, немного суховата. Золя не в состоянии в полной мере судить о г-же С<анд>. Между ними слишком большое расстояние» (письмо к Флоберу от 4 июля 1876 г. Там же. С. 289). Замысел этот не был осуществлен.

57 Письмо Полины Виардо к Жорж Санд от 23 марта 1863 г. (Beaulieu Michèle. Deux lettres inédites de Pauline Viardot et Louis Viardot à George Sand à propos de La Mare au Diable et de Consuelo // Cahiers Tourguéniev. № 3. 1979. P. 79).

58 См.: Badeblatt der Stadt Baden-Baden, 11 aout 1900, а также статью Грегора Швирца «Представления оперетты

“Последний колдун”» (Литературное наследство. Т. 73. Кн. 1. 1964. С. 212).

59 Письмо к В.П. Боткину от 22 августа 1866 г. (Тургенев. Письма. Т. VI. 1963. С. 95).

60 К сожалению, эта гипотеза А. Звигильского не подтвердилась. «Сценарий для Брамса» (на немецком языке) был впервые опубликован П. Уоддингтоном (New Zealand Slavonic Journal. 1982. P. 1–16) и включен в издание: *Тургенев*. Соч. Т. 12. 1986. С. 227 и 233. — *Ред.*

61 *Ж. Санд.* Консуэло. Указ. соч. С. 305.

62 Письмо Тургенева Полине и Луи Виардо от 9–15/21–27 июля 1850 г. (Тургенев. Письма. Т. 2. 1987. С. 38). Этот фрагмент письма Тургенева к Полине Виардо от 21 июля 1850 г. был, по всей вероятности, использован Мопассаном во второй части его романа «Сильна как смерть» (1889), где фигурирует письмо Оливье Бертена к г-же де Гийеруа, также датированное 21 июля: «Моя бедная подруга, я уехал бы вопреки вам, если бы не привык считать все ваши желания законом» (см. мою статью «Maupassant et Tourguéniev. La source de “Fort comme la mort”» // Revue de littérature comparée. Janvier-mars 1973. P. 131–138).

Пер. Н. Генераловой

Тургенев и французские писатели
(по неизданной переписке)

В отведенное мне время я попытаюсь рассказать исключительно о неизданной переписке нескольких французских писателей с «большим Московитом», как называл его Мопассан.

Для начала — три предварительных замечания:

1. Я пользуюсь подлинными документами, находящимися в архиве Виардо в Национальной библиотеке и в одной частной коллекции. До сих пор мы располагали лишь одной частью диптиха, т.е. письмами Тургенева к его французским друзьям, опубликованными Гальпериным-Каминским три четверти века назад.

2. Рассматриваемый здесь период охватывает последние одиннадцать лет жизни Тургенева, с 1872 по 1883 г.

3. Передо мной стоит задача представить вам десяток лиц, из коих одна дама, за тридцать минут: у меня, стало быть, три минуты на каждого.

Начну с Мопассана, который, как я полагаю, из всех французских писателей испытал влияние Тургенева в наибольшей степени. Спустя год после его смерти, в 1884 г., Мопассан воспроизвел, как известно, в своем рассказе «Страх» странную историю, рассказанную ему некогда Тургеневым. В статье, публикуемой в настоящем сборнике, я высказал предположение, что французский писатель многое позаимствовал из переписки своего русского друга с Полиной Виардо для романа «Сильна как смерть».

Парадокс состоит в том, что «большой Московит» был, в глазах Мопассана, «почти французом» — это следует из его неопубликованного письма к Тургеневу от 16 ноября 1880 г.; уточню, что там речь идет о статье, которую Мопассан посвятил Тургеневу:

Вы очень известны, вы почти француз, и это единственная причина, по какой я решил начать с вас. В газете, подобной «Голуа» («Gaulois»), всецело посвященной злобе дня и где статей о литературе почти не печатают, мне никогда не дадут начать серию с Пушкина и Гоголя, в то время как начать с вас, воспользовавшись как поводом явлением нигилизма, которое вы предощутили и которое волнует мир в настоящий момент, присовокупив к сему вашу симпатию к Франции и длительное ваше пребывание среди нас, высказываясь о вашем творчестве как бы между прочим и почти вскользь, я расчищаю себе путь, чтобы затем получить возможность под той же рубрикой «Иностранные писатели» сделать глубокий анализ Пушкина, не возбудив подозрений Мейера, который без конца повторяет мне: «Только никакой поэзии». Никогда не позволят мне писать о Диккенсе или Гёте. Их сочтут и так слишком известными у нас. Нужны новые люди и особенно среди ныне живущих. Мертвые более не современны и мне запретят писать о них почти наверное. Такова глупость положения. Если бы мне запретили Пушкина, я все же смог бы написать статью о Толстом[1].

Это ответ Мопассана Тургеневу, накануне просившему своего друга не писать о нем во французской прессе[2]. Статья Мопассана, озаглавленная «Изобретатель слова “нигилизм”», тем не менее, появится в «Голуа» спустя несколько дней, 21 ноября 1880 г.

В личной беседе Мопассан, вероятно, растолковал своему другу, как функционирует пресса во Франции и как создаются репутации — литератора или художника. Тургенев, на протяжении 35 лет ездивший во Францию, превосходно знал тонкости этого механизма. Проявляя скромность, когда речь шла о его собственном имени, он был необычайно предприимчив, когда надо было оказать услугу друзьям. Так, в то самое время как он рекомендовал высокопоставленным знакомым в России молодого скрипача Поля Виардо, делавшего тогда свои первые шаги и направлявшегося в начале 1881 г. в Петербург с концертами, Тургенев прилагал все силы, чтобы помочь пробиться в Париже русскому художнику Куинджи, который станет, как известно, одним из лучших пейзажистов московской школы. Мопассан пришел тогда на помощь Тургеневу, сочинив для него письмо в «Фигаро»[3].

Именно Тургенев познакомил Россию с Мопассаном в 1881 г.

Рассказ «В семье» был опубликован в газете Стасюлевича «Порядок» в июне 1881 г. с хвалебным предисловием. Тургенев в письме к редактору газеты от 9 марта 1881 г. настаивал на том, что если он готов напечатать рассказ Мопассана «История одной батрачки», то перевод должен быть сделан особенно тщательно, ибо слог Мопассана достоин пера Флобера[4]. В другой раз Тургенев предпочел заплатить Мопассану тысячу франков из своего кармана, так как не был доволен русским переводом романа «Жизнь», получившего преимущественное право публикации в России. Расписка хранится в Национальной библиотеке.

Тургенев оказал немало услуг своим французским друзьям, не одному Мопассану, многие рассказы которого он напечатал в русских изданиях, но также и собратьям по перу из Кружка пяти. Я не стану говорить о Флобере, лучшем друге Тургенева — их переписка была опубликована целиком. Альфонс Доде также воспользовался помощью русского писателя. Благодаря ему Доде смог написать 27 корреспонденций для газеты «Новое время» в 1878–1879 гг. О начале сотрудничества Доде в этой русской газете напоминает следующая записка, вероятно, написанная в январе 1878 г.: «Имею честь представить вам господина Микаэлиса,

Соотечественник. Вид сзади. Рис. И.С. Тургенева.
Из письма Гюставу Флоберу от 17 июня 1874 г.

имя которого вам, может быть, знакомо: я передал ему право на перевод “Набоба”. Не могли бы вы оказать нам помощь в России, т.е. указать способ извлечь выгоду из этой книги или из ее публикации в газете. Поговорите об этом пять минут с моим посланцем, примите его благосклонно, я буду вам весьма признателен»[5].

Доде почитал в Тургеневе великого живописца природы; описания в «Записках охотника» представлялись безусловно родственными автору «Писем с моей мельницы». Вот что говорил Доде в своей статье о Тургеневе, написанной в 1880 г.: «Мне довелось как-то прочесть “Записки одного русского барина”, и они произвели на меня такое сильное впечатление, что я познакомился и с другими книгами писателя. Мы были связаны с ним еще до знакомства нашей общей любовью к полям, к перелескам, к природе, одинаковым пониманием ее превращений»[6]. Доде, скорее всего, прочел «Записки охотника» в юном возрасте, так как он упоминает неуклюжее название первого французского издания в переводе Шаррьера, увидевшего свет в 1854 г. Он испытал еще большее воодушевление по прочтении двадцать лет спустя «Вешних вод», вышедших во Франции в 1873 г. На визитной карточке он пишет Тургеневу несколько строк: «Ничего более изысканного, благоухающего вы еще не написали. Впечатление ночи и воды поистине удивительны. Будто вдыхаешь аромат полевых цветов, не видя их. До встречи, волшебник»[7]. Доде лишь повторил в частном послании то, что он высказал публично. Следовательно, это не было простым комплиментом.

Эдмон Гонкур и Тургенев обменялись книгами в пору, когда происходило сближение двух писателей. Русский посылает французу свои «Московские повести» в переводе, осуществленном Мериме и самим автором; Гонкур отправляет ему «Шарля Демайи». В неизданном письме от 3 апреля 1872 г. он пишет своему русскому корреспонденту: «Благодарю за прекрасное и терпкое чтение, которое вы мне доставили! — Ваши Московиты[8] — живые, и какую художественную, утонченную и одновременно суровую реальность вы умеете им придать! Вы показали нам на днях впечатляющий портрет представителя русской литературной богемы, не позволите ли теперь и мне подарить вам изображение богемы, не обладающей высоким стилем? Это люди новой формации, но которые, как я полагаю, являются довольно верным отображением эксцентрического ничтожества света — трижды, увы! — стертого, как старый грош. Не представится ли возможность, М.г., иметь счастье побеседовать с вами — в тот день и час,

когда мы могли бы встретиться, не обеспокоив вас? Я бы очень желал этого»[9]. Тургенев отвечает Гонкуру три дня спустя: он начал читать историю Демайи и находит, что этот тип принадлежит своему времени, он встречается в любой стране, но в то же время это настоящий француз[10]. «Дневник» Эдмона Гонкура свидетельствует, что он был высокого мнения о Тургеневе-рассказчике. Однако ему пришлось, подобно Доде, пересмотреть свое к нему отношение в 1887 г., когда появились «Воспоминания о Тургеневе» Павловского, где последний изложил так называемые откровения об истинных чувствах Тургенева к его современникам. Доде, который в это время намеревался опубликовать отдельной брошюрой хвалебную статью о русском романисте, был потрясен; он добавил к тексту наскоро составленный постскриптум: «Тургенев с того света всячески поносит меня. Как писатель я ниже всякой критики, как человек — последний из людей»[11]. И Гонкур записал в «Дневнике» 10 октября 1887 г.:

> Тургенев был необыкновенным собеседником — это бесспорно, но как писатель он не заслуживает своей славы. Я не хочу наносить ему оскорбление, предлагая судить о нем по его роману «Вешние воды»... Да, это охотник-пейзажист, замечательный художник там, где он изображает потаенную жизнь леса, но слабый там, где изображает жизнь людей: его наблюдениям не хватает смелости. В самом деле, где в его произведениях первобытная грубость его страны — московская, казацкая грубость? Соотечественники Тургенева в его книгах, по-моему, таковы, словно о русских писал русский, который провел конец своей жизни при дворе Людовика XIV. Ибо помимо того, что по своему темпераменту он был чужд всему резкому, чужд беспощадно правдивому слову, варварски ярким краскам, ему была свойственна и досадная покорность воле издателя: о том свидетельствует «Русский Гамлет», из которого он изъял четыре или пять фраз, сообщающих произведению своеобразие, — я слышал, как он это признал, отвечая на замечания, сделанные ему Бюлазом.
>
> По поводу этого смягченного в романе характера, присущего народу его страны, и состоялся однажды между Флобером и мною самый ожесточенный спор: Флобер настаивал, что упомянутая грубость — плод моего воображения, и что русские скорее всего именно таковы, какими их

выставил Тургенев. С той поры романы Толстого, Достоевского и других, мне думается, доказали, что я был прав[12].

Да простят мне эту пространную цитату, которая дополняет одностороннее суждение, содержащееся в письме Гонкура, о котором я говорил минуту назад.

Гонкур воспользовался протекцией Тургенева, благодаря чему в России были опубликованы его собственные сочинения и произведения его брата: в русском переводе вышли «Жермини Ласерте», «Рени Моперэн», которые были напечатаны соответственно в «Вестнике Европы» и в «Отечественных записках».

В сентябре 1875 г. Золя опубликовал статью о братьях Гонкурах в «Вестнике Европы». Тургенев очень помог Золя, последнему участнику Кружка пяти. Почти вся их переписка, которая, по сути, является деловой корреспонденцией, посвящена сотрудничеству французского романиста в российском журнале «Вестник Европы». Из неизданных пока писем Золя я процитирую одно, которое представляется мне важным.

В сентябре 1875 г. Золя писал Тургеневу из Сент-Обэн-сюр-Мер: «Вы знаете, я буду вечно благодарен вам за то, что вы представили меня (Стасюлевичу). У нас превосходные отношения»[13]. Золя намеревался заключить соглашение с главным редактором «Вестника Европы» о публикации в этом журнале своего последнего романа «Его превосходительство Эжен Ругон». Но Золя проявляет порой чрезмерную подозрительность в отношении с русскими без достаточных на то оснований. Так, в 1877 г., не получив всей суммы гонорара, каковым он его предполагал, он решил, что Стасюлевич без его ведома сделал купюры в статье «Школа и школьная жизнь во Франции». Он пишет об этом одновременно (20 марта 1877 г.) Стасюлевичу[14] и Тургеневу[15]. Как оказалось, он ошибся в расчетах: редактор почти ничего не вырезал из последней корреспонденции Золя, в чем Тургенев заверяет его 9 дней спустя[16].

Золя находил вполне естественным, что Тургенев предлагал сюжеты для его хроник. Иван Сергеевич пишет ему 21 июня 1877 г. из Петербурга:

Я не сдержал своего обещания и не прислал вам тем до того как уехал из Парижа; очень прошу вас извинить меня. Но мне кажется, у вас была тема на июль. (Здесь были чрезвычайно довольны вашей статьей о военных[17], вы по-преж-

нему всеобщий любимец.) Что касается темы для статьи на август, то мне здесь пришла в голову одна мысль. Если вы не думаете приготовить очерк о закулисной жизни парижской журналистики, как я писал об этом Флоберу — не знаю, сообщил ли он вам об этой части моего письма, — быть может, вы хорошо сделали бы, прислав нам своего рода идиллистическое изображение юга Франции, где вы сейчас находитесь, описание образа жизни южан и т.д. и т.д. Как контраст, это произвело бы прекрасное впечатление, и я думаю, что вы бы отлично с этим справились и что это бы вас развлекло. Подумайте об этом[18].

Золя отвечает Тургеневу 29 июня из Эстака, что близ Марселя:

Благодарю вас за доброе письмо, которое принесло мне два превосходных сюжета: закулисная жизнь парижской журналистики и живописный этюд о Провансе и провансальцах[19]. Кроме того, я воспользуюсь вашей идеей написать о нашем общественном устройстве исходя из принципов 89-го года; вот и хлеб на целых три месяца. Я живу весьма уединенно, посреди прекрасной местности, на берегу моря. Совершаю долгие прогулки под соснами. Поедаю изумительную уху. Питаюсь устрицами. И много работаю. По приезде засел за свой роман. Он будет печататься в «Бьен пюблик» («Bien public») с 15 ноября, а в марте явится у Шарпантье. Очень досадно, что нельзя прежде устроить публикацию его перевода у Стасюлевича. Этот роман ему, безусловно, подошел бы: он выйдет куда менее жестким, нежели прежние. Поговорите с ним на сей счет и посмотрите, нельзя ли что-нибудь сделать. Я уже начал писать первые две главы и остался доволен. Я взял иную тональность по сравнению с «Западней», более высокую и проникновенную. Новостей от наших друзей не имею. Мне известно, что роман Доде[20] начнут печатать в «Тан», где только что опубликовали длиннейшую и малосимпатичную статью обо мне[21]. Флобер и Гонкур, должно быть, погружены в работу. Я видел в Марселе молодых людей, говоривших мне с восторгом о вашем романе «Новь». Вы намереваетесь затвориться в Буживале. Надеюсь все же, что вы будете работать. Вы не должны запираться в своем дому. Это было бы непростительно[22].

Роман, о котором упоминает Золя, — «Страница любви»; он будет опубликован в «Слове» в 1878 г. Фраза Золя об успехе в Марселе последнего романа Тургенева, напечатанного в фельетонах в «Тан» и отдельным изданием в начале мая 1877 г., должна была пролить бальзам на его раны. «Новь» весьма скверно приняли в России; Золя знал об этом, знал он и о том, что Тургенев решил вовсе оставить литературную деятельность, о чем свидетельствуют его громогласные заявления в письмах к Анненкову и Полонскому, датированных январем и мартом 1877 г.[23] Золя попросил Тургенева оказать помощь Жюлю Валлесу, жившему после падения Коммуны в лондонском изгнании, и также предоставить ему возможность публиковать свои статьи в России. Тургенев исполнил его просьбу с большой деликатностью, даже не сообщив Валлесу о своих хлопотах. Ему удалось добиться принципиального согласия в редакции нового журнала «Слово», который должен был выйти в свет в 1878 г. Валлес был, однако, сбит с толку разными вопросами технического характера: русский календарь не соответствовал европейскому; как велики должны быть высылаемые статьи? И самое главное — каково направление журнала и какие темы следовало поднимать? Вот отрывок большого письма, написанного им на Бернер-Стрит 13 декабря 1877 г.:

> От меня ждут ежемесячных корреспонденций, а теперь я узнаю, что способствовали в доставлении мне этой работы вы. Я обязан направлять статью в газету или журнал «Речь», «Слово» к 10/22 декабря или до 10/22 января (sic). Мне известно, что русский календарь отличается от нашего, но больше я ничего об этом не знаю, и нет уверенности, что если я пришлю мою статью через три дня, т.е. в понедельник, она прибудет вовремя, к номеру, выходящему 10/22 декабря. Надеюсь, 10-е русского стиля соответствует 22-му французского. Не будете ли вы так добры и на этот раз и не просветите ли меня на сей счет? Не могли бы вы также помочь мне советом? Не знаете ли вы, в каком жанре должна быть ожидаемая статья, докуда простирается мое право выбирать тему? Мой друг говорит мне о некоей хронике жизни мастерских, предместий, простого народа. Народ, предместья, мастерские в Лондоне не имеют ни жизни, ни физиономии. Должен ли я предстать серьезным социалистом или автором живописных корреспонденций?

> Я предпочел бы писать портрет нации — ее характер, нравы, ее прессу, литературу, государственные учреждения, делать пейзажные зарисовки или сочинять юмористические памфлеты. Я написал уже серию статей об Англии для «Événement», за подписью Z. Я смог бы продолжить ее в «Слове», если бы мне предоставили место, свободу писать по моему усмотрению, впрочем, я сумею соответствовать предлагаемым условиям[24].

Тургенев отвечает Валлесу на другой день из Парижа:

> Так как «Слово» представляет собой орган либерального направления — передового (насколько он возможен в России) — вы, конечно, поймете, какую окраску надо придать вашим корреспонденциям. Главное — никакой общей политики — особенно социальных очерков, освещающих положение низших слоев. В Лондоне нет предместий — но есть Сен-Джиль, Стренд и т.д. и т.д. Пишите юмористические, живописные, сатирические памфлеты — русская публика очень падка на такие вещи: отодвиньте печать, литературу на второй план; бытовые очерки, пейзажи (не слишком тщательно выписанные) — это очень хорошо. У нас очень ценят реализм; вся литература развивается теперь в этом направлении: не забывайте об этом. И не любят все английское — поэтому вы можете писать откровенно[25].

«Слово» опубликовало сокращенный перевод «Жака Вентра», романа Валлеса, под псевдонимом Жан Ла Рю.

Не забывал Тургенев и своих соотечественников. Он признал гений Толстого после публикации романа «Война и мир». Роман появился в 1879 г. во французском переводе княгини Паскевич. Тургенев получил в Париже 10 экземпляров, которые он разослал критикам и друзьям-писателям. Он пригласил к себе Эдмона Абу, чтобы вручить ему книгу[26]. Тогда они договорились напечатать в газете «XIX век», главным редактором которой был Абу, письмо Тургенева, посвященное шедевру Толстого[27]. Тогда же и Анатоль Франс получил экземпляр «Войны и мира» вместе с письмом Тургенева, датированным 15 января 1880 г. «Позволю себе послать вам “Войну и мир” — роман графа Льва Толстого, в настоящее время самого известного из русских писателей — и вполне достойного этой известности. Роман близок к совершенству; это самое заме-

чательное произведение в русской литературе. Зная, какую симпатию вы питаете к моей стране, надеюсь, что вы соблаговолите побеседовать в “Temps” о “Войне и мире”. Все русские, в том числе и автор, и пишущий эти строки, будут вам очень за это признательны; смею надеяться, что и французские читатели тоже»[28].

Я хотел бы привести неизвестный доселе ответ Франса в письме от 2 февраля 1880 г.:

> Милостивый государь и дорогой мэтр,
>
> Для романа не может быть лучшей рекомендации, чем Ваша. Я прочту сочинение гр. Толстого со всем вниманием, на какое способен. Но этого будет недостаточно, если вы не присоедините вашего мнения к моему. Не позволите ли мне явиться к вам на днях, чтобы поговорить об этом[29].

Но назавтра Тургенев покидал Париж, и замысел предполагаемой статьи, как видно, остался неосуществленным.

Перехожу к историкам. Мишле и Тургенев повстречались поздно, лишь в январе 1873 г.[30], за год до смерти историка. Они могли познакомиться благодаря их общему другу Луи Виардо. Мишле с давних пор знал семейство Виардо; он восхищался Полиной, великой певицей, он с уважением относился к ее мужу, знатоку Испании и искусствоведу. Луи Виардо был большим другом Тургенева, который вместе с ним переводил собственные сочинения и произведения Пушкина и Гоголя. Они переписывались в течение долгих 35 лет. Мною опубликованы многочисленные письма Тургенева к Полине, ее дочери Клоди и ее мужу Луи Виардо, равно как и некоторые ответные письма Полины и Луи. Тургенев на протяжении 40 лет был верным рыцарем г-жи Виардо, которой он оставил свое состояние. Благодаря ей сохранился архив русского писателя, и мы получили доступ к нему, по крайней мере, в какой-то его части.

Мишле была необходима библиография о России для 2-го и 3-го томов его «Истории XIX века». Он обратился к Луи Виардо 26 декабря 1872 г.:

> Если бы вы не сказали мне, что г-н Тургенев болен, я просил бы вас (хотя сам еще не вполне здоров) представить меня ему. Я готовлю к изданию т. 2-й (уже отпечатанный) и т. 3-й, который уже в наборе, моей «Истории XIX века». В ней я намерен уделить серьезное внимание славянам, ко-

торыми до сих пор мало занимались. Даже в моих трудах (посвященных Польше, времен моего друга Мицкевича) я писал в защиту России, быть может, еще более несчастной, чем Польша. Я отдал должное великому сердцу бедного Павла I, который проникся великой славянской идеей. Я позабыл немецкий язык и вынужден пользоваться исключительно французскими и английскими книгами. Я был бы весьма признателен г-ну Тургеневу, если бы он соблаговолил указать мне лучшие из них для моей работы, особенно те, что относятся к 1800 году и к современному процессу освобождения[31].

Виардо и Тургенев жили в доме № 48 по улице Дуэ. Французский литератор передал своему русскому другу просьбу Мишле. Тургенев тотчас же обратился к молодому русскому историку Софье Кавелиной, посвятившей себя как раз изучению истории второй половины XVIII в.[32] «Знаете ли Вы на *немецком* или *английском* языке монографии царствования императора *Павла*. Если знаете, сообщите поскорее заглавие; меня просит об этом Мишелэ»[33]. Скорее всего именно Софья Кавелина выслала Тургеневу документ, опубликованный в России за два года до этого: речь идет о докладной записке Ростопчина Павлу I о внешней политике России. Тургенев взял на себя труд перевести ее для Мишле[34], и тот благодарил его за все эти сведения в ряде писем, датированных январем–маем 1873 г., равно как и в двух примечаниях к его «Истории XIX века».

Корреспонденты обмениваются мнениями об историках, посвятивших свои труды России. Мишле интересуется точкой зрения Тургенева на сочинение Шницлера «Жизнь Александра I»[35]. В записке, которую я, исходя из контекста, датирую маем 1873 г., он пишет своему русскому адресату: «Правда ли, что большой труд, который вы мне прислали, переведен на французский язык? Если это так, мне, наверное, не стоит лишать вас немецкого оригинала, который уж точно мне не понадобится? Во всяком случае, благодарность моя останется неизменной»[36].

Мишле весьма доволен первоисточниками, которые доставляет ему Тургенев, ибо сам он передвигаться не может, будучи постоянно болен. Тургенев, со своей стороны, счастлив оказать ему услугу: Мишле поразил его еще в 1847 г., когда, по всей видимости, он посещал его лекции в Коллеж де Франс и когда оценил его «Историю французской революции»[37].

Письма Тэна к Тургеневу, как мне кажется, представляют наибольший интерес. К сожалению, они немногочисленны. До сих пор было известно лишь одно: в нем содержится отрицательная оценка романа Флобера «Бувар и Пекюше». Четырьмя годами раньше Тэн адресовал русскому другу поздравления в связи с его рассказом «Живые мощи», напечатанным в «Тан» 8 апреля 1874 г. Было известно из писем Тургенева к его русским друзьям, что историк написал ему восторженный отзыв. Вот он: «Вчера вечером, придя домой, я нашел в “Temps ” вашу “Лукерью”; какой шедевр! Жму вашу руку почтительно и восхищенно и, если бы я осмелился, то хотел бы расцеловать вас. Какой урок нам, и какая свежесть, какая глубина, какая чистота! Как это доказывает нам, что наши источники иссякли! Мраморные карьеры, где лишь лужи, покрытые илом, а рядом — наполненный до краев неиссякаемый источник. Какая жалость, что вы не француз! Простите меня за дерзость; впервые пришлось мне вот так, без долгих раздумий, писать автору о его сочинении. Ваш И. Тэн»[38].

Письмо попало по назначению, а Тэн выразил главную мысль о прочитанном в примечаниях к 1-му тому своего сочинения «Происхождение современной Франции»: «В наши дни состояние верующей души превосходно описано в таких литературных произведениях, как “Паломничество в Кевлар” Гейне и “Живые мощи” Тургенева»[39].

Жорж Санд также полюбился этот рассказ Тургенева. Прошло несколько дней после хвалебного письма Тэна, и Тургенев получил следующий, весьма лестный для него отзыв уже немолодой писательницы: «Мы все должны пройти вашу школу, все, без исключения, даже великий лама Виктор Гюго»[40]. Санд была очарована и другими произведениями Тургенева. Подобно Доде, она сказала после появления «Вешних вод»: «Кажется, будто входишь в чудесный, залитый солнцем сад»[41]. До конца дней она будет читать все, что печатал Тургенев на французском языке. В неопубликованном письме от 1 апреля 1876 г. она писала ему по прочтении рассказа «Часы»: «“Часы” — еще одна жемчужина, и я жду другой, это не то что устрицы. Чем больше ешь, тем больше хочется»[42]. Тогда же она послала Тургеневу сборник новелл, в котором он найдет «Контрабандиста»; последний должен был особенно заинтересовать его: Санд строит эту «лирическую историю», как она ее называет, на основе испанской песенки «Jo que soy contrabandista» («Меня зовут контрабандистом»), некогда сочинен-

ной тенором Мануэлем Гарсия, отцом Полины Виардо, и использованной также Виктором Гюго в «Бюг Жаргале».

Из четырех неизданных писем, которые нам удалось прочесть[43], наиболее интересное датировано 1 апреля 1875 г.: «Живейшее наслаждение доставило мне чтение прелестного рассказа “Пунин”. <...> Вот еще один шедевр. Как милы сердцу ваши герои! Как они правдивы и трогательны! Вас называют реалистом, что неверно, ибо прежде всего вы — большой поэт, но если написанное вами принадлежит реализму, я приветствую эту школу, такой, как вы ее понимаете, я вижу в ней образец для подражания»[44].

Суждение Жорж Санд совпадает с мнением Мопассана, который скажет пять лет спустя, что Тургенев — «наблюдатель объективный и одновременно чуткий»[45].

Тургенев был куда менее снисходителен к Санд, нежели она, выказывавшая ему искреннюю симпатию. В некрологической статье «Несколько слов о Жорж Санд», опубликованной им в одной русской газете[46], он лишь воспроизвел восторженное письмо Полины Виардо, которая была близкой подругой романистки и послужила прообразом ее героини Консуэло.

Доде, Флобер, Тургенев и Мопассан. Дружеский шарж Ги де Мопассана

Тургенев говорил в частных беседах и писал, что Санд не удалось быть правдивой и что из написанного ею останутся только ее мемуары: «Письма путешественника из Венеции» и «Дневник путешественника времен войны 1870 года». В 1852 г., сравнивая русские романы Евгении Тур с сочинениями Жорж Санд, он утверждал следующее: «в женских талантах (и мы не исключаем самого высшего из них — Жорж Санда) есть что-то неправильное, нелитературное, бегущее прямо из сердца, необдуманное, наконец...»[47].

Если подвести итог переписки, существовавшей между Тургеневым и французскими писателями в 70-е гг., можно заметить, что русский романист находил время и для рекламы литературы, и для масштабных библиографических поисков, и, что очень важно, для налаживания личных и творческих связей между представителями интеллектуальной элиты разных стран. Обладавший особой открытостью миру, Тургенев предстает подлинным компаративистом. Это очень хорошо почувствовал Мопассан: «Его литературные мнения имели тем большее значение и цену, что он судил не с исключительной и узкой точки зрения, как все мы, но отыскивал сравнения в литературах всех народов, которые знал основательно, расширяя таким образом область своих наблюдений, делая сопоставления между книгами, появившимися на двух концах света, на разных языках»[48].

Примечания

Доклад, представленный 15 ноября 1974 г. на коллоквиуме «Франция и славянский мир», организованном университетом Новая Сорбонна под патронажем ЮНЕСКО.

Опубликовано в Cahiers Tourguéniev. № 1. 1977. P. 17–29.

1 BN. n.a.fr. 16275, f. 257 v.–258 r.

2 См. письмо Тургенева Мопассану от 3/15 ноября 1880 г. (Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 2. 1967. С. 327).

3 BN, n.a.fr. 16275, f. 255.

4 Тургенев. Т. XII. Кн. 1. 1966. С. 67. Стасюлевич отказался напечатать этот рассказ, что вызвало гнев Тургенева, назвавшего его «бесчувственной скотиной» (неопубликованное письмо Мопассану от 17 марта 1881 г. из собрания Марсан: см. Каталог аукциона от 17 июня 1976 г. в Hôtel George V, № 174).

5 BN, n.a.fr. 16275, f. 168.

[6] Alphonse Daudet. Tourguéneff // Trente ans de Paris. Paris, Librairie de France, 1930. P. 75.

[7] S.1. n.d., BN, n.a.fr. 16275, f. 167.

[8] «Les Nouvelles Moscovites» вышли в свет в издательстве Этцеля в 1869 г. Мериме перевел рассказы «Жид», «Собака», повесть «Петушков», фантазию «Призраки», Тургенев — «Асю», рассказы «Бригадир», «История лейтенанта Ергунова».

[9] Неопубликованное письмо Эдмона Гонкура Тургеневу от 3 апреля 1972 г. Собрание Ле Сена.

[10] См. письмо Тургенева Э. Гонкуру от 6 апреля 1872 г. (Тургенев. Письма. Т. IX. 1965. С. 251).

[11] *Daudet A.* Tourgueneff (op. cit., p. 84).

[12] *E. et J. de Goncourt*. Journal. Textes intégral établi et annoté par Robert Ricatte. Monaco, 1956, t. XV, p. 40.

[13] Оригинал в собрании Ле Сена.

[14] См.: *Florence Montreynaud*. La Correspondance entre Zola et Stassioulévitch, directeur du «Messager de l'Europe» // Cahiers naturalistes. № 47. 1974. P. 10.

[15] Оригинал в собрании Ле Сена.

[16] См. письмо Тургенева Золя от 17/29 марта 1877 г. (Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 1. 1966. С. 126).

[17] *Золя Э.* Мои воспоминания военного времени // Вестник Европы. 1877. № 6. С. 833–858.

[18] Письмо Тургенева Золя от 9/21 июня 1877 г. (Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 1. С. 171).

[19] *Золя Э.* Французская печать // Вестник Европы. 1877, август. С. 794–821; Наиса Микулен // Там же. 1877, сентябрь. С. 416–446.

[20] «Набоб».

[21] Ее автором был Анатоль Франс (Le Temps, 27 juin 1877).

[22] Письмо Золя Тургеневу от 29 июня 1877 г. Из собрания Ле Сена.

[23] Письма Тургенева П.В. Анненкову от 10/22 января 1877 г. и Я.П. Полонскому от 18, 21/2, 5 марта 1877 г. (Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 1. 1966. С. 61–62, 101–102).

[24] Письмо Ж. Валлеса Тургеневу от 13 декабря 1877 г. Из собрания Ле Сена.

[25] Письмо Тургенева Ж. Валлесу от 14 декабря 1877 г. (Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 1. 1966. С. 243–244).

[26] См. неопубликованное письмо Эдмона Абу к Тургеневу от 28 декабря 1879 г. Из собрания Ле Сена.

[27] Письмо Тургенева редактору «Le XIX siècle», датированное 20 января 1880 г. см. : Тургенев. Соч. Т. XV. 1968. С. 186–187.

[28] Письмо Тургенева А. Франсу от 3/15 января 1880 г. (Тургенев. Письма. Т. XIII. Кн. 2. 1968. С. 224).

29 Неопубликованное письмо А. Франса Тургеневу от 2 февраля 1880 г. Из собрания Ле Сена.

30 В понедельник, 6-го «когда придет г-н Тургенев (по поводу царя Павла)», отмечает Мишле в своем «Дневнике» (éd. Claude Digeon, Paris, Gallimard, 1976, t. IV, p. 351).

31 Неопубликованное письмо Мишле Луи Виардо от 26 декабря 1872 г. Из собрания Ле Сена. См. также: Michelet. Journal. 26 décembre 1872: «Написал Виардо для Тургенева» (éd. cit., t. IV, p. 347).

32 См. Zviguilsky Tamara. À propos d'un centenaire: une correspondance de Tourguéniev, Sofia Kavélina (1851–1877) // Cahiers Tourguéniev. № 1. 1977. P. 9–17.

33 Письмо Тургенева Софье Кавелиной из Парижа от 21 декабря / 2 января 1873 г. (Тургенев. Письма. Т. X.1965. С. 50). Кавелина — автор статьи «Общественные идеалы в эпоху Екатерины II» (Вестник Европы. 1876. № 1. С. 49–83).

34 Историк записал в своем «Дневнике» 7 февраля: «Тургенев выслал мне записку о Павле I» (J. Michelet. Journal. Éd. citée, t. IV, p. 352). Благодаря письму Мишле к Тургеневу от 27 января 1873 г. (BN, n.a.fr. 16275, f. 306) мы знаем теперь, что последний сделал французский перевод записки Ростопчина: этот перевод не приводится ни в одном источнике; рукопись находится, вероятно, в архиве Мишле.

35 Письмо Мишле Тургеневу от 3 марта 1873 г. Из собрания Ле Сена. Речь, по-видимому, идет о книге: *Jean-Henri Schnitzler*. Études sur l'empire des tzars. Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas. Paris, 1847 (2 vol.).

36 BN, n.a.fr. 16275, f. 308. М. Кадо указал мне, что речь не может идти о 3 томах сочинений Гакстхаузена (Études sur la situation intérieure de la Russie), которые были давно известны Мишле (См.: J. *Michelet*. Légendes démocratiques du Nord. Introduction, notes et index par Michel Cadot. Paris, 1968).

37 См.: Письма Тургенева к Полине Виардо от 8, 14, 19 декабря 1847 г. и от 4 января 1848 г. (Тургенев. Письма. Т. I. 1961. С. 274, 277, 279, 285).

38 Неопубликованное письмо Тэна к Тургеневу от 8 апреля 1874 г. (BN, n.a.fr. 16275, f f. 312–313). См. статью «Тэн и Тургенев» в настоящем сборнике. — *Ред.*

39 *H. Taine*. Les origines de la France contemporaine. T. I: L'Ancien régime. 2-eme éd. Paris, 1876, p. 7–8, n.

40 Оригинал этого неопубликованного письма Жорж Санд к Тургеневу от 13 апреля 1874 г. был продан на аукционе в 1938 г. Единственный известный отрывок из

него был напечатан в журнале «Интернациональная литература». 1939, № 1. С. 227 А.

41 Письмо Жорж Санд к Тургеневу от 1 сентября 1873 г. (там же). В своем докладе <...> Элен Фуше высказала мнение, что некоторые пейзажи Жорж Санд напоминают русские просторы (см.: George Sand et Tourguéniev // Bulletin de liaison de l'Association des Amis de George Sand, octobre 1976, p. 16–17).

42 Неопубликованное письмо Жорж Санд к Тургеневу от 1 апреля 1876 г. Андре Ле Сен приобрел оригинал письма в марте 1972 г.

43 Три письма хранятся в собрании Ле Сена, одно — в Национальной библиотеке (BN. n. a. fr. 16273, f. 99 (6 septembre 1873).

44 Неопубликованное письмо Жорж Санд к Тургеневу от 1 апреля 1875 г. Из собрания Ле Сена.

45 Maupassant. L'inventeur du mot «nihilisme» // Études, chroniques et correspondance de Guy de Maupassant. Paris, 1938, p. 38.

46 Новое время, 15/27 июня 1876 г. См.: Тургенев. Соч. Т. XIV. 1967. С. 232–234.

47 Рецензия Тургенева на роман Евгении Тур «Племянница» (Тургенев. Соч. Т. V. 1963. С. 374).

48 Maupassant. «Ivan Tourguéneff» in «Études...», op. cit., p. 90.

Пер. Л. Балыковой

Мериме и Тургенев — послы разных культур

Поскольку я выступаю последним на этом коллоквиуме, то по логике вещей должен подвести итог 15 выступлениям, прозвучавшим в связи с 200-летием со дня рождения Мериме. Как и вы, я многое из них узнал, но мне бы не хотелось обобщать выступления (задача довольно сложная и деликатная), а хотелось бы поделиться кое-чем из простых, но новых наблюдений.

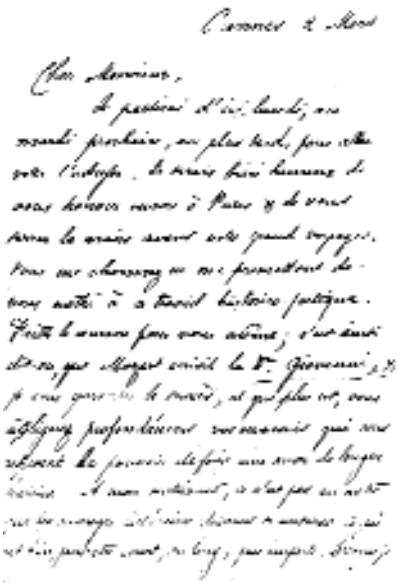
Когда мы совместно с Тьерри Освальдом выбирали и определяли основное название коллоквиума, я был далек от мысли, что в своем выступлении мне придется с ним не соглашаться, приводя ряд противоречащих названию доводов.

Да, для меня Мериме и Тургенев едва ли не stricto sensu, послы культурной Европы (или, если хотите, европейской культуры). Определение «посол культуры» как нельзя лучше соответствует каждому из них.

Мериме, конечно же, носил зеленый мундир — костюм сенатора на английский манер, но ведь не одеяние делает монаха, а тем более посла. В действительности же Мериме обладал слишком независимым умом, чтобы вести себя подобно чиновнику, который спешно, не задумываясь, выполняет любое поручение. Он, прежде всего, был мастером — писателем и художником, и в то же время исполнял обязанности инспектора по охране исторических памятников. Завтра открывается выставка в музее Тургенева, посвященная Мериме. Она как раз и покажет нам его прекрасные копии Веласкеса, его мастерство художника — акварелиста, карикатуриста. Вчера Жан Клод Мену нам красочно обрисовал такую же картину успехов писателя и в области архитектуры. Мериме в личном порядке договорился с Великим князем

Александром Николаевичем (будущим царем-освободителем Александром II) о получении из Санкт-Петербургской Императорской библиотеки материалов Археологической комиссии. Именно поэтому мы уверены в подлинности документов, которые приводим в приложении. В своих новеллах или в драматических произведениях он изображал нравы разных народов, но не как представитель этих наций или их вождь, а как творец. Вот почему термин «посол» мне кажется не соответствующим действительности, даже если употреблять его в переносном смысле.

То же самое я мог бы сказать и о Тургеневе. Являясь официальным представителем России на Международном литературном конгрессе в Париже в 1878 г., он меньше всего старался выпячивать свой официальный статус. Сидя рядом с Виктором Гюго, поскольку был вице-президентом конгресса и главой русской делегации, Тургенев закончил свое выступление 17 июня такими словами: «Произошло новое и удивительное явление в истории России, когда простому и скромному писателю, не имеющему никаких чинов в общественной иерархии, не дипломату, не военному, доверена честь выступать перед вами от имени своей стра-



Письмо Проспера Мериме к И.С. Тургеневу. 2 марта 1865

ны, приветствовать Париж и Францию как средоточие великих мыслей и благородных устремлений»[1].

Писатель выделил три даты, ознаменовавшие, начиная с XVII в., сближение России с Францией: 1678 г. — когда впервые была представлена пьеса Мольера «Лекарь поневоле», переведенная на русский язык царевной Софьей; 1778 г. — когда драматург Фонвизин был свидетелем триумфа Вольтера в «Комеди Франсез» и восторженно описал его в отечественной прессе; 1878 г. — когда успех Вольтера как эстафету принял Виктор Гюго. В заключение Тургенев, сидящий рядом с французским поэтом, сказал: «Русская словесность наконец-то признана. Она имеет право быть известной в Европе (Пушкин, Лермонтов, Крылов, Гоголь)»[2].

Единственным критерием для него был дух (esprit), в данном случае, как во французской литературе, так и в литературе английской (Шекспир, Вальтер Скотт, Байрон, Диккенс), литературе немецкой — Гете, Шиллер, или испанской — Сервантес. Помимо латинского и греческого, Тургенев знал все славянские языки. Это позволило ему помогать Мериме переводить как с русского, так и с украинского языков. Тургенев владел в совершенстве французским, английским и немецким языками, читал в оригинале «Дон Кихота».

Его alter ego Проспер Мериме одинаково хорошо владел английским, испанским и русским, переводил Гоголя, Пушкина, Тургенева.

Теперь об их отношении к искусству. Как уже говорилось, Мериме отдавал предпочтение живописи и архитектуре, Тургенев же был всецело увлечен музыкой, постоянно находясь в музыкальном окружении рядом с Полиной Виардо, французскими и русскими композиторами. В молодости, путешествуя, он восхищался Римом и его окрестностями и написал очерк, вдохновленный природой и архитектурой Альбано и Фраскати. К концу жизни писатель имел возможность увидеть в Берлине горельефы и алтарь, посвященный Зевсу, обнаруженные при раскопках в Пергаме: на них изображена борьба богов с гигантами. У Тургенева, как и у Мериме, отношение к памятникам прошлого носило сакральный характер.

Огромной заслугой Тьерри Освальда является то, что впервые при изучении переписки Мериме с Тургеневым (сто писем) акцент делается на преемственности двух писателей, когда старший внушал младшему литературные заповеди, которым тот должен

был следовать[3]. Например, отказаться от малой литературной формы (рассказа или повести), чтобы заняться романом[4]. И, по-моему, ученик очень скоро опередил учителя в том, что касалось именно жанра романа. Третий по счету роман Тургенев назвал «Накануне» и опубликовал в 1859 г., спустя два года после знакомства с Мериме. Как раз в это время Мериме после поездки в Венецию уходит в отставку с поста главного инспектора по делам сохранности исторических памятников.

Я хотел бы сделать предварительное замечание по поводу названия романа, которое, собственно, и прояснит мою точку зрения. Как понять то, что Тургенев хотел заставить поверить, что название «Накануне» является прямой указкой на только что начавшуюся законным путем грандиозную реформу, связанную с отменой крепостного права, а в это же время его героиня Елена, буквально сгорая от нетерпения, желает увидеть радикальные изменения всего уклада жизни. Сюжет намеренно выстраивается вокруг несбыточной мечты, связанной с историей болгарского патриота Инсарова, революционера, жаждущего освободить свою страну от оттоманского ига. Идея же романа раскрывается во время путешествия в Венецию, где Инсаров познает, не без

Проспер Мериме в костюме сенатора

удовольствия архитектуру, города и шедевры итальянских художников[5].

Эта развязка сюжета вызвала в свое время скандал в кругах русских прогрессистов, увидевших в ней предательство революционной идеи, оставшейся неосуществленной в романе. Урок, который дает роман, можно истолковывать по-разному. Прежде всего, Тургенев хотел показать важность художественного воспитания в формировании личности. Этой общей концепции человека, обогащенного культурой, ставшей приоритетной по отношению к другим духовным ориентирам, он противопоставляет его изначальную природу, достаточно агрессивную, воинственную, мешающую человеку оставаться свободным.

«Ходить вдвоем с любимым существом в чужом городе, среди чужих как-то особенно приятно: все кажется прекрасным и значительным, всем желаешь добра, мира и того же счастья, которым исполнен сам».

Мир представляется очень хрупким, когда видны в самом городе австрийские пушки, торчащие у Дворца дожей.

Освобождение личности через культуру человека становится основным кредо Тургенева, стремящегося создать образ положительного героя, нового человека.

Следующий роман «Отцы и дети», к которому Мериме написал предисловие, уже представляет нам образ этого нового человека — Базарова, врача-нигилиста, видящего благо людей в науке. Таким образом, искусство и наука у Тургенева и должны определять прогресс человечества.

Тургенев, прочитав основные литературные произведения Мериме, в которых преобладают персонажи, не останавливающиеся перед насилием и кровью, не вдохновляется ими. Единственный важный для Тургенева образ — это сам Мериме: Мериме — покровитель искусств, посвятивший из чувства высшего долга 25 лет жизни сохранению и приведению в порядок исторических памятников своей страны как чиновник, имевший возможность обеспечить им долголетие.

Взаимовлияние у Тургенева и Мериме проявляется в том, что первый, начиная с 1859 г., перешел к крупной литературной форме (роман «Накануне»), за которую ратовал Мериме, написавший предисловия к двум последующим романам. Знаком, или доказательством, такого взаимовлияния служит трактовка в романе «Накануне» темы вендетты, очень близкой Мериме. Тургенев вдохновился ею, скорее всего, прочитав «Коломбу» (1840). Я

напомню, что красавица Катерина, дочь настоящей Коломбы, требует, чтобы ее брат, вернувшись с военной службы, отомстил за убитого отца. А вот что мы читаем в X главе романа «Накануне»: «В 1835 году, стало быть 18 лет тому назад, совершилось страшное злодеяние: мать Инсарова вдруг пропала без вести, через неделю ее нашли зарезанною. Ходили слухи, что ее похитил и убил турецкий ага; ее муж, отец Инсарова дознался правды, хотел отомстить, но только ранил агу... Его расстреляли».

— Расстреляли? Без суда? — удивилась Елена, подруга Инсарова.

В XIV главе она решается прямо спросить у Инсарова:

«— Скажите, встретились ли Вы с тем человеком?

— Я понимаю, о каком человеке Вы сейчас упоминаете. Нет, я не искал его. Я не искал его не потому, чтоб не почитал себя вправе убить его — я бы очень спокойно убил его, — но потому что тут не до частной мести, когда дело идет о народном, общем отмщении... или нет, это слово не годится... когда дело идет об освобождении народа. Одно помешало бы другому. В свое время и то не уйдет... и то не уйдет, — повторил он и покачал головой».

И.С. Тургенев.
Фотография Тиссье.
1871

Идея вендетты уходит, поглощается атмосферой великолепия Венеции и всемогуществом любви.

«Мы нынешний день отдадим друг другу, позабудем о политике, о войне, обо всем, будем знать только одно: что мы живем, дышим, думаем вместе, что мы соединены навсегда».

Такая радость жизни, такое веселье пары нисколько не чуждо самому Мериме — всегда влюбленному, мастеру искусства любовного обольщения[6].

Складывается впечатление, что случайно сказанные Еленой слова, приведенные ниже, становятся смыслом последующей жизни Мериме.

«Речь идет о вопросе менее важном, чем судьба моей родины, однако достаточно важном для того, чтобы от успеха или неуспеха этого предприятия зависела моя жизнь и мое счастье»[7].

И снова Италия, и снова тема любви (Эрос), которые сблизили Проспера Мериме и Ивана Тургенева. В качестве источников, послуживших написанию новеллы «Il viccolo di Madama Lucrezia» обычно называют авторов фантастических рассказов Нодье, Гоффмана, Арнима[8]. Однако эта автобиографическая новелла имеет сходство с автобиографическим рассказом «Три встречи» (1852), который специалисты-тургеневеды рассматривают как знаковый в творчестве Тургенева. Три встречи с незнакомкой. Пение ее звучало в Сорренто, а писатель снова слышит его в Глинном, что находится в 15 км от Спасского — родового имения Тургенева.

Таким образом, мы видим, что русская новелла была поэтическим перифразом события, происшедшего в жизни: обычного любовного приключения, инициатором которого была женщина. По признанию Тургенева, историю, случившуюся на самом деле, рассказал Эдмон Гонкур[9].

То же видно в описании истории Лукреции, где постоянно присутствует влечение рассказчика (т.е. самого Мериме). В заброшенном и грязном доме молодая женщина может предложить своему любовнику Оттавио только широкое кресло из черной кожи, «не покрытое пылью». Сам акт любви здесь не описан, он просто подсказан. Мериме необходимо было прозрачно намекнуть на вышеупомянутое кресло. Жаль, что не было Гонкура, чтобы описать то, что реально происходило в Риме с отцом Мериме. Нет невозможного и в том, что Русский рассказал про свое любовное похождение сыну Леонора[10], который всегда готов был распространяться о своей личной жизни.

Есть еще три эпизода-встречи в новелле Il viccolo: мимолетное видение женщины в белом в окне дома № 13[11], неясное видение человеческого силуэта, выделяющегося на фоне черной комнаты, и, наконец, встреча с Лукрецией в номере[12].

Мы просмотрели 25 совпадений в двух текстах, в результате чего возникла сложная проблема с датами[13].

Три встречи	*Il viccolo di Madama Lucrezia*
— ночь давно стала на небе	— Пробило полночь
— с обеих сторон улицы тянулись каменные ограды садов	— тянулись ограды садов
— из небольшого павильона, надстроенного над самой стеной ограды; в павильоне были два окна	— Это отнюдь не было палаццо, совсем напротив. В углу сада возвышался маленький павильон в один этаж с двумя окнами на улицу
— стройная женщина вся в белом быстро выставила из окна свою прелестную головку и, протянув ко мне руки, проговорила: «Sei tu?»	— я разглядел у окна женщину в белом, протянувшую ко мне руку
— мужчина такого же роста как я	— правда, ростом и фигурой я похож на дона Оттавио
	— вы почти одного возраста
	— куда Вы идете в такой час, дон Оттавио? [...] — Я не дон Оттавио.
— я проходил два часа	— три или четыре вечера подряд я караулил под ее окнами
— похаживал я по росистой траве	
— мне будто почудилось чье-то тихое дыхание за потемневшим окном, то слышался какой-то шорох и тихий смех	— я явственно услышал женский смех за ставнями окна
— Скажи, пожалуйста, сколько твоей барыне лет? — Не знаю. Лет за сорок будет – а сорок? А сестре ее сколько будет? — А той под сорок — Неужто! И хороша она собой? — Кто, сестра-то? — Да, сестра. — Не знаю, как кому покажется. — По-моему, нехороша — А что? — Так неказиста больно. Моглява маленько.	— Это моя добрая приятельница Розина. Года полтора тому назад она была украшением этой улицы. Правда, она с тех окривела, но это пустяки... Она еще очень недурна в профиль.
Я положил сперва разузнать в деревне, кто именно приехал в усадьбу и чья она [...] В деревне я от двух отправлявшихся на работу мужиков узнал все, что мог только узнать от них.	— я обратился к каким-то беднякам, жившим по соседству, чтобы узнать, где обитает сторож

Нельзя же было предполагать, что и мужику приказано было молчать о моей незнакомке	— Значит, здесь никто не живет? (...)
— В доме, ты говоришь, никого нет; Можешь ты показать мне его?	— Ни одной души (...) — Сюда приходит женщина — Женщина, помилуй бог! — Да, я вчера вечером видел ее, даже разговаривал с ней.
— Мы вошли в дом. Он весь состоял из пяти-шести низеньких комнат...мебель в этих комнатах была весьма простая и дряхлая. В нем и пахло чем-то мертвенным и душным — нежилым;	— Мы вошли в темный коридор, куда выходил ряд низеньких комнат. Запах плесени во всех комнатах ясно показывал, что в них давно никто не жил
— стоял букет из полузавядших цветов в стакане	— два лепестка розы, лежавшие на панели около самой двери, свидетельствовали о том, что возле дома не подметали
— Покажи мне. Я вот видишь ли, я желал бы ... я хочу у себя в деревне точно такой же дом	— Дом продается или сдается — Вы хотите его снять?
— Лукьяныч удавился. Так посреди комнаты и повесился.	— Старуха показывала мне на консоль, поддерживавшую главную балку зала. — [Лукреция] повесилась. Вон на той балке — Что-то белое свешивалось из окна. Это была веревка с узлами.
— решился отправиться в маскарад, в Дворянское собрание	— Мы находились неподалеку от какого-то большого дома, где давали бал.
— женщину в черном домино	— женщина, вся в белом, с черной мантильей на голове — Рома, 18**
— шестого мая 184* в Сорренто в десять часов вечера в улице Della Croce	— Будучи молоды и влюблены, Лукреция и Оттавио не жаловались на недостаточность меблировки, которая, как я уже говорил, сводилась к одному старому кожаному креслу.
— Мы прошли несколько комнат ... наконец в одной из них она остановилась перед небольшим диваном у окна и села. Я сел подле нее.	
— случай, который сталкивал меня с вами, делал меня невольным свидетелем того, что может вы бы пожелали сохранить в тайне.	— к несчастью, во всем этом приключении на мою долю выпала только роль наперсника

Иван Тургенев — творческий двойник Мериме? Двадцать пять совпадений в текстах заставляют об этом задуматься. Тургенев подозревал автора «Матео Фальконе» в удачной имитации, даже если источник его имитации был не так уж хорош[14]. Он писал Полине Виардо 25 мая 1874 г.: «Раз уж Вы прочитали “Матео Фальконе” Мериме, прочитайте также “оригинал” в томике Шамиссо, который у Вас есть, и сравните»[15]. Судя по тому, что спустя 15 дней Полина похвалила своего друга, она прочитала Шамиссо: «Все, что Вы говорите о Мериме, — сущая правда»[16].

«Правда» не могла не проявиться. Для нас же важнее утверждение Мериме в «Il viccolo di madama Lucrezia» всей силы чувственной любви, испытанной им, где немыслимо схожие фразы повторяются до бесконечности.

Почти полное отсутствие писем Мериме после смерти Тургенева в его основной переписке наводит на мысль, что их тринадцатилетняя дружба была предана забвению. Однако есть одно обстоятельство, доказывающее обратное: присутствие русского писателя в четверг 8 января 1874 г. на заседании, на котором был принят в члены Французской академии вместо выбывшего Мериме Луи Леонард де Ломени[17]. В своей речи по случаю принятия его в члены Французской академии де Ломени не преминул напомнить, что за шесть часов до последнего вздоха Мериме писал Тургеневу[18]. Следовательно, его последние мысли были обращены к русскому другу. Кажется логичным, что новый академик располагал биографическими сведениями о своем предшественнике, получив их от того, кто знал близко Мериме. Письмо Ивана Фани Тургеневой от 27 июня 1872 г., опубликованное в приложении, свидетельствует о том, что Тургенев согласился поделить-

Рисунок пером Проспера Мериме. 1864

ся своими воспоминаниями о Мериме с де Ломени[19], который должен был их широко использовать или хотя бы процитировать в своем выступлении[20]. Но де Ломени о них не упомянул.

Мы уже отметили, что фантастическая сказка «Сон», опубликованная в 1877 г., была навеяна пребыванием русского писателя летом 1872 г. в Сент-Валери сюр Сомм[21]. Мысль воздать почести ушедшему из жизни другу могла созреть у Тургенева в тот момент, когда он готовил воспоминания о Мериме.

Многие важные детали этой сказки позволяют рассматривать ее как мужскую версию «Венеры Илльской». Если тема супружеской неверности — общая для двух новелл — облекается здесь и там в фантастическую форму, можно говорить об одном и том же, именно русском источнике.

Вот так на горизонте вырисовывается посмертная преемственность[22]. Флобер мгновенно уловил главную черту «Сна» Тургенева, которую отметил в письме от 26 января 1867 г.: «Ваша “маленькая шалость” — шедевр <...> какое “адское насилие”!»[23]

В «Венере Илльской» драма происходит случайно из-за обручального кольца, которым с пальцем бронзовой статуи развлекался молодой жених Альфонс. Статуя сдвинулась с места, пришла к супружескому ложу и задушила на глазах у невесты неверного жениха. В рассказе «Сон» человек, который насилует мать молодого рассказчика, снимает с нее обручальное кольцо, чтобы надеть его на свой палец. Этот «настоящий» отец рассказчика отличается очень красивым и злым лицом, совсем как статуя Венеры: автор многократно напоминает об этом. Бросается в глаза сходство при сравнении описания двух обручальных колец:

Венера Илльская

Говоря так, он снял с первого сустава своего мизинца массивный перстень с брильянтами в форме двух сплетенных рук — образ, показавшийся мне необычайно поэтичным. Работа была старинная, но по-моему кольцо было переделано, когда вставляли брильянты. На внутренней стороне перстня можно было прочесть следующие слова, написанные готическими буквами sempr' abti, что значит «Навеки с тобой». Красивый перстень — сказал я, — но из-за брильянтов он потерял часть прелести. О, он стал еще красивее! — заметил Аль-

Сон

А у самой у ней с руки пропало обручальное кольцо. Это кольцо было необыкновенной формы: на нем чередовалось семь золотых звездочек с семью серебряными; это была старинная семейная драгоценность. Муж спрашивал ее, что сталось с кольцом: она ничего не могла ответить. Муж подумал, что она как-нибудь его обронила, искал везде, но нигде не нашел.

Новое время, 13–14 января 1877

фонс с улыбкой. — Здесь брильянтов на тысячу двести франков.
Мне дала его мать. Это фамильный перстень, очень древний. Рыцарских времен. Его носила моя бабка, а она получила его тоже от своей бабки.
Бог весть когда он был сделан.
В Париже принято, — сказал я, — дарить совсем простые кольца, обычно составленные из двух разных металлов, например из золота и платины.

(Венера Илльская)

Ревю де де монд, 15 мая 1837

Молодой человек в поисках своего «настоящего» отца натыкается ночью на труп, лежащий на песке на берегу моря:

Я наступил на что-то твердое, лежавшее на ковре; наклонившись, я увидел брильянтовый перстень.

(Венера Илльская)

Что-то блестящее бросилось мне в глаза: оно остановило меня. То был золотой ободок на откинутой руке трупа... Я узнал обручальное кольцо моей матери. Помню, как я заставил себя вернуться, подойти нагнуться... помню клейкое при - косновение холодных пальцев, помню, как я задыхался и жмурился и скрипел зубами, срывая упорное кольцо... Наконец оно сорвано — и я бегу, бегу прочь, сломя голову — и что-то несется за мною и настигает и ловит меня. *(Сон)*

Возвратившись с матерью, чтобы показать ей тело, молодой человек не находит его. Труп исчез, но видны еще отпечатки ног на песке пляжа.

Сравним с «Венерой Илльской»:

И все же я заметил на земле несколько глубоких отпечатков ног; они шли в двух противоположных направлениях, но по одной линии, начинавшейся от угла изгороди, прилегавшей к площадке для игры в мяч, и кончавшейся у входной двери дома.

(Венера Илльская)

Кругом осока как будто помята — и заметны следы ступней одного человека; они идут через дюну — потом пропадают, достигнув кремнистого кряжа.

(Сон)

Обручальное кольцо считается оберегом против измены мужа. Жак Шабо в своем сообщении удивляется тому, что женщина

(модистка, старая любовница Альфонса) надевает обручальное кольцо на палец своего возлюбленного, тогда как более естественным было бы, если бы это сделал мужчина. Однако в знаменитом стихотворении Пушкина «Талисман» (1827) именно графиня Воронцова надевает кольцо-талисман своему любовнику, которым был не кто иной, как сам поэт. Когда 50 лет спустя Тургенев писал «Сон», этот магический предмет принадлежал ему, духовному наследнику Пушкина. Последняя строфа стихотворения говорит о силе обручения, способной предотвратить измену и защитить поэта от власти над ним другой женщины:

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя —

Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!

Три медведя.
Акварель Проспера Мериме

На наш взгляд, Мериме, возможно, прочитал «Талисман» в оригинале. О нем он мог узнать от своего друга Сергея Соболевского, находившегося в Париже с середины января до начала мая 1837 г., т.е. после дуэли, стоившей Пушкину жизни. Дуэль произошла, как известно, из-за предполагаемой «измены» его жены.

«Впечатление от встречи с Соболевским было настолько сильным, что Мериме всерьез заинтересовался русской литературой и, быть может, начал изучать русский язык»[24].

Заметим также, что «Венера Илльская» была опубликована в «Ревю де де монд» 15 мая 1837 г., в год, когда Пушкин был убит Дантесом. Вспомним отрывок из выступления Тургенева в 1880 г. по поводу открытия памятника Пушкину в Москве: «Ваша поэзия, — сказал нам однажды Мериме, известный французский писатель и поклонник Пушкина, которого он, не обинуясь, называл величайшим поэтом своей эпохи, чуть ли не в присутствии самого Виктора Гюго, — ваша поэзия ищет прежде всего правды, а красота потом является сама собою»[25].

Так вырисовывается треугольник Пушкин — Мериме — Тургенев. Общая тема трех писателей — выявлять разрушительные действия, наносимые примитивной натурой человека, arkhe, о котором говорили Мишель Кадо и Антония Фони в своих сообщениях, «адское насилие», которое отмечал ранее Флобер. Как в «Локисе», где автор проявлял свою ностальгию по утерянному языку (le jmoude), так и в «Венере Илльской» он сожалеет о потерянной любви (agapé). Его ученик и последователь Тургенев видит контрапунктом идейного смысла романа «Накануне» надежду и обретенную любовь.

Примечания

Выступление на коллоквиуме «Проспер Мериме и Иван Тургенев: послы культурной Европы».
Опубликовано в Cahiers Tourguéniev. № 27. 2003. P. 197–208.

1 Опубликовано в Cahiers Tourguéniev. № 15. 1991. P. 158 (по автографу, хранящемуся в музее Тургенева в Буживале).

2 Ibid.

3 См.: Thierry Ozwald. Autour d'une collaboration littéraire: les destins croisés de Mérimée et Tourguéniev // Cahiers Tourguéniev. № 15. 1991. P. 79–101.

4 См.: Maurice Parturier. Une amitié littéraire: Prosper Mérimée et Tourguéniev, Hachette, 1952. Lettres à Tourguéniev, 15 janvier 1865. P. 100 («Я хотел бы, чтобы Вы работали над крупным произведением»); 2 mars 1865. P. 106 («Когда я Вам советовал работать с сюжетом большого произведения, это был своего рода рецепт, или скорее предупреждение, которое я позволил себе Вам сделать против имеющейся у Вас склонности останавливаться на мелких деталях»); 9 mars 1866. P. 129 («Я доволен, что Вы пишете роман и особенно доволен, что Вы думаете о драме»); 18 mars 1868. P. 177 («до тех пор, пока я жив, я упорно буду советовать Вам писать романы, а не рассказы <...> самые лучшие из Ваших произведений "Рудин", "Отцы и дети", "Дым" — самые крупные»).

5 Доминик Фернандес подсказывает, что последние главы романа «Накануне» предвосхищают темы, которые через век будет развивать Висконти (Dictionnaire amoureux de la Russie. Plon. 2004. P. 771).

6 4 января 1867 г. Мериме отправляет Тургеневу рукопись только что законченной новеллы «Голубая комната». Новелла очень понравилась Русскому (См.: Maurice Parturier. Op. cit. P. 146, 149). В ней он увидел картину своих мечтаний о встрече с госпожой Виардо в отеле, и эти мечты ласкали его какое-то время: «моей ноге лучше. Простите, что я таким образом беседую о своих конечностях, но дело в том, что от этого зависит мое путешествие в Петербург, в Берлин — а в Берлине меня ожидает... такое множество приятных и прелестных вещей, наслаждаться которыми я буду лишь очень недолго. <...> ...я полагаю, что лучше будет заранее взять номер в гостинице» (Баден-Баден, 7 февраля 1867. Тургенев. Письма. Т. 7. 1990. С. 249–250).

«Я сегодня пошлю телеграмму в гостиницу "С.-Петербург", чтобы заказать там номер с кабинетом» (Баден-Баден, 27 февраля 1867. Там же. С. 260).

Напомним высказывание Василия Щукина, в котором отмечается способность Тургенева адаптировать дух западной литературы. Что касается «Голубой комнаты», то здесь можно говорить о чистом совпадении.

7 Слова Оттавио из новеллы Проспера Мериме «Il viccolo di madama Lucrezia». (La Vénus d'Ille et autres nouvelles, Garnier-Flammarion. 1982. Éd. Antonia Fonyi. P. 156.)

8 Ibid., notice, p.138. См. также: Prosper Mérimée. Romans et nouvelles. La Pléade. 1978. Éd. Jean Mallion et Pierre Salomon. P. 1599–1600.

9 Edmond de Goncourt. Journal, notation du 22 mars 1872. Éd. Robert Ricatte. Monaco.1956. T. X. P. 81. См. также:

Zviguilsky A. Tourguéniev et Edmond de Goncourt: des relations ambiguës // Cahiers Tourguéniev. № 20. 1996. P. 24, 39–41.

10 Леонором звали отца Проспера Мериме (*ред.*).

11 Любопытно, что никто не обратил внимания на символику трех кошек (белой, черной, тигровой), изображенных Мериме в начале рукописи. На наш взгляд, они представляют собой женскую загадочность, воплощенную в рассказе «Три встречи» Тургенева.

12 «Женщина, вся в белом, с черной мантильей на голове, приближалась ко мне с раскрытыми объятьями». Стереотипный образ женщины-нимфоманки в маске появляется как в спальне в новелле «Il viccolo» так и в салоне, где незнакомка восседала на маленьком диванчике («Три встречи»). В музее Тургенева в Буживале хранится письмо Мопассана Тургеневу, в котором описывается аналогичное приключение: «Незнакомка уступила после трех часов борений. Она и раньше могла бы быть любезной, поскольку не намерена была, как мне потом признавалась, противиться до конца. Она сняла платье одновременно с маской. Действительно, она мила. Какие странные до сумашествия женщины!»

13 Единственная известная рукопись новеллы, опубликованная во всех изданиях, датирована 27 апреля 1846 г. Если исходить из этой даты, на Мериме не мог повлиять рассказ Тургенева, поскольку он появился лишь в 1852 г. Есть мнение, что существовала вторая версия новеллы, законченная в 1869 г. Специалисты по творчеству Мериме считают ее утраченной, сгоревшей во время пожара в доме Мериме в 1871 г. Отметим, однако, любопытный ход со стороны писателя. Он посвятил свое произведение госпоже Одье в 1846 г., а в 1853 г. попросил свою сестру Валентину Деллессер забрать рукопись в связи с предстоящей публикацией. Из-за нелестного отзыва Валентины он хотел за несколько дней ее переделать. Известно также, что наследники госпожи Одье передали текст новеллы ее первому издателю Мишелю Леви: она была опубликована в книге «Dernières nouvelles» Мериме в 1873 г. Единственное, чем можно объяснить эту путаницу, — Мериме сам передал госпоже Одье в 1869 г. вторую версию новеллы, которую считал лучше первой, и что именно эту вторую версию (с тремя кошками вместо двух и первоначальным названием) она отдала издателю.

В своем сообщении «Загадка в литературных связях Тургенева и Мериме» на Международном коллоквиуме «Россия — Тургенев — Европа» (Москва, 28 ноября 2003 г.) Ирина Карташева, преподаватель русской литературы в Тверском университете, убедительно доказала

мимикрическую связь, объединяющую, по ее мнению, новеллу «Il viccolo di madama Lucrezia» и «Три встречи» Тургенева. С другой стороны, Тьерри Освальд на этом же коллоквиуме соотнес в своем выступлении две новеллы Тургенева 1869 г. и 1870 г. с новеллой «Il viccolo», вдохновившей русского писателя. Это является доказательством того, что новелла Мериме была прочитана в рукописи, так как первая ее публикация появилась в 1873 г. В этом нет ничего странного. (См. сноску 6.)

14 Источником двух «Матео Фальконе» — Мериме (1829) и Шамиссо (1830) — является, как отмечал Пьер Траар (Trahard P. La jeunesse de Prosper Mérimée. Paris. 1924. P. 438), анонимный рассказ, опубликованный в июле 1828 г. в «Ревю триместриель» («Revue trimestrielle»). Предположительно, автором рассказа мог быть маршал Себастьяни или итальянский адвокат Паторни. На этот предмет см.: Kosko Maria. Le thème de «Mateo Falcone». Nizet. 1960; et introduction de Crouzet Michel dans son édition des «Nouvelles de Mérimée» (Imprimerie Nationale. 1987. T. 1).

15 NCI. T. I. P. 205.

16 LI. P. 200.

17 «А вот теперь прием в Академии, на котором мне нельзя не присутствовать и из-за которого мой отъезд в Ружмон откладывается на *пятницу*». (Письмо Тургенева своей дочери Полинетте, воскресенье 4 января 1874 г. Тургенев. Письма. Т. 12. 2000. С. 343.)

18 Lettres de Mérimée à Tourguéniev, 23 septembre 1870, publiée par Parturier (op. cit. P. 251–252).

19 Впервые это письмо было опубликовано в 1923 г. в сборнике, изданном Н.Л. Бродским «Тургенев и его время» (С. 233–234). В «Une amitié littéraire...» (p. 58) Морис Партюрье перепутал адресат: Фани Тургеневу с Фани Лагден, английской девушкой, подругой Мериме. Тургенев напишет еще мадемуазель Фани 5 / 17 октября 1872 г.: «я буду в распоряжении г-на де Ломени завтра с часа дня — и постараюсь сообщить ему все, что только вспомню о Мериме» (Тургенев. Письма. Т. 12. 2000. С. 269). Фани Тургенева отметит в своем дневнике встречу русского писателя с будущим академиком 18 октября 1872 г. (Литературное наследство. Т. 76. 1967. С. 378). В то же время, благодаря переписке с Этцелем, стало известно о завтраке у издателя 30 сентября 1873 г. на три персоны в компании с Жюлем Сандо. Он-то и должен был подготовить ответ на выступление де Ломени, но не знал хорошо Мериме и поэтому нуждался в Тургеневе, который бы его просветил (см.: письма Тургенева Этцелю от 3 / 15 или 4 / 16 сентября и от 16 / 28 сентября 1873 г. — Тургенев. Письма. Т. 12. 2000. С. 218, 222).

[20] Institut de France. Académie française. Discours prononcés dans la séance publique tenue à l'Académie française pour la réception de M. de Loménie le 8 janvier 1874. Paris. 1874. P. 37.

[21] См.: Zviguilsky A. Flâneries tourguénieviennes // Cahiers Tourguéniev. № 22. 1998. P. 165–169. См. также статью «Пушкинский талисман: место и смысл тайного в трех новеллах Тургенева» в настоящем сборнике.

[22] Эта посмертная преемственность началась с 1871 г., как и предсказывал Этцель еще до того, как прочитал окончание «Вешних вод». Обычный хеппи-энд на этот раз сменился расставанием: «Если это в память о Мериме, которая преобладала в конце этой истории, остерегайтесь. Нужно, чтобы все закончилось хорошо, счастливо или вы будете распоследним человеком» (*ParmØnie A.*, Bonnier de la Chapelle. Histoire d'un éditeur... P. 565–566).

[23] CFT. P. 200.

[24] *Виноградов А.К.* Мериме по письмам Соболевскому. М., 1928. С. 56.

[25] Это выступление на русском языке впервые было опубликовано в «Вестнике Европы» (1880, №7). Цит. по: *Михайлов А.Д.* Проспер Мериме: Статьи о русской литературе. М., 2003. С. 93. Михайлов отмечает, что Мериме высказывался не в присутствии Виктора Гюго, а в присутствии Ламартина (с. 107).

Пер. В. Зубовой

Тэн и Тургенев

Такая дата, как столетие со дня смерти Ипполита Тэна, помогла осознать, насколько важны его отношения с Иваном Тургеневым в области литературы и философии. В действительности влияние идей Тэна и их судьба в России изучены основательно[1], но вопрос, который интересует нас, в настоящее время не исследован[2].

А здесь есть что сказать, и сам сюжет заслуживает внимания.

Писатели встретились впервые в Париже в 1865 г.[3] И если их отношения были прерваны в течение шести лет, то только потому, что Тургенев жил в Баден-Бадене и редко бывал во Франции. Мы предполагаем, что они могли видеться в Лондоне между 20 и 23 мая 1871 г. Тэн приезжает в Англию для чтения лекций в Оксфорде. Он привозит свежие новости о последних днях существования Коммуны. Должно быть, он разговаривал со своим русским знакомым о британском образе мышления, которое он хорошо знал, и в частности, об английском искусстве. Тургенев был поражен эрудицией и верностью суждений критика. Он пишет об этом 9 июня своему немецкому другу Людвигу Пичу:

«Неопровержимая аксиома:

“*Ни один* англичанин не имеет ни *малейшего* понятия о том, что такое искусство. Его изначальная природа искони антихудожественна”. Докажу Вам это, когда вы приедете. (NB. Разумеется, я говорю не о литературе и не о поэзии)»[4].

Об этом же пишет Тэн в «Заметках об Англии»[5], которые были опубликованы в 1872 г. Только после личной беседы с автором этого труда Тургенев познакомился с идеями Тэна. Впрочем, свою точку зрения он выскажет после пребывания в Оксфорде в 1878 г.[6]

С 1872 г. встречи в Париже становятся регулярными. Тургенев писал немецкому критику Юлиану Шмидту 13 января 1873 г.: «С Тэном я знаком и, вероятно, увижу его на этих днях; я только не уверен в том, владеет ли он немецким языком»[7]. Шмидт предполагал послать Тэну экземпляр своей «Истории французской литературы времен Людовика XVI». Тургенев еще не знал, что Тэн обладал значительными лингвистическими познаниями[8], что он глубоко знал немецкую литературу и философию и что до своей «Истории английской литературы» он написал в 1870 г. очерк о Германии. В особенности он любил Гете и Гейне.

«Тургенев, русский, мне представляется писателем значительным. Вместе мы растолкли бы в ступе всех немецких писателей, не оставив ни одной капли сока»[9], — пишет Тэн 25 июля 1873 г. датскому писателю Жоржу Брандесу. К этому времени Тэн прочел значительную часть тургеневских произведений: рассказы, новеллы и романы, в том числе роман «Дым», который Тургенев передал ему через Этцеля[10]. Но любовь к творчеству Тургенева у Тэна возникла только на следующий год после чтения «Живых мощей», рассказа, опубликованного в «Тан» («Le Temps») 18 апреля 1874 г.

Ипполит Тэн. 1870

И<пполит> Т<эн> Среда 8 (апреля 1874)
28 Барбе де Жуи

Мой дорогой господин!

Вернувшись вечером домой, я обнаружил в «Тан» «Лукерью»; какой шедевр! Я жму вашу руку с уважением и восхищением, и если бы я мог, я бы расцеловал вас. Какой урок для нас, как свежо, какая глубина, какая чистота! Как это нам показывает, что наш источник высох! В мраморных карьерах остались только лужи стоячей воды, а рядом такой неистощимый ручей, полный до краев воды. Какая жалость для нас, что вы не француз!

Извините меня: это впервые я так спонтанно пишу писателю о его произведении.

Ваш,

И. Тэн

Я прочитал «Лукерью» трижды. Не знаю, дойдет ли письмо до вас, я потерял ваш адрес[11].

Письмо было написано, конечно, спонтанно, в состоянии восхищения, по зову сердца. Господин Тэн, критик суровый, соблюдающий дистанцию, вдруг вышел из своего флегматичного состояния: он хочет даже расцеловать Тургенева, как это обычно делал темпераментный Гюстав Флобер! Русский писатель польщен, он торопится переслать новеллу в Россию, своим ближайшим сотрудникам, Анненкову и Стасюлевичу[12].

Правда, Тэн не сообщает причин своего энтузиазма. Мы об этом скажем позже. Но он снова выразит свое восхищение, на этот раз в прессе. Говоря о стиле «Барнабе» Фердинанда Фабра, он проведет такую параллель: «Безусловно, написано не всегда удачно, местами спотыкаешься; здесь нет глубины, тонкости, высшего поэтического очарования, тех качеств, которые делают Тургенева самым совершенным пейзажистом!»[13]

Все эти похвалы не оставили Тургенева равнодушным, уже давно он делает все, чтобы в России знали французских писателей. Он только что «ввел» Золя, предложив ему постоянную рубрику в «Вестнике Европы». Он ведет переговоры с директором русского журнала о публикации монументального труда Тэна, первый том которого был закончен.

Известно, что издатель Ашетт не позволит эту публикацию в России. Но намерения есть, более того, Тэн читал Тургеневу отрывки из своей книги (глава «Нравы и характеры»), которые «по-

казались необыкновенно интересны» русскому писателю[14]. В то же время Тэн передает ему план «Происхождения современной Франции», который Тургенев тщательно переписывает для Стасюлевича, ему же пересылает письмо Тэна[15]. С мая 1875 г. начинается активная деловая переписка между романистом и историком[16].

Тургенев еще до публикации труда Тэна понял его значение. Он не смог сотрудничать с ним, не будучи историком литературы, как это произойдет в случае с «Калибаном» Эрнеста Ренана в 1878 г., так как речь шла о театре[17]. Здесь Тургенев был более чем на своем месте, кроме того, сюжет пьесы (поиск типа идеального правителя) соответствовал представлениям Тэна. Русский писатель «проглотил» том, названный «Старый порядок», появившийся в 1875 г., и уже 13 января 1876 г. отрекомендовал его своему другу, критику Анненкову:

«Приобретите себе непременно книгу Тэна “L’Ancien régime” — и прочтите: замечательнейшая вещь!»[18] Он дает тот же совет Дж. Шмидту[19] и пишет профессору Фридлендеру: «Не попадалась ли Вам в руки книга Тэна “Les Origines de la Société moderne en France” — а именно ее 1-я часть “L’Ancien régime”? Если нет — то достаньте этот в высшей степени достойный внимания труд. Немногие французы способны писать так основательно и объективно. Все в целом несколько бесцветно; но события, факты и цитаты говорят сами за себя»[20].

Тургенев хвалит историка философии в одном из тех редких писем, которое действительно представляет интерес среди десятка сохранившихся записок[21].

В следующем письме от 24 января 1876 г. Тургенев упоминает о статье Золя, которая была только что отправлена в «Вестник Европы»: «Ипполит Тэн и его новая книга о Франции»[22]. Этот длинный критический и одновременно хвалебный этюд был у нас издан несколько месяцев спустя после смерти Тэна и то только в форме отрывков, которые Золя решил опубликовать[23]. У Тургенева была, кажется, копия полного текста, которую он по дружбе передал Тэну. Таким образом он выполнил некий ритуал: ему не удалось опубликовать труд Тэна в России, но он познакомил русских с этим произведением опосредованно, при помощи статьи своего молодого коллеги.

Впрочем, он был настойчив и достиг того, чего он хотел: вероятно, это под его покровительством русский народник Герман Лопатин, один из создателей библиотеки Тургенева в Париже, пе-

ревел на русский язык и опубликовал два первых тома «Происхождение современной Франции» в 1880–1882 гг.[24] Забавно, что Лопатин, один из главных вожаков революции, в изгнании взялся за этот труд, в то время как Тургенев несколько лет до этого указывал Стасюлевичу на умеренные взгляды автора, к которым русская цензура не смогла бы придраться[25].

Тургенев получил от Тэна 22 марта 1878 г.[26] вторую часть «Происхождения», озаглавленную «Революция», или, точнее, ее первый том («Анархия»). И хотя у нас нет никаких ссылок на это произведение в переписке Тургенева, мы можем быть уверены, что оно произвело на него сильное впечатление, как и второй том («Якобинское завоевание»), вышедший из печати в 1881 г. Бесспорно, размышляя над выводами Тэна, Тургенев задумал написать большой роман о русских и французских революционерах. Произведение это останется в проекте, но в западной прессе были сообщения на эту тему. В этих откликах указывается на связь с «Революцией» Тэна:

«Г-н Тургенев хотел бы показать глубокое отличие, которое существует между русским социализмом и социализмом Западной Европы. Он собирается на этот раз представить нескольких пер-

Герман Лопатин (1845–1918), первый переводчик на русский язык «Старого порядка» Ипполита Тэна

сонажей, считающих себя спасителями человечества и претендующих улучшить его судьбу путем революционных методов. Писатель задумал показать, насколько попытки русских социалистов оказались бесплодными, хотя они брали пример с французских революционеров и всех тех, которые были на Западе»[27].

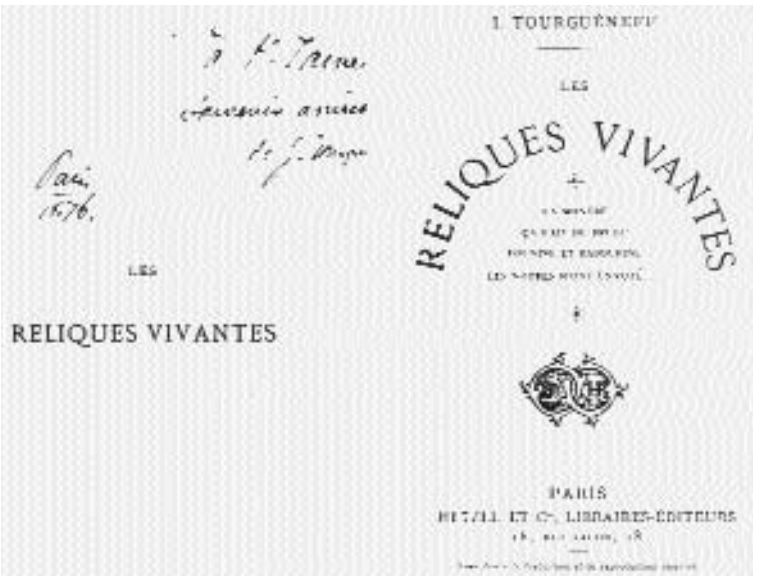
Тургенев быстро понял доводы французского историка: «Тэн (известный H. Taine). Он пишет большое сочинение в трех частях — в котором предполагает представить основы, на которых зиждется новейшее время»[28]. Что касается произведения Тургенева, которое он собирался написать, то оно должно было предстать в контексте идей «Происхождения», но в форме романа. Впрочем, иное предположение тоже может быть верным. Тэн пользовался материалами не только архивов, но литературными мемуарами и художественными произведениями. Таким образом, на первых же страницах «Старого порядка» он упоминает о двух поразительных случаях суеверия в XIX в., которые будут иллюстрировать его доводы: «В действительности, среди современных литературных произведений состояние верующей души в средневековье превосходно описал Генрих Гейне в “Паломничестве в Кевлар” и Тургенев в “Живых мощах”»[29].

Можно представить радость Тургенева, когда он увидел свое имя в книге французского историка. Уже известен похвальный отзыв о «Живых мощах», остается узнать разъяснение такой оценки. Тургенев пошлет Тэну в апреле сборник «Живые мощи», изданный Этцелем, со следующим посвящением: «И. Тэну, в знак дружбы от И. Тургенева»[30]. Он послал также критику Анненкову экземпляр «Старого порядка». Реакция была молниеносная: «Встретил, к немалому моему удовольствию, на первых же страницах Тэна ссылку на “Живые мощи”: вот что значит истинно поэтическая вещь. Бабенка из Орлов<ской> губер<нии> может служить пояснением склада мыслей у средневекового человека»[31].

Анненков ни словом не обмолвился о поэме Гейне, которая, следуя логике Тэна, своим сюжетом соответствовала истории Лукерьи, которая позже, как известно, войдет в цикл «Записок охотника». Советские тургеневеды будут придерживаться точки зрения Анненкова. Остается лишь выяснить причину, по которой они, цитируя Тэна, не упоминают о юмористическом сочинении Гейне[32]. И все-таки «Живые мощи» и «Паломничество» являются произведениями близкими по духу. Именно так нам их представляют племянник и племянница Тэна:

«Он открыл нам “Новь”, “Вешние воды”, “Московские повести”, “Живые мощи”, о которых он нам говорил неоднократно взволнованным голосом, затаенно. Почти мистически: “Подождите... Дальше... Это слишком прекрасно, нужно пережить это, чтобы так чувствовать”. История несчастного Петрушки, парализованного, высохшего на убогом ложе, счастливого оттого, что он находится среди птиц, своих снов, даже своей болезни, которую он воспринимал как крест, посланный ему Христом за его любовь к нему и открывающий ему Царство Небесное, — я не знаю более ничего, что так его глубоко трогало, кроме, быть может, такой простой поэмы, как “Паломничество” Гейне»[33].

«Вечером после игры в карты мы недолго читали вслух. Это было приготовлением дяди (по его словам) ко сну: он никогда ничего не делал, что относилось к работе, в это время. Одно из моих самых живых воспоминаний было связано с чтением “Живых мощей” Тургенева. Достаточно долго мы ждали чтения этих нескольких страниц. Мой дядя говорил: “Это слишком прекрасно, чтобы их читать”. Но однажды он вышел из библиотеки с книгой, которую сам открыл и дал Женевьеве. Я слушала, но вид дяди меня тронул особенно: с повязкой из черного шелка на глазах, не-



«Живые мощи» И.С. Тургенева.
Титульный лист издания Этцеля с посвящением Ипполиту Тэну. 1876

подвижный, находящийся в состоянии экстаза. Это было поразительно. Воспоминание о его неподвижном лице с отрешенным видом, как если бы оно было мертвым, хотя оно жило какой-то иной жизнью, странным образом для меня связано с тем впечатлением, которое производило это чтение; и все же впечатление от вида дяди превосходило впечатление от чтения рассказа. Женевьева читала голосом ясным, похожим на “пробуждающуюся весну”, и я, скрываясь за зеленым абажуром лампы, представляла не Лукерью на ее убогом ложе, а это лицо, которое делалось все более таинственным из-за черной повязки на глазах и плотно сжатых губ, как если бы он затаил дыхание из-за переполнявших его чувств. Когда чтение закончилось, мой дядя сказал еще раз: “Это слишком прекрасно и слишком впечатлительно для этих детей”. Любил ли он с такой же силою “Паломничество в Кевлар” Генриха Гейне. Это произведение его трогало до глубины души»[34].

По исторической концепции Тэна, традиция должна иметь право на упоминание в бесконечно меняющемся мире. Это основа, на которой держится все здание:

«20 млн людей и более только-только преодолели средневековое мышление; вот почему им следовало жить в социальном здании, созданном еще в средние века, но нужно было бы его оздоровить, очистить, пробить окна, уничтожить ограждения, сохранить фундамент и общее устройство; иначе, разрушив его и прожив в палатках десятки лет, как дикие народы, их правители будут вынуждены его выстроить заново по тому же плану. У неразвитых народов, которые не научились мыслить, вера есть символ телесный и послушание достигается только физическим принуждением»[35].

Счастье маленькой русской крестьянки, парализованной, превращенной в мумию, невозможно на земле, только на небе, все равно что для молодого наивного ума, истово поверившего в Деву Марию к концу паломничества. Именно в этом урок «Живых мощей» и «Паломничества». Такую средневековую душу изображает Тургенев в образе Лукерьи в начале 1840-х гг., а в конце 1870-х гг. он вновь обнаружит эту душу в чертах другой крестьянки из своей губернии:

«В качестве контраста я тебе опишу одну бедную женщину, которую только что поместили в нашу больницу. Представь себе несчастное создание ростом в 80 см — без рук и без ног: тело как ствол — достаточно толстый, на котором возвышается голова и заканчивается прямо стопами ног, прикрепленными напрямую

к... да, именно так — к заду и животу! Лицо красное, полное, без морщин — выражение лица почти веселое; глаза косые, серые, большие — огромный рот, писклявый голос — и все, что исходит из этого уродца — умно и полно благожелательности. Представь себе — эта женщина шьет, вышивает с помощью рта, помогая себе большими губами и расположенной на плече чем-то вроде бородавки, которую она может двигать вперед. Я посылаю в Буживаль ею вышитый рушник! Впрочем, вот набросок с нее. Вот одна из тех, кто мог бы и не верить в Бога, но, однако, она верит и в Бога и в вознаграждение Раем за эту печальную жизнь на земле. Поэтому у нее не несчастный вид — и даже наоборот»[36].

Выносливость физическая (у Тэна — это «символ тела»), являющаяся поддержкой веры или суеверия (в «Мощах» — видение желтого пса, женщины с глазами ястреба или еще одной Жанны д'Арк в славянской стране, в «Паломничестве» — это руки, ноги и сердце из воска) — все это приметы детской ментальности. Итак, Тэн воспринимает социальную жизнь и ее эволюцию только в развитии: уничтожить одно звено означает уничтожить всю цепочку.

«Разум в XVIII в. перестает видеть античные корни и действу-

Крестьянка-уродец из Орловской губернии. Рис. И.С. Тургенева

ющие современные учреждения; пренебрегая ими, он отрицает их существование. Для него предрассудок не имеет корней, а, значит, является чистым предрассудком; традиция не имеет права на существование, ее царствование воспринимается как насилие. Отныне разум вступает в борьбу с предрассудками, желая завладеть душами, вырвав их из царства лжи и обратив к царству правды»[37].

Царство лжи: Тэн приводит множество примеров. Может быть, вспоминая предзнаменование Лукерьи, которая должна умереть в день святого Петра, он напишет об этом в книге «Народ»:

«По воскресным дням во время проповеди он оглашал имена святых, а также имя святого Петра!

— Если крестьянин медлил с восхвалением этого святого, то мои крестьяне спешили это делать, стремясь обогнать в этом друг друга.

— Этим примитивным, необразованным умам, которые зависимы от суеверий, необходимо верить в идолов, как на земле, так и на небесах»[38].

Царство правды: верующая и суеверная толпа, ведомая новыми предводителями, становится армией бандитов и революционеров:

«Итак, те существа, которые идут за пьяными кюре, выходят на большую дорогу свободы; и первое, что они делают, это начинают бастовать повсюду, к этому их подталкивает голод»[39].

Тургенев изучил историю Франции времен «Старого порядка», следуя научному методу Тэна. В первое время он использовал эти знания для развлечения. Известно, что в разные периоды своего творчества он писал, подражая П. Мериме, О.Э. Скрибу и В. Гюго[40]. Его «Песнь торжествующей любви» (1881) — это произведение из области фантазии, диссонирующее с его обычной манерой письма[41].

Несколько стихотворений в прозе, не предназначенные изначально для публикации, были пародиями, баснями; их создание — дань почтенному труду Тэна, в котором он черпал свое вдохновение.

Отрывок из III главы книги «Нравы и характеры», который его чрезвычайно интересовал, послужил ему основой для шуточной поэмы «Пир у верховного существа» (декабрь 1878 г.): Благодетельность и Благодарность встречаются в первый раз.

«В его кабинете воздвигли жертвенник Благодетельности. Оде-

ли в одежды на манер Ж.-Ж. Руссо, “аналогичные принципам этого автора”... Чувствительность становится учреждением... Г-жа де Жанлис учреждает орден Упорства, который насчитывает вскоре “более девяноста кавалеров, приехавших со всего света”. Чтобы быть туда принятым, нужно отгадать загадку, ответить на вопрос морального порядка, произнести речь о доблести»[42].

Ученые заметки о налоге на соль[43] вызовут у Тургенева воодушевление комического характера: он создаст стихотворение в прозе «Два богача» (июль 1878 г.), в которой использует этот сюжет.

> Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых, — я хвалю и умиляюсь.
>
> Но, хваля и умиляясь, не могу не вспомнить об одном крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разоренный домишко.
>
> — Возьмем мы Катьку, — говорит баба, — последние наши гроши на нее пойдут, — не на что будет соли добыть, похлебку посолить...
>
> — А мы ее... и не соленую, — ответил мужик, ее муж.
>
> Далеко Ротшильду до этого мужика!

Книги, которые последуют за «Старым порядком» («Революция», «Анархия», «Якобинское завоевание»), наводят на размышления: Тургенев захотел написать роман о русской революции, прочитав труды Тэна. Он его не написал, но оставил нам биографический рассказ (история его племянника Миши), которая очень заинтересовала Тэна. Он его воспринимал как исторический документ.

«“Отчаянный” и не претендовал на успех “Песни”[44]. Это просто студия *типа*, довольно знаменательного. Здесь ее перевели — и она производит впечатление на читателей рефлектирующих. Я имею по поводу “Отчаянного” замечательную записку Тэна»[45].

Мы дорого бы заплатили за возможность прочитать это «замечательную записку», о которой мы только слышали.

> «*Тэну* обе мои вещи очень понравились[46]. Говорил он особенно об “Отчаянном”, который здесь произвел эффект — и в котором видят нечто вроде исторического документа. Я на днях у него обедал»[47].

Неизданное письмо к г-же Терезе Тэн позволяет нам установить дату этого обеда (суббота 4 февраля 1882 г.), что указывает на степень близости писателей. У них были общие взгляды на значение и важность этого человеческого документа. Тургенев написал Жозефине Полонской, жене поэта: «Я постарался вывести в ней <студии> тип, который нахожу знаменательным, в соотношении с некоторыми современными явлениями»[48]. Он объяснил в других произведениях, в чем заключается эта «генетическая» связь, связывающая нигилистов и «отчаянных» русских во все времена. «Мне приписывают чувство недоброжелательности в рассказе по отношению к сегодняшней молодежи, значение которой я принижаю, связывая ее генетически с моим “Отчаянным”... Я же ограничился созданием человеческого типа прошлого, который пришел мне на ум.

Что же я могу сделать, если генетическая связь бросается в глаза сама собой, если мой “Отчаянный” и сегодняшние молодые люди одной породы, но живущие в разных социальных условиях: все та же беспечность, та же нестабильность, то же отсутствие характера, те же неопределенные желания»[49].

Письмо И.С. Тургенева к Ипполиту Тэну от 20 января 1876 г.

Для Тэна история Миши Полтева выходит за рамки современной жизни, для него это необычное произведение, содержащее предсказание. Оно позволило ему добавить новый документ к последнему тому трилогии, находившемуся в состоянии обдумывания: речь идет о «Современном режиме». Миша Полтев, пьяница, дебошир, не верующий ни в Бога, ни в политику, в революцию, в благородные идеи, не является ли он в некоем роде предком нашей молодежи, предрасположенной к наркомании и самоубийствам?

14 января 1882 г. Тургенев прочитал подряд на одном из вечеров «Общества русских артистов» «Пророк» Пушкина, «Пророк» Лермонтова и своего «Отчаянного»[50]. Эта философская трилогия символизирует, на наш взгляд, эволюцию человечества, розенкрейцеровское стихотворение Пушкина требует внутреннего очищения человечества; «библейский пророк» Лермонтова, который в чем-то является продолжением пушкинского героя, неся вечное слово, трагически сталкивается с обществом, чуждым любви и правде.

Добровольный страдалец Тургенева, свободный от всякой метафизики, возвещает будущее без надежды. Племянник Тэна, Андре Шеврийон, писал в своих «Воспоминаниях»: «Рассказ о русском неверующем “Отчаянном” и краткие высказывания, настроенного скептическим образом еврея (“Еврей”) эти два произведения, где объясняется чувство евангельское, задевали у философа-позитивиста самые чувствительные струны»[51].

Написанные Тургеневым в разные периоды творчества «Живые мощи» и «Отчаянный» отличаются друг от друга, животная простота парализованной крестьянки — и экзистенциальная драма здорового и сильного юноши, который сам себя разрушил.

Эти два произведения являются двумя полюсами одного творения, которое никогда не было написано Тургеневым и которое могло бы быть озаглавлено как «Происхождение современной России».

Тэн проследил этот долгий путь благодаря чтению шедевров. Мы сожалеем, что он не создал обобщающего труда: увы, он не написал специального очерка о творчестве Тургенева, как это сделали Мериме, Мопассан, Ренан. Он мог бы произнести прощальную речь на Северном вокзале, как это сделал Ренан при отправлении гроба с телом Тургенева в Россию. Ведь Тэн поддерживал с Тургеневым дружеские отношения в течение 10 долгих лет, он приходил его навестить на улицу Дуэ во время смертельной болезни писателя[52].

Нам кажется полезным в заключение вернуться вновь к суждениям французского критика о Тургеневе, которые он высказывал в разное время.

Они появляются одно за другим в течение 15 лет вплоть до последних дней жизни Тэна.

Процитируем прекрасный отрывок из письма к Шарлю Риттеру от 19 июля 1877 г. о впечатлении от чтения сборника «Московские повести» (1869) и романа «Новь» (1877):

«Среди живых писателей, по моему мнению, только один романист превосходит Джордж Эллиот, это — Тургенев; он еще более объективен, чем она; к тому же, он — превосходный писатель, стилист, и, единственный в мире — великий поэт; почитайте его новеллу под названием “Видение” и одновременно “Еврея”, его последний роман “Новь”, на мой взгляд, это последнее слово в искусстве, и, более того, психологический шедевр»[53].

Тэн прочитал эссе Поля Бурже в «Нувель ревю» (15 мая 1884 г.), посвященное Тургеневу, и переиздал его в «Новых эссе по современной психологии»:

«Ваш Тургенев написан тонко и правдоподобно, единственное, о чем я сожалею, это о том, что вы не написали вторую ста-

Дом Ипполита Тэна в Париже на ул. Барбе-де-Жуи. Фото Марка Звигильского

тью, чтобы исчерпать тему: человек и художник, что так дополняют в нем друг друга»[54].

Тэн считал, что Тургенев, художник и психолог, был ценен историкам, он ставил его рядом с Бальзаком и Флобером как знатока «внутреннего мира» человека:

«Когда я имел честь беседовать с г-ном Ле Плей, я осмелился указать ему на его коллег и иллюстраторов его произведений. Джордж Элиот с ее описанием типично английского округа в “Миддлмарч”; Ивана Тургенева с описанием русских крестьян и молодых людей в “Записках охотника”, в “Отцах и детях”, в “Нови”; Гюстава Флобера с его описанием нормандского городка в “Госпоже Бовари”»[55].

В письме к виконту Вогюэ, автору «Русского романа» (1886), Тэн особенно разоткровенничался:

> Я хотел бы поговорить о Тургеневе и в частности о «Нови», я доверяю вашему мнению, так как вы знаете прототипы, а я нет. Со стороны его персонажи кажутся мне логичными, живыми, четко описанными, а что касается искусства письма, исполнения, употребления простых художественных средств, в том числе и эффектных, Тургенев и здесь, как и во всем другом, — лучший. По сравнению с ним Достоевский и Толстой мне представляются невежественными гениями, создающими сильные произведения, не будучи профессионалами, т. е. они не владеют своим ремеслом. Вы — настоящий художник, мастер стиля, вы должны быть чувствительны к этому[56].

Мадлен Сен-Рене Тайландье поясняет, что хотел сказать ее дядя, высказывая столь суровое мнение о Толстом и Достоевском. Будучи молодой, она зачитывалась «Войной и миром», делясь своими впечатлениями со своей кузиной Женевьевой Тэн, которая разделяла ее чувства:

> Мой дядя совсем не одобрял эту страсть к Толстому: с литературной точки зрения он находил его беспорядочным, с точки зрения морали — еще менее организованным. Порядок в его понимании, даже в выражении страсти, был основным элементом в искусстве, а искусство не должно усложнять жизнь. Среди русских писателей он отдавал предпочтение Тургеневу. В его произведениях он находил

все: действие, мистицизм, загадочность русской души, что касается его мастерства — чувство меры, сдержанность, строгость в подборе сцен, озабоченность тем, чтобы «не все карты были раскрыты».

О Достоевском, о котором нам столько говорили, мой дядя высказывался наставительно и строго: «Это не следует читать детям; это все равно, если бы их заставили проглотить стакан водки». И все же он добавлял: «Какой шедевр!»[57]

Андре Шеврийон сообщает почти те же сведения, что и его сестра: «В Толстом Тэн признавал гения, но не тщательного мастера. Он не умел упорядочить свои идеи, концентрироваться. Искусство Тургенева, почти невидимое, где все собирается в четкие линии, по его мнению, превосходило искусство других русских писателей»[58].

Впрочем, Тэн познакомился с «Войной и миром» в первом французском переводе благодаря Тургеневу[59]. Всем известно, что русский писатель взял на себя труд разослать французским критикам 10 экземпляров романа, которые он получил от издательства

Мари-Мадлен Шеврийон, в замужестве Тайландье, племянница И. Тэна

«Ашетт». Он сообщает об этом автору 9 января 1880 г.: «Княгиня П<аскевич>, переведшая Вашу “Войну и мир”, доставила наконец сюда 500 экземпл. — из которых я получил 10. Я роздал их здешним влиятельным критикам (между прочими Тэну, Абу и др.). Должно надеяться, что они поймут всю силу и красоту Вашей эпопеи»[60].

Экземпляр Тэна сохранился в его семье. Дочь историка, Женевьева Тэн, написала вверху заглавия первого тома: «Передан И.Тэну Иваном Тургеневым». Три тома в красном переплете читались многократно (некоторые страницы выпали), но никаких заметок не было оставлено.

В библиотеке Ипполита Тэна, которая находится в его поместье в Боренже, есть книги русских авторов, переведенные на французский язык. Кроме «Войны и мира» там можно найти еще восемь наименований из произведений Толстого, «Преступление и наказание» и «Идиот» Достоевского; произведения Пушкина, Гоголя, Герцена, Писемского, Алексея Толстого и почти все сочинения Тургенева.

Такие обширные знания русских авторов XIX в. логически предполагают, что Тэн как великий критик мог бы написать об одном из них или, по крайней мере, о Тургеневе, творчество ко-

Андре Шеврийон, племянник И. Тэна. Портрет Менара

торого он почитал более всех. Славист Луи Леже, кузен Тэна, в статье, опубликованной в «Телеграфе» 6 сентября 1883 г., предлагает свое понимание этого молчания: «Г-н Тэн, признавая Тургенева самым великим писателем XIX в., повторял с сожалением, что он хотел бы выучить русский язык только для того, чтобы прочитать его новеллы в подлиннике. Г-н Тэн прав. Это наивысшее наслаждение — чтение литературы в оригинале».

В заключение мы хотели бы предложить интересное свидетельство привязанности Тэна к Тургеневу.

В 1897 г. Вогюэ был приглашен в Орел на 50-летие со дня публикации первого рассказа «Хорь и Калиныч» из цикла «Записки охотника». В своем выступлении он сказал: «Наш знаменитый Тэн, лучший судья всех произведений высокого искусства, какого я только знаю, ставил Тургенева выше всех художников, рисовавших образы нашим современным словом. Я часто слышал, как он с жаром высказывал это убеждение, и дал трогательное доказательство искренности его в последние минуты своей жизни. Последний раз, когда я видел Тэна, за два или три дня до его смерти, он был тяжело удручен болезнью, которая исключала для него всякие занятия. — “Я еще могу слушать чтение, — сказал

Ипполит Тэн в Боренже. Фото

он, — и заставляю читать себе повести Тургенева, и это приносит моей душе много удовольствия, достающегося ей без усилий”. И мне повторял то, что часто говорил и раньше: Тургенев как художник — наиболее совершенный между теми, кто писал после греков[61]; никто не может сравниться с ним в строгом выборе материала, в трезвости и скульптурной красоте форм; каждая из его маленьких повестей напоминает безупречную античную камею. Так и умер Тэн, проникнутый чудным видением духовной красоты, в изображении которой никто не сравнился с Тургеневым[62]».

Любопытно, что за десять лет до этого, умирая, Тургенев размышлял о будущем своей страны и беспокоился из-за того, что терроризм как явление нарастал. Он диктовал Полине Виардо свой рассказ «Конец». Сцены насилия, от которых изнывала Франция во время революции, приходили ему на память, может быть, после ужасных, но правдивых описаний Ипполита Тэна, поклонника его искусства.

Приложение I

Переписка Тургенева и Тэна

До сегодняшнего дня было известно о двух письмах Тэна к Тургеневу и о шести письмах Тургенева к Тэну. Эта небольшая переписка пополнилась одним найденным письмом Тэна своему русскому другу и четырьмя письмами Тургенева французскому историку, а также тремя записками, адресованными Терезе Тэн.

Ален Мельхиор-Бонне любезно проконсультировал нас по поводу тринадцати писем Тургенева, которые находятся в настоящее время в Национальной библиотеке. Они представляют, как уже было сказано, лишь некоторый интерес, но служат ориентиром в установлении хронологии, которая позволяет проследить дружеские отношения двух писателей.

Первым, кто начал поиск писем Тургенева французским писателям, был Илья Гальперин-Каминский. Он объединил и опубликовал в начале XX в. очень важную переписку, названную «Иван Тургенев в переписке со своими французскими друзьями» (Paris, Fasquelle. 1901). Что касается Ипполита Тэна, Гальперин обратился к его вдове спустя три года после смерти писателя:

Сударыня,

Я должен опубликовать вскоре переписку Ивана Тургенева, к которой я пишу комментарий и предисловие. Цель данной публика-

ции — познакомить с мыслями знаменитого русского писателя о произведениях литераторов и людей искусства Франции, среди которых он жил долгое время и на которых смог оказать влияние. Это интересная страница не только в жизни автора «Отцов и детей», но еще и русской литературы, которая становилась все более влиятельной.

Я смог уже собрать письма Тургенева к г-жам Полине Виардо и Жорж Санд, Флоберу, Ги де Мопассану, Эмилю Золя и т.д. Жюль Кларети захотел передать в мое распоряжение письма, которые Тургенев посылал одному из своих друзей, и Ари Ренан — письма, присланные его знаменитому отцу. Я ничего не знаю об отношениях, которые были у вашего прославленного мужа с русским писателем, и был бы счастлив включить в мою публикацию письма, которые он ему, конечно, писал.

Г-жа Виардо, доверенное лицо Тургенева, посоветовала мне обратиться к Вам по этому поводу. Итак, я имею честь просить Вас назначить мне день, когда я смог бы поговорить с Вами.

Соблаговолите принять мои самые глубокие чувства уважения к Вам.

И. Гальперин-Каминский,
переводчик Толстого, Тургенева, Достоевского и др.
Париж, 225, улица Университе
17 марта 1896

Г-жа Тэн находилась в это время в Ментоне Сен-Бернар в провинции Верхняя Савойя. Она ответила положительно на просьбу Гальперина:

Париж, 21 марта 1896

Сударыня,

Позвольте мне поблагодарить Вас от всей души за любезность, с которой Вы отозвались на мою просьбу поговорить о переписке Тургенева и Вашего знаменитого мужа. Я сообщил г-же Виардо о Вашем желании иметь копии писем г-на Тэна.

Я сожалею о том, что г-жа Виардо не сможет Вам их переслать, так как по желанию Тургенева, высказанному им в завещании, г-жа Виардо переслала всю литературную переписку одному из русских друзей писателя, г-ну Анненкову. Не так давно Анненков скончался, и теперь этими бумагами владеет его вдова.

Через три недели я должен поехать в Россию, где встречусь с г-жой Анненковой, и попытаюсь получить копии писем г-на Тэна, если они находятся в ее распоряжении.

Впрочем, я надеюсь, что Вы соизволите встретиться со мной в тот день, который Вы мне назначите после приезда из Савойи, чтобы обсудить этот вопрос до моего отъезда.

Примите уверения в моем глубоком уважении.

И. Гальперин-Каминский
225, улица Университе

Частная коллекция

Гальперин издал в журнале «Космополис» («Cosmopolis») в марте 1897 г. шесть писем Тургенева с комментариями г-жи Тэн. Он их переиздал в сборнике 1901 г. Этот добросовестный исследователь ошибался по поводу места хранения писем Тэна Тургеневу. Они находились у г-жи Виардо, а не у Анненкова. Часть писем, принадлежавших Виардо, были отданы в дар Национальной библиотеке в 1968 г. одной из правнучек певицы, Марсель Мопуаль. Но, увы, в этом собрании только два письма Тэна.

Настоящая публикация содержит подборку этой переписки, сверенной по автографам.

1

Письмо Тэна Тургеневу от 8 апреля 1874 (*см. выше*)

2

Париж
50, улица Дуэ
Воскресенье 16 мая 1875

Мой дорогой г-н Тэн,

Я только что получил от Стасюлевича[63] ответ на мое письмо, в котором я писал о вашем предложении. То, что он вам предлагает, не столь превосходно, как хотелось бы, и на что вы могли претендовать, но, быть может, это вас устроит. Вы говорили, что вторник — ваш день; я не смогу прийти вечером, но между 5 или 6 часами, будете ли вы дома? Не могли бы вы предупредить меня запиской?

Примите мои самые наилучшие пожелания.

Иван Тургенев

Публикуется впервые

3

50, улица Дуэ
Париж
Вторник, [18 мая 1875][64]
10 ч<асов> утра

Дорогой сударь,

Сегодня я собирался зайти к вам между 5–6 часами, но рухнула черепица, поэтому я должен вас просить перенести мой визит на завтра, в среду, в то же время.

Если это вам не подходит, будьте любезны, сообщите мне об этом письмом (но только не между 10 и 1).

Предложения издателя из Санкт-Петербурга в итоге оказались не так уж и плохи — он вам предлагает 1750 фр. (500 р.) за 12 печатных страниц вместо 2400. Мы еще об этом поговорим.

Ваш

Ив. Тургенев

Публикуется впервые

4

50, улица Дуэ
Париж
Четверг, 20 янв[аря 1876][65]

Мой дорогой Тэн (вы разрешаете пропустить «господин», не правда ли?), я воспользовался вынужденным бездействием из-за припадка подагры, чтобы прочитать вашу книгу, и прошу вас принять мои самые искренние поздравления.

Это произведение мастера, из которого даже те, кто на него нападал, будут черпать полными руками. Вы создали нечто такое, что не умрет и будет полезно — а это ведь не всегда сочетается одно с другим.

Если смогу выйти во вторник, приду пожать вам руку и основательно побеседовать.

А пока примите уверение в моих лучших чувствах.

Ив. Тургенев

Тургенев. Письма. Т. XI. 1966. С. 194

5

50 улица Дуэ
Париж
Понедельник [24 января 1876][66]

Мой дорогой г-н Тэн,

К сожалению, я не смогу к вам прийти завтра; нужно отложить это удовольствие на следующий вторник. Я вам принесу статью Золя.

Тысяча дружеских сердечных приветов от преданного Вам

Ив. Тургенева

Публикуется впервые

6

Вторник 7 [марта 1876][67]
28, Барбе де Жуи

Мой дорогой Тургенев,

Не доставите ли вы нам удовольствие, придя на обед в субботу 18 марта?

Вы здесь встретите Ренана, Флобера и кое-кого из наших общих друзей.

Ваш

И. Тэн

Публикуется впервые. Из бывшей коллекции Жанны Гупий

7

50, улица Дуэ
Париж
Среда 8 марта 1876 г.

Мой дорогой Тэн,

Я принимаю с огромной радостью ваше приглашение на 18-е, и вы можете, конечно, рассчитывать на меня.

Тысяча приветов.

Ив. Тургенев

8

50, улица Дуэ
Париж
Пятница, 9 марта [1877][68]

Любезный господин Тэн,

Вслед за мучительной зубной болью и последовавшими за нею невралгическими головными болями, которые чуть не свели меня с ума, у меня вдруг сделался такой огромный флюс, что на меня совершенно невозможно смотреть. Я сомневаюсь, чтобы это могло пройти до завтра, и считаю своим долгом предупредить вас об этом. Если я не буду у вас в назначенный час, значит, мне невозможно показаться со своей физиономией. Нет нужды говорить вам, как я буду этим огорчен. Не смею сказать вам: до завтра, но сделаю все возможное, а пока сердечно жму вам руку.

Совершенно преданный вам

Ив. Тургенев

Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 1. 1966. С 104.

9

И.Т.
28, Барбе де Жуи
21 марта [1878][69]

Мой сударь,

я, наконец, достал один экземпляр «Революции»; вы его получите сегодня.

В этом письме я хотел бы поговорить о нашем друге Флобере; я вас попрошу уничтожить его после того, как вы его прочтете[70]; вы сейчас поймете, что разговор будет деликатный. Речь идет о его романе

о двух служащих на пенсии, которые увлеклись наукой. Он мне его прочел, и я его прочел почти целиком у него дома. Я пообещал никому не говорить о нем, кроме вас, так как вы его тоже читали. После того, как чтение закончилось, он спросил мое мнение; я уклонился от ответа, сказал, что подумаю, и вот хочу с вами посоветоваться.

Мое впечатление от книги, даже очень хорошо написанной, не может быть положительное; комическое, которое там есть, не будет иметь успеха, как потерпевшая неудачу ракета. Оба героя выглядят ограниченными, глупыми, персонажами на манер Анри Монье, их разочарования и злоключения нарочито примитивны; разумеется, они не интересны; наблюдаешь, как две улитки силятся взобраться на вершину Мон-Блана; первое падение вызывает улыбку; десятое — невыносимо. Подобный сюжет может потянуть на новеллу в 100 страниц, не более. С другой стороны, науки, которые они грызут, понятны только специалистам; обычный читатель не может заинтересоваться глупостями, которыми они занимаются в области сельского хозяйства, медицины, психологии, химии; только специалист понимает, что оплошности, которые они совершают, именно такие, какие они должны быть; терминология, даже немного упрощенная, отобьет охоту у любого читателя, как, впрочем, и особые идеи, которые они высказывают. Наконец, 10 или 12 областей науки, которые они преодолевают; на самом деле только маньяки, подобные этим (я знал таких), забиваются в единственную клетку и остаются в ней как коллекционеры; эти бесконечные скачки неправдоподобны. Я мог бы высказать и другие замечания; в любом случае, какой бы ни был талант и мастерство, я предвижу, что неудача будет еще большей, нежели в случае с «Воспитанием чувств». И вот, что еще: если бы стиль был подвижным, сочувственно-взволнованным на манер Доде, или фантазия типа Стерна, то эта история улиток-маньяков могла бы заинтересовать читателя; но бесстрастный стиль — следствие чисто объективного метода Флобера, выдержать это невозможно.

Подумайте и скажите мне, может быть, я ошибаюсь; вы мастер создавать романы, первый среди всех наших современников; вы лучше, чем я, можете предвидеть результат.

Если бы Флобер ничего не написал, я бы поговорил с ним тотчас же и откровенно. Но вот уже два или три года он работает над ней, и если предположить, что мое мнение повлияет на него, и он будет очень страдать при мысли о том, что было предпринято столько усилий и напрасной работы. С другой стороны, он рассчитывает работать еще три года: не ужасно ли это, ведь, если он ошибается, нельзя позволить ему потратить столько времени напрасно.

Я был всегда с ним искренен, я люблю его и очень уважаю; это сердечный человек, доброжелательный и честный, я хотел бы остать-

ся для него добрым, старым другом, но я не знаю, как это сделать. Он был бы недоволен моей откровенностью. Я боюсь его напрасно разочаровать. С другой стороны, я страдаю, видя, как он заходит в тупик.

Положа руку на сердце, после долгих размышлений я понимаю, что он ошибается давно, с того времени, как он писал «Воспитание чувств», из-за выработанной им системы, принципиального уединения, длительных занятий в библиотеках. Такой образ жизни должен бы привести к занятиям историей, биографической критикой, исследованиям, требующим эрудиции, но не созданию романа.

И напоследок, скажите мне, что я должен сделать. Если мое впечатление ложно, очень хорошо, тысячу раз, очень хорошо. Но если рассудить по правде, то что мы должны сказать нашему другу?[71]

Ваш

И. Тэн

BN. n. a. fr. 16275. P. 310–311.

10

Париж. Улица Дуэ, 50
Пятница, 22 марта 1878

Любезный господин Тэн,

Прежде всего благодарю вас за «Революцию», которую я только что получил и которую начну читать немедленно.

Что касается другого пункта вашего письма (которое я, по вашему желанию, уничтожил), то вы меня заставили призадуматься!! Не разделяя вполне вашего мнения, я чувствую, что, в сущности, вы правы, что вы лишь вызвали наружу мысли, которые таились во мне, и что самая дружба, которую мы питаем к Ф<лоберу>, налагает на нас обязанности, может быть, и тяжелые.

Мне очень хотелось бы поговорить с вами об этом основательно, прежде чем принимать какое-либо решение. Назначьте день и час, когда я мог бы навестить вас, начиная со *среды*. Я в вашем распоряжении, и, может быть, мы придем к какому-нибудь результату.

В ожидании вашего ответа сердечно жму вам руку.

Совершенно преданный вам Ив. Тургенев

Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 1. 1966. С. 294–295.

11

50, улица Дуэ
Париж
Понедельник утро [25 марта 1878][72]

Любезный господин Тэн,

С большим удовольствием принимаю ваше предложение; я приду к вам в четверг, в 7 ч., и мы побеседуем.

Сердечно жму вам руку.

Весь ваш Ив.Тургенев

Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 1. 1966. С. 295.

12

50, улица Дуэ
Париж
Четверг утро [28 марта 1878][73]

Любезный господин Тэн,

Обращаюсь к вашей снисходительности и приношу свои извинения. Дело вот в чем:

Нам только что прислали ложу на сегодняшний вечер («Отверженные»)[74], и так как в данный момент я единственный в доме мужчина, который может выезжать вечером, мне придется сопровождать дам[75]. Не будете ли вы так добры отложить наш разговор на какой-нибудь другой день? Я всецело предоставляю вам право выбрать его, так же как и час.

Если я вам доставляю какое-либо неудобство, очень прошу вас простить меня.

До скорого свидания, надеюсь, и примите выражение лучших чувств

совершенно преданного вам Ив. Тургенева

Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 1. 1966. С. 295–296.

13

50, улица Дуэ
Париж
11 марта 1881

Мой дорогой друг.

С готовностью принимаю ваше приглашение на 21-е.

Благодарю за подписку и список. На днях у нас состоится заседание комитета, и мы решим, как поступить с собранными деньгами[76].

Тысяча дружеских приветов.

Весь ваш Ив. Тургенев

Тургенев. Письма. Т. XIII. Кн. 1. 1968. С. 69.

Приложение II

Письма Тургенева к Терезе Тэн

1

50, улица Дуэ
Париж
Среда, 7 [января 1879][77]

Любезная сударыня,

принимаю ваше приглашение на следующий понедельник с большим удовольствием.

Примите уверения в преданности и почтении.

Ив. Тургенев

2

50, улица Дуэ
Париж
Четверг, 19 января 1882

Любезная сударыня,

принимаю с великим удовольствием ваше любезное приглашение на 30-е. Также надеюсь на огромную радость встретить г-на Тэна либо у Г. Париса[78], либо у вас во вторник. Я полагаю, что в этот день он остается дома.

Примите, сударыня, мое самое глубокое почтение.

Ив. Тургенев

3

[29 января 1882?]

Сударыня, я приходил узнать у вас, возможно ли перенести наш обед с завтра на субботу или на любой другой день, который вы назначите. Я не осмелился бы сделать это, если бы не знал, что из приглашенных будет только Г. Парис. Я прошу извинить меня, и если вы ничего не имеете против, то тогда до субботы.

Тысяча дружеских приветов г-ну Тэну.

Преданный вам.

Ив. Тургенев

Приложение III

Неизданное письмо Тургенева об «Отчаянном»

В очерке, посвященном Тэну и Тургеневу, уделено внимание важной роли рассказа «Отчаянный».

Ассоциация приобрела в 1989 г. в доме автографов Шаравай письмо Тургенева Б.Б.Ф. Боровски от 22 февраля 1882 г. Об этом корреспонденте ничего не известно, кроме того, что он — англичанин.

Тон письма говорит о том, что автор доволен впечатлением от рассказа «Отчаянный», уже опубликованного во французском журнале в январе 1882 г. и ставшего известным за границей.

Но это вовсе не Боровски перевел «Отчаянного» на английский язык, а Шарлотта Адамс. Именно она перевела с русского и опубликовала его под заголовком «Отчаянный» в нью-йоркском журнале «Космополитен» в августе 1888 г. (T. V. № 4. P. 335–344).

50, улица Дуэ
Париж
22 фев[раля] 1882

Милостивый государь,

Я вам с охотой разрешаю то, о чем вы просите. Но хочу вас предупредить, что это не имеет смысла, так как литературной конвенции между Англией и Россией нет. Я не могу сказать с уверенностью, что «Отчаянный» уже переведен; мне кажется, да.

Я рад узнать, что у английского читателя пробуждается вкус к русской литературе — и я признателен вам, что вы этому способствуете.

Примите уверения в моих искренних симпатиях.

Иван Тургенев

Г-ну Б.Б.Ф. Боровски

Примечания

Доклад был прочитан на Международной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения Тургенева, в Будапеште, 26–28 августа 1993 г. Текст для данной публикации дополнен и переработан.

Опубликовано в Cahiers Tourguéniev. № 17–18. 1993–1994. P. 3–42.

1 См.: *Заборов П.* Ипполит Тэн в России // Эпоха реализма. История международных отношений в русской литературе. Л. 1982. С. 227–271.

2 См.: *Муратов А.Б.* Ипполит Тэн // Тургеневский сборник. 1969. Т. V. С. 513–518.

3 22 февраля 1865 г. на обеде у Юссон в компании с Флобером.

4 Тургенев. Письма. Т. IX. 1965. С. 104. В работах советских исследователей хорошо прослежено влияние Тэна. Они полагали, что Тургенев слушал лекции об искусст-

ве Джона Рескина, которые тот читал в Оксфорде в 1870 г. (см. там же. С. 496).

5 Taine H. Notes sur l'Angleterre. Paris. 1872. Ch. VIII («De l'esprit anglais»). P. 346–363.
Тэн едко критикует английскую живопись и в то же время хвалит поэзию:
«Как жаль, что они рисуют вместо того, чтобы писать!» «Есть рабочий и поэт, но нет художника» (Ibid. P. 352, 355).

6 Вот что он писал Клоди Шамро-Виардо 27 октября 1878 г.: «Мы только что пробежались по Оксфорду, где можно увидеть прекрасные здания, о которых можно только мечтать, в англо-готическом стиле, с замечательными деревьями, зелеными лужайками и над всем — бледно-голубое небо. Английские пейзажисты так глупы, что не могут воспользоваться всем этим» (Tourguéniev. NCI. T.1. P. 290).

7 Тургенев. Письма. Т. X. 1965. С. 55.

8 Taine H. Sa vie et sa correspondance. Paris. 1904. T. 2. P. 363–365. См. в «Заметках об Англии» главу «Чтение и заметки».

9 Ibid. T. 3. P. 250.

10 См. письмо Тургенева П.Ж. Этцелю от 8 апреля 1868 г. (Тургенев. Письма. Т. VII. 1964. С. 105). В семье Тэна сохранились «Записки охотника», «Сцены из русской жизни», «Дмитрий Рудин», «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», «Дым», «Московитские повести», «Вешние воды». Эти книги выставлены в музее Тургенева в Буживале.

11 BN. Papiers Viardot. N.a.fr. 16275. ff. 312–313.

12 «По этому поводу Тэн (Taine) написал мне энтузиастическое письмо!!!» (П.В. Анненкову, 11 апреля 1874 г.). «Вы не можете себе представить, какие я получаю комплименты — так что даже недоумение берет. Письма от Ж. Занд, от Тэна и т. д. из-за такой безделки» (М.М. Стасюлевичу, 16 апреля 1874 г.). Тургенев. Письма. 1965. Т. X. С 223 и 226.

13 *Taine H.* Alphonse Daudet, Hector Malot, Ferdinand Fabre. (Journal des Débats. 18 février 1875).

14 Письмо Тургенева Стасюлевичу от 22 мая 1875 г. (Тургенев. Письма. 1965. Т. XI. 1965. С. 77).

15 Тургенев, получив это письмо от Тэна, отослал его вместе со своим Стасюлевичу 6 июня 1875. (см. там же. Т. XI. 1965. С. 88).

16 Первое письмо, написанное Тургеневым Тэну, было от 16 мая 1875 г. См. Приложение I.

17 См. мою статью: Ernest Renan, Tourguéniev et Pauline Viardot // Cahiers Tourguéniev. 1992. № 16. P. 12–18.

18 Тургенев. Письма. 1965. Т. XI. 1965. С. 187.

19 Письмо от 27 января 1876 г. (Там же. С. 200).

20 Письмо от 27 января 1876 г. (Там же. С. 199).

21 Письмо от 20 января 1876. См. Приложение I, а также: Тургенев. Письма. Т. XI. 1965. С. 194.

22 Вестник Европы. 1876. Февраль. № 2. С. 862–892.

23 См.: Le Journal. 15 novembre 1893. L'article intégral du Messager de l'Europe. Œuvres complètes de Zola. Éd. Henri Mitterand. Paris. Cercle du livre précieux. 1969. T. XII. P. 533–559.

24 «Старый порядок» вышел в Санкт-Петербурге в 1880 г., переиздан в 1907 г.; «Революция» была опубликована частями в «Русской речи» с июля 1881-го по май 1882 г.

25 См.: Письмо Тургенева Стасюлевичу от 16 / 28 апреля 1875 г. Тургенев. Письма. Т. XI. 1966. С. 66.

26 См. там же. Т. XII. Кн. 1. 1966. С. 294.

27 Эта газетная вырезка вместе с письмом Жюльетты Адан была послана Жоржу и Клоди Шамро 5 ноября 1881 г.. См.: Cahiers Tourguéniev. 1986. № 10. P. 166.

28 Письмо Тургенева Стасюлевичу от 16 / 28 апреля 1875 г. Письма. Т. XI. 1966. С. 65.

29 *Taine H.* Les Origines de la France contemporaine. T. I: L'Ancien Régime. Livre I. Ch. 1. Paris. Hachette. 1876. P. 7–8.

30 Это письмо находится у потомков Тэна.

31 Это письмо Анненкова Тургеневу было послано вместе со «Старым порядком» в феврале 1876 г. См.: Тургенев. Письма. Т. X. 1965. С. 600–601; Т. XI. 1966. С. 207.

32 См., например: *Муратов А.Б.* Ипполит Тэн. С. 514; Тургенев. Сочинения. Т. 3. 1979. С. 515.

33 *Chevrillon A.* Portrait de Taine. Souvenirs. Paris. Librairie Arthème Fayard. 1958. P. 53.

34 *Taillandier M. S.-R.* Mon oncle Taine. Paris. Plon. 1942. P. 30–31.

35 *Taine H.* Les Origines de la France contemporaine. Introduction de Fr. Leger. Paris. R. Laffont. 1986. T. I. (L'Ancien Régime). P. 160.

36 Письмо Тургенева Клоди Шамро. Спасское. 26 августа / 7 сентября 1878 г. (LIPV. P. 276–277.)

37 *Taine H.* L'Ancien Régime. T. I. P. 160.

38 Ibid. P. 278.

39 Ibid.

40 См. мои статьи «Tourguéniev et l'Espagne» // Revue de littérature comparée. Jan.-mars 1959. P. 50–79; «Une pièce inédite de Lara" // Mélanges à la mémoires d'André Joucla-Ruau. Aix-en-Provence. 1978. T. II. P. 1237 — 1255; мое предисловие к NCI. T. I. P. XLVII–L.

41 Тургенев вспоминал совет своего друга Полонского: не печатать «Песни», не сопровождая ее другим очерком в прежнем роде. Но считал, что писать нужно «что тебе на душу придет, не справляясь заранее с мненьями публики» (Письмо Тургенева к Ж.А. Полонской 1/13,

4/16 января 1882 г. Тургенев. Письма. Т. XIII. Кн. 1. 1968. С. 180).

42 *Taine H.* L'Ancien Régime. T. I. P. 123.

43 См.: Ibid. Livre 5. Ch. 2. P. 266–267.

44 Новая версия «Песни торжествующей любви» была хорошо принята в России и за границей.

45 Письмо Тургенева Я.П. Полонскому от 8/20 января 1882 г. Тургенев. Письма. Т. XIII. Кн. 1. 1968. С. 184.

46 «Песнь торжествующей любви» была опубликована в «Нувель ревю» в ноябре 1881 г. и «Отчаянный» — в «Ревю политик и литерер» 14 января 1882 г.

47 Письмо Тургенева Ж.А. Полонской от 28 января / 9 февраля 1882 г. (Тургенев. Письма. Т. XIII. Кн. 1. 1968. С. 190). «Французским lettres эта вещь понравилась; Тэн меня даже сконфузил своими комплиментами» (письмо П.В. Анненкову от 13/25 февраля 1882 г. Там же. С. 201).

48 Письмо Тургенева Ж.А. Полонской от 1/13, 4/16 января 1882 г. Там же. С. 180.

49 Caractéristiques de la vie parisienne d'I.S. Tourguéniev // La pensée Russe. 1883. № 11. P. 319. Статья подписана: N. M.

50 Художник А.П. Боголюбов сообщает об этом чтении А.Н. Пыпину. Оно состоялось в Париже у барона Гинзбурга 14 января 1882 г. (См.: Тургенев. Сочинения. Т. XIII. 1967. С. 558).

51 Chevrillon A. Op. cit. P. 53.

52 Запись о визите Тэна в дневнике Тургенева сделана 12 января 1883 г. (См.: *Тургенев*. Сочинения. Т. 11. 1983. С. 208).

Вместе с Тэном Тургенева проведал Гастон Парис. Он просматривал некоторые из стихотворений в прозе, не предназначавшиеся для печати в «Ревю политик и литерер». Тэн настаивал на их публикации. Стихотворения в прозе были переведены Полиной Виардо в сотрудничестве с автором.

53 *Taine H.* Sa vie et sa correspondance. T. IV. P. 34.

«Вы мастер создавать романы, первый, на мой взгляд, из всех наших современников» (Тургеневу, 21 марта 1878 г.).

54 Письмо Тэна Полю Бурже от 12 сентября 1884 г. Ibid. T. IV. P. 184.

55 Письмо Тэна Алексису Делэру от 19 апреля 1890 г. Ibid. T. IV. P. 308.

56 Письмо Тэна виконту Е.-М. Вогюэ от 8 июня 1886 г. Ibid. T. IV. P. 218.

Генри Джеймс, встретив Тэна на одном из обедов в мае 1889 г., записал: «Тэн очень удачно выразился о Тургеневе, что он умеет превосходно отсекать пуповину между собой и своими персонажами». См.: Edel L. «The

life of Henry James». T. III («The Middle years»). London. 1963. P. 209. Это выражение использует Поль Бурже, он его приписывает то Тургеневу, то Тэну (ср.: Ivan Tourguéneff // La Nouvelle Revue. 15 mai 1884. P. 232 и «Pages de critique et de doctrine». Plon. 1912. P. 23–24). См. также: Asselineau R. Tourguéniev — Taine — Henry James // Cahiers.1993–1994. № 17–18. P. 147.

57 *Taillandier M. S.-R.* Mon oncle Taine. P. 32.

58 *Chevrillon A.* Portrait de Taine. Souvenirs. P. 53.

59 Роман Толстого, изданный в Санкт-Петербурге Тренке и Фюсно в 1879 г., распространялся издательством «Ашетт» (известно 21 издание до 1930 г.). См.: *Silberstein I.* Tolstoï aujourd'hui. Le roman «Guerre et Paix» et la France. Ivan Tourguéniev s'emploie à faire connaître le roman de Tolstoï. Paris. 1980. P. 225–232. Вероятно, «кружок пяти» (Тургенев, Флобер, Эдмон Гонкур, Золя и Доде) рекомендовал роман издательству «Ашетт».

60 Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 2. 1967. С. 197.

61 В «Русском романе» (1886) де Вогюэ писал: «Г-н Тэн позволит мне высказать здесь мнение, которое придаст еще больший авторитет его имени. Я не раз слышал от него о его уважении к Тургеневу, которого он считал одним из самых блистательных художников после греческих писателей» (*De Vog Ø.* Le roman russe. Lausanne. L'Age d'Homme. 1971. P. 202). Далее славист, вдохновленный мнением Тэна об «Отчаянном», пишет о Тургеневе: «Он обнажил подсознательный фатализм, который управляет некоторыми желаниями славян, этот фатализм моральных бродяг сродни жертвам античного "рока" в произведениях Эсхила и Софокла». Ibid. P. 204.

62 Литературное наследство. 1967. Т. 76. С. 701. Сноска 28.

63 Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911), публицист и историк, профессор Санкт-Петербургского университета, главный редактор «Вестника Европы». По предложению Тургенева он рассматривал возможность публикации «Старого порядка» Тэна.

64 Письмо написано два дня спустя после предыдущего, от 16 мая 1875 г.

65 В 1876 г. четвергу соответствовало 20 января. Тургенев только что прочитал «Старый порядок», который вышел месяцем ранее. Это письмо в подборке Гальперина-Каминского не датировано (р. 179). Впоследствии Виктор Гиро ошибочно пометил его 1879 г., считая его не столь важным. См.: *Giraud V.* Essai sur Taine. Fribourg-Paris. 1901. P. 217.

66 Датирую эту записку понедельником 24 января 1876 г. потому что в ней упоминается статья Золя о «Старом

порядке», написанная для февральского номера «Вестника Европы».

67 Эту записку Тэн написал во вторник 7 марта 1876 г.; датирую 8 марта 1876 г.

68 9 марта приходилось на пятницу в 1877 г.

69 Год установлен по совпадению числа и дня недели.

70 Тургенев тщательно скрывал, что не уничтожил столь важное письмо, хотя и уверил Тэна, что выполнил его просьбу.

71 За четыре года до этого Тургенев уже высказывал аналогичные замечания своему другу Флоберу. Но тот упрямился: он не мог «писать коротко». «Бувар и Пекюше» — роман концептуальный для него. Сравните письмо Тургенева от 12 июля 1874 г. и ответ Флобера от 29 июля (CFT. P. 153, 155).

72 Мы датируем на основании предыдущего письма, где Тургенев просил своего корреспондента назначить ему свидание «начиная со среды».

73 Полагаю, что должна быть другая дата.

74 Роман Виктора Гюго был поставлен на сцене театра Порт Сент-Мартен 22 марта 1878 г.

75 Луи Виардо было уже 78 лет. Тургенев сопровождал в театр Полину и двух ее дочерей, Клоди и Марианну.

76 Тургенев был вице-председателем подкомитета по сооружению памятника Флоберу.

77 В подлиннике месяц указан неразборчиво. 7 января приходилось на вторник в 1879 г.

78 Гастон Парис (1839–1903), профессор французской литературы, администратор в Коллеж де Франс, член Французской академии.

Е. Петраш

Влияние Тургенева на творчество Мопассана

Мое выступление оказалось в середине сегодняшнего дня, и до меня уже рассматривались два противоположных по мысли сообщения. Оказалось, что невозможно установить, кого можно считать «патроном», а кого «благотворным наставником»: Флобера или Тургенева?

Мне представляется этот спор бессмысленным, так как невозможно таким образом установить, какое место эти писатели занимали в душе и в мыслях Ги де Мопассана. Мне хотелось бы высказаться по этому вопросу одновременно и проще и более определенно.

Все мопассановские тексты хранят свои секреты, но есть и тайны, которые находятся не только в его произведениях. Четыре хроники, созданные Мопассаном, свидетельствуют о почитании писателем личности и творчества Тургенева. Полная, абсолютная привязанность длилась до конца жизни, как это показал Жак Бьенвеню, цитируя один из характерных фрагментов последней хроники Мопассана, посвященной Суинберну.

Иногда Мопассан раскрывает свои карты. Луи Форестье первым заявил о влиянии на рассказ Мопассана «Незнакомка»[1] новеллы «Три встречи», которую тот хвалил в одной из хроник под названием «Воспоминания»[2]: новелла была издана месяцем раньше. Мы к этому еще вернемся.

Зачастую Мопассан скрывает источники своей информации. Иногда они бывают очевидными, как в случае с рассказом «Мадемуазель Кокотка» (1883), который вышел целиком из «Муму», где слуга Герасим потопил против своей воли любимую собачку[3].

Такой хорошо изученный текст, как «Пышка», содержит деталь, которая никогда не была расшифрована. Речь идет о каламбуре, касающемся г-на Луазо, одного из пассажиров дилижанса: «Репутация мошенника настолько упрочилась за ним, что как-то на вечере в префектуре г-н Турнель, сочинитель басен и куплетов, остряк и задира, местная знаменитость, предложил дремавшим от скуки дамам сыграть в игру “птичка летает”; шутка облетела гостиную префекта, отсюда проникла в гостиные горожан, и целый месяц вся округа покатывалась от хохота»[4].

«Местная слава» г-на Турнеля сродни Тургелю, так женщины семьи Виардо ласково прозвали Тургенева[5]. Тургенев был горд словечком, которое он обронил однажды не без умысла в письме от 1879 г. к Клоди Шамро, второй дочери в семье Виардо. Тургенев отправился в это время в Москву специально, чтобы получить наследство своего брата Николая; его опередил племянник жены Николая, личность, о которой можно было бы сказать, что это человек без совести: «Я встречался по поводу моего наследства с адвокатами, юристами, я видел управляющего и, наконец, хищную птицу, которая меня так ощипала: в результате всех

Материалы круглого стола «Мопассан и “кружок пяти”». Буживаль, 17 октября 1993 г. Обложка издания

встреч вместо 100 тысяч рублей я получил только 50, и еще после этого хищная птица имела неосторожность мне сказать, что и так мой брат был щедр ко мне! В течение 10 дней все юридические формальности будут закончены, и я смогу снова отправиться в полет. И хищная птица также — но в разных направлениях. Этот каламбур мне пришел внезапно в голову. Лишь бы меня не задержали из-за карантина на границе!»[6]

Каким образом Мопассан смог узнать об этом тексте? Конечно же, вряд ли Клоди Шамро ему об этом сообщила. Вероятно, Тургенев вспоминал этот каламбур в присутствии Мопассана, который переделал его по-своему.

Для русского нигилиста из новеллы «Публичный сеанс» (1880) Мопассану нужно было подобрать говорящее имя, нечто характерное. Вероятно, он обратился к Тургеневу, как это сделал до него Эдмон Гонкур, который подыскивал имена цыганкам в романе «Братья Замганно»[7]. В случае с Мопассаном это было имя «Ева Шурин»: оно ничего не говорит французскому читателю (за исключением славянских созвучий), но по-русски так называют брата жены. «Шурин» — прекрасно придуманное имя, если знаешь, что Ева — нигилистка, поджигательница, одновременно феминистка и мужеподобная женщина, готовая «бороться против тирании мужчин, мстить за бесчеловечно угнетаемую женщину»[8].

Тремя месяцами позже Мопассан публикует свою первую хронику о Тургеневе «Создатель слова “нигилист”»[9].

И в мае 1881 г. Мопассан выразил свою признательность мэтру, посвятив ему сборник новелл «Заведение Телье». Потом он обращается к нему за советом, что могли были бы петь английские моряки перед закрытым домом[10]. Почему он обращается к Тургеневу? Потому что это посоветовал, наверняка, Флобер, знавший «страшную» эрудицию Тургенева: последний сделал критическое замечание Флоберу в ноябре 1879 г. по поводу песни г-жи Арну в четвертой главе романа «Воспитание чувств», когда читал книгу в Буживале в присутствии Полины Виардо[11]. Она-то, конечно, знала названия английских песен.

Некоторая близость стала возникать между двумя писателями начиная с 1881 г. То, что Тургенев называет своего молодого друга «мой дорогой Ги» в одном из писем[12], является, я думаю, первым знаком. Старый мэтр, должно быть, доверял своему ученику, рассказывая ему о своих видениях, навязчивых мыслях. Например, о холере, которая приводила его в панический ужас. Ее легкая

форма, холерина, вселила в него страх в Париже в мае и в июне 1849 г. Навязчивые мысли о холере преследовали его всю жизнь до такой степени, что он даже не осмеливался называть эту болезнь ее именем: «Она наступает со всех сторон. Она и в Праге, и в Бреслау, и в Дрездене, в Берлине, Вене (несмотря на опровержения), в Нюрнберге, в Мюнхене. Меня успокаивают, уверяя, что ее никогда не было в Карлсбаде»[13].

Он заменяет название холеры в этом письме к г-же Виардо. То же личное местоимение с большой буквы присутствует в рассказе Мопассана «Страх» (25 июля 1884 г.)[14], и оно обозначает холеру. Автор подчеркивает здесь, что страх возникает не из-за микроба, а из-за невидимого и зловредного Существа, Дух которого убивает, гения зла, воплощенного в этом слове, почти непроизносимом и приобретающем, таким образом, другое значение. Луи Форестье отмечал, что это замечание предвосхитит несколько тем в «Орля»[15]. Выдвигая гипотезу, что слово «Орля», этимологию которого относят к разговорному языку, происходит не от медицинского термина «холера-morbus», а от русского ругательства, взятого из письменного греческого — χολέρα, что обозначает для того, кто его произносит, худшее из бедствий, которое может свалиться на него. В любом случае, есть сходство между Ним, идущее от Страха, и Ним от Орля, между Невидимым и Существом Невидимым и Опасным, между Духом, который убивает и которого чувствуют везде, он присутствует, является невидимым, угрожающим, и его тело прозрачно, это тело неопознано, это тело Духа. И здесь нет антиномии между новым существом, новым мэтром, Орля и старинным бедствием, бедствием прошлых времен... которое возвращается и которое нас удивляет настолько, что приводит в состояние ужаса, ибо оно принадлежит исчезнувшим векам[16].

Физиологические реакции душевнобольного совпадают с теми, которые точно описывает Тургенев своим самым близким корреспонденткам. Он пишет о том, как наступает это бедствие:

> «Вот уже примерно неделя как Холера — этот ужасный монстр, опустошает Петербург. И я, так как боюсь ее больше, чем черт ладана, ужасно провел эти три последние недели — в тоске, страхе, холодном поту, бессоннице, и т.д.... Стыдно быть таким трусом, но я думаю, что есть психологическая причина, которая сильнее меня, ведь никакая другая болезнь не внушает мне такой страх...

Первый час.

Опять нет сна и ощущения самые странные в животе, в руках, в ногах.... Все это от нервов и не имеет значения — но это мешает спать и даже лежать»[17].

«Мое мрачное состояние вызвано три причинами: ...появлением холеры в Брянске, в городе, расположенном в 150 км отсюда, с другой стороны Орла; ты же знаешь мое малодушие в отношении этой мерзкой болезни; к тому же, вначале урчание в животе, тревога и холодный пот ночью, судороги ножных икр, солнечного сплетения и эпигастра, одним словом, все напасти»[18].

Впрочем, все примеры страха, описанные Мопассаном в рассказе с тем же названием, заимствованы из одного источника. Что касается второго рассказа, автор прямо указал на то, что Тургенев поведал ему эту историю в одно из воскресений в доме Флобера.

Охотничья история, произошедшая в России: охотник купается в реке, его начинает преследовать сначала в реке, потом в лесу безобразная женщина. Тургенев из нее создал стихотворение в прозе «Старуха»[19]. Этот сюжет, который является одним из многочисленных вариантов аллегории навязчивой мысли о смерти, использовал Мопассан. Следующий случай взят из рассказа «Стучит»[20] после чтения «Записок охотника»!

Речь идет здесь о наваждении — стук колес, грохот коляски издалека: история интересует Мопассана, потому что в ней Тургеневу удалось создать странную атмосферу, которая вызывала «неестественную дрожь». В этом Тургенев особенно преуспел, считает его ученик Мопассан в «Фантастическом»[21], последней критической работе о русском писателе.

Мы думаем, что первая сцена «Страха» навеяна другим, наиболее известным охотничьим рассказом «Бирюк». Мопассан владел искусством запечатлевать мгновения, он мог бы быть превосходным фотографом, если бы техника фотографии была более развитой в его время. Появление на ходу поезда двух отверженных, бородатых, в лохмотьях (злодеи, колдуны?), а вокруг полночь, середина лета, пожар [22] — все это похоже на кадр из фильма Хичкока. «Кинофильм» был создан двумя годами раньше: он называется так же — «Страх» (23 октября 1882 г.)[23].

История у Мопассана происходит зимой, тогда как у Тургенева — летом, во время грозы. Французский автор, забыв о зимнем

пейзаже, выдает себя мгновенно, описывая бурю, видимую через оконное стекло дома, где жил сторож: «ветки деревьев, раскачиваемых ветром при свете жутких молний»[24].

В тексте Мопассана непрерывный лай собаки, начавшийся до грозы, создает элемент напряжения. Чуткий к звукам и событиям, писатель открывает в другом рассказе Тургенева, тонкого наблюдателя за повадками животных, то, что ищет, в конце одной из лучших новелл Тургенева «Постоялый двор»: «Наум, удачно хозяйничавши лет пятнадцать, выгодно сбыл свой двор другому мещанину... Он бы никогда не расстался с своим двором, если б не случилось следующего, по-видимому, незначительного обстоятельства: два утра сряду собака его, сидя под окнами, протяжно и жалобно выла; он во второй раз вышел на улицу, внимательно посмотрел на воющую собаку, покачал головой, отправился в город и в тот же день сошелся в цене с мещанином, который давно уже приторговывался к его двору...

Через неделю он уехал куда-то далеко — из губернии вон; новый хозяин переселился на его место, и что ж? В тот самый вечер двор сгорел дотла, ни одна клеть не уцелела, и Наумов наследник остался нищим».

Первый рассказ «Страх» займет свое место в сборнике «Рассказы вальдшнепа», который Мопассан послал своему alter ego, прославленному автору «Записок охотника», в июне 1883 г.[25]. Но он был очень тяжело болен и не мог их прочитать.

В этих «Рассказах», как и в «Записках», не всегда речь идет об охоте. Мопассан и Тургенев — страстные охотники, но и тот и другой рассматривали охоту как спорт.

Касьян, которого Тургенев встречает в лесу центральной России, произносит обвинительную речь: он выступает против греха человека, проливающего кровь животных ради своей потехи. Флобер развивает эту тему в великолепной «Легенде о св. Юлиане Милостивом». Эта легенда вдохновила Мопассана на создание «Волка». Случайная смерть маркиза д'Арвиля во время охоты на волка отбивает охоту всем его потомкам предаваться этому развлечению на протяжении более века[26].

Охота интересует Мопассана по разным причинам: зачем охотятся? Нет ли в этом увлечении первобытного инстинкта, как в случае с войной?

Мопассан читал, безусловно, «Воспоминания об охоте» Луи Виардо, книгу успешную, выдержавшую семь изданий с 1846 по 1859 г. Он мог найти в предисловии к ней ответ на первый вопрос:

некоторые мужчины охотятся, так как у них есть «инстинкт к убийству». У Мопассана нет иллюзий на этот счет: в нескольких словах он описывает проявления первого инстинкта: «На протяжении всего длинного обеда только и говорили об убийстве животных.

Даже женщины интересовались кровавыми историями и зачастую неправдоподобными, а рассказчики изображали нападения и сражения людей с животными, размахивали руками, говорили неестественно громко»[27].

Луи Виардо был авторитетом в охотничьем жанре: его оригинальность заключалась в том, что он описывал охоту, в которой принимал участие, причем в разных странах Европы[28].

Мопассан, очевидно, подразумевает его, набрасывая портрет старого барона де Раво в «Вальдшнепе», рассказе, который открывает сборник «Рассказы вальдшнепа»: «Престарелый барон де Раво в течение сорока лет слыл королем охотников в своей округе. Но последние пять-шесть лет паралич ног приковал его к креслу...

То был приятный собеседник, сохранивший немалый запас остроумия прошлого века. Он обожал шаловливые анекдоты, а также рассказы о подлинных происшествиях, случившихся с окружающими его людьми»[29].

Мопассан не раз встречал Луи Виардо в поместье «Ясени» или на улице Дуэ, когда бывал у Тургенева. Виардо родился в 1880 г., ему было 82 года, когда Нормандец писал свой рассказ; он видел, как тот покачивался в кресле-качалке. Виардо был сыном генерального прокурора апелляционного суда Дижона во времена Французской революции, и сам был то юристом, то испанистом, директором Итальянского театра, музыковедом и философом-позитивистом[30]. Он был воспитан в духе века Просвещения. Этот великолепный переводчик «Дон Кихота» любил также «маленькие забавные анекдоты». Мы опубликовали два его рассказа, которые вызывали приступы смеха у Тургенева[31].

Следующая история, рассказанная в «Помешанной», вовсе не смешна; наоборот, рассказ отличается дидактизмом и морализаторским тоном. У Мопассана не было привычки к созданию подобных сюжетов. Рассказчик, собираясь подобрать вальдшнепа во рву, находит череп женщины-инвалида, который был принесен в тюфяке в деревню прусскими солдатами в 1870 г.

«Я сохранил эти печальные останки. И от души пожелал, чтобы наши сыновья никогда больше не видели войны»[32].

В более раннем рассказе можно найти портрет одного противника войны и в то же время патриота. Этот персонаж появляется на одной из «воскресных» прогулок парижского буржуа («Обед и несколько мыслей»): «Вы, вероятно, согласитесь со мной. Что война есть нечто чудовищное. Что этот обычай истребления народов является пережитком времен дикарства и что, если жизнь есть величайшее реальное благо, то не возмутительно ли, что правительства, обязанные защищать существование своих подданных, упорно изыскивают средства к их уничтожению? Не так ли? Но если война — вещь чудовищная, то не является ли патриотизм той идеей, которая порождает и поддерживает войну?»[33]

Персонаж не изменился: человек, который так говорит, — это, конечно, Луи Виардо, пример честности и порядочности. Мопассан изображает его таким, следуя рассказам Тургенева. По крайней мере, таким он нам представляется в экстравагантном персонаже г-на Рада, имя которого — «le vieux Rade» — очень похоже на анаграмму «Виардо». Мопассан знал, конечно, его «Апологию недоверчивого человека», компиляцию цитат древних и современных авторов, подобие катехизиса для либерального мыслителя. Эта маленькая книга выдержала пять изданий с 1872 по 1889 г. под названием «Свободный экзамен»[34].

Мопассан взял из нее то, что служило его задаче: мысль о том, что «чувство человечности выше чувства патриотизма», в сочетании с цитатой из Лейбница: «Господь предохраняет меня от патриотизма, который помешал бы мне стать человеком мира»[35]. Или еще этой античной сентенции: «Сделай для другого то, что ты хотел бы, чтобы сделали для тебя»[36]. Г-н Рад, анархист, для которого никакие принципы не были безусловными, поправляет эту сентенцию по своему усмотрению: «Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы делали тебе»[37].

Соображения г-на Рада настолько не согласуются с принципами французского общества, что буржуа г-н Патиссо говорит о нем так: «Вы, сударь, не француз»[38]. Тургенев, говоря о Луи Виардо, употребляет те же слова в письме к Теодору Шторму от 30 ноября 1865 г.: «Мой друг Виардо вас сердечно приветствует. Вы не ошиблись на его счет: столько хороших черт в характере не делает его французом. В самом деле, он не француз, как, например, В. Гюго с его отвратительными гримасами в “Песнях улиц и лесов”»[39].

Мопассан, доброжелательно относившийся к личности и творчеству Луи Виардо, изучал близко в течение многих лет

сентиментальные отношения Тургенева, так долго жившего рядом с женой Виардо и его дочерью Клоди. «Незнакомка» Мопассана появилась как следствие этих его наблюдений. Новелла родилась под впечатлением чудесных «Трех встреч» Тургенева. Открытие о разделенной любви к двум женщинам, заполнившей существование русского друга, объяснило это наваждение. Встречи повторяются, с двумя разными и одновременно похожими женщинами. Это сюжет романа «Сильна как смерть». Я делал доклад на эту тему двадцать лет тому назад[40] и сейчас хочу напомнить о настойчивости Мопассана, с которой он пытался узнать правду о сокровенной любви, природа которой не позволяет биографам Тургенева прийти к согласию.

Мопассан, вероятно, воспользовался признаниями своего мэтра и друга. Но он захотел пойти дальше, восстановить с еще большей достоверностью историю любви Тургенева и Полины Виардо. Он действовал, следуя методу современного исследователя, который готовит издание переписки. Автор хроник 1883 г., толкователь Тургенева, добился от г-жи Виардо милостивого согласия на чтение писем, которые она получала от великого писателя[41]. Иначе, как объяснить совпадения между текстами русского писателя и теми письмами, которыми обменивались в романе Оливье Бертен и Анна де Гильруа? Создание «факсимиле» одного из биографических текстов помогает нам понять мопассановскую технику первооткрывателя оригинальных документов, ведь ему, естественно, не давали разрешения на их публикацию.

Например, письмо из Москвы, датированное 21 июля [42], этой датой помечено и письмо Оливье Бертена[43]. Вверху слева на второй страничке письма написано слово «четверг», при невнимательном чтении его можно принять за «полдень», уточнение, которое следует за датой письма Оливье. Именно в этой части длинного письма Тургенева встречаются слова: «Не забывайте, что я *серьезно,* и очень серьезно рассчитываю на ваши советы, позвольте сказать — на ваши приказания. Мне сладостно произносить это слово, применяя его к вам, и я буду счастлив вам повиноваться. Итак, милостивая государыня, решайте, я жду». Оливье скажет также, несмотря на лаконичность: «Моя бедная подруга, я бы уехал наперекор вам, если бы не привык рассматривать все ваши желания как приказы»[44].

В новелле Мопассана «Наследство» (1884) описывается драма мужской импотенции. С упорством, напоминающим манию Флобера, который хотел найти в Нормандии точное место, чтобы

именно там «построить» дом для своих вымышленных персонажей («Бувар и Пекюше»), Мопассан в первом наброске расположил «Виллу Дезире» в Буживале. Место было описано так, что становится очевидным — речь идет о вилле «Ясени», занимаемой семейством Виардо и расположенной на холме Жоншер: «в Буживале, на лесистом склоне холма, который идет от Мальмезона к Марли-ле-Руа»[45].

В окончательной версии фраза была изменена: «в Аньере, на высоком берегу Сены»[46]. Но, как если бы место не было достаточно известно, Мопассан добавляет одну деталь, которая осталась в опубликованном тексте. Леопольд объясняет своим коллегам дорогу от вокзала: «Идите вдоль набережной, вы как раз окажетесь у ворот моей дачи. “Вилла Дезире” четвертая за поворотом»[47]. Когда идешь от Мальмезона по левой стороне, в настоящее время по улице Ивана Тургенева, напротив Сены, после указанного поворота можно увидеть три частных владения (под номерами 22, 20 и 18), четвертая вилла под номером 16 и есть «Ясени».

Мопассан был, конечно, удивлен, как и другие посетители шале Тургенева, войдя впервые в кабинет и обнаружив там Клоди Шамро, сидящую у мольберта. Она была очень похожа на свою мать Полину Виардо. Мопассан, должно быть, слышал от Тургенева о Клоди, которую тот называл дочуркой и испытывал к ней отцовские чувства: он знал ее с четырехлетнего возраста. В «Наследстве» Мопассан вложил в уста соблазнителя Коры такие слова: «Мне кажется, сударыня, что я уже немного с вами знаком, что я знал вас еще совсем маленькой девочкой: ведь уже столько лет я слышу о вас от вашего отца»[48].

Мысль о написании романа «Сильна как смерть» становилась все более навязчивой. В действительности было две идеи, две формы существования: любовник обнаруживает в дочери женщины, которую он любил долгое время, черты ее матери и влюбляется вновь; он устраняет чувство психологической неудовлетворенности, находясь в роли официального любовника.

Еще одна деталь, взятая Мопассаном из реальной жизни, в «Наследстве»: покупка после рождения внучки Дезире имения, где семья Лезабль устраивается лишь следующим летом. Жанна, дочь Клоди Виардо-Шамро, родилась в декабре 1874 г., а обустройство в «Ясенях» состоялось в июне 1875 г. Тургенев купил в ноябре поместье в Буживале, получив право пользования чужим имуществом, г-жа Виардо — право собственности на имение.

Не идет ли здесь речь о настоящем наследстве? Акт о покупке частной собственности, сохраненный нотариусом Буживаля, указывает на это.

Нас интересует и другой смысл, вложенный в слово «наследство».

Мопассан — духовный сын Флобера, и мы это знаем давно, но нам кажется, что он духовный сын и Тургенева. Как наследник двух отцов, он получает от них знания, которые и присваивает себе. Иван Леклерк показал в предисловии к «Переписке», до какой степени Мопассан хотел приоткрыть занавес тайной жизни Флобера, в этом своем желании он доходил до пошлости, выставляя его на всеобщее обозрение в своих хрониках и художественных произведениях[49]. Флобер, конечно, — официальный покровитель; Тургенев — мэтр, который благотворно влиял на творчество Мопассана.

Мопассан упорно продолжал свои исследования, стремясь проникнуть в тайну «второго отца». Вот он в Каннах в конце 1891 г. просит своего друга выслать ему основные книги Тургенева, которые он захотел перечитать[50]. Об этом говорится в одном из последних писем Мопассана. Этот человек, истощенный психически, находит луч надежды, общаясь с русским писателем. Такой конец странным образом напоминает последние дни жизни Тэна, который просил читать ему рассказы Тургенева: эти рассказы, вероятно, обладали мистическими, целительными свойствами[51]. Собирался ли «духовный сын» Тургенева написать длинный очерк о писателе, который его очаровал? Сумасшествие Мопассана лишило нас окончательного текста об одном из его современников, жизнь и творчество которого он тщательно изучал.

Примечания

Опубликовано в Cahiers Tourguéniev. № 17–18. 1993–1994. P. 90–103.

1 CN. T. 2. P. 442–447.

2 *Maupassant Guy de*. Chroniques. Préface d'Hubert Juin. Paris. Union Générale d'Éditions. (10/18). 1980. T. 3. P. 47–48.

3 О тематическом сходстве «Муму» и «Мадемуазель Кокотки» сообщалось в советских публикациях. См.: И.С. Тургенев. Материалы и исследования. Орел. 1940. С. 110; *Куроедова Н.Н.* И.С. Тургенев и Ги де Мопассан // Ученые записки Кустанайского гос. пед. инсти-

тута (серия «Филология»). 1959. Т. 4. С. 129. В музее Тургенева в Буживале в связи со 100-летием со дня смерти Мопассана актер Жак Франсуа великолепно прочитал «Муму», а Арлетт Лакру с большим юмором — «Мадемуазель Кокотку».

4 *Мопассан Ги, де.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1958. Т. 1. С. 147.

5 Тургенев подписал одну из своих сказок, написанную для маленькой Жанны Шамро, «Тургл». Именно «Тургелем» называет Тургенева в своих «Воспоминаниях» Елена Ардова, которая слышала, как Клоди, мать Жанны, звала его в Буживале (см.: LI. P. 268; Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1983. Т. 2. С. 177). Мопассан, вероятно, слышал это прозвище Тургенева в поместье «Ясени».

6 Письмо Тургенева Клоди Шамро от 18 февраля / 2марта 1879 г. NCI. T. I. P. 292.

7 Тургенев. Письма. Т. XII. С. 385. Письмо Тургенева Гонкуру, в котором написано «вторник, утро», без сомнения, от 21 ноября 1878 г. В нем он упоминает о письме Флобера, которое он только что получил, и сообщает о своем приезде в Париж в феврале. Письмо Флобера было написано 10 ноября 1878 г. (см.: CFT. P. 237–238). Сведения, собранные Тургеневым, заинтересовали Гонкура. Он выбрал несколько цыганских имен для своего романа и позаимствовал у Пушкина песню Земфиры из «Цыган», как посоветовал Тургенев (см.: Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 1. 1966. С. 688–689).

8 *Мопассан Ги, де.* Указ. соч. Т. 1. С. 244.

9 См.: Le Gaulois. 21 novembre 1880.

10 Письмо Мопассана от 11 или 12 марта 1881 г., на которое Тургенев ответил 13-го. См.: Cahiers Tourguéniev. № 17–18. 1993–1994. P. 133–136.

11 См.: CFT. P. 278, 279, 281.

12 См. письмо от 17 марта 1881 г. (Cahiers Tourguéniev. № 17–18. 1993–1994. P. 136).

13 Письмо Тургенева Полине Виардо от 8 июля 1873 г. LI. P. 188.

14 См.: CN. T. 2. P. 204–205.

15 Ibid. P. 1379.

16 Ср.: Le Horla. Ibid. T. 2. P. 938 et Une peur. P. 204–205.

17 Письмо Тургенева Полине Виардо от 6 / 8 марта 1871 г. LI. С. 174–175.

18 Письмо Тургенева Клоди Шамро от 24 июля / 5 августа 1881 г. Ibid. P. 283.

В «Орля», помимо клинических наблюдений над собой, теряющий рассудок герой во время галлюцинаций разрешает некую важную проблему. В какой-то момент оптический эффект исчезает: он себя больше в зеркале

не видит (CN. T. 2. P. 935). Если люди помешанные не могут создавать себя, то нормальные и святые духом тем более не наделены этим качеством: здравый смысл и любовь ближнего расцветают, несмотря на их отсутствие. Мопассан это прекрасно подметил в девятом рассказе «Воскресных прогулок парижского буржуа».

19 Тургенев рассказал об этом сне не только Флоберу и Мопассану, а также и двум берлинским друзьям, критикам Людвигу Пичу и Юлиусу Шмидту. Первый опубликовал его под заголовком «Сон» в Schlesische Zeitung, 15августа 1878 г. Во Франции «Старуха» вышла вместе с другими 14 стихотворениями в прозе в «Ревю политик и литератюр» 16 декабря 1882 г. Мопассан сделал вид, что не знает об этой публикации с тем, чтобы самому написать нечто подобному услышанному от Тургенева. (См.: Письмо Мопассана к Эжену Янгу от января 1884 г. — Cahiers Tourguéniev. № 17–18. 1993–1994. P. 140–141.)

20 Дословно «Ça fait du bruit!» обозначает «Стучит!» Так был озаглавлен этот рассказ при первом переводе, под этим названием его издали в сборнике «Живые мощи» в издательстве Этцеля в 1876 г. Современные переводчики предпочитают называть этот рассказ по-другому: «Une voiture vient» (H. Granjard. LI. P. 205. № 6) или «On vient» (*H. Mongault.* Mémoires d'un chasseur. Bossard. 1929). Этот рассказ под заголовком «Страх» в 1888 г. был опубликован в «Récits d'un chasseur». T. 55. Série «Auteurs célèbres». Ed. Marpon-Flammarion. Сходство заглавия и сюжета с анекдотом Мопассана заставляет думать, что он и являлся инициатором этого издания избранных рассказов, куда были включены те, которые ему больше всего нравились: «Бирюк», «Касьян», «Страх». И не случайно в том же году Фламмарион издает в той же серии «Знаменитые авторы» в 64-м томе избранные рассказы Мопассана под заголовком «Наследство».

21 Le Gaulois, 7 октября 1883. (См.: Cahiers Tourguéniev. № 17–18. 1993–1994. P. 116–118.)

22 CN. T. 2. P. 189–199.

23 Ibid. T. 1. P. 600–606.

24 Ibid. P. 604.

25 См.: Cahiers Tourguéniev. № 17–18. 1993–1994. P. 140.

26 «Волк» не входит в сборник «Рассказы вальдшнепа». Луи Форестье находит в нем влияние Флобера и темы страха и крови, близкие Мопассану (CN. T. 1. P. 625–630, 1482).

27 Ibid. P. 625. Ср. с новеллой «Любовь» из цикла «Три страницы книги охотника» (Ibid. T. 2. P. 845): «Я родился со всеми инстинктами и чувствами примитивного человека, смягченного рассудком и эмоциями человека

цивилизованного. Я страстно люблю охоту; окровавленное животное, кровь на оперении, кровь на моих руках мне сжимают сердце, заставляя проявить малодушие». Этот рассказ о верности животного — реплика на стихотворение в прозе Тургенева «Воробей», где описывается подобным образом любовь, которая «сильнее смерти и страха смерти». Заглавие будущего романа Мопассана «Сильна как смерть» навеяно, на наш взгляд, именно этими размышлениями (декабрь 1886 г.).

28 Современное издание книги Луи Виардо «Воспоминание об охоте по всей Европе» (Souvenirs de chasse dans toute l'Europe. Pygmalion. 1985). Страны, которые он посетил, — Россия, Польша, Венгрия, Испания, Пруссия и Англия.

29 *Мопассан*. Указ. соч. Т. 2. С. 361.

30 См.: Les Actes de la table sur Louis Viardot // Cahiers Tourguéniev. 1984. № 8. P. 3–40.

31 NCI. T. II. P. 114–115. Cp. LI. P. 65.

32 *Мопассан*. Указ. соч. С. 380.

33 *Мопассан*. Указ. соч. Т. 1. С. 237–238.

34 У Флобера было два издания «Свободного экзамена» (1872 и 1874 гг.) с посвящением от Луи Виардо. Он ими пользовался при написании «Искушения св. Антония» и «Бувара и Пекюше». См.: CFT. P. 109, 110, n. 3, 4; 244–245, n. 9.

35 *Viardot L.* Libre examen. Paris. A. Le Chevalier. Bruxelles. Ch. Vanderauwera. 1872. P. 127–128.

36 Ibid. P. 130.

37 *Мопассан*. Указ. соч. Т 1. С. 241.

38 Там же. С. 237.

39 Тургенев. Письма. Т. 6. 1989. С. 170.

40 См.: *Zviguilsky A.* Maupassant et Tourguéniev. La source de Fort comme la mort // Revue de littérature comparée. Jan.-mars. 1973. P. 131–138.

41 Известно только одно официальное письмо Мопассана Полине Виардо по поводу подписки на памятник Флоберу (Correspondance. Éd. J. Suffel. Genève. 1973. T. 2. n. 294). Письмо от 8 мая 1880 г., где Мопассан сообщает о смерти Флобера, не было найдено. Г-же Виардо нравились рассказы Мопассана (см. письмо Тургенева Мопассану от 21 февраля 1881 г. — Тургенев. Письма. Т. XIII. Кн. 1. 1968. С. 59). Она присутствовала на его похоронах.

42 Дата 9/21 июля соответствует одновременно юлианскому календарю, бывшему в употреблении в России, и григорианскому. Автограф из частной коллекции.

43 Maupassant. Fort comme la mort. CN. P. 920.

44 Ibid.

45 CN. T. 2. P. 1331.

46 *Мопассан*. Указ. соч. Т 3. С. 214. Немного далее Мопассан описывал вид знаменитой «излучины Сены»: «в окно виднелась широкая лента реки, уходящая к Сюреню меж высоких, поросших деревьями берегов» (с. 214), тогда как в рукописи Мопассан остается верен первоначальной идее и воссоздает реальную топографию: «к Шату, вдоль острова, засаженного гигантскими деревьями» (CN. T. 2. P. 1331).

47 *Мопассан*. Указ. соч. Т. 3. С. 214.

48 Там же. С. 202.

49 Correspondance Flaubert-Maupassant. Éd. Ivan Leclerc. Flammarion. 1993. P. 35–37.

50 Maupassant. Correspondance. Op. cit. P. 111. n. 740.

51 См. мою статью «Тэн и Тургенев» в настоящем сборнике; а также статью Генри Джеймса «Иван Тургенев»: «Его слова в такие минуты необыкновенно волновали и вдохновляли, и я расставался с ним в состоянии “подспудного” воодушевления, с чувством, что получил мощный заряд бесценных суждений и мыслей» (*Джеймс Г.* Женский портрет. М.: Наука, 1984. С. 519).

Пер. Е. Петраш

Черный человек и мужик

Только по случаю знаменательных дат два типа людей оказались, условно говоря, под скальпелем историка, социолога и моралиста. Черного человека из Африки и мужика, русского крестьянина, объединенных наперекор векам, живущих по разные стороны океана, на судьбы которых ранее никто никогда не обращал внимания, вдруг услышали в середине XIX в., это — послание надежды.

Если Виктор Гюго в гуманной и благородной борьбе, которую он вел против несправедливости и страданий народов и отдельных людей, был особенно сосредоточен на проблемах, связанных с социальной жизнью черного человека (это видно из его переписки, публичных выступлений и газетных публикаций), то Иван Тургенев, писатель и изгнанник, как и Гюго, встал на защиту угнетенных своей страны. Он это делал в своих знаменитых рассказах «Записки охотника», в новеллах «Муму» и в «Постоялом дворе», а также в политическом тексте, запрещенном цензурой, — в «Записке о публикации журнала “Экономический указатель”», в которой отражается бескорыстная и плодотворная деятельность людей, близких Александру II, что должно было привести к уничтожению крепостного права.

Тургенев, будучи помещиком, интересовался судьбой крестьян своей страны и требовал отмены крепостного права. Виктор Гюго, придя к либерально-демократическим воззрениям, также защищал американских рабов и требовал уничтожения рабства негров. Один человек вряд ли может объять сразу весь мир, поэтому Виктор Гюго защищал черного человека, а Иван Тургенев — мужика. В подтверждение своей мысли процитируем от-

рывок, принадлежащий перу обожателя Тургенева — Альфонса Доде:

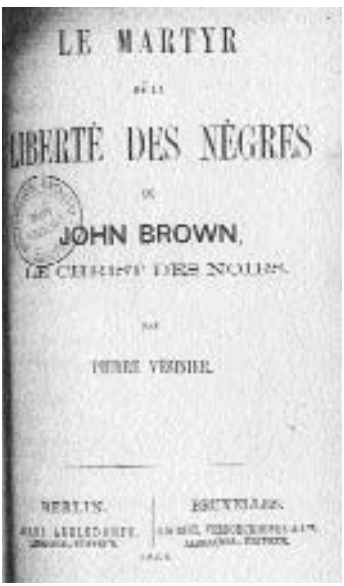
> Именно степи России разбередили чувства и сердце Тургенева. Становишься лучше, когда прислушиваешься к природе, и тот, кто ее любит, не может не интересоваться человеком. Отсюда эта нежность, которая вызывает жалость, печальная, как песнь мужика, чьи рыдания слышны в книгах славянского романиста. Это человеческий вздох, о котором рассказывается в креольской песне, этот клапан, который мешает человечеству задохнуться: «Si pas té gagné, soupi n'en mouné, mouné t'a touffé».
>
> И в этом многократном вздохе, который присутствует в «Записках охотника», как и в другом произведении — «Хижине дяди Тома», так мало декламации и воплей[1].

«Мало декламации и воплей»: мы отмечаем в этом суждении сдержанность тона Тургенева, который находится в контрасте с патетическим слогом Гюго. Что касается «Хижины дяди Тома», вышедшей в свет в 1852 г., как и «Записки охотника», то их авторы не могли оказать никакого влияния друг на друга.

Виктор Гюго
в своем рабочем кабинете
в Париже, на авеню Эйло, 130.
1880

Точка сближения — в другом: ведь отчаяние, как и любовь, не знает границ. Недавно в библиотеке И.С. Тургенева в Орле обнаружили книгу (я благодарен г-же Балыковой[2], которая сообщила мне об этом) Пьера Везинье «Жертва свободы негров, или Джон Браун, Христос черных», опубликованную в 1866 г.[3] В этой книге напечатано известное письмо Виктора Гюго «По ту сторону океана», в котором он выступает против казни Джона Брауна, американского священника, вставшего на защиту черных на юге Америки. Тургенев отмечает в книге Везинье те пассажи, в которых говорится об отмене рабства в мире. Автор упоминает и о России и с радостью говорит о реформе — отмене крепостного права 1861 г. как о примере развивающейся цивилизации. Тургенев отмечает следующий отрывок на странице 370: «Между рабом и свободным человеком пролегает целая вечность. Нет перехода из одного состояния в другое. Либо владеешь, либо нет; либо это вещь, либо человек». За три года до закона об отмене крепостного права Тургенев писал г-же Виардо: «Когда мы увидимся, на мне уже не будет оков владельца человеческих душ (29 ноября 1858 г.)»[4].

Везинье написал «Марсельезу черных», посвященную Джону Брауну:


LE MARTYR
DE LA
LIBERTÉ DES NÈGRES
OU
JOHN BROWN,
LE CHRIST DES NOIRS.
PAR
PIERRE VÉSINIER.
BERLIN.
BRUXELLES.

Обложка книги Джона Брауна

Мы знаем, что придет наш день,
Когда оковы рабства рухнут.

Тургенева можно сравнить с Джоном Брауном: один — освободил 10 миллионов мужиков, другой — отдал свою жизнь за черных. Таково, по крайней мере, мнение Эдмона Абу, который сказал в речи на смерть Тургенева: «Видные государственные деятели... удостаиваются памятников из железа, потом их сносят заключенные, побежденные, захватчики, несчастные, закованные в цепи.

Кусочек разбитой цепи на белой мраморной плите всего лучше шел бы к Вашей славе и удовлетворил бы, я уверен в том, Ваше скромное самолюбие»[5].

Три дня спустя после этой речи Полина Виардо написала Эдмону Абу о том, что ей было всего дороже в его речи: «Я собираюсь предпринять все возможное для того, чтобы ваша идея, поэтическая и трогательная одновременно, о “куске разорванной цепи” была положена в основу памятника, который собираются воздвигнуть в Санкт-Петербурге на народные пожертвования. Это была бы самая большая честь, которую смогли оказать этой

Джон Браун

благородной памяти» (неизданное письмо Эдмону Абу, 4 октября 1883 г.)[6].

Возвращаясь к книге Везинье, хочу отметить, что Тургенев интересовался событиями войны между Севером и Югом, позицией Церкви по отношению к рабству, а также расправами, учиненными над черными. Внимание Тургенева привлекает продажа черных (с. 354 книги Везинье). Выкуп, который должны были платить бывшие рабы бывшим хозяевам, стал актуальным вопросом в 1866 г. в России в пореформенный период.

Интерес к этой проблеме, огромное сострадание, которое Тургенев испытывал к слабому, угнетенному и покорному мужику, близкому ему, как, впрочем, и к униженному негру, о котором он знал только по книгам, — все это выявляет в нем натуру чувствительную и деликатную, воспитанную в духе идей Просвещения. Тургенев никогда не выражал своего негодования, как это делал Виктор Гюго, великий оратор. Даже в таком прекрасном тексте, как «К Соединенным Штатам Америки», где Гюго пытается спасти от смертной казни пастора Джона Брауна, преобладают пассажи, посвященные храбрым и жертвенным поступкам на благо цивилизации, но не упоминается ни одного случая из жизни черных, которых защищает писатель. Возникают сомнения, а знает ли он их, видел ли он, как они живут и страдают. Но Гюго догадывается — и в этом его гениальность — об одной из основных черт порабощенного черного народа. Среди призывов к восстанию, сравнений с Христом, трескучих заявлений, сделанных по поводу оскорбления демократии, республики, свободы, права, встречаешь это лаконичное утверждение, которое показывает отчаяние целого народа: «Джон Браун призвал этих людей, этих братьев к освобождению. Рабы, забитые кабалой, не ответили на призыв. *Рабство порождает глухоту души*»[7].

«Глухота души»: я представляю, как Гюго на скале Гернси читает новеллу Тургенева «Муму», изданную в «Ревю де де монд» в 1856 г.[8] Уточним: речь идет о крестьянской России, ее символом стал глухонемой богатырь, воспринимающий невозмутимо свою судьбу. Рабство в России бьет не просто по человеку, но по самому личному, самому дорогому, что у него есть. Глухонемой Герасим вынужден утопить единственное дорогое ему существо, маленькую собачку. Ее лай беспокоил помещицу, собственностью которой они с собачкой были.

Трудно вообразить, что желание восстать не возникает у людей, находящихся в постоянной зависимости: русский народ из-

вестен своей вековой покорностью, сонливостью сознания. Любое восстание воспринимается бессмысленным, и постоянная несправедливость — в порядке вещей. Ситуация могла бы измениться только под давлением извне, например, в результате выступления какого бы то ни было писателя или политического деятеля.

В одной из новелл под названием «Постоялый двор» (1855) Тургенев изображает крестьянина, разоренного помещицей. Он был лишен всей своей собственности, в частности, постоялого двора, и оказался на улице. В отличие от глухонемого Герасима Аким испытывает в какое-то мгновение желание отомстить и задумывает сжечь постоялый двор, которого он лишился. Но его схватили, заперли.

«Как терзался он в течение этих ужасных часов? Подобные страдания всегда молчаливы, никакими словами их не передашь».

Тургенев пишет о чувстве еще глубоко подсознательном. Горничная помещицы прекрасно понимает извращенность рабства, омертвляющего и калечащего человеческое сердце:

«Вы знаете, что такое господская воля, нам не под силу ее побороть». Возвращаясь к мысли о том, что есть писатели, которые способны вмешиваться в дела своей страны, а также в международные события, я могу привести в пример Виктора Гюго, единственного в своем роде писателя.

В 1858 г. Тургенев, будучи в Европе, составляет «Записку о публикации журнала “Экономический указатель”», которая по цензурным соображениям будет опубликована только после его смерти, в октябре 1883 г. Там он предлагает сотрудничество с царем против значительной части дворянства, которое склонно поддерживать рабство. И как литератор, и как чиновник, состоящий на службе у правительства, он принимается за дело, которое должно содействовать счастью русского общества (мечта наших филантропов XVIII в.). Наш реформатор считает, что русская наука (он имел в виду экономистов) и русская литература могут способствовать прогрессу на благо общего процветания. Еженедельный журнал, о создании которого он сообщает, должен стать правительственным органом.

Вот что он пишет Полине Виардо:

«Я нашел время написать довольно большую записку (это между нами) о необходимости основания в России специального еженедельного журнала, предназначенного исключительно для

обсуждения вопросов, связанных с освобождением крестьян. Подавляющее большинство дворян боится намерений правительства и готовится оказать ему противодействие; единственное средство их успокоить — прибегнуть, разъяснив все трудности положения, к самой широкой гласности; но это средство противоречит всем застарелым традициям нашей бюрократии, и я сильно сомневаюсь, что моя записка, хотя она и будет прочитана в верхах, сможет что-либо изменить. В конце концов, надо пытаться, а там — будь что будет»[9].

Впечатляет слово «гласность», которое звучит совсем по-современному. Русское слово «гласность», употребленное Тургеневым, вот уже 15 лет как переводится на французский язык словом «прозрачность». Тургенев является предвозвестником этого понятия.

Тургенев напоминает в своих заметках о том, что ночь царила в прошлом России, но еще возможно выйти из потемок к свету: ведь царь возглавит народ. Это противопоставление тьмы и света, черного и белого обязывает меня прочитать вам одно письмо о черном человеке, опубликованное в «Опиньон насиональ» 14 января 1865 г.[10]

> В одной из восточных сказок ангел, пребывающий в вечности, где нет тьмы, встречает человека и спрашивает его:
>
> — Ты кто?
>
> — Я тот, — отвечает человек, — который пребывает во времени, мою жизнь тащат две лошади, белая и черная, которых зовут День и Ночь.
>
> — Тьма и свет не могут долго идти вместе, — отвечает ангел, — вот почему, человек, ты идешь к смерти.
>
> То, что ангел сказал человеку, можно сказать о республике в Америке.
>
> Ее тоже тащат белая и черная лошади, свет и тьма, где свет олицетворяет свободу, а ночь — рабство. Куда она движется?
>
> Пора ответить на этот вопрос. Для процветания американской республики уничтожение рабства — это вопрос жизни и смерти. Такова одна из чудовищных случайностей, провозглашающая, что все возможно. Если отвратительный институт рабства становится частью республики, то в одно прекрасное время выяснится, что — либо рабство убьет ре-

спублику, либо республика рабство. В самом деле, представьте себе: братство, покупающее и продающее людей, равенство, интересующееся цветом кожи, а не душой, свободу, имеющую рабов! Рано или поздно разум, невидимая сила, заключенный в основе всех вещей, восстанет и отомстит. Каким образом это произойдет? В результате гибели народов, мыслящих нелогично. И тогда жизнь, прекрасная жизнь в Соединенных штатах Америки в будущем предложит миру создать Соединенные Штаты Европы. Необходимо только одно, нужно, чтобы рабство исчезло из законодательства. Выше я сказал, что любая нация, государственные установления которой тянут День и Ночь, движется к пропасти. Народы выживут лишь в том случае, если опровергнут такой принцип существования. Ошибиться в представлении о том, что справедливо, все равно что выпить цикуту. Народ, который идет всегда вперед, олицетворяя прогресс, переходя от одной идеи к другой, такой народ никогда не закончит это движение и никогда не погибнет. В будущем он сольется со всем родом человеческим.

За нации, логику, за вечность.

Мужик. Литография П. Барбье. 1820

Гюго, используя и даже злоупотребляя противопоставлением дня и ночи в иносказательном смысле, в действительности не очень четко прорабатывает этот вопрос. Человечество в своем большинстве не созрело до того, чтобы ассимилировать нации второго сорта. Именно этим отличается тургеневская концепция противопоставления белого и черного, хорошего и плохого. Примером может служить одно из его стихотворений в прозе 1878 г. «Два четверостишия»:

> Поэт Юний оробел, когда в него полетели камни из-за последнего стиха четверостишия:
>
> Придет желанный миг... и свет рассеет тьму!
>
> В это время поэт Юлий получает аплодисменты за последний стих стихотворения:
>
> Желанный миг придет — и день прогонит ночь!
>
> Да разве это не все едино... — начал было Юний...
>
> — Прибавь еще слово, — перебил его гражданин. —
>
> я крикну народу... и он тебя растерзает!
>
> ...слышавший его разговор с гражданином седовласый старец подошел к бедному поэту и, положив ему руку на плечо, промолвил:
>
> — Юний! Ты сказал свое — да не вовремя; а тот не свое сказал — да вовремя. Следовательно, он прав — а тебе остаются утешения собственной твоей совести.

Мир Гюго принадлежит только ему одному. Предсказывая, что мир станет лучше, просвещеннее, он зачастую остается непонятым, как это было во времена Вольтера или Золя, выступавших против несправедливости.

И все же... Гюго не молился в пустыне. Его переписка с Виктором Золшером до и после декрета об уничтожении рабства в колониях (1848), с американской аболиционисткой Марией Вестон Шапман в 1851 г., наконец, с Эмилианом Эртелу, главным редактором газеты Порт-о-Пренса «Прогресс», свидетельствуют об этом.

Эти тексты не столь многочисленны, но существенны. Прочитаем их, а потом перечитаем, так как свободолюбивые идеи поэта здесь звучат набатом. Сначала для примера процитируем ответ Гюго на письмо Марии Шапман от 27 апреля 1851 г.[11]:

> «Рабство в США! Что может быть чудовищнее? Варварство, укорененное в обществе, одновременно выступаю-

щем за цивилизацию; свобода, закованная в цепи, хула, исходящая из алтаря, железный ошейник черного человека, прикованного к пьедесталу статуи Вашингтона! Это неслыханно! Я скажу больше: это невозможно!»

Потом это воззвание «К Соединенным штатам Европы» (1859)[12]:

«В южных штатах есть рабы. Это возмущает логику и чистоту сознания людей штатов Севера. Этих рабов, этих негров белый человек, свободный человек, Джон Браун решил освободить. Джон Браун начал великое дело по освобождению негров в Вирджинии. Пуританин, священнослужитель, суровый, исполненный Евангелия, “Christos nos liberavit” (“Христос нас освободит” — *лат.*), он призвал этих людей к свободе».

И вот, наконец, несколько отрывков из письма, посланного Гюго с Гаити 8 января 1861 г.[13] (знаменательная дата: мы накануне войны Севера с Югом и за месяц до уничтожения... рабства в России):

Ничто не может передать мою радость, которую я испытал, прочитав послание вашей горячей любви к народу Гаити. Позвольте мне поблагодарить Вас от его имени, от имени черной расы людей, которая, находясь теперь под защитой вашего мощного гения, не может не выйти победительницей против вековых предрассудков, позорных с момента зарождения человеческой цивилизации...

Когда с вашей кафедры в Гернси вы говорите нам: рабство исчезнет, человечество объединится и победит, вы вызываете в африканцах радостный трепет и невероятное, невыразимое счастье.

Мы все, сыны Африки, населяющие эти обширные земли в Америке, мы будем ждать первых знаков падения рабства, чтобы огласить небеса таким радостным криком, какой еще никогда не поднимался с лика земли. Ваши доброжелательные слова показались нам предвестниками события, которого мы ждем с таким нетерпением. Пусть Бог вас хранит и продлит ваши дни во имя успеха демократических и гуманистических идей, вдохновенным и ревностным апостолом коих вы являетесь!

Спустя несколько недель в «Русском вестнике» появился ро-

ман Тургенева «Накануне» (что означает «накануне реформ»). Русский писатель объясняет в повествовательной форме романа, что реформа общества должна начаться с перестройки человека.

Метод Тургенева значительно отличается от метода Виктора Гюго: он больше внушает, чем доказывает. Сцены несправедливого отношения к мужикам в «Записках охотника» вызывают тотчас же у читателя реакцию против всего того, что противоречит праву и морали. Я приведу только один пример из рассказа «Бурмистр», в котором два крестьянина приходят жаловаться помещику на угнетение, которое они терпят от старосты:

> — Что вам надобно? <...>
>
> — Батюшка, разорил вконец. Двух сыновей, батюшка, без очереди в рекруты отдал, а теперя и третьего отнимает. Вчера, батюшка, последнюю коровушку со двора свел и хозяйку мою избил — вон его милость. (Он указал на старосту). <...>
>
> — Невзлюбил меня Софрон Яковлич, за что невзлюбил — Господь ему судья!
>
> Разоряет вконец, батюшка... Последнего сыночка... и того... На желтых и сморщенных глазах старика сверкнула слезинка). Помилуй, государь, заступись...
>
> — Да и не нас одних, — начал было молодой мужик...
>
> Аркадий Павлыч вдруг вспыхнул:
>
> — А тебя кто спрашивает, а? Тебя не спрашивают, так ты молчи... Это что такое? молчать!.. Ах, боже мой! да это просто бунт. Нет, брат, у меня бунтовать не советую... у меня...

Тематические рамки коллоквиума не позволяет нам исследовать и далее борьбу двух писателей против других зол человечества, в защиту прав человека, прав народов, права на жизнь.

И, тем не менее, я хотел бы отметить еще, как минимум, две проблемы: смертная казнь и война. Известно, что Виктор Гюго не раз высказывался против использования гильотины. В меньшей степени известно, что Тургенев присутствовал в 1870 г. при подготовке к смертной казни в тюрьме Рокетт, не так далеко отсюда, где мы сегодня находимся. Тургенев написал рассказ об этой печальной церемонии в форме эссе под названием «Казнь Тропмана»[14], где он осуждает публичность смертной казни.

Но в чем Виктор Гюго и Тургенев были единомышленниками, так это в восприятии ужасов войны, в частности, русско-турец-

кой войны 1877–1878 гг. Воззвание Гюго «К Сербии» (29 августа 1876)[15] сходно с антимилитаристской и сатирической поэмой Тургенева «Крокет в Виндзоре», опубликованной в «XIX сьекль» пять дней спустя[16].

Вот что пишет Виктор Гюго:

> Вероятно, мы удивим европейские правительства, давая им понять, что преступление — это преступление, что ни правительству, ни просто человеку не позволено больше быть убийцей; солидарность Европы заключается в том, что все, что происходит в Европе, делается для Европы, и если еще существуют правительства с дикими замашками, то и с ними надо обращаться согласно их диким законам; именно сейчас, совсем рядом с нами, на наших глазах, убивают, сжигают, грабят, истребляют, перерезают глотки отцам и матерям, продают маленьких девочек и мальчиков; дети такие маленькие могут быть проданы, могут быть разрублены надвое; сжигают семьи в домах; Балак, например, превратился за несколько часов из города с 9-тысячным населением в город с 13 сотнями человек; кладбища пере-

Бюст Виктора Гюго.
Сквер поэтов в Париже

полнены и негде хоронить трупы, так что мертвые насылают чуму на живых, которые их обрекли на резню, отлично сработано; мы хотим, чтобы правительства Европы узнали, что вскрывают животы беременным женщинам, чтобы убить детей в чреве; что в общественных местах находятся кучи женских скелетов со следами таких вскрытий; а собаки на улицах поедают черепа изнасилованных девушек, и что все это ужасно, и что достаточно было бы одного движения со стороны европейских правительств, чтобы этому помешать, и что дикие народы, которые совершают эти преступления, — ужасны, а цивилизованные, которые позволяют совершать все это, — отвратительны.

В «Крокете в Виндзоре» Тургенев пишет:

Сидит королева в Виндзорском бору...
Придворные дамы играют
В вошедшую в моду недавно игру;
Ту крокет игру называют.
Катают шары и в отмеченный круг
Их гонят так ловко и смело...
Глядит королева, смеется ... и вдруг
Умолкла... лицо помертвело.
Ей чудится вместо точеных шаров,
Гонимых лопаткой проворной —
Катаются целые сотни голов,
Обрызганных кровию черной...
То головы женщин, девиц и детей...
На лицах — следы истязаний,
И зверских обид, и звериных когтей —
Весь ужас предсмертных страданий.

И вот королевина младшая дочь —
Прелестная дева катает
Одну из голов — все далее, прочь —
И к царским ногам подгоняет.
Головка ребенка, в пушистых кудрях...
И ротик лепечет укоры...
И вскрикнула тут королева — и страх
Безумный застлал ее взоры.

И в замок идет королева.

Вернулась домой — и в раздумье стоит...
Склонились тяжелые вежды...
О, ужас! кровавой струею залит
Весь край королевской одежды!
«Велю это смыть! Я хочу позабыть!
На помощь, британские реки!»
«Нет, ваше величество! Вам уж не смыть!
Той крови невинной вовеки!»

Согласно традиционной точке зрения Тургенев не признавал литературные достоинства Гюго, он не любил ни его поэзию, ни прозу. Это требует уточнения[17]. Политические тексты Гюго, опубликованные в «Ле Раппель», безусловно, были оценены в России. Иначе, зачем Тургеневу понадобилось посещать Гюго в мае 1876 г.? Он надеялся предложить газете очерк о поэте Рылееве, одном из пяти декабристов, повешенных 50 лет назад[18].

А через два года, в 1878 г., Гюго и Тургенев бок о бок работали на Международном литературном конгрессе в Париже[19], что окончательно скрепило союз двух защитников черного человека и мужика.

Примечания

Опубликовано в Cahiers. № 26. 2002. P. 57–69.

1 *Daudet Alphonse*. Tourguéniev. Trente ans de Paris. Marpon-Flammarion. 1888. См. также: Cahiers Tourguéniev. 1990. № 14. P. 46.

2 Людмила Балыкова, главный хранитель музея Тургенева в Орле, обнаружила в библиотеке Спасского-Лутовинова заметки Тургенева, касающиеся книги П. Везинье, которую он не раз перечитывал.
От книги сохранилась суперобложка с рисунками, изображающими сцены рабства. В работе под названием «Тургенев и Гюго: шаг к сближению» г-жа Балыкова подчеркивает, что произведение Везинье о рабстве черных не случайно оказалось в библиотеке русского писателя, сторонника реформ, озабоченного судьбами мужиков после их освобождения от крепостного права.

3 Эта книга является библиографической редкостью, и она мало известна гюговедам. В Национальной библиотеке Франции есть один экземпляр берлинского

(J. Abelsdorff) издания и один — брюссельского (Verboeckhoven et Cie.) 1864 г. P. VIII–404 (cote 8 Pz. 471). Тургенев купил издание 1866 г.

4 Tourguéniev I. NCI. T. I. P. 94.

5 Речь Эдмона Абу у гроба Тургенева была опубликована в рубрике некрологов: Chronique de la Société des Gens de Lettres. № 211, novembre 1883.

6 Автограф письма находится в музее Тургенева в Бужи-вале.

7 *Hugo V.* Aux États-Unis d'Amérique. Écrits politiques. Anthologie établie et annotée par Fr. Laurent. Le livre de poche. 2001. P. 216. *Курсив мой*.

Я не комментирую «черный» роман Гюго «Бюг-Жаргаль», о котором будет говорить г-жа Петраш в выступлении на тему «Народ и власть в произведениях Виктора Гюго и Ивана Тургенева». Это юношеское произведение Гюго предвещает его будущую борьбу за идею братства. См. мою статью El tenor Manuel Garcia visto par Victor Hugo y George Sand // Iberica. IV. 1983. P. 27–34.

8 Сокращенный вариант новеллы в плохом переводе Шарля Сен-Жюльена был издан под заглавием «Мумуниа». «Муму» выйдет в издательстве «Ашетт» в 1858 г. в переводе Ксавье Мармье в сборнике «Сцены русской жизни».

9 Письмо Тургенева к Полине Виардо от 20 января / 1 февраля 1858 г. (Тургенев. Письма. Т. 3. 1987. С. 297).

10 Письмо Виктора Гюго к Делорму любезно предоставлено Дени Селлемом.

11 Автограф письма Гюго Марии Шапман от 1 мая 1851 г. находится в музее Виктора Гюго.

12 *Hugo V.* B. Écrits politiques. Op. cit. P. 213.

13 Автограф письма Э. Эртелу к Гюго хранится в музее Гюго.

14 *TourguOniev I.* L'exécution de Troppmann. Éd. Stock. Actes du Colloque sur la peine de mort dans la pensée philosophique et littéraire (autour de «L'exécution de Troppmann»). Édition Association des Amis d'Ivan Tourguéniev. 1980.

15 Voir dans le portofolio «Victor Hugo au cœur du monde». Éd. Danièle Casiglia Laster, Arnaud Laster, Denis Sellem et Véronique Brown. Ministère des Affaires étrangères. Février 2002: «Сербия 1875»: «то, что происходит в Сербии, доказывает необходимость создания Соединенных Штатов Европы».

16 «Крокет в Виндзоре» (1 августа 1876 г.) вышел во Франции в «XIX сьекль» 3 сентября и в США в «Нейшн» («The Nation») 5 октября в переводе Генри Джеймса. Переиздан в Кисингене, читался тайно. См.: *Nicolas G.*

Zekulin. Turgenev I. Kroket v Windzore. («Croquet at Windzor»). New Zealand Slavonic Journal. 1983.

17 Г-жа Балыкова попыталась изменить эту точку зрения в статье «Тургенев и Гюго: шаг к сближению». Имя Ивана Тургенева (помещенное между Суинберном и Вакери) фигурирует в списке Почетного комитета, созданного для организации празднования 75-летия со дня рождения В. Гюго 27 февраля 1881 г. Празднества прошли перед окнами дома Гюго. По сообщению Арно Ластера.

18 *Le Cesne A*. Une lettre inédite de Tourguéniev à Auguste Vacqurie (24 mai...). New Zealand Slavonic Journal. 1984. P. 77. Вакери не опубликовал очерк о Рылееве. О судьбе этого текста неизвестно ни автору, ни тому, кому была отдана статья.

19 См. мою статью: Le congrès littéraire international de Paris; les apports de la délégation russe en Paris et le phénomène des capitales littéraires. Carrefour ou dialogue des cultures. Paris. 1984. T. 1. P. 359–366.

Пер. Е. Петраш

Анатоль Франс и Тургенев

Отношения Анатоля Франса с Тургеневым никогда не изучались в их целостности. Некоторые критические статьи Франса, посвященные русскому писателю, оказались преданными забвению. Наконец, несомненное «присутствие» мэтра как в первых, так и в последних произведениях Франса свидетельствует о его верности Тургеневу, которая говорит сама за себя.

Почти полное отсутствие переписки, казалось бы, должно указывать на эпизодичность отношений двух писателей. В статье 1888 г. Франс признается, что мало знал Тургенева как человека, но читал его книги. В той же статье он говорит, что три или четыре раза встречал Тургенева у Флобера пятнадцатью годами раньше, что несколько меняет представление о более поздних отношениях. Может быть, у нас есть возможность датировать эту первую встречу благодаря одному случаю, рассказанному Тургеневым у Флобера 2 марта 1872 г. Эту историю записал в своем «Дневнике» Эдмон де Гонкур[1]; она же была повторена в 1883 г., с интервалом в три недели, самим Анатолем Франсом[2] и Ги де Мопассаном[3]. К этому мы еще вернемся.

Молодой писатель послал Тургеневу драматическую поэму «Коринфская свадьба» (1876) и повесть «Иокаста» (1879) тотчас по выходе их в свет. Тургенев подтвердил получение длинной поэмы Франса в письме от 20 апреля 1876 г.[4]

Париж. Ул. Дуэ, 50
Четверг, 20 апреля 1876

Милостивый государь,

Приношу вам свою благодарность за присылку вашей книги, которую я прочту с величайшим удовольствием,

как только буду немного больше располагать временем. Талант ваш, такой поэтичный и благородный, очень мне симпатичен.

Прошу вас верить в мои лучшие чувства.

Преданный вам Ив. Тургенев

Намерение поэта, выраженное в предисловии к «Коринфской свадьбе», имеет родственные черты с некоторыми фрагментами из первого тома «Происхождения современной Франции», опубликованного всего за несколько месяцев до поэмы Франса. Здесь скептик (под «скептицизмом» следует понимать критический анализ всех общественных идей, как бы они ни проявлялись) с большой долей терпимости трактует вопросы веры, с почтительностью говорит о мечте и религии, которой утешают себя народы. С первых страниц труда Тэна Франс поневоле заметил примечание, отсылающее к «Путешествию в Кевлар», юмористической поэме Генриха Гейне, и к рассказу Тургенева «Живые мощи», «двум состояниям средневековой верующей души»[5]. В нашу задачу не входит сравнительный анализ поэм Франса и Гейне. Приведем просто финальные строфы обеих:

Анатоль Франс

Путешествие в Кевлар

Сын нем и неподвижен —
Следа в нем жизни нет;
На бледные ланиты
Ложится утра свет.

И мать скрестила руки,
Покорна и ясна.
«Хвала тебе, Мария!» —
Молилася она[6].

Каллиста

О Боже, просвети, когда я виновата,
И накажи меня. Но нет моей вины,
И все дела мои к тебе устремлены,
Во славу Господа и людям во спасенье.
Ведь милости твоей я чую дуновенье.
Мой драгоценный дар тебе — слеза моя.
Из глубины скорбей тебя восславлю я,
Твоею мудростью ниспосланную муку.
Ты взял дитя, — твою благословляю руку![7]

Что касается «Живых мощей» Тургенева, то Франс, очевидно, был вдохновлен этим рассказом[8].

* * *

В том же 1876 г. Франс, ставший корреспондентом газеты «Тан» («Le Temps»), читает или перечитывает произведения Тургенева. Именно в этой газете 15 и 16 января 1877 г. он поместит две большие статьи под заглавием «Иван Тургенев». Не будучи включенными ни в издание Кальман-Леви, ни в последнее издание «Плеяды», они мало известны читателям Анатоля Франса. В 1970 г. они были переизданы Жаком Сюффелем[9].

Подробный очерк Франса попал в точку. В течение десятка лет, со времени появления одной из «бесед» Ламартина о Тургеневе (1866–1867)[10] и обширного предисловия Мериме к роману «Дым» (1868), у нас не появлялось ничего об этом писателе. Но в особенности этот очерк послужил хорошей рекламой русскому автору, чей последний роман «Новь» стал печататься в фе-

льетонах той же газеты спустя несколько дней (с 24 января по 25 марта 1877 г.). Рассказ Тургенева «Сон» появился в «Тан» сразу после статьи Франса (20 и 21 января 1877 г.).

Чувствуется, что журналисту не все удалось высказать в этих двух статьях. Так, ошибочная сноска 6 во второй статье отсылает к издателю Дантю. А. Франс, без сомнения, имел в виду сборник «Nouvelles scènes de la vie russe», в который вошли два шедевра — «Накануне» и «Первая любовь», но он не говорит о них ни слова.

Несмотря на пропуски и неточности (Пушкин, например, был убит не в 30, а в 37 лет; Орловская губерния не является «плоской и голой, за исключением кое-каких жалких берез»), статья Анатоля Франса представляет интерес своим воспитательным тоном, ее и сейчас можно рекомендовать преподавателям старших классов, которые хотели бы объяснить, кем был Тургенев и каково содержание его романов. Франс приводит четыре из пяти появившихся к тому времени романов, а также две новеллы не из числа лучших: «Яков Пасынков» и «Фауст».

Как и Ламартин, он подробно говорит о «Записках охотника», которым посвящает почти всю первую часть своей статьи. Среди романов Франс выделяет «Отцов и детей», которых считает второй великой книгой Тургенева. Франс будет вдохновляться этим романом два года спустя, когда будет писать свой роман «Иокаста». Установленное им различие между западным позитивизмом и русским нигилизмом кажется нам верным. Первый родился в свободных странах, второй был рожден в рабстве: «это взгляды спартаков, занявшихся химией». Ту же мысль три года спустя будет развивать Мопассан в статье «Изобретатель слова “нигилизм”»:

> Тургенев распознал этот зародыш революции, когда он еще таился под землей до того, как проклюнуться на свет, и в «Отцах и детях», книге, наделавшей много шума, он дал нравственное определение этой зарождающейся секты.

Франс сравнивает то, что он называет «битвой за жизнь», какой она представляется в западных обществах, с «вековой резней» поколений рабов. Он признает благотворную роль Тургенева, которому удалось, благодаря своей книге, убедить царя в необходимости отменить рабство. Помимо этой общественной и гуманной роли, русский писатель представляется ему выдающимся певцом русской женщины и русского пейзажа, тесно связанного с жизнью людей, что и нашло выражение в «Записках охотника».

Он восхищается отсутствием полемического тона в этой книге, которая, будь она воинствующей, снискала бы лишь временный успех. Напротив, он подвергает критике композицию «Дворянского гнезда».

Франс приводит некоторые источники, которыми он пользовался. Он сообщает, что читал «Историю современной литературы» Селеста Курьера, которого он, впрочем, путает с Эрнестом Шаррьером, первым переводчиком «Записок охотника» (1854). Таким образом, он познакомился с шедевром Тургенева по отвратительному переводу, как, впрочем, это сделали до него Ламартин, Флобер, Жорж Санд и Альфонс Доде.

Что касается писателя, «который тяготеет к славянству по своему происхождению», то им мог быть Шарль-Эдмон Хоецки, поляк по национальности и основатель газеты «Тан». Он служил главным библиотекарем в библиотеке Сената, куда Анатоль Франс был назначен смотрителем 3 августа 1876 г. Именно Шарль-Эдмон представил Тургенева Флоберу в 1863 г. на обеде Маньи.

Некоторые биографические детали заставляют предположить, что Франс брал интервью у Тургенева. Во всяком случае, многое, что он называет, справедливо: например, пристрастие русского писателя к старым липам, его отвращение к чиновничьей службе в министерстве, которую он скоро оставил. Франс упоминает о появившейся в предыдущем году некрологической статье Тургенева, посвященной Жорж Санд. Наконец, здесь мы впервые встречаем историю о мельничихе и куске мыла, который привез ей из города любезный барин.

Эта первая версия истории отличается от той, которую Франс опубликовал в 1883 г. Он противоречит сам себе, и мы никогда не узнаем, была ли эта история ему пересказана третьим лицом или он действительно услышал ее из уст самого мэтра у Гюстава Флобера.

Мы плохо знаем о реакции Тургенева на эти статьи. Единственное, что верно, так это то, что он их читал: одному из своих корреспондентов он сообщает, что Франс написал о нем не книгу, а просто два фельетона[11]. А несколько месяцев спустя он посылает Франсу свой роман «Новь» с посвящением: «Г-ну Анатолю Франсу в знак симпатии и признательности от автора. Париж. 1877»[12].

* * *

Роман «Иокаста» был первым романом Анатоля Франса. Заимствования из Тургенева в этом романе были замечены еще при жизни автора, возможно, благодаря его собственному призна-

нию, биографом Франса Гюставом Мишо[13]. Исследование было успешно продолжено в СССР в 1945 г.[14], однако, кажется, не вошло в библиографию Анатоля Франса[15].

Доказательства г-жи Донской вполне убедительны. Образ врача Рене Лонгмара по прямой линии восходит к доктору Евгению Базарову. Эти ученые-позитивисты похожи друг на друга как две капли воды. Оба являются натуралистами, оба, вдохновленные физиологией, смело экспериментируют. Лонгмар строит экспериментальную теорию боли и во имя ее проводит опыты на лягушках. У него полны карманы лягушек, как и у его русского alter ego, который таскает их в мешке и демонстрирует изумленному Павлу Петровичу. Глава XIV «Иокасты», в которой Лонгмар заставляет мальчишек ловить лягушек, напоминает аналогичную сцену с Базаровым в начале V главы «Отцов и детей»[16].

Г-жа Донская замечает и другое явное заимствование из романа Тургенева: положение отца Рене Лонгмара. Его чувства и его слезы, которыми он разражается после отъезда сына, проистекают прямо из текста «Отцов и детей»[17]. Франс обращается здесь к теме конфликта поколений, но в особенности он думает о русском нигилизме, одного из представителей которого первым описал Тургенев, сделав его позитивистом-революционером. Мопассан, как мы уже видели, определит этого нового человека как принадлежащего к своего рода секте, дав удачную формулировку, позволяющую идентифицировать сегодняшних террористов как сектантов. Что касается врача из романа «Иокаста», то он лишен революционного базаровского профиля, как и его пессимистической философии. Напротив, именно женский персонаж своего романа Франс наделяет чисто русской ностальгией и заставляет героиню совершить самоубийство в русском духе[18]. Тургенев наверняка также оценил портрет современной Иокасты — Елены, созданный Анатолем Франсом. Она вновь появится, в другом облике, в автобиографической книге «Жизнь в цвету», чтобы погибнуть столь же трагическим образом.

Небезынтересно, кажется, предположить, что Франс писал с натуры кого-то из знакомых Тургенева. Живым прототипом хирурга Рене Лонгмара мог быть хирург Рене Маржолен (1812–1895), женившийся на дочери Ари Шеффера Корнелии. Фамилия Лонгмар является почти анаграммой фамилии Маржолен. Далее мы увидим, что Франс будет воссоздавать на склоне дней лица из окружения Ренана, женатого на кузине Корнелии Маржолен-Шеффер.

Отметим, наконец, что «Иокаста» имеет посвящение Шарлю-Эдмону Хоецкому, который консультировал Франса как в целом по России, так и по Тургеневу, в связи с написанием фельетона в «Тан».

* * *

С первых же произведений Франса Тургенев распознал в нем талант, уже замеченный его другом Флобером. Он сумел также оценить его как журналиста и его интерес к России. Вот почему он без колебаний послал ему экземпляр «Войны и мира» в переводе княгини Паскевич[19].

Улица Дуэ, 50
Париж
Четверг, 15 янв<аря> 80.

Милостивый государь,

Позволяю себе послать вам «Войну и мир» — роман графа Льва Толстого, в настоящее время самого известного из русских писателей — и вполне достойного этой известности.

Роман близок к совершенству; это самое замечательное произведение в русской литературе. Зная, какую симпатию вы питаете к моей стране, надеюсь, что вы соблаговолите побеседовать в «Temps» о «Войне и мире». Все русские, в том числе и автор, и пишущий эти строки, будут вам очень за это признательны; смею надеяться, что и французские читатели тоже.

Примите уверение в моей глубокой преданности.

Иван Тургенев[20]

Анатоль Франс ответил 2 февраля 1880 г.:

Милостивый государь и дорогой мэтр,

Для любого романа не может быть рекомендации более убедительной, чем ваша. Я изучу роман гр. Льва Толстого со всем вниманием, на которое способен. Но этого будет недостаточно, если к этому не добавятся ваши советы. Не позволите ли вы мне зайти к вам за ними в один из ближайших дней?

Примите, милостивый государь и дорогой мэтр, уверение в моем чувстве горячего восхищения.

Анатоль Франс
2 фев. [1880][21]

Тургенев уехал в Россию на следующий день после получения этого письма. Таким образом, Анатоль Франс не мог встретиться с ним, по крайней мере, в ближайшее время. За его подписью не появилось ни одной рецензии на роман Толстого. Следует отметить, что никто из выдающихся французских литераторов, к кому обратился Тургенев (а среди них были Флобер и Тэн), не счел нужным написать отзыв об этом шедевре. Франс откликнулся поздравлением на 80-летие Толстого[22]. Он считал «Войну и мир» лучшим произведением Толстого и посвятил ему «Остров пингвинов»: «Tolstoi optimo, maximo, ex imo Anatole France»[23].

* * *

Статью, написанную Франсом в связи с кончиной Тургенева, искали долго. Илья Зильберштейн[24] и вслед за ним издатели полного собрания сочинений и писем Тургенева уверяли, что она появилась в парижском еженедельнике в сентябре 1883 г.[25] Патрик Уоддингтон указал на публикацию (в номере «L'Univers Illustré» от 15 сентября), подписанную «Gerome», и задал вопрос по поводу ее автора: «Жером (псевдоним Альберта Вольфа или, возможно, Анатоля Франса?)»[26]. Последний взял себе этот псевдоним и, начиная с 1883 г., писал под этим именем, попеременно с Альбертом Вольфом, каждые две недели статьи в указанный еженедельник. Подсчет налогов позволяет идентифицировать Анатоля Франса в качестве автора короткой некрологической заметки, помещенной во главе хроники «Парижский курьер». Знакомство с нею может ввести в заблуждение. Франс заимствует портрет Тургенева из статьи Мопассана, появившейся десятью днями раньше в «Голуа»[27]. Затем следует история с мельничихой, уже рассказанная Франсом в статье 1877 г. Ниже мы воспроизводим параллельно оба варианта, как и версии Эдмона де Гонкура и Мопассана.

> То, что я прибавлю к этим женским образам, будет иметь несколько легкомысленный характер. Это совсем короткая история, которую однажды рассказал Тургенев и которую пересказали мне. Не думаю, чтобы он ее когда-либо записал; но я знаю одного юного поэта, который облек ее в сонет и весьма удачно. Итак:
>
> Она была дочерью мельника. Она была красива, ее пепельные волосы были перетянуты на лбу ярко-алой повязкой. Цвет лица у нее был ярко-золотистый. В тот год моло-

дой барин частенько поглядывал на нее с удовольствием, и ей это было хорошо известно. Отправляясь в Москву, он остановил рядом с нею свою повозку.

— Прощай, Лукерья! — сказал он ей. — Не желаешь ли, чтобы я, вернувшись из Москвы, привез тебе какую-нибудь безделицу?

Она остановила на нем взгляд, полный решимости и искренности, и кивком головы подтвердила свое согласие.

— Хочешь бусы? — спросил у нее барин. Но на ее рубашке с изящными сборками красовались две связки стеклянных бус. Не пожелала она ни сережек, ни платков.

— Барин, — сказала она, — привези мне казанского мыла.

Потому ли, что это желание было высказано с каким-то величием, потому ли, что дочка мельника была хороша, как бы то ни было, а барин вспомнил вовремя об этой просьбе. Он вернулся в деревню с коробкой, которую протянул Лукерье.

— Подожди, барин, — сказала она. И убежала с коробкой. Когда она возвратилась, глаза ее блестели; губы ее подрагивали от удовольствия. Она протянула барину свою еще влажную и благоухающую руку:

— А теперь, — сказала она ему, — поцелуйте у меня руку, как вы это делаете у ваших дам.

Le Temps. 1877. 16 janvier.

* * *

Эдмон де Гонкур. Дневник. 2 марта 1872.

И, погрузившись на минуту в воспоминания, с отсветом счастья на лице, он продолжает:

— Послушайте, в молодости у меня была любовница — мельничиха в окрестностях Санкт-Петербурга. Я виделся с ней, когда ездил на охоту. Она была прелестна — беленькая, с лучистыми глазами, какие встречаются у нас довольно часто. Она не хотела ничего брать от меня. В один прекрасный день она сказала: «Вы должны сделать мне подарок». — «Что же ты хочешь?» — «Привезите мне мыло». Я привез ей мыло. Она взяла его и исчезла, а потом вернулась, раскрасневшаяся от волнения, и прошептала, протягивая мне благоухающие руки: «Поцелуйте мне руки, как

вы целуете их дамам в гостиных Санкт-Петербурга!» Я бросился перед ней на колени... и, поверьте, не было в моей жизни мгновения, которое могло бы сравниться с этим![28]

«Он рассказывал очаровательно, — прибавил Мопассан».

Могу сказать, что это правда, так как сам имел удовольствие слышать (это было также у Флобера) одну историю от славного русского. Я ее запомнил. Вот она:

Молодой барин покидал свое поместье, чтобы провести зиму в Петербурге. На берегу речки он встретил одну из своих крепостных девушек, такую красивую, что он остановил свою тройку, чтобы попрощаться с нею.

— Софья Андровна (sic!), — сказал он ей, — я еду в город. Не хочешь ли бусы или какой-нибудь платок? Обещаю тебе весной привезти, что попросишь.

Софья отвечала:

— Барин, не нужны мне ни бусы, ни платки. Привези мне из города немного того мылом, которым моются дамы.

За всю зиму барин ничуть не думал о своей крепостной, но перед самым возвращением в поместье вспомнил о забавной и простодушной просьбе девушки.

Он снова увидел ее на берегу той самой речки, у которой оставил ее. И отдал ей то, о чем она просила.

Она попросила его подождать немного и побежала к речке, где вымыла руки подаренным мылом.

— А теперь, барин, — сказала она, — поцелуйте мне руки, как вы это делаете у ваших дам.

L'Univers Illustré. 1883. 15 septembre.

* * *

Ги де Мопассан. Фантастическое. Le Gaulois. 1883. 7 octobre.

Проникновенная прелесть его устных рассказов особенно брала за сердце, когда он говорил о любви. Мне кажется, он записал ту трогательную историю, которую рассказал нам однажды..

Он охотился как-то в России и остановился, чтобы переночевать на мельнице. Местность ему понравилась, и он решил провести там некоторое время. Вскоре он заметил,

что мельничиха на него посматривает, и после нескольких дней прелестной и чисто сельской идиллии стал ее любовником. Это была красивая белокурая женщина, стройная, чистоплотная, которую выдали замуж за грубого мужика. Она отличалась душевной чуткостью, свойственной некоторым женщинам, которые интуитивно воспринимают тончайшие оттенки чувства, даже самые утонченные чувства, хотя никогда ничему не учились.

Он поведал нам о встречах на сеновале, который содрогался от непрерывного движения огромного мельничного колеса, о поцелуях в кухне, когда, склонившись над очагом, она готовила обед для мужчин, о взгляде, которым она встречала возлюбленного, когда он возвращался с охоты после целого дня ходьбы по нескошенной траве.

Ему пришлось отлучиться как-то на неделю в Москву, и он спросил у своей подруги, что привезти ей из города. Она не захотела ничего. Он предлагал ей платья, драгоценности, украшения, меха — эту главную роскошь русских.

Она от всего отказалась.

Он пришел в отчаяние, не зная, что еще предложить, и наконец дал ей понять, что ее отказ очень его огорчает. Тогда она ответила:

— Ну, так и быть, привезите мне мыла.

— Как мыла? Какого мыла?

— Хорошего мыла, душистого, каким моются городские барыни.

— Он был крайне удивлен, не понимая причины столь странного желания. Он стал допытываться:

— Но почему именно мыла?

— Буду мыть им руки, чтобы они хорошо пахли, и тогда вы станете мне их целовать, как какой-нибудь барыне.

Великий, мягкий и добрый Тургенев так рассказал об этом эпизоде, что, слушая его, хотелось плакать[29].

* * *

Франс еще раз вернулся к Тургеневу в связи с книгой воспоминаний, опубликованной Исааком Павловским в конце 1887 г.[30] Статья Франса, озаглавленная «Инцидент Доде–Тургенев», появилась в «Тан» 12 февраля 1888 г. В интимном кругу Тургенев, согласно Павловскому, якобы называл Доде «ничтожеством» и находил романы Гонкуров фальшивыми и надуманными[31].

Вмешательство Франса интересно с нескольких точек зрения. В своей статье он затрагивает вопрос о демократизации искусства, литературы. Культура, доступная всем благодаря средствам массовой информации, как бы сказали сейчас, непременно отклоняется от своей цели: «Это беда, что теперь, например, благодаря фотографии и репортажам, писатели становятся известны публике более, чем их произведения. Ныне, еще до того как познакомиться с творчеством писателя, читатель уже знает, лыс он или берет в долг»[32].

И поныне стада экскурсантов циркулируют по литературным музеям, не будучи знакомы с произведениями писателей, памяти которых посвящены экспозиции, не испытывая даже потребности прочитать их после посещения музея. Напротив, биографические подробности становятся источником сплетен вокруг писателя, чья творческая мысль остается недоступной. Именно так инцидент Доде–Тургенева, возобновленный в газетах после оглушительных откровений Павловского, стал пищей обывательских страстей. Франс был далек от того, чтобы заподозрить, что его собственная статья парадоксальным образом послужит возбудителем того, против чего он боролся. Текст, предназначенный

Анатоль Франс на вилле Саид

к примирению писателя ушедшего и писателя здравствующего, произвел обратный эффект. Антисемитская пресса набросилась на Исаака Павловского за шесть лет до дела Дрейфуса. Оплошность публициста была увязана с его еврейскими корнями. Г-жа Камиль Бланк использовала как в своем памфлете, так и в его названии («Еврей Павловский, эксплуатирующий покойника»)[33] аргументы, выдвинутые писателем-гуманистом: «Необходимо дважды подумать, прежде чем воспроизводить слова ушедших людей. И в любом случае миссия, состоящая в нанесении от их имени оскорбления живым, которые их любили, является прискорбной».

Без сомнения, Франс, который будет защищать Дрейфуса, не нес ответственности за всплеск антисемитизма в нашей стране. Желтая пресса подстерегла его и, заручившись авторитетом известного писателя, попыталась использовать его в свою пользу, чтобы сильнее заявить о своей ненависти.

Из чувства порядочности, из заботы о приличиях, в особенности из осторожности, французский романист оспаривает право журналиста воспроизводить пересуды, коих он был свидетелем. «Говоря начистоту, я не могу сказать, что в целом г. Исаак Павловский неверно передал слова Тургенева. Об этом я ничего не знаю. А вот что я знаю наверняка, так это то, что он совершил большую ошибку, обнародовав то, что следовало предать забвению».

Заключение статьи звучит гораздо менее категорично. Сомнение, присущее мысли Анатоля Франса, уступает место почти уверенности: «Да, дорогой Доде, заботясь о чистоте литературных нравов, отбросим подальше скандальные откровения, оставим их улице и скажем: мы признаем мысль Тургенева лишь там, где она написана и подписана его рукой».

Доступ к автографам писем Тургенева к Исааку Павловскому, назначенный на 1997 г., возможно, прольет свет на это темное дело.

* * *

«Жизнь в цвету», последняя книга Анатоля Франса, являющаяся своего рода беллетризованной автобиографией, содержит любопытную главу, которая называется «Мария Багратион»[34]. Как обычно, автор вводит персонажей реальных и вымышленных. Среди современников молодого Франса есть трое, которые нам знакомы: Тургенев, Полина и Луи Виардо. Если двое первых лишь упомянуты, то третий играет здесь важную роль: он позиру-

ет русской княгине Марии Багратион, которая лепит его бюст. Анатоль Франс наверняка посещал салон на улице Дуэ, где собирался самый цвет литературы и искусства.

Хотя интрига разворачивается во времена Второй империи, Франс добавляет детали и события следующего десятилетия. Сентиментальные воспоминания относятся к юности Анатоля, точнее, к 1862–1863 гг., когда ему было 18 или 19 лет. Встреча с Луи Виардо выглядит неправдоподобной после апреля 1863 г., даты, после которой он с семьей выехал в Германию. Он вернется в Париж лишь в конце 1871 г. Возможно, именно в середине 1870-х гг. Франс присутствовал на сеансах позирования Луи Виардо у женщины-скульптора. Речь идет о пожилом мужчине (он родился в 1800 г.): автор подчеркивает это в тексте. Несомненно, именно Луи представил своего сына Поля молодому писателю. В свою очередь, Поль Виардо, став известным скрипачом, будет нередко посещать виллу Саид в сопровождении своего сына Жака-Поля, который рассказывал автору этих строк о своих встречах с патриархом. Жак-Поль гордился тем, что его дедушка Луи Виардо выведен в романе «Жизнь в цвету».

Без сомнения, модель представляла интерес. Франс показывает сердечность Луи Виардо и его ум гуманиста. Студент польщен тем, что получил похвалу от одного из лучших знатоков музеев своей эпохи: в то время Франс принимал участие в большой работе, посвященной художникам. Мемуарист не забывает также, что переводчик «Дон-Кихота» был выдающимся испанистом и написал несколько книг об испанской живописи. Наконец, и это было не самым малым из его достоинств, «он сожалел о том дне, когда мусульманский мир, с его искусствами и философией, отступил перед варварством франков»[35]. «Опытом истории арабов и мавров в Испании» (1833) Луи Виардо заслужил избрание в почетные члены Королевской испанской академии. По мнению ее постоянного секретаря Мартинеса де ла Росы, Луи Виардо удалось найти ключ к истории Испании[36]. Виардо противопоставлял ценности мусульманской цивилизации, расцвет искусств и литературы, движущую силу прогресса варварству тех, кто изгнал арабов из Испании. Гуманист встретился с другим гуманистом: понятно, что ученик хотел воздать должное памяти одного из своих учителей.

Остается идентифицировать этот таинственный персонаж, который носит имя Марии Багратион. Критические издания романа не вносят никакой ясности в происхождение этой русской женщины-скульптора, принадлежащей к одной из знатных аристо-

кратических семей и скончавшейся, помимо всего прочего, в результате самоубийства. На наш взгляд, этот персонаж вобрал в себя черты трех разных прототипов. Луи Виардо, как известно, был близким другом художника Ари Шеффера, которому посвятил замечательную некрологическую статью в «Gazette des Beaux-Arts»[37]. У Шеффера была дочь Корнелия, родившаяся в 1830 г. и вышедшая замуж на доктора Маржолена, она была довольно известным скульптором. Возможно, что в возрасте 18 лет Анатоль познакомился с нею, ей тогда было 32 года. По крайней мере, эта разница в возрасте является определяющей для понимания смысла рассказа. Старый писатель вспоминает эпизод своей юности, привлекательность этой женщины, которая была старше его: «Я проник в тайну Эроса, я понял, что истинная любовь не нуждается ни в симпатии, ни в уважении, ни в дружбе; она живет желанием и питается обманом. Истинно любят только то, чего не знают»[38].

Физический портрет Марии перекликается с портретом Корнелии по крайней мере в одной детали: «низкий лоб, соединенный почти одной линией с переносицей»[39]. Но особенно поражает сходство характеров обеих женщин. О мужестве, преданности Корнелии Шеффер, проявленных во время войны 1870 г. и Коммуны, мы знаем из «Воспоминаний» Луизы Эритт-Виардо[40]. Что касается Марии, то она знает, что женщины отважнее мужчин. И ее самоубийство кажется вызовом мужчинам.

Кто еще, кроме Корнелии, мог лепить бюст Луи Виардо, близкого друга ее отца? В статье, посвященной Шефферу, Виардо вспоминал о талантах его дочери[41]. В 1875 г. Франс познакомился с Эрнестом Ренаном, женатым на двоюродной сестре Корнелии. Двумя годами ранее он познакомился у Флобера с Тургеневым, которому в 1876 г. послал свою «Коринфскую свадьбу». Возможно, именно в этом последнем следует усматривать причины «русификации» главного персонажа и самой атмосферы, царящей в этом парижском ателье.

Русская подруга Марии Багратион носит в романе имя Наталии Шерер: мы усматриваем здесь скрытый намек на Корнелию Шеффер. Тайна, окружающая жизнь художника, этим не открывается. Но в этом-то и заключается специфика романного жанра. Две другие женщины, тоже русские, кажется, одолжили некоторые свои черты Марии Багратион. Конечно, это только предположения, но разве критику не позволено давать волю своему воображению? Франс вполне мог воспользоваться некоторыми биографическими данными, подсказанными Тургеневым. Вот

откуда русское происхождение его скульптора, отсюда же и типично русское самоубийство.

Княгиня Багратион заставляет вспомнить княгиню Екатерину Трубецкую (1840–1875), супругу князя Орлова, русского посла в Париже. Как и Мария, она жила отдельно от него, поскольку тот часто бывал в разъездах. Тайная связь княгини, на которую делаются намеки в романе, хотя они и не раскрываются, была далеко не ординарной, поскольку речь шла о Бисмарке. Кроме того, мать Марии, которая так и не появляется, напоминает Анну Трубецкую, мать Екатерины, которая никогда не покидала своей комнаты под предлогом паралича ног, что расценивалось ее мужем как сумасшествие.

Третьим прототипом могла быть юная Лиза Герцен, дочь русского социалиста, покончившая с собой из-за несчастной любви в декабре 1875 г.

Некоторые размышления по поводу этого самоубийства Тургенев сообщил Анненкову: «... имею Вам сообщить новость печальную и странную: дочь Герцена и Огаревой — Лиза, дней десять тому назад во Флоренции отравилась хлороформом — после ссоры с матерью и чтобы досадить ей. Это был умный, злой и исковерканный ребенок (17 лет всего!) — да и как ей было быть иной, происходя от такой матери! Она оставила записку, написанную в шутливом тоне, — нехорошую записку. Мать чуть с ума не сошла — и уже пробовала покончить с собою... ее увезли в Ниццу — и она теперь там; тело Лизы также похоронили в Ницце, рядом с отцом. Удивительное дело, как наша молодежь легко расстается с жизнью: не выдержал экзамена — или с кем-нибудь поссорился — или просто скучно стало — ну и пулю в лоб или яду стакан! <...> Какая, однако, трагическая судьба всего этого семейства!»[42]

Анатоль Франс вполне мог воспользоваться этими наблюдениями по горячим следам как раз в то время, когда он начал посещать Тургенева. Во всяком случае, мы находим следы этого в XXVII главе романа «Жизнь в цвету»: ложное положение Лизы Огаревой, узнавшей, что она является дочерью друга ее отца («но есть подозрение, что они не настоящие Багратионы»)[43]; роль наследственности здесь и в романе: безумие матери объясняет безумие дочери; но в особенности болезнь роста у молодежи, постоянная забота Тургенева и, пятьдесят лет спустя, перед лицом тех же явлений, пессимизм Анатоля Франса, беспристрастного наблюдателя жизни, которая не всегда находится «в цвету».

Опубликовано Cahiers Tourguéniev. № 19. 1995. P. 121–136.

1 Goncourt E., de. Journal. Monaco. 1957. T. X. P. 76–77.

2 *France A.* Ivan Tourguéneff // Le Temps. 16 janvier 1877.

3 *Maupassant Guy, de.* Le fantastique // Le Gaulois. 7 octobre 1883. См. также: Cahiers Tourguéniev. № 17–18. 1994. P. 118.

4 См.: Тургенев. Письма. Т. XIII. Кн. 2. 1968. С. 218.

5 См. статью «Тэн и Тургенев» в настоящем сборнике.

6 *Heine H.* Die Wallfahrt nach Kevlaar // Heine H. Samtliche Werke in zwolf Banden. Erster Band. Berlin, Biblographische Unstalt. P. 135. Цит. в пер. М. Л. Михайлова: *Михайлов М.Л.* Соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1958. С. 320.

7 *Франс А.* Собр. соч.: В 8 т. Под общей редакцией Е.А. Гунста, В.А. Дынник, Б.Г. Реизова. М., 1957–1960. Т. 1. С. 140. Пер. В.А. Дынник. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

8 Он должен был прочитать его в сборнике, озаглавленном так же, который был издан Этцелем в 1876 г.

9 *France A.* Pages d'histoire et de littérature. I. 1874–1892 // *France A.* Œuvres complètes. Nouvelle édition établie par Jacques Suffel. Cercle du Bibliophile. 1970. P. 55—74.

10 Перепечатано в: Cahiers Tourguéniev. № 14. 1990. P. 5–15.

11 Письмо Тургенева к Д.В. Гутникову от 19 июля 1877 г. (Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 1. 1966. С. 188).

12 Книга хранится в семье покойного Александра Полонского. См. факсимиле посвящения.

13 Гюстав Мишо (Michaut) (1870–1946), профессор французской литературы в Сорбонне. Его книга «Анатоль Франс» появилась в 1913 г. Национальная библиотека в Париже располагает лишь пятым изданием этой книги: Anatole France: Étude psychologique. Paris. E. de Broccard, 1922, XXXVIII–316 p. На 157 странице читаем: «Наконец, к именам Диккенса и Доде г-н Франс присоединяет имя Тургенева. Упавший духом и ничем не занятый в семье отца Рене Лонгмар ведет себя в том же духе, что и Базаров в имении родителей в "Отцах и детях"».

14 *Донская С.Л.* Анатоль Франс и Тургенев // Научн. бюл. ЛГУ. 1945. № 4. С. 36–39.

15 Статья С.Л. Донской присутствует в библиографическом указателе «Анатоль Франс. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке (1877–1982)» (М., 1985. С. 134. № 1973). — *Ред.*

16 *Донская С.Л.* Анатоль Франс и Тургенев. С. 37 А.

17 Там же. С. 37 В–38 А.

18 См. на эту тему в книге доктора Франка Мейрака (Mayrac) «La médecine et les médecins dans l'oeuvre d'Anatole France» (Toulouse, 1932) p. 149, 170, 182, 195, 200. См. также: *HØard-Cosnier Colette*. Anatole France et le «Journal» de Marie Bashkirtseff // Littérature et nation. 1993. № 11. P. 71.

19 Этот первый перевод «Войны и мира» в трех томах, напечатанный в Петербурге, распространялся издательством «Ашетт». Тургенев выслал по экземпляру Флоберу, Доде, Золя, Тэну, Эдмону Абу, Анатолю Франсу. Экземпляр книги, принадлежащий последнему, вместе с письмом к нему Тургенева от 15 января 1880 г., был продан в сентябре 1967 г. (см.: Catalogue Coulet, № 664. № 100). См. также: *Зильберштейн И.С.* Парижские находки: Иван Тургенев, Лев Толстой, Анатоль Франс // Огонек. 1967. Ноябрь. № 48. С. 27–30.

20 Местонахождение этого письма в настоящее время не известно. Здесь печатается по каталогу: Catalogue Coulet (см. предыдущую сноску). См. также: Тургенев. Письма. Т. 13. Кн. 2. 1968. С. 224.

21 Частное собрание.

22 L'Humanité. 1908. 10 septembre.

23 «Толстому величайшему, высочайшему от смертного Анатоля Франса» (лат.). Цит. по: Silberstein Ilia. Le roman «Guerre et Paix» et la France // Tolstoï aujourd'hui. Paris: Institut d'études slaves, 1980. P. 229.

24 См.: Огонек. 1967. № 49. С. 27.

25 См.: Тургенев. Письма. Т. XIII. Кн. 2. 1968. С. 453.

26 *Waddington P.* An annotated bibliography of French writings on I.S. Turgenev published up to 1900 // New Zealand Slavonic Journal. 1987. P. 44, 76.

27 Le Gaulois. 1883. 5 septembre. См. воспроизведение ее в Cahiers Tourguéniev, № 17–18. P. 109.

28 Цит. по: *Гонкур де, Эдмон и Жюль.* Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные страницы: В 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 153.

29 Цит. по: *Мопассан Ги, де.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 11. М., 1958. С. 183–184.

30 *Pavlovsky Isaac.* Souvenirs sur Tourguéneff. Savine, 1887.

31 Ibid. P. 73–75.

32 *France A.* L'incident Daudet-Tourguéneff // Le Temps. 1888. 12 fevrier.

33 *Blanc Camille.* Incident Daudet-Tourguéneff, tous documents réunis ou Le Juif Pawlowsky exploitant un mort. Paris-Grenelle, Imprimerie Westermann, 1888. На с. 12–13 Камиль Бланк привела выдержки из статьи Анатоля Франса.

[34] Глава XXVII романа «La vie en fleur» (*France A.* Œuvres. Édition établie, présentée et annotée par Marie-Claire Bancquart. Gallimard, La Pléiade. T. IV. P. 1149–1156).

[35] Вариант главы XXVII. См.: Op. cit. P. 1650.

[36] См.: NCI. T. II. P. XV–XVI.

[37] *Viardot L.* Ary Scheffer // Gazette des Beaux-Arts. 1859. Février. См. также: Cahiers Tourguéniev. № 19. 1995. P. 75–84.

[38] Цит. по: *Франс А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1959. С. 562. Пер. М.В. Вахтеровой. — *Ред.*

[39] Там же. С. 560.

[40] *HØritte-Viardot Louise*. Une famille des grands musiciens. Paris, 1923. P. 82–84.

[41] *Viardot L.* Ary Scheffer. P. 84.

[42] Тургенев. Письма. Т. XI. 1966. С. 177–178.

[43] *France A.* Éd. citée. P. 1151.

Пер. Н. Генераловой

Тургенев — советчик Жюля Мишле

(по неизданной переписке)

Тургенев и Мишле — тема совсем новая. Однако появившиеся в последнее время важные исследования позволили углубить наши знания о жизни и творчестве историка. Укажем хотя бы на фундаментально подготовленную «Переписку» Мишле, из которой, благодаря настойчивому попечению Луи Ле Гийу, 9 томов уже вышли в свет[1], и на конференцию, проходившую 14 и 15 сентября 1998 г. в замке Вакей, бывшем владении Мишле, ныне принадлежащем мэтру Франсуа Папийару. Конференция была приурочена к 200-летию со дня рождения историка.

На этой конференции мы прослушали сообщение Мишеля Кадо «Русские, польские и румынские друзья Мишле», среди которых блистало своим отсутствием имя Ивана Тургенева. Это имя не значится и в указателе корреспондентов Мишле, который за всю свою долгую жизнь не удосужился отметить историческую роль, сыгранную автором «Записок охотника» в деле освобождения русских крестьян от крепостного рабства, как и его талант стилиста, столь ценимый Ипполитом Тэном[2]. Тем не менее, как мы увидим далее, несостоявшаяся встреча двух людей, у которых были веские причины встретиться, была бы одной из тех ошибок, на которые так щедра история. По счастью, связь между Мишле и Тургеневым существует, и она не столь уж незначительна.

Мы полагаем необходимым в качестве вступления сказать несколько слов об отношениях историка с четой Виардо: эти отношения сами по себе могли бы стать предметом особого рассмотрения. Начавшись в 1847 г., они прервались в 1862-м, в связи с отъездом Виардо в Германию, с тем, чтобы возобновиться после

их окончательного возвращения во Францию после франко-прусской войны.

Мишле был горячим поклонником пения и драматической игры Полины Виардо, которую он услышал в опере[3] и назвал ее «посланец Бога»[4]. За месяц до появления в печати его хвалебного отзыва о певице в книге «Птичка», увидевшей свет 12 марта 1856 г., он деликатно предупреждает ее мужа[5]:

> Я думаю, Вы простите мне строчку в моей будущей книге о госпоже Виардо? Я воспользовался словом, которое она же и произнесла по поводу соловья, то есть ее самой.
>
> При всем моем музыкальном невежестве, музыка очень на меня действует — но мне нужна страстная песнь соловья, *победившего* в апрельской битве (несколько утонченных нот стального тембра), или тот самый испанский акцент, который я слышал вчерашним вечером.
>
> Она была восхитительна и полна мощи, пронзительного трагизма, который проникает прямо в душу. В полном противоречии с более или менее итальянской традицией, которая рядом с нею — смотрелась мило, была выдержана

Полина Виардо в роли Орфея в одноименной опере Глюка. Фото. 1859

со вкусом и является следствием хорошей методы — но лишена акцента и сердечности.

Признаюсь Вам, я слышал кое-кого из великих итальянских теноров и не мог вынести этого совершенного отсутствия сердечности, этой бесчувственности, выставления напоказ способности оставаться чуждыми чувствам, которые они представляют.

Личность — все, душа — все, гармония, полная жизнь, вот что необходимо нам, французам и испанцам. Но я полагаю, однако, что госпожа Виардо, будь она не столь великой трагической актрисой, победила бы итальянцев одной силой своего всемогущего голоса.

Жму Вам руку и остаюсь сердечно Вашим,

Ж. Мишле

Выражение г-жи Виардо о соловьях действительно находится в книге «L'oiseau» на с. 324 в «Разъяснениях» к главе о воспитании[6]:

С. 237. *Учитель-соловей*. Этой подробностью я обязан даме, обладающей полным правом судить о подобных ве-

Рисунок Полины Виардо в письме Юлиусу Ритцу от 8 мая 1859 г. Она изобразила себя в роли Церлины в «Дон Жуане» Моцарта

> щах, г-же Гарсиа Виардо. Русские крестьяне, имеющие тонкий слух и сильно развитое чувство природы (соответственно жестокости по отношению к ним), говорили, слыша иногда пение испанки: «Соловьи поют хуже нее».

Луи Виардо поблагодарил историка за то, что он сам занес к ним «L'oiseau» и 9-й том своей «Истории Франции»[7].

Выражая свой восторг, Мишле считает г-жу Виардо музыкальным авторитетом: он рекомендует ей своего зятя, Альфреда Дюмениля, автора «Новой веры», «От Рембрандта до Бетховена», поэта и музыковеда Шарля Александра[8] и скрипача Бриара[9].

Что до Луи Виардо, то Мишле испытывал к нему подлинное расположение: он читает статьи и книги этого разностороннего автора, который интересуется историей, философией, искусством и литературной критикой[10].

Мишле знал также, что Виардо увлекается охотой: он приходил к нему за советом в связи с приобретением пары пистолетов[11]. Но этим дело не ограничилось. Зная, что Виардо состоит в числе акционеров Компании железных дорог, Мишле просит его помочь найти там работу для своего зятя Альфреда Дюмениля[12]. И в следующем году он снова обращается к Виардо с той же настойчивой просьбой[13].

Луи Виардо, в свою очередь, был поклонником творчества Мишле. Он вступает в диалог с ним в прекрасном письме от 18 марта 1847 г.[14]. Он прочитал и оценил труды Мишле «Священник» («Prêtre»; 1845), «Народ» («Le peuple»; 1846) и только что вышедший первый том «Истории Французской революции» («l'Histoire de la Révolution Française»), увидевший свет 15 февраля 1847 г. За пять дней до письма к Мишле Виардо посвятил несколько строк последнему труду Мишле: «сегодня история революции должна быть написана с позиции в свою очередь активной и уже преобладающей, которая именуется демократией»[15]. Еще более убедительно, чем в статье, где проводится параллель между двумя одновременно вышедшими книгами о революции — Луи Блана и Мишле, — Луи Виардо высказал свою мысль в еще не опубликованном письме к Альфреду Дюменилю:

> В то время как я писал эту облегченную апологию книге г. Луи Блана, я познакомился с первым томом труда г. Мишле. Одно дополняет другое: книга Мишле не является историей в прямом смысле слова, то есть подробным из-

ложением событий. Это подбор фактов, рассмотренных с высоты птичьего полета, и суждения о прошлом, исполненные советов для будущего: это нравственный смысл истории. Все прочувствовано и высказано как нельзя лучше, как нельзя более мудро, трогательно, благоговейно. Автор обращается дальше и выше, чем просто к разуму: он обращается к сердцу и к самой сути человека. Ручаюсь, что не найдется души настолько холодной, черствой, ожесточенной, чтобы не растрогаться до слез, услышав голос человека благородного и поистине верующего. У г. Мишле подлинное призвание историка, поскольку, со времен Нагорной проповеди, я думаю, никто лучше него не проповедовал людям о братстве и справедливости. Его труд не просто хорошая книга, это благородный поступок. Она поистине прекрасна: splendor boni[16].

Луи Виардо[17]

Виардо понял, что мысль Мишле была насквозь пропитана благородными идеями века Просвещения. Но похоже, что было в ней еще кое-что. В письме к тому же корреспонденту, Дюмени-

Портрет Жюля Мишле
Худ. И. Дюпон-Зипеи

лю, историк высказывает мнение о великих философских течениях XVIII столетия:

> Мне не известно ничего хорошего о франкмасонстве. Они желают возвести себя к тамплиерам, архитекторам Средневековья, к некоторым мистическим сектам. В этом есть доля правды. Но определенно известно, что в прошлом веке это означало приобщение к *терпимости и гуманности*, как тогда выражались. Это было великое движение, не то что нынче. Все наши офицеры полиции являются членами франкмасонских лож[18].

Похоже, что Альфред Дюмениль принадлежал к франкмасонству. Мишле также недалек от этого движения, когда говорит о приобщении к терпимости и идеям гуманизма, которые были его коньком.

Именно это привлекало Виардо и потом Тургенева, которому тот немедленно сообщил о выходе в свет второго тома Мишле: Тургенев поспешил сообщить об этом в Россию западнику и европеисту Белинскому[19]. О безграничном восхищении этой книгой свидетельствуют три письма Тургенева к Полине Виардо за ноябрь и декабрь 1847 г.[20]

С 16 декабря Тургенев будет посещать лекции Мишле в Коллеж де Франс[21], которые, к сожалению, были прерваны на третьей лекции 2 января 1848 г.[22]

Увидев и услышав Мишле за кафедрой, молодой человек не решился приблизиться и заговорить с пятидесятилетним мэтром. До того как он оказался свидетелем народного выступления 15 мая 1848 г.[23], Тургенев жил в предвкушении «социального обновления и революции».

Прошли долгие годы. С 1850 по 1856 г. Тургенев жил в России. По возвращении во Францию он задумал свести знакомство с нашими писателями. В феврале 1857 г. в салоне г-жи де Сиркур (урожденной Анастасии Хлюстиной) ему был представлен Проспер Мериме[24]. Месяцем ранее он обратился к своему старому другу Александру Герцену, у которого были прекрасные отношения с Мишле, с просьбой представить его великому историку[25]. 18 января Герцен посылает в запечатанном конверте («из пюдера — я уж очень тебя расхвалил, стыдно»[26]) рекомендательное письмо к Мишле. Казалось бы, дело пошло на лад, но... обратимся к началу письма Герцена к Мишле, текст которого отсутствует в «Переписке» Мишле[27].

25 мая <1857>
At Mr. Tinkler's, Путней

Дорогой и глубокоуважаемый друг!

Чувствую себя очень виноватым и потому прошу разрешения объяснить вам мое молчание.

Один из моих друзей, очень известный в России литератор, И. Тургенев (это не старый Тур<генев>, который живет в Париже), желая лично выразить вам свое почтение, обратился ко мне с просьбой написать вам письмо. Я поспешил воспользоваться этим случаем, чтобы поблагодарить вас за ту любезность, с которой вы занялись переводом г. Делаво. Внезапно Тургенев заболевает, проводит два месяца в деревне и теперь, вернувшись в Лондон, возвращает мне письмо. Как видите, здесь вина не всецело моя <...>[28].

Мишле не сделал ничего, чтобы познакомиться с этим известным на родине литератором: главным источником его сведений был Александр Герцен. Со своей стороны, Тургенев не настаивал на встрече, по-прежнему сохраняя уважение к историку. В романе «Отцы и дети» (1862) эмансипе Евдоксия Кукшина говорит: «Я не могу слышать равнодушно, когда нападают на женщин <...> Это ужасно, ужасно. Вместо того чтобы нападать на них, прочтите лучше книгу Мишле "De l'amour". Это чудо! Господа, будемте говорить о любви <...>».

Четыре года спустя после смерти Мишле Тургенев отдал дань его памяти, поместив его имя среди гениев человечества: Гомера, Шекспира, Гете, Пушкина[29].

Можно предположить, что на этом история отношений Тургенева и Мишле закончится. Ничего подобного. Каково же было наше удивление, когда мы обнаружили, что в конце жизни Мишле обратился к Луи Виардо с просьбой познакомить его с Тургеневым[30]! 74 года Мишле обходился без этого знакомства, но в 1870 г. умирает Александр Герцен, и когда Мишле принимается за работу над сочинением «История XIX столетия», ему требуется другой знающий человек, способный дать справку по истории России. Кто же лучше Тургенева, обладавшего энциклопедическими знаниями, мог снабдить его документами первостепенной важности, особенно о правлении Павла I и о русской кампании 1812 г.?

Чтобы говорить обо всем этом, нужно было видеться: встреча, как свидетельствует «Дневник» Мишле, состоялась в его доме в понедельник 6 января 1873 г.[31] Весьма непродолжительная пере-

писка завязалась тотчас же с тем, чтобы прекратиться спустя четыре месяца, в мае 1873 г. Мы отложили печатание пяти неопубликованных записок Мишле до его 200-летнего юбилея в 1998 г. Однако остановимся, чтобы выразить живейшую благодарность Луи Ле Гийу за разрешение обнародовать эти тексты до выхода в свет последнего тома «Переписки» Мишле, без которых эта статья никогда бы не появилась.

Жаль, что ответные письма Тургенева к Мишле (как и его письма к Мериме) не сохранились. До того как предоставить слово историку, хотелось бы подчеркнуть, как замечательно справился Тургенев с ролью советчика Мишле в осуществлении его последнего замысла.

Мы уже указывали на то, что Тургенев дождался встречи с Мишле лишь для того, чтобы оказать ему услугу, о которой тот просил через Луи Виардо. Из Парижа Тургенев написал 2 января 1873 г. письмо одной молодой русской исследовательнице — Софье Кавелиной, которая специально занималась историей России второй половины XVIII в.: «Кстати, знаете ли Вы на *немецком* или *английском* языке монографии царствования императора *Павла*? Если знаете, сообщите поскорее заглавие: меня просит об этом Мишелэ»[32].

Без сомнения, именно Софья Кавелина прислала Тургеневу документ, опубликованный двумя годами ранее в России: имеется в виду записка Ф. Ростопчина о внешней политике России, адресованная Павлу I. Тургенев взялся перевести ее для Мишле на французский язык. Но все он не смог перевести. Очевидно, что Мишле не мог читать книги по-русски, но он знал немецкий и английский языки, хотя он и уверял Луи Виардо в письме от 26 декабря 1872 г., что забыл первый из этих языков. Тем не менее, Тургенев передал ему «большую книгу» на немецком языке. О какой книге шла речь? Мишель Кадо указал мне на книгу в двух томах, изданную на немецком языке, генерала барона Владимира Ивановича Левенштерна «Denkwürdigkeiten eines Livländers (aus Jahren 1790–1815)» (herausgegeben von Fried. V. Smitt. Leipzig und Heidelberg. 1858). Эта книга могла быть послана из России Соней Кавелиной в ответ на просьбу Тургенева.

Но записка Мишле к Тургеневу, опубликованная Петром Заборовым, отсылает нас к другой книге или рукописи. Это «прекрасный подарок», которым Мишле на стадии работы над «Историей XIX столетия (1805–1806)» не может воспользоваться тотчас. Во время их первой встречи Тургенев не мог не говорить

о «Войне и мире» Льва Толстого, романе, который его по-настоящему восхитил и распространению которого во Франции он содействовал[33]. Накануне, в 1870 и 1871 гг., роман появился в виде фельетонов в немецкой газете «Москауэр дойче цайтунг» («Moscauer Deutsche Zeitung»), в то время как перевода его на французский язык еще не было[34]. Не передал ли Тургенев Мишле несколько газетных страниц, имеющих отношение к русской кампании 1812 г.? Встреча Мишле с Толстым при посредничестве Тургенева кажется весьма заманчивой. Никто никогда не изображал войну так, как это сделал гениальный русский романист. И затем, его описание наполеоновских войн, особенно в России, противоречило французским версиям тех же событий, и это нравилось Мишле[35]. Но особенно близки эти два великих ума в понимании интимного слияния души и природы, в постоянной обращенности к вопросам нравственности, в проповеди той «религии добра», о которой Луи Виардо говорил еще в 1847 г.

Письма Жюля Мишле к Тургеневу

(за исключением первого, все письма ранее не публиковались)

1

<Начало января 1873?>

Сударь,

Я не уверен, следует ли мне принять ваш прекрасный подарок. — Но я вам очень за него признателен. — Во всяком случае, я не смогу воспользоваться им немедленно, ибо сейчас занят еще 1805–1806 гг.

Примите мою благодарность и самый сердечный привет.

Ж. Мишле

Прошу вас передать от меня поклон господину и г-же Виардо.

Опубликовано П. Заборовым в: Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Вып. 1. М.; Л., 1964. С. 454.

2

27 я <нваря> 73

Сударь,

Я бесконечно огорчен тем, что вы затратили труд на эти переводы для меня. Если бы не озноб, который меня мучает после болезни легких, я бы давно поблагодарил вас.

Простите меня и примите мой благодарственный привет.

Ж. Мишле

В «Восп<оминаниях> государственного деятеля» Харденберга и Шталя (т. VIII) есть замечательный рассказ прусского посла о смерти Павла. Возможно, он совпадает с русскими документами?

Автограф в BN. N.a.fr. 16275. F. 306. Факсимиле опубликовано в Cahiers Tourguéniev. *№ 1. 1977. P. 22.*

3

Сударь, мне все еще запрещено вставать. Очень сожалею об этом. Мне бы очень хотелось избавить вас от этого путешествия. Документ, о котором идет речь, дает возможность лучше понять конец Павла и то, почему в нем была необходимость.

Преданный и признательный вам,

Ж. Мишле

Автограф в BN. N.a.fr. 16275. F. 307.

4

Сударь,

С вашего позволения я помещу благодарность вам в моем ближайшем томе.

Здоровье мое не хорошо. Как только оно мне позволит, я занесу в<ам> р<укопись>.

Что вы думаете о Шницлере (о его «Жизни Александра I»)?

Я разыскиваю документы об Аустерлицком сражении, о сражении при Эйлау и т.д. Поскольку я также хочу воздать должное вашим войскам.

Примите, как и г-н и г-жа Виардо, мои самые сердечные пожелания.

Ж. Мишле
3 марта 73

Автограф хранится в: BibliothÈque de l'Institut. Collection Le Cesne.

5

Сударь,

Я нашел знаменитые записки, столь лживые во многих отношениях, что все, противоречащее им, несет для меня большую долю правды.

Даже наши военные, с которыми я знаком, значительно опровергают их во многих подробностях. Я приму ваши сведения; если все это не слишком затруднит вас.

Горячо и с признательностью приветствую вас.

Ж. Мишле
4 марта 73

Автограф хранится в частном собрании.

6

<Май 1873>

Сударь,

Не могу простить себе, что не повидал вас. Но сначала итальянские гости, которые пришли и пробыли долго, задержали меня.

Потом наше окаянное здоровье снова подкачало. И вот теперь наш врач доктор Робен посылает нас в Швейцарию на июнь и июль.

Я поблагодарил вас на свой лад, высказав свою симпатию к славянам, к вашей великой нации. Вы увидите это нынешним летом, когда выйдут в свет мои тома II и III, которые подойдут как раз к русской кампании.

Сердечно пожимаю вам руку, как и господину и госпоже Виардо.

Ж. Мишле

Правда ли, что огромный труд, который вы мне дали, переведен на французский язык? Если это так, должен ли я лишать вас немецкого оригинала, который мне наверняка не пригодится.

Автограф хранится в BN. N.a.fr. 16275. F. 308.

Примечания

Опубликовано Cahiers Tourguéniev. № 22. 1998. P. 25–38.

1 CG.

2 См. на эту тему мою статью «Trois admirateurs de Tourguéniev: Taine, Maupassant, Henry James // Cahiers Tourguéniev. № 17–18. 1993–1994).

3 Он имел в виду оперу Мейербера «Гугеноты»: «Я был буквально потрясен госпожой Виардо — ее игрой, ее пением, — ее душой». Письмо к Луи Виардо от 21 ноября 1850 г. (CG. T. 6. P. 595).

4 Письмо Мишле к Луи Виардо от 1 мая 1852 (CG. T. 7. P. 71).

5 Письмо Мишле к Луи Виардо от 13 февраля 1856 г. (CG. T. 8. P. 19).

6 *Michelet Jules.* L'oiseau. Paris: Hachette, 1856.

7 Письмо Луи Виардо к Мишле, около 20 марта 1856 г. (CG. T. 8. P. 43).

8 Оба этих молодых человека были взволнованы пением Полины Виардо. Сам Мишле был растроган так, как если бы Полина была его дочерью или сестрой. Письмо Мишле к г-же Виардо между 15 и 20 марта 1853 г. (CG. T. 6. N 5429).

9 Письмо к г-же Виардо от 31 марта 1861 г. (CG. T. 9. P. 709).

10 См. благодарственные письма Жюля Мишле к Луи Виардо, который в марте 1851 г. послал ему свою «Историю испанских арабов и мавров» («Histoire des Arabes et des Mores d'Espagne») в 2 т. (CG. T. 6. n. 5402 bis) и в июле 1861 г. брошюру «Как следует поддерживать искусства?» («Comment faut-il encourager les arts?» (Ibid. T. 9. P. 812). Представляясь Мишле в письме от 18 марта 1847 г., Виардо подчеркнул, что от искусства он перешел к философии, а затем к политике (Ibid. T. 5. P. 302).

11 См. письмо от марта 1851 г., 1 мая 1852 г. Мишле благодарил Виардо за присылку последнего издания «Воспоминаний об охоте» («Souvenirs de chasse») (Ibid. T. 7. P. 71).

12 Среди собеседников Виардо был Эмиль Перейр, основавший в 1852 г. вместе со своим братом Общество поземельного кредита: именно в нем нашлось занятие для Дюмениля. См. письмо Луи Виардо к Мишле от 7 мая 1852 г. (CG. T. 7. P. 74).

13 Письмо Мишле к Луи Виардо от 8 марта 1853 г. (CG. T. 7. P. 379). Именно Эмиль Перейр рекомендовал Дюмениля управляющему Банком земельного кредита Воловскому (письмо Виардо к Альфреду Дюменилю от 12 марта 1853 г. (Papiers Dumesnil. Bibliothèque Historique de la Ville de Paris). Еще одно письмо Виардо к лицу, причастному к делу, написано спустя неделю: на обратном пути из России он обращается по поводу Дюмениля к нашему консулу в Санкт-Петербурге Эбелингу: Дюмениль был назначен сопровождать русские семьи, приезжающие в Париж.

14 CG. T. 5. P. 302.

15 *Viardot Louis*. Souvenir de 1830 // Journal français de Berlin. 13 mars 1847. Перепечатано в сб.: *Viardot L.* Espagne et Beaux-Arts. Paris: Hachette. 1866. P. 456.

16 в высшей степени хороша *(лат.)*.

17 Недатированное письмо Луи Виардо (март 1847? — *начало письма утрачено*) к А. Дюменилю (Papiers Dumesnil. Bibliothèque Historique de la Ville de Paris).

18 Письмо Мишле к А. Дюменилю от 5 марта 1861 г. (CG. T. 9. P. 685–686).

19 Письмо Тургенева к В. Белинскому от 14/26 ноября 1847 г.: «Вышла 2-я часть истории Мишле, которую ум-

ные люди хвалят». (Под умными людьми следует понимать Луи Виардо. — *А. З.*) (Тургенев. Письма. Т. 1. 1982. С. 230.)

20 См. письма от 27 ноября, 8 и 14 декабря 1847 г. (там же. С. 233, 239 и 242). «Вот еще хороший, отличный труд и, слава богу, не литературный: второй том “Французской революции” Мишле. Это идет от сердца, тут есть и кровь, и внутренний жар; тут человек из народа обращается к народу, — это прекрасный ум и благородное сердце. Второй том несравненно выше первого. Совершенно обратное явление с книгой Луи Блана» (с. 239).

21 См. письмо Тургенева к Полине Виардо от 19 декабря 1847 г. (там же. С. 244, 377).

22 См. письмо Тургенева к Полине Виардо от 4 января 1848 г. (там же. С. 249, 382).

23 См. «отчет» об этом событии в письме к Полине Виардо, написанном около 3/15 мая 1848 г. и имеющем подзаголовок: «Точный отчет о том, что я видел в понедельник 3/15 мая [1848] г. (Тургенев. Письма. Т. 1. 1982. С. 264–267).

24 См. на эту тему статью: *Ozwald Thierry*. Autour d’une collaboration littéraire: les destins croisés de Mérimée et Tourguéniev // Cahiers Tourguéniev. № 15. 1991. P. 79–101.

25 См. письмо Тургенева к Герцену от 27 декабря 1856 г. / 8 января 1857 г. (Тургенев. Письма. Т. III. 1961. С. 69).

26 Письмо А. Герцена к Тургеневу из Путнея (Лондон) от 28 января 1857 г. (*Герцен А.И.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1962. Т. 26. С. 71).

27 Это письмо Герцена должно было бы быть помещено в 8-м томе CG на p. 345. Русский публицист собирался публично обсудить 11-й том «Истории Франции (Генрих IV и Ришелье)». См. письмо Герцена к Теодору Каршеру от 22 мая 1857 г., опубликованное впервые Луи де Гийу в: CG. T. 8. P. 348. n. 1).

28 *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 93. Под «старым Тургеневым» подразумевается «кузен» Ивана — декабрист Николай Иванович Тургенев. Ипполит Делаво был переводчиком мемуаров Герцена, которые вышли в свет на французском языке в 1860–1862 гг. в 3 томах под заглавием «Le monde russe et la Révolution» («Русский мир и революция»).

29 6 марта 1878 г. Тургенев посоветовал читать Мишле юной Ольге Гижицкой (Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 1. 1966. С. 288). В случае если она «более склонна к научной стороне жизненных вопросов», он советовал обратиться ко всеобщей истории Фридриха Шлоссера, трудам Эдуарда Гиббона и Жюля Мишле.

30 Мишле знал, что Тургенев живет в доме Виардо (см.: *Michelet*. Journal. Texte établi par Claude Digeon.

Gallimard, 1976. T. 4. P. 347. Запись от 5 декабря 1872 г.).

31 Ibid. T. 4. P. 351.

32 См.: Тургенев. Письма. Т. X. 1965. С. 50.

33 См.: *Silberstein Ilia*. Le roman «Guerre et Paix» et la France. Ivan Tourguéniev s'emploie à faire connaître le roman de Tolstoï (Роман «Война и мир» и Франция. Тургенев — распространитель романа Толстого) // Tolstoï aujourd'hui. Paris, 1980. P. 225–232.

34 См.: *Шульц К.* Толстой в Германии // Литературное наследство. Т. 75. Кн. 2 (Толстой за рубежом). М., 1965. С. 208. Первый французский перевод «Войны и мира» был выполнен княгиней Паскевич в 1879 г.

35 Лишь полная публикация переписки Мишле за 1873 г. позволит прокомментировать и научно обосновать его письма к Тургеневу. Мы, однако, можем констатировать, что мнение Мишле за двадцать лет решительно изменилось. Утверждавший ранее, что «России не существует», отрицавший существование русской литературы, теперь он провозглашает «симпатию к славянам, к вашей великой нации» (письмо № 6). См.: *Kemball Robert*. Michelet face au panslavisme: «La Russie n'existe pas» // La Gazette littéraire (Lausanne). 13–14 mai 1972; *Cadot Michel*. Herzen and Michelet: or what is Russia's real face? // Alexandre Herzen and European Culture / Edited by M. Partridge. Cotgrave, 1984. P. 43–57. Роль Тургенева не только как источника сведений, но и исторического советчика Мишле заслуживала благодарности, которую последний выразил в двух примечаниях к своей «Histoire du XIXe siècle» («История XIX столетия») (Paris, 1875. T. 2. P. 21; T. 3. P. 51).

Пер. Н. Генераловой

Три французских издателя Тургенева
(по неизданной переписке)

Совпавшие по времени юбилеи побудили меня объединить под одним заголовком трех парижан, которые и при жизни, и после смерти Тургенева способствовали тому, чтобы его творчество и его письма стали известны во Франции.

Пьер Жюль Этцель (1814–1886)

Столетие со дня смерти Пьера Жюля Этцеля, детского писателя и издателя Сервантеса, Перро, Стендаля, Бальзака, Гюго, Жорж Санд, Александра Дюма, Жюля Верна, Тургенева и других современных писателей, было отмечено международным симпозиумом, который проходил в Нанте с 9 по 11 мая 1986 г. Биография Этцеля[1], публикация сотни полученных им в течение почти двадцати лет (1862–1881) от Тургенева писем[2] и исследование, которое посвятил ему английский ученый Патрик Уоддингтон[3], дают полное представление об отношениях Тургенева и Этцеля. Тем не менее, некоторые документы, остающиеся неопубликованными, заслуживают быть обнародованными[4].

Тургенев познакомился с Этцелем в 1860 г. через их общего друга Луи Виардо. Издатель «Сказок» Перро, иллюстрированных Гюставом Доре (1862), хотел продать в России гравюры знаменитого художника: он предложил Тургеневу подготовить русское издание. Тургенев согласился подготовить перевод «Сказок» Перро на русский язык и написать к ним предисловие. После долгих проволочек он, в конце концов, выполнил обещание благодаря помощи двух людей — Николая Щербаня и Наталии Рашетт[5]. Книга с иллюстрациями Доре вышла в свет в издательстве Воль-

фа в Петербурге в 1866 г. В предисловии к ней Тургенев использовал некоторые сведения о Шарле Перро и кое-какие оценки его творчества из очередного тома «Понедельников» Сент-Бева[6].

Начало сотрудничества Тургенева и Этцеля положил, таким образом, перевод произведений французского автора — случай почти исключительный в деятельности русского писателя[7]. Впоследствии обнаружится, с какими усердием и увлечением оба писателя будут заниматься изданием тургеневских сочинений, первый — переводя собственные произведения или просматривая работу переводчиков, второй — помогая автору советами и готовя для французского читателя объемистые тома в огромном здании, что располагалось в доме № 18 по улице Жакоб. За четверть века книгоиздательство Этцеля выпустит одиннадцать томов под следующими названиями:

«Une nichée de gentilshommes» (1861)[8];
«Dimitri Roudine» (1862)[9];
«Fumée»[10] (с предисловием Мериме) (1868);
«Nouvelles Moscovites»[11] (1869);
«Étranges histoires»[12] (1873);
«Les eaux printanières»[13] (1873);
«Les reliques vivantes»[14] (1876);
«Terres vierges»[15] (1877);
«Souvenirs d'enfance»[16] (1885);
«Œuvres dernières»[17] (1885);
«Un Bulgare, A la veille»[18] (1886).

Таким образом, за 25 лет Этцель опубликовал почти все прозаические сочинения Тургенева: пять романов из шести и все повести[19]. Число переизданий выглядит впечатляюще: «Дым» — 7 раз, «Новь» и «Московские повести» — 5, «Рудин» и «Дворянское гнездо» — 4, «Странные истории», «Вешние воды» и «Живые мощи» — 3. Из неопубликованного письма Этцеля Тургеневу от 25 октября 1875 г.[20] мы узнаем, что книга в восьмую долю листа по 3 франка выпущена тиражом в 2000 экземпляров, что составляет два издания по тысяче экземпляров. Издатель объясняет своему автору, что поскольку объявления (о выходе книги. — *Ред.*) очень дороги, он может оплатить авторские права (40 сантимов за том) лишь с третьего тиража. Таким образом, Тургенев впервые за время печатанья своих сочинений у Этцеля, то есть спустя 15 лет, получил за 3000 проданных дополнительно экземпляров сумму в 1200 франков за использование своих авторских прав (6 названий, изданных по 500 экземпляров)[21].

Тургенев был прекрасно осведомлен, какими тиражами выходили переводы иностранных авторов: в 1868 г. он справедливо замечал, что ни одна из его переведенных книг не продавалась тиражом более 2400 экземпляров[22]. «Такие утонченные книги, как Ваши, не могут иметь массового успеха», — говорил ему Этцель[23]. И русский писатель мог считать, что ему повезло быть опубликованным во Франции.

Альфонс Доде полагал, что понял причины, по которым Этцель публиковал этого автора: «Он печатал Тургенева из сострадания». На что издатель возражал ему: «Я печатал книги русского романиста, хотя знал, что они не будут иметь успеха у широкой публики; я печатал их потому, что они очаровали меня, потому, что я придавал им большое значение»[24]. Забывая о финансовой выгоде, Этцель действовал из любви к искусству, а также потому, что считал необходимым познакомить нашу публику с творчеством Тургенева в силу его общественной пользы и нравственного вклада этого писателя в общечеловеческие ценности. Он великолепно понял истинный смысл последнего романа своего друга — «Новь», появление которого подняло в России бурю возмущения, как справа, так и слева. Сторонник беспристрастности и уравно-

Пьер Жюль Этцель.
Около 1860

вешенности, как в литературе, так и в жизни, Этцель открывает в символическом названии романа то, что еще предстоит открыть, не известного ему Тургенева. С политической точки зрения, роман проникнут идеей цивилизации, то есть прогресса постепенного, а не жестокого революционного преобразования мира[25]. Светлый образ Соломина восхитил издателя:

> Если у вас достаточно Соломиных, то в России ничто не потеряно.
>
> У нас в них нет недостатка, именно на них все зиждется, ими движется вперед. Это медленные рычаги, которые потихоньку поднимают любой груз и позволяют нам вынести все, не будучи раздавленными его тяжестью.
>
> Я был доволен и несколько удивлен, увидев эту книгу вышедшей из-под вашего пера[26].

Тургенев и Этцель работали сообща в полном согласии, под знаком полного доверия и в силу глубокой братской дружбы[27]. Обмен услугами был вполне уместен: радуясь возможности публиковаться во Франции, Тургенев нередко приходил на помощь своему издателю. Будучи в ссоре с Толстым в течение десяти лет, он, тем не менее, хочет, чтобы Этцель познакомил Францию с его повестями, которые считает подлинными шедеврами[28]. Он знакомит Этцеля с украинской писательницей г-жой Маркович, писавшей под псевдонимом Марко Вовчок, чью литературную карьеру он всегда поддерживал. В период с 1869 по 1875 г. она переводит на русский язык для книгоиздательства Этцеля несколько романов Жюля Верна[29] и даже предлагает издателю свой собственный роман «Маруся». Тургенев комментирует и правит, по просьбе своего друга Этцеля, «переписанный» последним роман г-жи Маркович, плохо читаемый по-французски[30], просматривает рукопись романа Жюля Верна «Мишель Строгофф», которую ему вручил издатель с целью избежать анахронизмов и нелепостей в отношении русской истории[31]. По просьбе Этцеля Тургенев готовит даже вступительную речь во Французскую академию для Жюля Сандо, по случаю приема де Ломени на место ушедшего Мериме: Сандо желал использовать в своей речи личные воспоминания Тургенева о Мериме, которого тот хорошо знал[32].

Дружба двух людей, созданных, чтобы понимать друг друга, дважды была серьезно поколеблена в 1878 г. Присущее Тургеневу обостренное чувство справедливости заставило его откровенно

возмутиться, когда коммерческий интерес и погоня за престижем побудили Этцеля поступиться дружбой.

В марте 1878 г. Этцель выпустил в свет новый перевод «Дон-Кихота» в переводе Люсьена Биара. Рекламный анонс, написанный издателем, извещал, что французская публика наконец-то будет располагать хорошим переводом шедевра Сервантеса. Это «наконец-то» в буквальном смысле потрясло Луи Виардо: его собственного перевода, дела его жизни, как будто не существовало. Тургенев целиком разделял чувства Виардо и сообщил об этом Этцелю, который сказал в свою защиту, что не мог анонсировать перевод Биара как худший по сравнению с предыдущими[33].

Спустя несколько месяцев другая история подлила масла в огонь. Этцель, о чем шла речь ранее, присвоил себе роман г-жи Маркович «Маруся», напечатав в качестве автора на обложке собственное имя, с упоминанием в подзаголовке: «по легенде Марковочок», причем неверное написание имени делало источник еще менее ясным. Краткая сноска на страницах 3 и 4 сообщала, что «история “Маруси”, написанная нами в 1873, была опубликована в журнале “Тан” в декабре 1875 г.». Тургенев усмотрел в этом форму плагиата и даже покушение на «литературное и международное право», поскольку автор был таким образом лишен права собственности на свой роман, а никак не на «легенду»[34].

Переписка затихает и, в конце концов, прекращается в 1881 г. Тем не менее, Этцель, верный своим обязательствам, продолжает издавать произведения Тургенева после его смерти.

Не опубликованное ранее письмо, которое мы приводим ниже[35], представляет собой отрывок продолжительного делового диалога между писателем и его издателем, которые вместе готовили сборник произведений Тургенева.

> Мой дорогой Этцель,
>
> Я бы очень хотел угодить г-ну Пагонкину[36], чье предложение очень для меня лестно; но все мои вещи — или почти все — хорошо ли, плохо ли — переведены, а роман, который я сейчас пишу и который бы с удовольствием предоставил в распоряжение г-на П., еще далек от завершения[37]. Между тем вот что можно сделать: помнится, я продал Вам том рассказов, уже опубликованных, — и я даже вижу на обложке Ваших изданий объявление о выходе этого тома под заглавием «Последние повести». Я не думаю, что он уже вышел; он должен состоять из:

1) «Аннушка» («Ревю де де монд»)[38],
2) и 3) «Петушков» и «Жид» («Ревю насьональ»)[39]
и 4) Маленькая пьеса, также опубликованная в «Ревю де де монд», под названием «Где тонко, там и рвется»[40].

Вот что можно было бы сделать, если Вы не отказались от намерения выпустить этот том: дать г-ну П. перевести заново повесть, озаглавленную «Аннушка», перевод которой оставляет желать много лучшего — и заменить пьесу, впрочем, весьма слабую, моей вещью под заглавием «Призраки»[41] в переводе Мериме (он также просмотрел рассказы «Жид» и «Петушков»). Я не сомневаюсь, что он захочет взглянуть на перевод г-на П. Таким образом можно бы составить весьма приличный том. — «Призраки» нигде не публиковались. — Мериме намерен приехать в Париж в марте — я постараюсь тоже приехать. Если Вы желаете, я поговорю с ним обо всем этом в письме. — Я бы рад быть полезным г-ну Пагонкину.

Я отослал в Лейпциг последнюю корректуру «Сказок»[42] с разрешением на публикацию — уже более десяти дней тому назад; теперь от Вольфа зависит завершение этого дела. У него репутация человека себе на уме, но порядочного — то есть такого, который платит[43].

Вот адрес художника Людвига Пича в Берлине[44]: Bendler Strasse, N 17a. — Закажите ему что-нибудь — он выполнит работу быстро и недорого.

Я был очень огорчен смертью этого добрейшего Бикси[45] — и я весьма признателен Вам, что вспомнили обо мне по поводу обеда, основанного им. — Буду весьма счастлив сидеть рядом с Вами по приезде в Париж. А пока передайте от меня привет всем приглашенным на обед и примите уверение в моей преданности.

И. Тургенев

В заключение представляем статью, которую Тургенев хотел видеть напечатанной в какой-нибудь парижской газете. Русский вариант ее был отослан в «Санкт-Петербургские ведомости», где статья появилась в № 110 от 23 апреля /5 мая 1869 г. под заглавием «Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре»[46]. Что касается французского текста, подготовленного автором по настоянию Этцеля, то он был отвергнут газетой «Журналь де дебат», главным редактором которой был друг Этцеля.

Причины отказа очевидны: статья воспринимается скорее как панегирик бывшей певице, которая стала композитором и снискала в Германии едва ли не всенародную известность, чем как рецензия музыкального критика. Накануне войны между Пруссией и Францией добровольное изгнание в Баден-Баден семьи Виардо, бежавшей шесть лет тому назад от ненавистного режима Наполеона III, было некстати, чтобы понравиться парижским журналистам. Помимо всего, к 1869 г. г-жа Виардо была забыта во Франции, и не восхваляющей ее статье, написанной иностранцем, к тому же соавтором произведения, поставленного в Веймаре (оперетты «Последний колдун»), суждено было воскресить ее славу. Что касается Тургенева, всю вину за отказ он взял на себя. Сначала он полагал, что статья слишком пространна и сократил ее вполовину; но даже в этом виде она не прошла. «В “Les Debats” правы, и Вы также: это слишком похоже на протокол — и я был смущен», — признавался он Этцелю 10 мая 1869 г.[47] 30 мая он смиряется с окончательным отказом: «Вижу, что мое веймарское письмо не пройдет: я сам виноват; я должен был сделать его более занятным»[48]. На самом деле, он рассчитывал на вмешательство Этцеля, который, по его мнению, должен был подредактировать текст, сделав его более подходящим для прессы. Уверенность Тургенева в том, что друг окажет эту услугу, основывалась на том, что за два года до того Этцель напечатал в «Журналь де дебат» статью о представлении, на котором он присутствовал 5 сентября 1867 г., другой оперетты г-жи Виардо («Слишком много жен»), написанной на либретто русского автора[49].

Тургенев придавал большое значение этой параллельной публикации в России и во Франции. «Поместите его где-нибудь без промедления. Это необходимо», — просил он Этцеля[50]. Десятью годами ранее именно он убедил композитора и музыкального критика Александра Серова содействовать появлению в петербургском еженедельнике русского перевода статьи Ф. Листа о Полине Виардо[51]. В то время как венгерский музыкант в основном хвалил вокальные данные артистки, находившейся тогда на вершине своей карьеры, Тургенев выявил новый аспект ее творческого дара, ее способность к композиции, подкрепляя свое мнение самыми высокими современными музыкальными авторитетами: Листа, Брамса, Клары Шуман, Антона Рубинштейна[52].

Итак, извлечем из забвения статью Тургенева, не принятую «Журналь де дебат», с тем, чтобы познакомить с нею, спустя

117 лет, читателей нашего журнала[53]. Читатель оценит легкость французского стиля и прекрасное описание города Веймара, убежища, где воссоединились в мыслях и в сердце нашего путешественника литература, живопись и музыка.

Баден-Баден
20 мая 1869[54]

Мой дорогой друг,

Я обещал рассказать Вам мою поездку в Веймар — и вот, вернувшись оттуда в Баден-Баден, берусь за перо <правда, с небольшим опозданием, но ведь мы в Баден-Бадене и на дворе май>. Вы знаете, что к этой поездке меня побудило первое исполнение на веймарском театре оперетки «Последний колдун», музыка которой принадлежит г-же Полине Виардо, а текст — мне. «Последний колдун» — вторая из трех опереток, написанных ею. Первая из них была написана к семейному празднику; дети и ученицы г-жи Виардо приняли в нем участие.

<Вам известно, что ею основана своеобразная музыкальная консерватория, настоящая школа певчих птиц, где традиции высокого стиля, одним из последних и лучших представителей которого она является, блюдутся с тем чувством ответственности и дисциплины, которое немцами зовется пиететом (pietet).>

Попытка удалась. В зале моего дома устроилось подобие театра — и с тех пор уже довольно многочисленная публика, в рядах которой находились первоклассные музыкальные авторитеты, могла оценить замечательный композиторский талант г-жи Виардо. Слух о наших представлениях дошел до великого герцога Веймарского (сестра его, прусская королева, была одною из самых постоянных наших посетительниц). Он пожелал поставить одну из опереток на сцене своей столицы <по случаю чествования великой герцогини 8 апреля>. Особенно горячо принялся за это дело находившийся тогда в Веймаре Лист. Ознакомившись с партитурой г-жи Виардо, он стал настоятельно требовать ее безотлагательного исполнения. Благодаря неутомимой деятельности веймарского капельмейстера г-на Лассена и несмотря на кратковременный срок, все поспело вовремя. Оперетка была превосходно инструментована, согласно с указаниями г-жи Виардо, г-ном Лассеном, а музы-

кальный критик и прекрасный литератор Рихард Поль перевел французский оригинал на немецкий язык.

Сюжет оперетки очень не сложен. Где-то далеко, за тридевять земель, живет в большом лесу колдун, по прозванию Кракамиш. Он был некогда очень могуч и грозен — но волшебство его выдохлось — сила ослабела — и теперь он едва перебивается, в поте лица добывая своим волшебным жезлом лишь насущное пропитание. Великолепные палаты, им воздвигнутые, понемногу съежились в жалкую хижину; слуга его, великан и силач, способный ворочать горами, как сахарными головами, превратился в тщедушного и тупоумного карлика. <Одним словом, это упадок могущества; сюжет, как видите, весьма современный.> Кракамишу этот упадок собственного значения еще потому особенно чувствителен, что у него дочь, которой он готовил блестящую будущность... В том же лесу обитают духи женского пола — эльфы; ими предводительствует царица. Эти эльфы — заклятые враги Кракамиша; <его жилище грубо и тяжеловесно, как все, созданное руками человека, оно портит их приятное времяпровождение. Пользуясь ослаблением его могущества, они разыгрывают над ним самые злые шутки. Между прочим, они заставляют его поверить в то, что к нему послано кохинхинское посольство, издавна приносившее дань. Простак> держит перед ними нечто вроде тронной речи; он говорит им о «престиже» своего имени, о своей династии... Прусский король, видевший два раза нашу оперетку, особенно забавлялся этим пассажем... <Ведь речь шла об утраченной силе... И это относилось не к нему>.

В соседстве леса живет один, <тоже не утративший могущества> царь; у него сын, принц Лелио. Царица эльфов взяла его под свое покровительство и хочет женить на Стелле, которую она полюбила, несмотря на то, что она дочь ее врага, и, конечно, достигает своей цели. На это, как видите, незатейливое либретто, г-жа Виардо написала поистине прелестную музыку.

<Сначала идут хоры, полные живости и свежести, прелестные арии, любовный дуэт, который мог бы быть вложен в уста Ромео и Джульетты. Во всей этой небольшой партитуре царит тонкая грация, мечтательная и в то же время игривая фантазия. Это напоминает светящиеся сумер-

ки. Это тонко, нежно и в то же время четко по рисунку и правдиво по колориту. Мое личное мнение не много стоит, но, повторяю, оно согласуется с мнением многих музыкальных авторитетов, во главе которых следует поместить аббата Листа. Решительная оценка им сочинения г-жи Виардо исключает всякую мысль о том, что это комплимент, отпущенный даме.>

Я приехал в Веймар за два дня до первого представления и воспользовался предстоящим мне досугом, чтобы ознакомиться с «Германскими Афинами», в которых до тех пор еще не бывал, в чем мне, как заклятому гетеанцу, даже несколько стыдно признаться. Мне очень понравился этот небольшой городок, весьма бедный удобствами и вообще <так называемыми> красотами (за исключением весьма миловидной местности), но богатый неизгладимыми воспоминаниями. Они живут в нем до сих пор, эти воспоминания; они не утратили своего обаяния. Всякий приезжий ощущает их несомненное веяние, и современная жизнь Веймара доселе как бы носит отпечаток тех великих личностей, которыми освящено все ее прошедшее. Особенное чувство овладевает вами, когда вы ходите по классическим местам. Я, конечно, сходил поклониться дому Шиллера, его бедной комнатке, <непритязательной> кровати, на которой он умер и от которой с презрением отказался бы теперь всякий несколько зажиточный ремесленник. Дом Гете, к сожалению, недоступен. Он не был приобретен казною, подобно шиллеровскому дому, и внуки <великого поэта> не позволяют никому посещать <эту национальную святыню>. Я мог проникнуть только <в вестибюль> и, признаюсь, не без тайного смущения глядел на женскую фигуру, намалеванную на потолке сеней, по распоряжению самого великого старца. Невозможно понять, что представляет эта фигура: округлая складка покрова над ее головою подобна шляпке гриба, — но она безобразна! Я уже прежде подозревал, но в Веймаре наглядно мог убедиться, что Гете обладал самым дурным вкусом в деле ваяния, живописи и архитектуры! Творец «Фауста», «Германа и Доротеи» и стольких неподражаемых поэтических произведений являлся каким-то бездарным и тяжелым школяром, как только вопрос касался художества... Утешение для посредственности!

Но идти замедленными шагами по дорожке прекрасного, им насажденного парка, вдоль Ильма — речки, на которой лежит Веймар; идти и, не спуская глаз с крохотного загородного дома, в котором проводил время величайший поэт новейшего времени после Шекспира, мысленно повторять некоторые из бессмертных слов, завещанных им потомству, — это доставляет особенное, мною еще не испытанное наслаждение — и я предавался ему по часам. В Веймаре на каждом шагу возникают воспоминания. Вот сумрачный на вид дом, где жила г-жа Штейн. Вот обитая древесною корой хижинка, куда скрывался <от навязчивых посетителей> друг поэта, великий герцог Карл Август. Вот площадь, где они оба, в избытке самоуверенных сил и молодой дерзости, однажды целое утро хлопали <кучерскими> бичами к ужасу почтенных филистеров <города Веймара. Именно по этому случаю непреклонный Клопшток написал Гете тот строгий выговор, который повлек за собой их разрыв>.

А вот и двойная статуя, воздвигнутая Ритчелем в честь <немецких Диоскуров>, статуя, по которой ваятели могут учиться, как надо делать, — а вот и статуя бедного Виланда, по которой можно судить, как не надо делать. Творец «Оберона» представлен с головою в виде арбуза, с головою гидроцефала. — Я воспользовался также моим пребыванием в Веймаре, чтоб посетить собрание оригинальных рисунков Рафаэля, Рубенса, Леонардо да Винчи и др., находящееся в великогерцогском дворце. В числе этих рисунков особенно замечательны собственноручные эскизы голов апостолов в знаменитой «Тайной вечери» Леонардо да Винчи. При почти полном истреблении фрески в Милане, эти эскизы представляют сокровище неоцененное.

Первое представление нашей оперетки происходило, как я уже сказывал вам, в день рождения великой герцогини. В подобные дни этикетом возбраняется всякое изъявление одобрения, не обращенное к самой виновнице торжества. — Мы знали заранее, что публика в тот вечер не будет в состоянии высказать свое настоящее мнение, а потому я смотрел на это первое представление как на парад; настоящее сражение должно было произойти позже. Признаюсь, я находился в довольно сильном волнении. Либретто, написанное для салона, могло показаться на сцене слишком не-

достаточно развитым, слишком наивным, почти детским. Перемена рамы, в которую вставляется картина, часто меняет ее самое. Что касается исполнения, то беспокойство было бы неуместным. Оркестр был отличный и достойный своего капельмейстера. Баритон, г-н де Мильде (Кракамиш), — едва ли не лучший певец в Германии. Остальные роли также были хорошо исполнены г-жами Рейс, Барнэй, Подольской и г-ном Кноппом. Один хор мог бы быть полнее и с более свежими и верными голосами — <но он искупал это усердием>. Декорации, костюмы — все было очень удовлетворительно. Театр являет весьма мизерный вид с внешней стороны; но самая зала очень мила и изящна: ее недавно отделали заново. — Во главе дирекции стоит г-н фон Лоен, джентльмен в лучшем смысле слова.

Первое представление сошло весьма благополучно. — Хотя публика все время безмолвствовала и, проникнувшись торжественностью «минуты», даже смеялась умеренно, но нельзя было не чувствовать, что «Последний колдун» нравился. Не происходило того едва заметного, но томительно постоянного шелеста, того своеобразного шороха, который непременно возникает в большом собрании людей, когда они скучают, и который — что греха таить! — я слыхивал не раз при исполнении мною некогда сочиняемых комедий. Опасения мои насчет того, не покажется ли либретто слишком наивным, не оправдались, а поэзия и грация, присущие музыке г-жи Виардо, несомненно сказывались. В антракте явились в директорскую ложу, <где я находился вместе с г-ном и г-жой Виардо>, два официальных лица, посланных от великой герцогини и от <ее величества> прусской королевы, и поздравили г-жу Виардо. То же повторилось и по окончании второго акта. Многие музыканты оркестра, в числе которых находится и молодой Жозеф Серве, виолончелист, как и его отец, и обещающий идти по его стопам, также выразили свое удовольствие. К сожалению, тот, чье поздравление имело бы больший вес, кто первый все привел в движение — Лист — был в отсутствии; он находился в Вене, куда его отозвало исполнение его оратории «Святая Елизавета». Через три дня «Последний колдун» был дан во второй раз, и с положительным успехом. Веймарская публика, которая, как слышно, отличается особенной сдержанностью,

аплодировала почти каждому нумеру — а по окончании единодушно вызвала г-жу Виардо. <Весь оркестр присоединился к этому.>

Г-н де Мильде и девица Рейс <справились со своей задачей столь же хорошо, как и в первый раз>. Прекрасен был также г-н Кнопп, исполнявший роль Перлимпинпина (так звали слугу Колдуна). В первое представление он ошибся. Желая удержать в зрителях воспоминание о том, что Перлимпинпин некогда из великана превратился в карлика, он устроил себе огромную голову, широкое туловище и ходил, скорчивши ноги. — Впечатление выходило тяжелое и неприятное. Он тотчас это понял и во второй раз совершенно переменился. <Костюм, манера держаться, лицо — все преобразилось.> Он сделал из себя настоящего дурачка и каждым словом смешил публику. <Лишь очень одаренный артист способен на такой tour de force (зд.: трюк — *фр.*).>

На следующий день великий герцог явился с визитом к г-же Виардо и заказал ей для будущего сезона настоящую трехактную оперу, прибавив, что радуется тому, что <столь знаменитому разными своими заслугами Веймару суждено было первому в Германии познакомиться с женщиной-композитором>.

В этом именно для всех нас, друзей г-жи Виардо, и заключался вопрос. Мы все знали, что она должна была, сверх других затруднений, еще бороться с предрассудком, не допускающим, чтоб одна и та же личность могла последовательно достигнуть замечательных результатов в двух различных родах. <Многие примеры > могли явиться подпорой и подтверждением этого предрассудка. Только успех может победить его. Зная сочувствие, которое Вы питаете к г-же Виардо и ее произведениям, я вменил себе в приятный долг сообщить вам сведение о первом и успешном шаге, сделанном ею на новом поприще.

Воспроизводя подлинные события, я не должен забыть сказать вам, что вечер начался одноактной оперой, <озаглавленной «Пленник»>, сюжет которой заимствован <г-ном Кормоном> из «Дон-Кихота», а музыка принадлежала капельмейстеру Э. Лассену. <Эта опера блестяще подтвердила репутацию, приобретенную ею на других сценах>.

Примите, мой дорогой друг, и проч.

Ив. Тургенев

Жюльетта Адан (1836–1936)

Кажется, Тургенева познакомил с Жюльеттой Адан Гюстав Флобер в середине 1870-х гг., в ее салоне на бульваре Пуассоньер, где собирались писатели, художники и политические деятели. В июне 1876 г. Тургенев пишет ей из Спасского письмо с соболезнованиями по поводу смерти их общего друга Жорж Санд[55]. В феврале 1879 г. он выступает перед Жюльеттой Адан посредником с целью добиться для Флобера звания библиотекаря в Библиотеке Мазарини. Именно у нее произойдет неприятная встреча писателя с Гамбеттой[56].

Г-жа Адан испытывала симпатию к России, историю которой изучала благодаря недавно появившимся трудам Альфреда Рамбо[57]. Книги Тургенева открывают ей «русскую душу» и ее несбыточные мечты. Еще до основания журнала «Нувель ревю», в октябре 1879 г., она приглашает Тургенева в нем участвовать. 24 августа она пишет ему:

> Мой дражайший и знаменитейший Мэтр!
>
> Я сделала глупость, сказав Вам, что представлю Вас читателям первого января. Все твердят мне, что я должна сделать это 15 декабря, чтобы, воспользовавшись Вашей любезностью и благодаря Вашему прекрасному и доброму таланту, обеспечить много подписчиков к январю.
>
> Вы не можете не захотеть помочь мне в этом важном начинании, а потому рассказ г. Тургенева будет напечатан у меня 15 декабря.
>
> Примите, дорогой Мэтр, мои благодарность и восхищение.
>
> Ж-та Адан[58]

30 августа Тургенев предупреждал Флобера, что он даст ему для просмотра корректуру рассказа, который готовится к концу ноября[59]. Судя по сообщению Флоберу, Тургенев приготовил его к 6 ноября[60]. На следующий день г-жа Адан, обеспокоенная отсутствием рукописи, вновь обращается к автору: «Извините мое нетерпение, но мне кажется, что без рукописи Ивана Тургенева участь моя не будет решена»[61].

Тургенев предложил г-же Адан первую публикацию фрагмента его воспоминаний о революции 1848 г. — рассказ «Месье Франсуа», который появится в «Нувель ревю», как того и хотела

главный редактор журнала, 15 декабря 1879 г., до опубликования его на русском языке в составе тома. Имя Тургенева значится в списке сотрудников журнала в первом номере, на странице 234.

8 мая 1880 г. умер Флобер. Тургенев, как известно, взялся за создание комитета по увековечиванию памяти писателя[62]. Он также вел переговоры с г-жой Адан по поводу публикации в «Нувель ревю» незавершенного романа Флобера «Бувар и Пекюше». Племянница французского писателя г-жа Комманвиль и ее муж доверили русскому другу заключить контракт с издательницей «Нувель ревю».

Мой великий друг,

Я знаю, что Вы уполномочены вести со мной переговоры относительно романа Флобера. Ловлю Вас на слове. Приходите ко мне, прошу Вас, завтра, в субботу, от двух до трех часов.

Приветствую.

Пятница.
Ж-та Адан[63]

Жюльетта Адан.
Гравюра Леопольда Фламана

Наконец, 29 ноября 1880 г. контракт был подписан[64], и в следующем году роман вышел в свет.

Флоберу Тургенев посвятил также повесть «Песнь торжествующей любви», которая появилась в журнале г-жи Адан 15 ноября 1881 г. При чтении этого фантастического рассказа писательницу бил озноб от испытанного впечатления, она испытывала гордость за то, что приобрела его для «Нувель ревю»[65]. Спустя три дня она обнаруживает в одной газете объявление о новом романе Тургенева. Адан отрывает его и посылает Клоди, второй дочери г-жи Виардо, и ее мужу:

Нувель ревю (La Nouvelle Revue)
23, бульвар Пуассоньер
Париж
Дирекция

Париж, 5 сентября 1881

Мои обожаемые дети,

Мне нужны вы и Дефур. Приходите с ним в среду. Вот что я вычитала в одной газете. Клоди, во что бы то ни стало, этот роман должен быть моим. Я оплачу его золотом.

До среды! Необходимо прихватить с собою мамочку!

Ваша Ж. Адан

Вырезка из газеты:

Лондонский «Athenaeum», говоря о пребывании в столице г-на Тургенева, сообщает, что 21 числа текущего месяца в его честь был дан обед несколькими представителями английской литературы и что на самом деле этот обед является лишь прелюдией к банкету, который собираются дать в честь русского писателя. Кроме того, английский журнал собирается дать сведения о новом романе, предпринятом Тургеневым. В нем он намерен вывести на сцену беспокойную часть русского просвещенного общества, которой он уже коснулся в романе «Новь». Однако развитие главной мысли в этом новом произведении будет несколько отличаться от той, что представлена в первом произведении. Г. Тургенев намерен показать глубокое различие, которое существует между русским социализмом и социализмом западноевропейским. На этот раз он выведет несколько персонажей, выдающих себя за спасителей человечества

и желающих улучшить его судьбу посредством революционных методов. Автор предполагает показать, до какой степени бесплодными по результатам являются попытки русских социалистов привлечь к своему делу французских и, в более широком смысле, западных социалистов[66].

Г-жа Адан пытается получить для своего журнала произведения Тургенева через Клоди и Жоржа. Жоржу Шамро было поручено передать ей большую повесть, озаглавленную «После смерти». Г-жа Адан желает получить ее вовремя, чтобы успеть прочитать ее и поблагодарить автора[67]. Тургенев в особенности не хочет видеть повесть разделенной в печати на две части; он скорее готов отказаться от гонорара и быть опубликованным позднее[68]. «После смерти» появится в «Нувель ревю» 15 января 1883 г. Это будет последнее прижизненное участие его в журнале: Иван Сергеевич будет прооперирован по поводу невромы в брюшине зятем Ж. Адан доктором Полем Сегоном. Когда он, уже тяжело больной, будет находиться в Буживале, г-жа Адан напишет письмо Клоди Шамро, в котором выразит глубокую и нежную привязанность к русскому писателю[69].

Илья Гальперин-Каминский (1858–1936)

Илья Данилович Гальперин-Каминский родился 9 апреля 1858 г. в Василькове, под Киевом, после учебы в лицее Севастополя он приехал продолжить обучение на факультете наук в Париже, где и поселился в январе 1880 г. Он мог бы познакомиться с Тургеневым в последние годы его жизни. Хотя эта встреча не состоялась, Гальперин-Каминский, по крайней мере, принял знамя из рук писателя-космополита, основав в декабре 1883 г. двуязычное периодическое издание «Франко-Рюс» («Le Franco-Russe»).

Более полувека это журналист и переводчик[70], принявший французское гражданство в 1900 г., содействовал распространению русской литературы во Франции. Он перевел на наш язык Пушкина, Гоголя, Толстого, Тургенева, Достоевского, Некрасова, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Гаршина, Горького, Чехова. Он занимался также переводами с сербского, болгарского, польского языков (например, опубликовал во французском переводе несколько романов Сенкевича).

Деятельность Гальперина носила разносторонний характер: сначала он преподавал гигиену в Ассоциации республиканской

молодежи (1883), затем был секретарем редакций научных журналов, затем, наконец, занялся литературной критикой. Приписанный к кабинету министра иностранных дел (1884–1894), он выполнял поручения различных министерств, связанные с литературными, научными и коммерческими делами (1894–1902). Переговоры, которые он вел, позволили ему достигнуть хороших результатов в вопросе об интеллектуальной собственности французских писателей в России: том самом авторском праве, которым занимался Тургенев во время Международного литературного конгресса в Париже в 1878 г. Будучи профессором русского языка в Лицее Кондорсе (1892–1893), затем в Высшей школе торговли и в Школе высшего торгового образования для женщин (1916–1918), Гальперин участвует во многих международных конгрессах, получает награды, например, от Академии, является членом Литературного общества, Общества музыкальных и драматических авторов, вице-президентом Международной литературной и художественной ассоциации и делегатом от профсоюза иностранной прессы. Он сотрудничает в многочисленных газетах и журналах обеих стран[71].

Его вклад как переводчика, издателя и исследователя весьма значителен. Тем не менее, этот первопроходец в деле распространения русской культуры во Франции при жизни подвергался жесткой критике; он остался непонятым и даже намеренно неизвестным эмигрантской печати и Союзу советских писателей, представители которого не присутствовали на его похоронах[72]: Гальперин скончался 6 декабря 1936 г. Тургенев любил говорить, по поводу Гарибальди, «что роль честных людей на этом свете состоит почти исключительно в том, чтобы погибнуть с достоинством»[73].

Будучи незаурядной личностью, Гальперин-Каминский достоин гораздо более обстоятельного биографического очерка, чем наш. Мы, однако, вынуждены ограничиться здесь лишь его работами о Тургеневе. Отличительная их особенность состоит в том, что Гальперину первому удалось благоговейно собрать французскую часть переписки Тургенева вопреки препятствиям, с которыми неизбежно сталкиваются в такого рода исследованиях. И здесь снова Гальперин оказывается как бы учеником Тургенева, эрудированного гуманитария, разыскивающего и наводящего справки об архивах Баратынского, Пушкина, Гоголя или умершего друга Александра Герцена.

Для этой статьи нами использованы издания Гальперина, а также часть его личных бумаг, которые, увы, были разрознены

во время продажи их с торгов в 1975 г.[74] Пропавшая часть, содержащая большое число рукописей, представляет значительную утрату для истории литературы. Этот фрагмент истории литературы еще не изучен в полном объеме, несмотря на прошедший век исследований, который отделяет нас от событий, о которых идет речь. Вновь повторяются те же легенды, те же ошибки. Так, в 1-м томе второго академического издания писем Тургенева приводится утверждение, согласно которому часть писем Ивана Сергеевича за 1846–1871 гг., адресованная Полине Виардо, была якобы украдена им в 1870 г., во время франко-прусской войны, когда г-жа Виардо спешно уехала из Германии в Англию[75]. Спрашивается, каким образом письма с февраля по август 1871 г. могли находиться в ноябре 1870 г. в руках похитителя? Впрочем, эта история остается совершенно не ясной. Известно, что с 1886 по 1896 г. этими рукописями владел коллекционер из Прованса ветеринар Эмиль Додийон[76].

В 1887 г. Гальперин предпринял шаги в сторону Полины Виардо. Можно представить себе сложность задачи: начинающий публикатор, рискуя, является к престарелой даме в ее дом № 243 по бульвару Сен-Жермен. Должно быть, он ей понравился, свиде-

Илья Гальперин-Каминский

тельством чего являются полученные им копии фрагментов писем, которые она послала ему 4 января 1888 г.[77] Их переписка прекратилась в 1896 г.[78]

Гальперин взял на себя тяжелую миссию. Он сообщает г-же Виардо, что человек, в чьем распоряжении находится часть пропавших писем, не желает открыть свое имя. Письма будут возвращены владелице при условии их публикации. В ответ на этот шантаж г-жа Виардо выдвигает собственные требования: при условии возвращения автографов она будет принимать решение об их публикации. В течение трех лет, вплоть до 1900 г., Гальперин будет приносить ей пачки писем, которые она будет терпеливо перечитывать, отбирать, делая в верхней части первой страницы соответствующую надпись: «да», «нет», «разрешено», «снять копию», «взять частично», «может быть», «с купюрами». Противоречащие подчас друг другу надписи указывают на сомнения, которые испытывала г-жа Виардо. Письма отбирались по двум субъективным критериям: по желанию устранить всякий намек на лесть в отношении ее самой или членов ее семьи, особенно это касалось при-

Портрет Полины Виардо. Пастель Клоди Шамро-Виардо. 1894

вязанности Тургенева к ее детям[79], и по убеждению, что некоторые письма не представляют никакого интереса для публики[80]:

> Ввиду излишней, на мой взгляд, сдержанности, г-жа Виардо пропустила лишь страницы, содержащие не только безусловный общественный интерес, но также и те, где содержатся наименее лестные оценки самой певицы, снискавшей повсеместное восхищение стольких деятелей, причастных к лирическому творчеству; она удалила также те фрагменты, подчас целые письма, содержащие остроумные замечания, никогда не носившие характера злословия, по поводу известных лиц или пересыпанные подробностями частной жизни.
>
> Для меня, прочитавшего все письма, почти все следовало бы опубликовать. Действительно, нет ничего, что не привлекало бы в постоянном обмене мыслями двух художественных натур, связанных дружбой и духовной приязнью. Это настоящий дневник, написанный для родственной души, начатый зрелым человеком и завершившийся лишь со смертью автора[81].

Сделав выбор, г-жа Виардо собрала своего рода семейный совет, на котором решалось, разрешить или запретить публикацию[82]. Письма, получившие разрешение на публикацию, переписывались хозяйкой дома, ее дочерьми Клоди и Марианной и старинным другом семьи Луи Поме. Пассажи, подлежащие изъятию, отмечались прямо в рукописи, таким образом, копии оказывались измененными и искалеченными. Именно эти урезанные тексты и были опубликованы Гальпериным сначала в журнале[83], затем отдельным изданием в 1907 г.[84], при жизни Полины Виардо. Это издание он вновь осуществил в 1926 г.[85], уже после смерти певицы и ее дочерей Клоди, Луизы и Марианны. Новое издание соответствует первому: оно грешит отсутствием верности оригиналу, за что, в глазах читателей, ответственность лежит на публикаторе.

Поставленный перед дилеммой, публиковать тексты, представленные г-жой Виардо, или не публиковать их вовсе, Гальперин склонился к первому, весьма сомнительному, однако обусловленному обстоятельствами варианту. Тем не менее, личные бумаги Гальперина показывают, с каким тщанием он готовил эти письма: он внимательно переписывает эти письма, затем дает пе-

репечатывать их на машинке. Это образец добросовестного и непредвзятого исследовательского труда, лишенного предрассудков относительно предмета, которым он занимается и к которому испытывает почтение. Хотя в начале 1970-х гг. была предпринята полная публикация писем Тургенева к г-же Виардо по автографам[86], копии Гальперина не потеряли интереса в отношении писем, оригиналы которых исчезли[87]. Работа Гальперина по копированию писем является, повторяю, безупречной, и напрасно А. Гранжар упрекал его в ошибках прочтения и в произвольном переписывании[88], это целиком следует отнести на счет либо невнимания, либо неумолимой цензуры г-жи Виардо. Цензуры, которая распространялась и на письма к другим корреспондентам.

Полная и законная наследница Тургенева, Полина Виардо имела право на просмотр всех рукописей писателя. Когда Гальперин готовил издание переписки Тургенева с его французскими друзьями, которую публикатор предварительно отдавал на просмотр пожилой даме, она и здесь требовала сокращений. В письме от 4 июля 1896 г. она просит удалить из переписки эпизод неудачного сватовства Габриэля Форе к ее дочери Марианне, эту историю Тургенев рассказал в письме к своему другу Флоберу 8 ноября 1877 г.[89] Наконец, в качестве общего требования, г-жа Виардо желает, чтобы Гальперин убрал из писем все фрагменты, где идет речь о ее дочерях[90].

В 1896 г. Гальперин публикует в журнале «Космополис» («Cosmopolis») восемь писем Тургенева к его подруге, которые тотчас же появляются в «Русской мысли», что вызывает гнев г-жи Виардо. Она немедленно делает распоряжения, посылает в русские газеты и журналы заявление с протестом и даже получает от Главного управления по делам печати циркуляр от 27 ноября 1897 г., запрещающий все публикации писем Тургенева, адресованные к ней. Однако три года спустя она заявляет о том, что счастлива общаться с русскими читателями[91], что противоречит последующим запретам. Она уполномочивает Гальперина опубликовать в Англии первый сборник писем и даже радуется появлению этого увесистого тома[92].

Несмотря на очевидные трудности, перенесенные терпеливым издателем при подготовке второго сборника, он ценил тщательность, с которой г-жа Виардо отбирала письма ушедшего друга[93]. Тем не менее, суховатый тон переписки между владелицей и адресатом писем Тургенева и издателем удивляет. Причина раздражения законна: г-жа Виардо ненавидит «типа»[94], в чьих руках нахо-

дится личная переписка и чье имя ей не известно. Впрочем, это чувство было взаимным: Эмиль Додийон, в письме к Гальперину из Прованса от 29 декабря 1899 г., пишет, что представляет себе «неприятности, которые пожилая дама» наверняка доставила публикатору, и замечает по поводу содержания письма Тургенева от 23 февраля 1871 г.: «Г-жа В. способна вырезать весь этот пассаж. В самом деле поразительно, с каким тактом она отсекает самые интересные вещи»[95]. В январе 1900 г., при посредничестве Гальперина, коллекционер вернул по требованию владелицы все письма Тургенева, имевшиеся в его распоряжении, кроме одного, которое он оставил себе на память[96]. Гальперин-Каминский мог приступить к работе: его книга выйдет в свет через семь лет[97].

Примечания

Опубликовано в Cahiers Tourguéniev. № 10. 1986. P. 153–173.

1 См.: *ParmØnie A., Bonnier de la Chapelle C.* Histoire d'un éditeur et de ses auteurs: P.J. Hetzel (Stahl). P., 1953.

2 См.: Тургенев. Письма. Т. V–XIII. 1963–1968.

3 *Waddington P.* Some new light on Turgenev's relations with his French Publisher, Pierre-Jules Hetzel // The Slavonic and East European Review (London). Vol. LV. N 3. July. 1977. P. 328–347.

4 Ответные письма Этцеля к Тургеневу сохранились в архиве Этцеля благодаря снятым с них под копирку копиям. 25 из них хранятся в фонде Этцеля в Национальной библиотеке в Париже (n. a. fr. 16995) и относятся к периоду с 1867 по 1879 г. (ff. 288–349).

5 За неимением времени Тургенев смог перевести лишь две сказки: «Волшебницы» и «Синяя борода»; оставшиеся переводы он поручил Щербаню и Наталии Рашетт. Выполненные поспешно, они оставляют желать лучшего.

6 См. письмо Полины Виардо к Этцелю от июня 1865 г. — *ParmØnie A., Bonnier de la Chapelle C.* Op. cit. P. 457.

7 На русский язык Тургенев перевел также в 1877 г. две из «Трех сказок» Флобера: «Иродиаду» и «Легенду о св. Юлиане Милостивом». Но в основном он занимался переводом с русского языка на французский.

8 Так назвали роман «Дворянское гнездо» граф Соллогуб и А. де Калонн. Этцель ограничился перепечаткой издания, вышедшего в том же году в издательстве Дантю.

9 Под таким названием («Димитрий Рудин») вышел на французском языке роман Тургенева «Рудин» (*Ред.*).

10 «Дым».

11 «Московские повести».
12 «Странные истории».
13 «Вешние воды».
14 «Живые мощи».
15 «Новь».
16 «Воспоминания детства».
17 «Последние произведения».
18 «Болгарин, или Накануне». В год своей смерти Этцель завершает коллекцию опубликованных произведений Тургенева изданием романа «Накануне» в переводе Гальперина-Каминского.
19 В неопубликованном письме от 31 октября 1867 г. Этцель выражал желание издать полное собрание сочинений Тургенева, считая, что они не должны быть разбросаны по разным издательствам (B.N., n. a. fr. 16995, ff. 291–292).
20 Ibid., ff. 331–333.
21 Эти гонорары пришли как раз тогда, когда Тургенев собирался поселиться в своем шале в Буживале.
22 См. письма Тургенева к Этцелю от 25 апреля 1868 г. и к М. В. Авдееву от 30 апреля 1868 г. (Тургенев. Письма. Т. VII. 1964. С. 127, 130).
23 Письмо от 25 октября 1875 г.
24 См.: *ParmØnie A., Bonnier de la Chapelle C.* Op. cit. P. 640.
25 Своему русской издателю Стасюлевичу Тургенев объяснял, что под «плугом» следует понимать не революцию, а просвещение. См. письмо от 7 августа 1876 г. (Тургенев. Письма. Т. XI. 1966. С. 299).
26 Неизданное письмо Этцеля к Тургеневу от 15 мая 1877 г. (BN. N.a.fr. 16995. F. 338). Этцель не всегда был столь благожелателен к своему автору; он, например, критически относился к «Вешним водам», желая видеть в повести «happy end». Он советовал Тургеневу избавиться от «предвзятых мнений в духе Мериме», у которого все повести имели плохой конец. См. письмо от 24 августа 1872 г. (Ibid. Ff. 301–305; *ParmØnie A., Bonnier de la Chapelle C.* Op. cit. P. 565–566).
27 Этцель испытывал к Тургеневу подлинную привязанность, которая была взаимной: Тургенев называл Этцеля «другом, каких не найдешь нигде» и «издателем, которых не бывает на свете». Письмо от 24 ноября 1872 г. (Тургенев. Письма. Т. X. 1965. С. 24). Этцель послал к Новому году внучке Тургенева Жанне все детские книги, вышедшие в его издательстве (см. там же. С. 341. Письмо от 27 декабря 1874 г.).
28 См. письма, которыми обменялись Тургенев и Этцель по поводу перевода «Поликушки» Толстого, который был выполнен г-жой Богомолец. Письмо от 24 августа

1871 г. (Тургенев. Письма. Т. IX. С. 122); письмо Этцеля от 26 августа 1871 г. (BN. N. a. fr. 16995. F. 293).

29 Жюль Верн хотел видеть своим переводчиком только г-жу Маркович, и Этцель выступил посредником между нею и представителем писателя в России Звонаревым (см.: *ParmØnie A., Bonnier de la Chapelle C.* Op. cit. P. 573).

30 За адаптацию романа Маркович Этцель получил вне конкурса премию от Французской академии (Ibid. P. 624). См. его письмо к Тургеневу от 30 августа 1875 г. (BN. Papiers Viardot. N. a. fr. 16275. F. 243).

31 См. письмо Этцеля от 21 сентября 1875 г. (N. a. fr. 16995. Ff. 327–328) и письма Тургенева от 9 и 23 сентября 1875 г. (Тургенев. Письма. Т. XI. 1966. С. 119 и 127).

32 См. письмо Тургенева из Буживаля от 15–16 сентября 1873 г. (Тургенев. Письма. Т. X. 1965. С. 149).

33 См. письмо Этцеля от 1 марта 1878 г. из Монте-Карло (частное собрание) и ответ Тургенева от 6 марта 1878 г. (Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 1. 1966. С. 289).

34 См. письмо Тургенева от 24 декабря 1878 г., опубликованное П. Уоддингтоном (*Waddington P.* Some new light on Turgenev's relations with his French Publisher, Pierre-Jules Hetzel. P. 344) и письма Этцеля того же дня и от 26 декабря 1878 г. (BN. N. a. fr. 16995. Ff. 345–347 и 288).

35 Автограф хранится в Гарвардском университете (Houghton Library, Kilgour bMS Russian 11, 4 pages). Приношу искреннюю благодарность Джессике С. Оварофф, хранителю читального зала, за предоставленную мне фотокопию этого письма.

36 Переводчик, предложенный Этцелем.

37 Роман «Дым» будет завершен в следующем году.

38 Повесть «Ася», переведенная И. Делаво под названием «Аннушка», была опубликована в «Ревю де де монд» 1 октября 1858 г.

39 Рассказы «Петушков» и «Жид», в переводе Делаво, появились в «Ревю насьональ» соответственно 25 февраля и 25 марта 1862 г.

40 Эта комедия, под заглавием «Trop menu, le fil casse. Scènes de la vie russe» («Где тонко, там и рвется. Сцены из русской жизни») появилась в «Ревю де де монд» 15 июля 1861 г.

41 Перевод фантастической повести «Призраки» («Visions», впоследствии переименованной в «Apparitions») появился в «Ревю де де монд» 15 июня 1866 г.

42 Имеются в виду переведенные на русский язык «Сказки» Перро, с предисловием Тургенева, напечатанные в Лейпциге и изданные в Петербурге тогда же.

43 Вольф Маврикий Осипович (1826–1883), русский издатель «Сказок» Перро. Он основал издательство в Петербурге и владел книжными лавками в столице

и в Москве. Тургенев считал его «пройдохой» и однажды даже сказал Этцелю: «ему палец в рот не клади: откусит до крови» (Тургенев. Письма. Т. V. 1963. С. 45 и Т. IX. 1965. С. 270). В 1879 г. Вольф обратился через Этцеля к Тургеневу с просьбой написать статью о жизни дворян-землевладельцев Центральной России для «Живописной России», которую он намеревался выпускать. Писатель-«фольклорист» ответил отказом. См. там же. Т XII. Кн. 2. 1967. С. 162.

44 Людвиг Пич (1824–1911), старинный берлинский друг Тургенева. Это предложение о сотрудничестве издателя и талантливого иллюстратора — один из примеров желания оказать услугу ближнему. В течение всей своей жизни Тургенев объединял людей, которые без его участия никогда бы не встретились.

45 Биксио Жак-Александр (1808–1865), врач и политический деятель. Вместе с Ф. Бюлозом основал журнал «Ревю де де монд». Двумя месяцами ранее Этцель, близкий друг Биксио, тоже был обеспокоен его отсутствием. Тургенев продолжал посещать обеды Биксио и позже. См. письмо к Этцелю от 3 января 1873 г. (Тургенев. Письма. Т. X. 1965. С. 50).

46 Автограф хранится в BN. Slave 80 (fond André Mazon). Ff. 12–17. Опубликовано в: *Тургенев*. Соч. Т. XIV. 1967. С. 286–296.

47 Тургенев. Письма. Т. VIII. 1964. С. 23.

48 Там же. С. 29.

49 Journal des Débats. 13 septembre 1867. Этцель относился с глубоким уважением к г-же Виардо и ее мужу, которому всегда передавал несколько дружеских слов в письмах к Тургеневу.

50 Письмо от 26 апреля 1869 г. (Тургенев. Письма. Т. VIII. 1964. С. 16.

51 *Лист Ференц*. Полина Виардо-Гарсиа // Театральный и музыкальный вестник. 3 мая 1859.

52 В русской версии статьи Тургенев подчеркивал, что Мейербер, Обер, Россини и Вагнер в один голос заявляли, что «гениальная дочь Гарсии... сама музыка» (*Тургенев*. Соч. Т. XIV. 1967. С. 296).

53 Рукопись ее хранится в фонде Этцеля в Национальной библиотеке (BN. N. a. fr. 16995. Ff. 200–202 recto-verso). См. варианты белового автографа французского перевода — *Тургенев*. Соч. Т. XIV. 1967. С. 400–404.

54 Первая редакция открытого письма датирована 25 апреля 1869 г. Эта дата была изменена после возвращения рукописи автору, который желал внести в нее поправки. Приводим текст целиком, отмечая в ломаных скобках фрагменты, отсутствующие в русской версии. — *Ред*.

55 См. т. VI des «Souvenirs» de Juliette Adam. «Nos amitiés politiques avant l'abandon de la revanche (1873–1877)». Paris, 1908. P. 375.

56 Письмо Тургенева к Флоберу от 1/13 февраля 1879 г. (Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 2. 1967. С. 31–32).

57 См. т. VII des «Souvenirs» de Juliette Adam. «Après l'abandon de la revanche (1877–1880)». P. 373.

58 Неопубликованное письмо Ж. Адан к Тургеневу (BN. N. a. fr. 16275 (papiers Viardot). Ff. 161–162.

59 См.: Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 2. 1967. С. 123.

60 См. там же. С. 160.

61 Неопубликованное письмо Ж. Адан к Тургеневу от 7 ноября 1879 г. (частное собрание).

62 См.: Cahiers Tourguéniev. N 9. 1985. P. 5–9.

63 Неопубликованное письмо Ж. Адан к Тургеневу (BN. N. a. fr. 16275. F. 162), которое мы датируем пятницей 9 ноября 1880 г. (см. также: Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 2. 1967. С. 322).

64 См.: NCI. T. II. P. 68.

65 Неопубликованное письмо Ж. Адан к Тургеневу от 2 ноября 1881 г. (частное собрание).

66 Неопубликованное письмо Ж. Адан к Клоди и Жоржу Шамро от 5 ноября 1881 г (BN. N. a. fr. 16275. F. 1). Газетная вырезка приложена к письму без указания на источник.

67 Неопубликованное письмо Ж. Адан к Ж. Шамро от 28 ноября 1882 г. (частное собрание).

68 Письмо Тургенева к Ж. Адан от 2 января 1883 г. (Тургенев. Письма. Т. XIII. Кн. 2. 1968. С. 136).

69 Неопубликованное письмо Ж. Адан к К. Шамро от 12 июня 1883 г. (частное собрание).

70 Премия имени Гальперина-Каминского, учрежденная в 1937 г. его дочерью Е. де Рестрепо-Мейа, призвана поощрять лучший французский перевод года, выполненный французским автором.

71 Мы заимствуем эти сведения из статьи А. Блемона о Гальперине-Каминском («Dictionnaire de biographie française». Les éditions Letouzey et Ané). Приносим благодарность А. Трибу де Моранберу, редактору этого издания, за предоставленные в наше распоряжение материалы. Другой источник — статья, опубликованная в 1901 г. и сохранившаяся в папке с газетными вырезками, которые были собраны Гальпериным и переданы в 1974 г. г-жой Мюртен в Библиотеку Национального института восточных цивилизации и языков в Париже (cote Br. 80 35623).

72 См. на эту тему несколько похвальных строк, посвященных Гальперину Владимиром Бучиком, который

хорошо знал его и навестил его в Кламаре (*Boutchik V.* La littérature russe en France. Paris, 1947. P. 34).

73 Письмо Тургенева к Фету от 4 сентября 1862 г. (Тургенев. Письма. Т. V. 1963. С. 44).

74 См. каталог продаж «Archives Halpérine-Kaminsky. Autographes et documents littéraires (Tchekhov, Tolstoï, Tourguéniev)». Paris. Hôtel Drouot 14 avril 1975. Приношу благодарность эксперту Мишелю Кастену (Castaing), позволившему мне ознакомиться с бумагами, касающимися Тургенева (n. 59–62 et 81, cartons 13 et 14).

75 См. начало предисловия Гальперина-Каминского к изданию «Lettres à Madame Viardot». Paris: Bibliothèque Charpantier. 1907. См. также: Тургенев. Письма. Т. 1. 1982. С. 558).

76 См. на эту тему: *Waddington P.* Pauline Viardot as Turgenev's censor // Times Literary Supplement. 1970. 1 janvier. P. 16–17. Полагаю, что к этим письмам, адресованным его теще, имел доступ зять Полины Виардо Эрнест Эритт (см.: NCI. T. II. P. 119).

77 Речь идет о первой пачке из 36 писем, адресованных П. Виардо Гальперину, охватывающих период с 1888 по 1909 г. (Archives Halpérine-Kaminsky. Op. cit. N 61–10). Интересна и дата — 1888 г. Именно в этом году Мопассан пишет роман «Сильна как смерть». Возможно, ввиду особого расположения г-жи Виардо, которая допускала посетителей к своему архиву, он смог ознакомиться с частью писем Тургенева, избежавшей кражи. Он мог познакомиться с письмом Тургенева от 21 июля 1850 г., детали которого использованы в романе в переписке Оливье Бертена с Анной де Гийеруа (см. мое предисловие к т. I «NCI» и мою же статью «Мопассан и Тургенев. Источник “Сильна как смерть”», опубликованную в «Revue de littérature comparée», 1973, janvier–mars, p. 131–138). Странно также видеть, что во время бесконечных переговоров Гальперина с г-жой Виардо она дарит автограф письма Тургенева (из Спасского от 9/21 июля и 18/30 июля 1858 г.) Жюлю Кларти, управляющему «Комеди Франсез». Это письмо будет продано на аукционе с сопроводительной запиской П. Виардо в Отеле Друо 18 мая 1976 г.

78 Вторая пачка датируется 4 июля 1896 г. (Archives Halpérine-Kaminsky. Op. cit. N 61–10).

79 В четырех из своих писем к Гальперину г-жа Виардо дает понять, что дочери разделяют ее чувства (письма от 4 июля 1896 г., от 21 апреля и от 8 июля 1899 г. и от 24 января 1900 г.).

80 Эта субъективность помешала г-же Виардо понять важность для истории литературы полной публикации всех неизданных документов.

81 *TourguØneff Ivan*. Lettres à Mme Viardot / Publiées et annotées par E. Galpérine-Kaminski. Op. cit. Préface. P. II–III.

82 См.: Письмо П. Виардо Гальперину от 8 июля 1899 г.

83 Сначала в журнале «Cosmopolis» juillet 1896), затем в «Revue Hebdomadaire» (24 septembre, 1 et 8 octobre 1898, 28 janvier et 4 février 1899).

84 Речь идет об упомянутом сборнике Tourguéneff Ivan. Lettres à Mme Viardot / Publiées et annotées par E. Galpérine-Kaminski. Paris, 1907.

85 На обложке второго издания уточняется: «Шестая тысяча».

86 NCI; LI; Quelques lettres d'Ivan Tourguenev à Pauline Viardot. Paris, La Hays, 1974.

87 Из 67 писем, опубликованных в «Tourguéneff Ivan. Lettres à Mme Viardot» (Publiées et annotées par E. Galpérine-Kaminski. Paris, 1907), 5 автографов остаются неизвестными (от 16 февраля 1865, от 11 февраля 1867, от 24 февраля 1867, от 27 февраля (11 марта) 1867, от 5 (17) июля 1867). Полные копии трех из этих автографов были сделаны Гальпериным-Каминским (от 11 февраля 1867, от 24 февраля 1867 и от 5 (17) июля 1868).

88 См. цит. издание: «Quelques lettres d'Ivan Tourguéniev à Pauline Viardot. Texte intégral, d'aprés les originaux de la collection Maupoil, de 29 lettres de l'édition Halpérine-Kaminski. P. 57, примеч. 9, 82, n.b., примеч. 12, 94, n.d., 102, примеч. 3 и с, 126 (представление) и примеч. 2, 128, примеч. 3, примеч. 2, 139 (представление), 163 (представление), 164, примеч. 7 и 8, 164, примеч. 14, 173, примеч. 5. Это издание содержит многочисленные ошибки в прочтении и пропуски; комментарии подчас вызывают сомнения.

89 В автографе письма Тургенева к Гюставу Флоберу от 8 ноября 1877 г. (хранится в Библиотеке Лованжуль в Шантийи): «Моей главной печалью было расстройство свадьбы второй дочери г-жи Виардо с юношей, которому я покровительствовал и которого любил». По требованию г-жи Виардо Гальперин убирает слово «Виардо», заменяя его на *** (Ivan Tourguéneff d'après sa correspondance avec ses amis français. Paris: Bibliothèque Charpentier, 1901. P. 108).

90 См. примеч. 80.

91 Письмо г-жи Виардо к Гальперину-Каминскому от 24 января 1900 г.

92 Г-жа Виардо дважды за один день (26 июня 1898 г.) благодарит Гальперина, послав ему почтовую открытку и визитную карточку на два его парижских адреса (ул. Лафонтена, 18 и Университетская ул., 226). Она

прочитает во время отдыха в Швейцарии книгу «Tourguéneff and his French circle», изданную Гальпериным-Каминским в Лондоне в 1898 г. (перевод Этель М. Арнольд). Этот труд появится на французском языке лишь в 1901 г: Ivan Tourguéneff d'après sa correspondance avec ses amis français: Mme Viardot, Gustave Flaubert, Mme Commanville, George Sand, Emile Zola, Guy de Maupassant, Taine, Claretie, André Theuriet, etc. Без труда можно вообразить, сколько упорства понадобилось исследователю, чтобы добиться получения автографов у наших писателей и музыкантов или у тех, кто являлся их наследниками.

93 Помета карандашом на русском языке рукой Гальперина на карточке, полученной от Полины Виардо 20 января 1899 г.

94 Так, 6 августа 1899 г. она пишет Гальперину: «Разве я виновата в том, что Вы не посылали в течение шести месяцев писем типу, удерживающему у себя украденные письма <...> Ах! Он должен благодарить меня (и Вы, кстати, тоже) за то, что я разрешила столько напечатать». Или еще, 24 января 1900 г.: «В этой последней пачке нет ни одного письма, которое можно допустить к печати. У этого типа в самом деле не осталось больше ничего?»

95 Это письмо сохранилось в архиве Гальперина-Каминского. Додийон намекает на письмо Тургенева из Вержболово от 23 февраля 1871 г. Письмо не было допущено к публикации г-жой Виардо, которая вверху первой страницы сделала помету: «гм». С многочисленными купюрами, из которых первой является фраза о поведении королевы Пруссии во время франко-прусской войны, это письмо появится в русском переводе после смерти П. Виардо в «Современном мире» (1912. № 3. С. 189–190). Полный текст письма на французском языке был напечатан нами в 1971 (NCI. T. I. P. 182–184).

96 Это письмо Тургенева к Полине Виардо от 15 (27) марта 1871 г. хранится среди бумаг Эмиля Додийона в Городской библиотеке Прованса (рукопись 328).

97 Tourguéneff Ivan. Lettres à Mme Viardot / Publiées et annotées par E. Galpérine-Kaminski. Paris, 1907. Op. cit.

Пер. Н. Генераловой

Болезнь Тургенева

В судьбе Ивана Тургенева Франция занимает особое место: он прожил в этой стране 38 лет[1] и скончался здесь же, после долгих мучительных страданий от рака спинного мозга[2].

Являясь в России одним из самых читаемых и изучаемых писателей, Тургенев всегда вызывал живой интерес биографов и исследователей его творчества[3]. Однако один из периодов его жизни — очень личный, относящийся к последним пятнадцати месяцам его жизни — был несколько забыт его биографами. Попытаемся восстановить этот пропуск в его биографии, начиная с первых признаков болезни писателя, ее психологических последствий и несмотря ни на что — сохранения исключительных умственных способностей больного. В своем рассказе мы будем опираться на свидетельства, взятые нами из самых разнообразных записей и набросков.

Обратимся сначала к «листку наблюдений»[4], в котором Тургенев со 2 августа по 25 октября 1882 г. каждый день записывал на русском языке симптомы своей болезни. Эти записи при переводе с французского точнее было бы назвать «листком страданий», так как, по словам самого писателя, он очень страдал от невралгии подагры[5]. Диагноз был поставлен ему г-ном Шарко. Позднее, перед операцией невромы (внизу живота), профессор Поль Бруардель уточнил диагноз: «Псевдостенокардия, вызванная перерождением артерий аорты и бронхов, сужением и недостаточностью аортального клапана»[6].

Каковы же были симптомы болезни в тот момент, когда писатель по совету доктора Жаку предпринял 42-дневный курс лечения? Он жаловался на беспрестанную боль в ключице во время

ходьбы, с трудом переносил тряску в дилижансе[7], но тем не менее совершал многочисленные поездки в Буживаль (пригород Парижа). Пребывая в свое шале в Буживале, Тургенев записывал в своем «листке», что во время дороги он сильно страдал от резких толчков повозки. Возможно, именно в Буживале и произошел один из приступов того навязчивого состояния, с которым он был «знаком» еще с 1849 г. — с момента, когда, находясь в Париже, он поверил, что заболел холерой[8], но все же чудом избежал ее[9]. Однако в цитируемом документе Тургенев не притворяется и ничего не преувеличивает. Записи в «листке наблюдений» выглядят так, словно сделаны врачом-профессионалом: «Утром невралгия в области груди, боль в ключице при ходьбе. Ночью два сильных приступа — в час ночи и в четыре часа тридцать минут утра. Я как будто обернут в вату. Возобновился насморк. Выпил 9 стаканов молока. На завтрак выпил чашку бульона»[10]. Сквозь заметки видна растерянность писателя: «Кажется, я не смогу поправиться»[11].

Но если «листок наблюдений» является исключительным документом с медицинской точки зрения, то письма Тургенева, написанные в этот период своему врачу доктору Полю Сегонду, представляют собой интерес уже с человеческой точки зрения. По их тональности чувствуется, что писатель, без сомнения, доверял все этому человеку, и не только потому, что он был врачом, но также и потому, что он был связан с семьей Виардо, ставшей для Тургенева чем-то вроде приемной семьи. Вера Тургенева в доктора Сегонда объясняет его свободный стиль в этих письмах, его желание говорить правду в глаза, которое не часто встретишь в переписке писателя. В письмах к господину Сегонду писатель подробно и конкретно описывал свои физические ощущения, тщательно подбирая слова и находя точные, порой даже резкие выражения на французском языке. Подобный союз мыслей и слов более чем удивителен для человека, чей родной язык не был французским. Вот, в частности, что он говорил об уколе морфия: «Мадам Виардо три раза в день вонзала меч в мою грудь» или, к примеру, вспоминал, как его слуга Николай «вдавливал 7 капель в мою голову, причиняя страдания и боль»[12].

В этих письмах чувствуется непринужденный тон общения Тургенева со своим доктором. Проглядывает порой сквозь строчки и хорошее настроение писателя. И это хорошее настроение сбивает с толку, когда думаешь о тех страданиях, которые переносил этот великий человек. Тургенев словно наблюдает за собой со

стороны и в то же время насмехается над собой. Его письма содержат такие точные детали, какие могут быть замечены только врачом. Правда, подобные записи можно найти и в «листке наблюдений», но с той разницей, что хорошее настроение там полностью отсутствует.

Если сопоставить описания, сделанные в «листке наблюдений» от 13 августа 1882 г., с письмом Тургенева, написанным в тот же день доктору Сегонду, можно заметить, что страдания, о которых он пишет, теряют свою интенсивность по мере того, на каком языке он их излагает — на французском, итальянском или же испанском. Но в целом, вне зависимости от языка, текст записей грустный: «День провожу прилично, а вечера ужасны. Сильная невралгия. До 5 утра спал хорошо, а потом приступы боли возобновились, и это несмотря на то, что я принял хинин. Молоко, моча, бульон — все как вчера. Можно сказать, что лечение приостановилось. Однако не надо сдаваться»[13]. Должно быть, Тургенев объяснял все это доктору Сегонду. При этом, вместо того чтобы жаловаться, он, напротив, скрывает свои страдания. «Положение больного человека» — так сам Тургенев, лаконично и безлично, обозначает в письмах свое состояние с 2 по 28 июня 1882 г.[14]

И.С. Тургенев во время болезни. Рис. Клоди Шампо-Виардо. 1883

Иногда его заметки дают повод думать, что кто-то другой мог писать их за него: «В принципе, это все переносимо, я могу писать, но время от времени мне приходится гримасничать»[15]. Или вот еще одно его музыкальное воспоминание: «С сегодняшнего утра у меня начались судороги, очень быстрые и проходящие без особой боли, они пронзают грудь, доходя до самого сердца. Как в арии Фидес в “Пророке”»[16]. Здесь культура действует как один из способов временно облегчать проявления болезни: Тургенев воскрешает в памяти события 30-летней давности — грандиозный успех Полины Виардо в опере Мейербера.

Юмор также является для Тургенева одной из форм противостояния недугу: «Я решил, что боль и страдания завтра не будут мне докучать», — пишет он своему врачу 11 июня 1882 г.[17] Чтобы облегчить страдания, писатель изобретает различные приспособления, и излагает эти проекты доктору Сегонду, сопровождая их рисунками. «Продолжение переписки в иллюстрациях» можно прочитать в его письме от 22 июня 1882 г.[18]

За неделю до операции Тургенев говорит: «Г-жа моя, невро-ма», добавляя затем: «О, как я был бы рад избавиться от такого соседа!» А после операции, в период своего выздоровления, он тоном триумфатора добавляет на итальянском языке: «Больной, превосходно себя чувствующий»[19]. Почему Тургенев снова переходит на итальянский язык? Он и сам этому удивляется или же делает вид, что удивляется: «Я не знаю, какой демон вселился в меня, чтобы говорить с вами на итальянском, который я знаю еще хуже, чем вы»[20]. В этой фразе как раз и проявляется особый юмор писателя. Используя данный прием, автор как будто становится персонажем и видит себя со стороны, словно боль, которую он испытывает, его больше не касается.

13 июня 1882 г. Тургенев писал Сегонду: «Это очень странно — я могу без помех подтираться, но я не могу провести расческой по волосам. Непоследовательность и таинственность»[21]. Больной сам удивляется тому, что с ним происходит, как будто он в этом не участвует. Стоическое и пренебрежительное отношение к своему телу и своим страданиям показывают настоящую силу его характера. В нем соединились мученичество и сила духа. И в этом чудовищном испытании он показывает, как писатель берет верх над человеком.

25 апреля 1883 г. Эдмон де Гонкур записывает в своем «Дневнике»: «Наш старина Тургенев — настоящий писатель. Ему только что удалили кисту в животе, а он уже рассказывает Доде, кото-

рый приходил его навестить: “Во время операции я думал о наших совместных ужинах и искал те слова, при помощи которых я мог бы вам дать точное описание стали, разрезающей мою кожу и входящей в мое тело как будто это нож, разрезающий банан”»[22].

Гонкур высказывается с поразительной точностью: писатель находит соответствующую площадку для наблюдения и описания собственных физиологических проявлений. И также в этом случае, который нас интересует, мы видим, как влияет болезнь на литературное творчество. Скатологическое навязчивое состояние впервые появляется в записях Тургенева начиная с воскресенья 3 сентября 1882 г. Кажется, именно в этот день наступило легкое затишье в его страданиях. Он делает запись в своем «листке наблюдений»: «День сносный; я сделал 5 масляных впрыскиваний baunscheidt в ключицу, вчера было сделано 8 с правой стороны[23]; ночь прошла спокойно, но утром боли возобновились в правой лопатке и ключице. Почти не могу ходить (я не надел на ночь корсет); в остальном же все, как было до того *sicut ante*»[24].

После кончины Тургенева профессор Бруардель вместе с ассистентами — докторами Сегондом, Декутом и Латте произвели вскрытие трупа[25]. Оно подтвердило, что мозг умершего был очень большого объема, гораздо больше, чем ученым приходилось видеть до тех пор[26]. Его вес составлял 2012 граммов. Вот что писал по этому поводу Поль Топинар: «Это был замечательный мозг... по симметрии его форм и богатству извилин. Тургенев, конечно, был высокого роста, но не чрезвычайно. И потому весьма трудно объяснить столь большой размер мозга, который был превышен лишь размером мозга Рудольфи... Известно, что симметрия извилин — неблагоприятное обстоятельство!»[27]

Интересно также читать отчет светила русской медицины Сергея Боткина, основателя первой клинической лаборатории в России, представленный им после вскрытия[28]. Боткин опирается не только на результаты вскрытия, но и на показания молодого русского доктора Белоголового, находившегося тогда в Париже. В мае–июне Белоголовый предложил запросить в больнице Неккер результаты гистологического анализа опухоли внизу живота Тургенева, который был сделан 14 января 1883 г. Опухоль была раковая — миксо-саркома в лобковой области. По заключению доктора Боткина, если бы опухоль удалили раньше, можно было бы избежать метастазов в позвоночнике и, таким образом, продлить жизнь больному. Разумеется, Тургенева наблюдали многие французские доктора, но никто из них не предлагал такого реше-

ния проблемы. Писатель консультировался и у самых знаменитых французских специалистов — в первую очередь у доктора Маньена, практиковавшего в Буживале, а также ездил в Париж на консультации к докторам Бурку и Сегонду и был осмотрен докторами Шарко и Жакудом[29]. Все они получали за прием довольно высокий гонорар[30], но не придавали большого значения своему больному, являвшемуся одним из величайших писателей века.

Можно ли говорить в заключение о несостоятельности французских врачей по отношению к романисту, больному неизлечимой болезнью?.. Пройдет время, и история рассудит, кто был прав и кто ошибался. Но надо заметить, что в 1882–1883 гг. профилактическая медицина делала свои первые шаги[31]. Можно упрекнуть и русскую медицину, которая не смогла помочь великому русскому писателю, жившему во Франции, но в своем сердце и в своих произведениях всегда остававшемуся русским человеком.

Примечания

Опубликовано: Magazine Médecine (supplément au N 11 Médecine interne. Vol. 14. Novembre 1979. P. 8–9. Переведено с сокращениями.

1 Постоянные приезды Тургенева во Францию объяснялись по большей части его привязанностью к знаменитой оперной певице Полине Виардо (1821–1910). См.: NCI. T. II.

2 Тургенев скончался 3 сентября 1883 г. в своем шале в «Ясенях» поблизости от виллы Виардо в Буживале.

3 Интерес, который вызывает Тургенев в литературном и художественном мире Франции, позволил организовать Ассоциацию друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран, штаб-квартира которой находится в Париже.

4 См.: *Mazon A.* Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguéniev. Paris, Champion, 1930. P. 175–187.

5 См. письма Тургенева к разным лицам после его посещения доктора Шарко 5/17 апреля 1882 г. (Тургенев. Письма. Том XIII. Кн. 1. 1968. С. 231–235).

6 Письмо Поля Бруарделя доктору Полю Сегонду от 3 января 1883 г. (собрание Франсуазы Годибер). Поль Камиль Ипполит Бруардель (1837–1906) знаменитый врач, президент Общества судебной медицины, реорганизовал работу моргов и положил начало борьбе с туберкулезом.

7 См.: Feuille d'observation 9 août, 13 и 16 août, 18 août (*Mazon A.* Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguéniev. Op. cit. P. 177–179).

8 Тургенев делился своими страхами по поводу холеры с друзьями. Мопассан в одном из рассказов «Страх» (1884) воспроизвел историю, услышанную как-то в воскресенье у Флобера (стихотворение в прозе Тургенева «Старуха»). Мопассан описал две навязчивые идеи своего русского друга: страх заболеть холерой, называемой ОНА, и постоянный стук оси колеса, как в рассказе «Стучит!» См.: *Guy de Maupassant*. La Peur. Études, chroniques et correspondance. Paris, 1938. P. 192–201.

9 Вероятно, Тургенев переболел легкой формой этого заболевания, называемой «холерина». См.: NCI. T. I. P. 23–25.

10 Feuille d'observation 2 août 1882 (Op. cit. P. 176).

11 Ibid. 28 août 1882. P. 181.

12 Письмо Тургенева доктору Сегонду от 11 июня 1882 г. (NCI. T. II. P. 38–39).

13 Feuille d'observation (Op. cit. P. 178). См. также: NCI. T. II. P. 49.

14 NCI. T. II. P. 44, 46.

15 Ibid. P. 39.

16 Ibid. P. 45.

17 Ibid. P. 20.

18 Ibid. P. 44.

19 Ibid. P. 53, 54.

20 Ibid. P. 40.

21 Ibid.

22 *Goncourt E. de*. Journal. Monaco. 1956. T. XIII. P. 29.

23 Аппарат был изобретен немцем Карлом Бауншайдом. Использование этого аппарата позволяло облегчить страдания при заболеваниях люмбаго и ревматизма. Тургенев так объяснял действие этого аппарата доктору Сегонду: «Нужно потянуть за рычаг "а" и 36 иголок внезапно вонзаются в кожу и тут же, немедленно, натирают маленькие ранки маслом, процесс изготовления которого Бауншайд держал в секрете. Все горит, зудит в течение часа-двух, а затем не чувствуешь ничего» (см.: NCI. T. II. P. 46).

24 Feuille d'observation (Op. cit. P. 182). «Каркас» аппарата был изготовлен домом Коллин: «Его механизм был громоздким и походил, как две капли воды, на римскую катапульту: был винт, совершенно бесполезный, и т.д., я вам покажу все это в четверг. Но цель достигнута, я могу стоять и ходить без боли» (письмо Тургенева доктору Сегонду от 13 июня 1882 г. NCI. T. II. P. 40).

25 Латте заведовал гистологической лабораторией хирургического отделения больницы Неккер.

26 В парижских газетах были опубликованы данные о весе мозга писателя.

27 *Paul Topinard*. Poids de cerveau de Tourguéniev. Revue d'Anthropologie. 1884. T. VII, 2-e série. P. 192.

28 Сергей Боткин, родился в Москве в 1832 г., умер в Ментоне в 1889 г. Младший брат писателя Василия Боткина, друга и советчика Тургенева. Одна из центральных клиник Москвы носит имя Сергея Боткина. Доклад Боткина «По поводу протокола вскрытия покойного И.С. Тургенева» (сообщение от 27 октября 1883 г.) опубликован в «Протоколах санктпетербургских врачей» (1884. № 1. С. 1–13).

29 17 апреля 1882 г. Шарко послал ему такую рекомендацию: «Имею честь информировать вас, милостивый государь, что в понедельник с 3 до 6 вы сможете посетить меня дома. При входе вы можете показать вот эту карту, возможно, придется немного подождать» (BN. n. a. fr. 16275. f. 165). Шарко обнаружил у Тургенева грудную жабу и сообщил ему: «Медицина бессильна против таких болезней, которые являются результатом износа организма (см. Письмо Тургенева П.В. Анненкову от 11/23 апреля 1882 г. — Тургенев. Письма. Т. XIII. Кн. 1. 1968. С. 235).

30 Тургенев писал доктору Сегонду 4 июля 1882 г. из Буживаля: «Мои соотечественники хотят, чтобы я консультировался у доктора Жакуда. Я уступил, и в четверг, то есть послезавтра, я иду на улицу Дуэ к 15.30 вместе с доктором Маньеном, и великий Жакуд будет там. Я не могу его просить прийти сюда, он запросил 400 F!» (NCI. T. II. P. 47).

31 Избранный в гласные петербургской городской думы, Боткин с 1882 г. был заместителем председателя комиссии общественного здравия.

Пер. Т. Быстрицкой

Тургенев и Эдмон Абу

Отношения Тургенева и Эдмона Абу никогда не становились предметом специального исследования. Редкие документы, которыми мы располагаем, не позволяют с точностью определить характер отношений этих людей. Тем не менее, два знаменательных факта заставляют предположить, что эти отношения были весьма близкими: в 1878 г. Абу обратился к Тургеневу с призывом представлять Россию на Международном литературном конгрессе в Париже; и именно он произнес 1 октября 1883 г. прощальную речь о своем ушедшем русском друге.

При отсутствии переписки Тургенева и Абу трудно узнать, когда они познакомились. Один намек, однако, есть: Луи Виардо получил от Эдмона Абу письмо, которое мы воспроизводим целиком:

> Сударь,
>
> Давно уже я просил, получил и прочитал Ваши пять томов. Это превосходный труд, который делает самую большую честь благородному человеку, его написавшему. Вот в двух словах суть статьи, которую я завершаю в настоящее время для «l'Opinion Nationale». Очень сожалею, что расстояние не позволяет мне пойти посмотреть галерею, которую Вы столь любезно предлагаете мне осмотреть, но через месяц-полтора я возвращаюсь в Париж и буду счастлив воспользоваться разрешением лично пожать Вам руку.
>
> Примите, сударь, сердечное уверение в моих самых преданных чувствах.
>
> Эдмон Абу
>
> Саверн, 27 ноября 1860 г.[1]

Автор романа «Человек со сломанным ухом» («L'homme à l'oreille cassée») был также и художественным критиком: он оценил полную коллекцию путеводителей по музеям Европы («Musées d'Europe»)[2]. Посетив художественную галерею «благородного человека» Луи Виардо на улице Дуэ, Абу мог встретить там Тургенева в начале 1861 г. В письме от начала августа 1861 г. к юной княжне Хилковой Тургенев говорит о новых французских знакомствах, но не называет Абу[3]. Он читал роман Абу «Нос одного нотариуса» («Le nez d'un notaire»), вышедший в 1862 г., и вспомнил об успехе этого романа в главе XV своего романа «Дым»: разговор у Ратмирова происходит как раз в это время.

Пятнадцать лет спустя Абу и Тургенев часто встречаются в Париже. Чтобы доставить удовольствие немецкому критику Юлиану Шмидту, Тургенев посылает ему фотографии наиболее известных французских литераторов, и среди них фотографию Абу[4].

Их отношения крепнут. Будучи председателем Общества литераторов, организовавшего в Париже в 1878 г. Международный литературный конгресс по авторским правам[5], Абу приглашает Виктора Гюго в качестве председателя конгресса. Тургенев назначается главой русской делегации и вице-президентом части конгресса, призванной изучить проблемы переиздания, перевода и переложения произведений с тем, чтобы временно улучшить несовершенные международные нормы авторского права. Тургенев председательствовал на пяти пленарных заседаниях, произносил речи и принимал участие в прениях. Целью конгресса было «всеобщее обсуждение права на мысль и достижение ситуации, при которой во всех цивилизованных странах иностранные писатели пользовались бы теми же правами на свои произведения, что и коренные авторы»[6]. Филантроп и человек передовых взглядов, бывший с 1859 г. одним из основателей русского Литературного фонда (Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым), Тургенев с воодушевлением принял программу французского Литературного общества, озабоченного положением писателей и установлением связей между литературными сообществами разных стран[7].

Пользуясь доверием и дружбой Эдмона Абу, уже в следующем году Тургенев не преминул воспользоваться поддержкой этого влиятельного человека. Желая помочь художнику Василию Верещагину в организации выставки в Париже и поддержать его в общественном мнении, Тургенев послал статью о нем Абу, главному редактору ежедневной газеты «XIX сьекль»[8]. Он вновь обратится

к нему через месяц по случаю важного события — выхода в свет первого французского перевода «Войны и мира»[9]. Возможно, именно этот сюжет (который Тургенев, с его обычной осторожностью, хотел обсудить с Абу в личной беседе) лежит в основе неизданной записки, адресованной Тургеневым Абу 27 декабря 1879 г. Это единственное письменное обращение Тургенева, которое мы имеем возможность опубликовать благодаря любезности внука Эдмона Абу господина Себастьена Лоста[10].

ул. Дуэ, 50
Париж
Суббота утром

Дорогой господин Абу,

Не могли бы Вы уделить мне четверть часа (не больше)? Я хочу попросить у Вас совета — беру на себя смелость побеспокоить Вас, поскольку речь идет не обо мне. — Назначьте мне любое время, начиная с понедельника.

Примите уверение в моих наилучших чувствах.

Ив. Тургенев

Тургенев и Абу жили на одной улице. Последний ответил назавтра в воскресенье, 28 декабря 1879 г.: он придет к нему и получит из его рук три тома романа Толстого[11].

В своей первой статье, представленной в форме письма к главному редактору «XIX сьекль», Тургенев замечает, что художник-баталист Василий Верещагин, свидетель ужасов войны в Индии и на Балканах, сам раненный в Турции в ходе последней русско-турецкой войны, отличается «упорным исканием правды»[12]. Писатель-гуманист, осуждающий войну и ее виновников, восхищается живописными произведениями своего соотечественника: «Это военные сцены, лишенные, однако, всякого шовинистического духа. Верещагин не думает поэтизировать русскую армию, рассказывать о ее славе, а стремится показать все стороны войны: патетическую, уродливую, ужасную, равно как и другие, в особенности же психологическую сторону, предмет его постоянного внимания. Добавьте к этому энергичный колорит, рисунок, одновременно простой и точный, и вы не сочтете мои похвалы преувеличенными. Фигуры некоторых русских солдат являются верхом совершенства по верности и глубине наблюдения»[13].

Темой следующей статьи, адресованной Эдмону Абу в его газету, снова будет война: «Вы соблаговолили поместить

в “XIXe Siècle” мое письмо об открытии выставки картин Верещагина. Успех, который я осмеливался предсказывать и который даже превзошел мои ожидания, дает мне смелость вновь обратиться к Вам. На этот раз речь тоже идет о произведении художника, но художника, творящего с пером в руке. Я имею в виду исторический роман моего соотечественника, графа Льва Толстого, «Война и мир», перевод которого только что выпущен издательством Ашетта[14].

Здесь тоже Тургенев восхищается чувством правды у Толстого: роман, широкое эпическое полотно, на котором проходят «толпы типов, выхваченных живьем» и которое будет открытием для французских читателей 1880 г.

Наконец, в речи, которую Эдмон Абу произнес после Эрнеста Ренана[15] на Северном вокзале Парижа перед отправкой праха освободителя крестьян в Россию и которую, ввиду ее малой известности, мы сочли нужным воспроизвести в заключение, французский писатель, похоже, вспомнил не только о двух статьях Тургенева, опубликованных в его газете, но и о мысли, общей для обоих по поводу мира и свободы.

Портрет Льва Толстого.
Рис. Полины Виардо

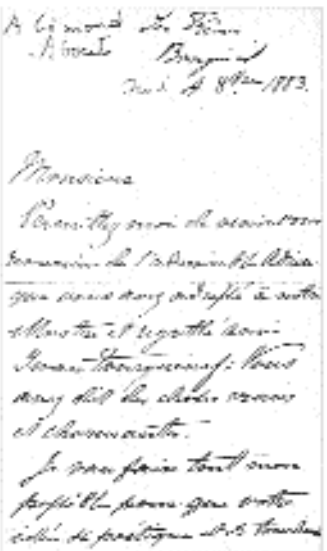
Некролог[16]

Величественная процессия состоялась 1 октября 1883 г. в три часа пополудни на Северном вокзале в честь Ивана Тургенева, по случаю отправки гроба с его телом из Парижа в Санкт-Петербург.

Великолепное помещение для гроба, украшенное дюжиной канделябров по шестнадцать свечей в каждом, было установлено во дворе почтово-пассажирской конторы на улице Мобеж. Гроб был помещен на изящный катафалк, освещенный восьмьюдесятью свечами.

Справа от катафалка располагалась кафедра для тех, кто произносил слова прощания с другом.

Около четырехсот человек пришли отдать последний долг знаменитому писателю. В их числе были замечены гг. Эмиль Ожье, сосед Тургенева по Круасси, Жюль Симон, А. Доде, Этцель, Эт. Араго, Авраам Дрейфюс, М. Кастель, генеральный секретарь Северной компании, Кузен, главный инспектор Северной компании, и видные деятели франкмасонства; г-жа Эдмон Адан, главный редактор «La



Письмо Полины Виардо к Эдмону Абу от 4 октября 1883 г.

Nouvelle Revue» и т.д.; многочисленные члены русской колонии, среди которых многие дамы были в глубоком трауре.

Церемония была организована г-жой Полиной Виардо, в доме которой Тургенев скончался. Речи были произнесены, от лица друзей писателя, г. Ренаном; от Общества литераторов г. Эдмоном Абу; от русских, проживающих в Париже, г. Вырубовым и знаменитым русским художником Боголюбовым. Последний говорил по-русски.

После литии, отслуженной священником о. Васильевым, участники церемонии расстались. Прах Тургенева отправился пятичасовым поездом.

Он прибыл в Санкт-Петербург 9 октября. Похороны Тургенева, как сообщает собственный корреспондент «Figaro», прошли при большом стечении народа. После панихиды, которая была отслужена на вокзале, траурный кортеж, растянувшийся на протяжении двух верст, во главе с катафалком двинулся в путь. Следом за ним шли 46 депутаций от разных городов, школ, университетов, ремесленных сообществ и крестьянских общин.

Гроб, великолепно украшенный серебряными и лавровыми венками, в сопровождении бесчисленной толпы покинул вокзал в половине одиннадцатого. К Волкову кладбищу он приблизился только к двум часам. Все улицы на пути были плотно забиты народом. При приближении кортежа все снимали шапки. Было замечено много наблюдающих в окнах и даже на крышах домов.

После отпевания, проведенного священником Сергием, гроб был опущен в могилу, и священник дал благословение.

Ректоры Петербургского и Московского университетов, писатели Григорович и Плещеев произнесли затем речи на могиле Тургенева.

Спокойствие ничем не было потревожено. Полиция сохраняла невозмутимый вид, в ее вмешательстве не было никакой необходимости.

Среди венков находился тот, что был прислан семьей Виардо и другой, от Берлинского общества.

Письмо Полины Виардо к Эдмону Абу от 4 октября 1883 г.

Вот речь, произнесенная г. Эдмоном Абу у гроба Тургенева в Париже на Северном вокзале[17]:

> Иван Сергеевич, Вы перестали страдать, но Вы не умерли вполне. Теплая и живительная кровь течет еще в Ваших книгах; добро, которое Вы делали, выбито на металле, более несокрушимом, чем медь, — на признательности честных людей. Вот почему мы не плачем, следуя за Вашим гробом; бессмертных не оплакивают! Но мы сопровождаем Вас с благоговением, как гостя любезного и любимого, который отправляется теперь в свое последнее странствие. Именно здесь, на пороге Парижа, перед этой широкой дверью, открытой на Север, отъезжающие и остающиеся обмениваются прощальным поцелуем. Дорогой путник, нам нет нужды вызывать Ваш образ, чтоб видеть Вас снова таким же, каким Вы были вчера: Ваш благородный образ запечатлен у всех нас. Мы видим эту могучую голову, покоящуюся на дюжих плечах, эту бороду и волосы, поседевшие преждевременно от труда и страдания, эти необыкновенно ласковые глаза, эти олимпийские брови, улыбающиеся и в то же время меланхолические уста, эту физиономию, запечатленную таким же изяществом и добротою, как и Ваш гений. Вы провели среди нас двадцать лет, почти треть Вашей жизни. Наши искусства, наша литература, наши утонченные развлечения сделали для Вас потребностью эту парижскую дачу. Вы не просто любили Францию: но Вы ее любили изящно, именно такой любовью, какой она вправе требовать для себя! Она с гордостью усыновила бы Вас, если бы Вы того пожелали, но Вы всегда оставались верным России, и хорошо поступали, ибо тот, кто не любит своего отечества всецело, слепо, до глупости (betement), останется навсегда человеком только наполовину. Вы не были бы столь популярным в стране, где Вас ждут теперь, если бы не были хорошим патриотом. Я прочел в газетах, что некто из самой многочисленной и самой сильной касты, из касты глупцов, сказал: «я не знаю Тургенева, это — европеец, а я — русский купец». Этот простак поместил Вас в чересчур тесные пределы Европы. Ваше сердце принадлежало всему человечеству. Но Россия занимала первое место в Ваших привязанностях. Ей именно Вы служили прежде всего и преимущественно. Я не знаю, какое место Вы за-

нимали в общественной иерархии, родились ли Вы богачом или бедняком, занимали ли какие-либо должности, получали ли какие-либо отличия? Это не имеет большого значения, так как в глазах современников и в глазах потомства Вы были и всегда будете только автором повестей. Повестей, такого бесполезного, с точки зрения ничтожнейшего педанта из немецкого университета, вздора, достойного разве того, чтобы наполнить безделье женщин. Но когда рассказчик живой и приятный становится, сверх того, классическим писателем, проницательным наблюдателем, глубоким мыслителем, с сердцем апостола, ему иногда удается завоевать себе место, вопреки педантам, среди великих людей века и благодетелей рода человеческого. Почему русский народ заранее готовит вам почести, о каких не осмелился бы и мечтать кто-либо из великих политиков или генералов-победителей? Прежде всего потому, что расы охотно воплощаются в индивидуумы, которые являются представителями их типа в совершеннейшем виде, а вы — славянин из славян, один из красивейших отпрысков этой семьи ласковой и гордой, смелой и чувствительной, которая не сказала еще своего последнего слова и которая едва лишь в последнее столетие выступила на театр истории. Вы открыли ей самой Россию, которая не знала себя. Жизнь русского крестьянина, его бедность, его неведение, его самоотречение, его доброта впервые стали доступны интересу и состраданию всех по вашим «Запискам охотника». Великая душа Александра II вдохновлялась этой небольшой книжкой, когда она решилась уничтожить рабство и одним росчерком пера сокрушила несправедливость столь же старую, как мир. Никогда еще литературное произведение не получало столь высокого признания. Никогда еще сильные мира сего не утверждали столь достославно царство разума на земле. Итак, Вы опять увидите эту великую страну, с которой и мы, благодаря Вам, немного знакомы. Вы проследуете скромным триумфатором по этим безграничным степям и благоухающим смолистым лесам, над которыми кружит тетерев. Крестьяне побегут к Вам навстречу, как к старинному другу. Они пройдут много верст пешком, чтоб приветствовать Вас при Вашем проезде. Они будут оспаривать друг у друга горькую радость нести Ваш гроб. Они возвратятся к своим деревянным домам и перед иконой

упадут на колени и станут молиться св. Деве и всем святым за Вашу добрую душу. Мне приятно вообразить, как первый зимний снег посеребрит могилу, в которой вы пожелали найти упокоение бок о бок с вашим другом Белинским. Вы так жаждали снега, и никто не живописал его с такой нежностью, как Вы. Какой памятник воздвигнет вам отчизна в своей глубокой признательности? Великие государственные люди, Ваши соседи на западных границах знают, что их ожидает после смерти. У них будут железные статуи, поддерживаемые военнопленными, побежденными, захваченными, несчастными, закованными в цепи. Кусочек разбитой цепи на белой мраморной плите всего лучше шел бы к Вашей славе и удовлетворил бы, я уверен в том, Ваше скромное самолюбие.

Иван Сергеевич, Вы, который нас ознакомил со своими согражданами и дал нам возможность оценить их, увенчайте дело Вашей жизни, внушив и им желание оценить Францию. Скажите им, что неприязнь нас исправила и сделала более рассудительными, что мы уже не легкомысленны, что мы никогда не были неблагодарными, что мы умеем любить тех, кто нас любит, служить тому, кто нам оказывает услугу, и щедро мешать потоки нашей крови с кровью дружественных народов.

Примечания

Опубликовано в Cahiers Tourguéniev. № 9. 1985. P. 13–20.

1 Письмо хранится в фонде Виардо в Национальной библиотеке (BN. N.a.fr. 16274. F. 1).

2 См.: *Viardot Louis*. Les Musées d'Italie, les Musées d'Angleterre, de Belgique, de Hollande et de Russie, les Musées d'Allemagne, les Musées d'Espagne, les Musées de France. 3e édition. 1859–1860.

3 См.: Тургенев. Письма. Т. 4. 1962. С. 191.

4 См.: Письмо Тургенева к Ю. Шмидту от 12/24 ноября 1876 г. (Тургенев. Письма. Т. XI. 1966. С. 355).

5 См.: Congrès littéraire international de Paris (1878). Comptes rendus in extenso et documents. Paris, 1879; *Waddington P.* I.S. Turgenev and the International Literary Congress of 1878 // New Zealand Slavonic Journal. 1983. P. 37–70. Zviguilsky A. Le Congrès littéraire international de Paris (1878). Les apports de la délégation russe. Доклад,

прочитанный 24 мая 1984 г. на Международном конгрессе, организованном Университетом Париж-Сорбонна, «Париж и феномен литературных столиц: перекресток или диалог культур» («Paris et le phénomène des capitales littéraires: Carrefour ou dialogue des cultures»).

6 Chronique de la Société des Gens de Lettres. N 146. Juin 1878. P. 236 A.

7 Ibid. P. 236 A–B. В 1860-е гг. у Тургенева возник замысел организовать в Париже чтения в пользу Литературного фонда в Санкт-Петербурге. Он поделился им со своими литературными друзьями Дружининым и Феоктистовым (см.: Тургенев. Письма. Т. 4.1962. С. 131 и 159).

8 См.: *TourguØneff Ivan*. L'exposition du peintre B. Vereschaguine // Le XIXe siècle. 17 décembre 1879. См. также: *Зильберштейн И.С.* Тургенев и художник В.В. Верещагин // Литературное наследство. Т. 73. Кн. 1. 1964. С. 291–334.

9 См.: La guerre et la paix. Roman historique par Léon Tolstoï / Traduit par une Russe (княгиней Паскевич. — *А.З.*). Paris-Saint-Pétersbourg. 1879. 3 volumes. См. также: Silberstein I. S. Le roman «Guerre et Paix» et la France. Ivan Tourguéniev s'emploie à faire connaître le roman de Tolstoï» («Роман "Война и мир" и Франция. Тургенев — пропагандист романа Толстого») // Tolstoï aujourd'hui. Paris: Institut d'études slaves. 1980. P. 223–232.

10 На выставке «Эдмон Абу, писатель и художественный критик», организованной в Токио к 100-летию со дня его смерти, была представлена записка Тургенева к Абу, написанная три дня спустя после операции по поводу невромы в брюшине. Записка была продиктована супругам Виардо самим больным: Луи проставил дату, Полина записала первый абзац и Луи второй:

Париж, 17 января 1883 г.

Мой дорогой господин Абу,
Будьте так любезны поместить в Вашей газете следующее сообщение.
Я буду рад поблагодарить Вас лично, как только я смогу встать с постели, недели через две-три.
Тысяча горячих приветствий.

Иван Тургенев

Абу поместил эту заметку в номере газеты «XIX сьекль» от 19 января 1883 г.: «Великий русский писатель г-н Иван Тургенев только что перенес операцию по поводу невромы. Эта трудная операция прошла совершенно успешно благодаря мастерству молодого хирурга Поля Сегона, нашей будущей медицинской знаменитости,

которому ассистировали доктора Бруардель, Хирц и Нелатон».

11 См.: *Zviguilsky A.* Tourguéniev et les écrivains français d'après leur correspondance inédite // Cahiers Ivan Tourguéniev. № 1. 1977. P. 22. В письме того же дня к Гюставу Флоберу, датированном «суббота утром» <27 декабря 1879> Тургенев хвалил роман Толстого и собирался выслать Флоберу его французский перевод (см. Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 2. 1967. С. 193).

12 *Тургенев*. Сочинения. Т. 15. С. 181–182.

13 Там же.

14 Там же. С. 186–187.

15 Ораторский талант Эдмона Абу выделялся на фоне монотонного и несколько скучного тона Ренана, который, по воспоминаниям современника, князя Оболенского, своей напыщенной риторикой напоминал проповедь католического священника. Абу, напротив, говорил горячо и выразительно, но, казалось, не был любителем русских реалий, не знал России, русского народа и языка, на котором произнес несколько выражений (см.: *Оболенский Д.Д.* У гроба Тургенева // Исторический вестник. 1903. Июнь. С. 912–914).

16 Он был опубликован в некрологической рубрике «la Chronique de la Société des Gens de Lettres» (№ 211. Novembre 1883. P. 424–426).

17 Цит. с небольшими уточнениями по: Иностранная критика о Тургеневе. СПб.: 1884. С. 11–13.

Пер. Н. Генераловой

*Эрнест Ренан, Тургенев и Полина Виардо**

До сих пор никто из исследователей не занимался вопросом изучения взаимоотношений Тургенева и Эрнеста Ренана. Исследования эти достаточно трудоемки, особенно если учесть, что в нашем распоряжении находится малая толика документов и скудная корреспонденция. Однако это не означает, что данная тема малозначительна. Как мы увидим, существует множество неясностей в отношении общения Ренана с «великим Московитом», как называл Тургенева Мопассан и которого считали почти французским писателем из-за долгого пребывания в нашей стране и прекрасного знания нашего языка и нашей литературы.

Короткая история этой дружбы началась неудачно, и даже вообще могла бы не начаться. Однажды Иван Тургенев описал Полине Виардо, своему вот уже 25 лет как близкому другу, посещение парижского салона г-жи Моль, жены известного востоковеда[1]. Это было в пятницу 27 марта 1868 г. Тургенев заметил Ренана, «которому не хотел быть представленным: мне не понравился этот “застенчивый” семинарист. С ним была его ненормально толстая жена»[2]. Семинаристом Ренан был не только по внешнему виду, по своему прошлому, но также по религиозной тематике своих книг, которые Тургенев прочитал. Он упомянул его имя наряду с именами Тэна и Биша в длинном перечне имен великих людей Европы в IV главе романа «Дым», опубликованного годом ранее. Французские мыслители вышли из моды после 1848 г., и герои-революционеры в романе педантично цитируют Ренана

---

* См.: «Прощальное слово Тургеневу» Э. Ренана в Приложении I.

и Тэна как любимое чтение. Это не был выбор самого Тургенева, который, как видно, не увлекался Ренаном.

Однако, благодаря Флоберу, близкому другу Тургенева и Ренана, последние все же встретились у г-жи де Турбей[3]. Флобер уточнял в своем приглашении, что Тургенев предпочел бы общаться с людьми, которые его почитают: с Теофилем Готье, Эрнестом Ренаном, Эдмоном де Гонкуром. Важна одна маленькая ремарка: Ренан читал Тургенева в 1872 г. И совершенно очевидно, что именно Флоберу Тургенев обязан все более и более пробуждающимся интересом к творчеству Ренана.

Первая реакция не замедлила появиться: «Я только что проглотил толстый том Ренана “Антихрист”. Там есть просто прекрасные страницы — характер Нерона обрисован рукою мастера. Но есть места чертовски скабрезные для экс-семинариста! “Чистый и полный неги” идеал современной Мадонны, открывающийся художнику-Нерону в юных нагих христианках, которых он приказывает отдать на растерзание диким зверям и т.д. и т.д. Гм, гм, г-н Ренан!— эту книгу надо прочитать»[4].

Мы не нашли ни малейших следов встреч Тургенева с Ренаном в течение трех лет, последовавших после общения за обедом у г-жи де Турбей. Но они встречались, и это очевидно. Тургенев представил Ренана семье своего однофамильца, декабриста Николая Тургенева, который держал салон в доме 97 на улице Лилль[5]. Эти аристократы благоговейно чтили память отца-либерала, подготовившего в 50-е гг. совместно с «кузеном» Иваном и другими единомышленниками реформу по отмене крепостного права в России. У г-жи Тургеневой было трое взрослых детей: Альберт — адвокат, которого интересовали лишь лошади и экипажи, Пьер, известный скульптор-анималист, и Фани, увлекающаяся мистикой интеллектуалка, посещавшая священника Мартена-Пашу, приверженца Единой церкви[6]. Фани Тургенева вела личный дневник, куда вносила имена посетителей. Имена г-на и г-жи Ренан впервые упоминаются 3 февраля 1876 г.[7] Иван Тургенев также был в этом списке.

Ренан, как известно, часто и давно посещал салон Полины Виардо в доме 48 по улице Дуэ. Ференц Лист отмечал Ренана-востоковеда в числе первых друзей певицы в статье, написанной в 1859 г.[8]

Э. Ренан женился тремя годами ранее на племяннице Ари Шеффера — Корнелии[9]. А чета Виардо была в близких отношениях с художником, принимавшим их у себя на улице Шапталь.

Тургенев время от времени встречался с Шеффером в период с 1856–1858 гг. И если он не встречался в эти годы с Ренаном, то потому, что еще не жил в доме с Виардо, где поселился только в конце 1871 г.

Существуют многочисленные свидетельства о посетителях литературно-музыкального салона Полины Виардо в период между 1848 и 1882 г. Золя в несколько карикатурной форме описал этот салон в романе «Дамское счастье», поместив его на улицу Риволи, в квартиру, которую когда-то снимали Тургенев с дочерью[10]. Художник Боголюбов, профессор, член Санкт-Петербургской Академии художеств, был представлен Полиной Виардо Ренану в 1876 г.[11] Его мы встречаем постоянно рядом с Ренаном, он также присутствовал в Париже на торжественном прощании с прахом ушедшего из жизни русского писателя.

Генерал Батист Фори, автор «Воспоминаний о Тургеневе», появившихся в «Меркюр де Франс» в 1917 г., также был завсегдатаем салона г-жи Виардо.

Там он иногда встречался с Ренаном. По его воспоминаниям, автор «Жизни Иисуса» редко присутствовал на музыкальных утрах, на которых г-жа Виардо пела, играла на рояле и органе[12]. Она

Эрнест Ренан. 1875

действительно установила у себя на улице Дуэ салонный орган, который муж заказал специально для нее у Кавайе-Коля. На наш взгляд, несмотря на уверения генерала, Ренан все же слышал, и далее мы в этом убедимся, лучшие произведения органной музыки.

Генерал Фори ошибался, говоря, что Ренан предпочитал общество мужа, Луи Виардо, бывшего директора Итальянского театра, коллекционера предметов искусства, музыковеда, испаниста, философа-позитивиста и автора небольшого философского трактата под названием «Апология недоверчивого человека», который он распространял среди друзей. Ренан получил таким образом три экземпляра трех разных изданий этого трактата (4-е дополненное издание 1874 г., 5-е дополненное издание 1877 г. и 6-е дополненное издание 1881 г.)[13].

Итак, Ренан был частым гостем салона четы Виардо в ту пору, когда Полина начала стареть; это были последние годы жизни Луи и Тургенева. Ежедневные приемы и развлечения никогда не имели такого блеска и такой живости в доме на улице Дуэ, как в это счастливое время. Среди развлечений самыми предпочтительными были шарады, главным любителем которых был Камиль Сен-Санс, за ним следовали Габриель Форе и Поль Виардо, сын певицы. Постоянными участниками этих игр были Флобер, Ренан, естественно, Тургенев, поскольку он жил в этом доме, а также политики, такие, как Жюль Симон, или композиторы, например, Шарль Гуно, Амбруаз Тома или Цезарь Франк. Ренан с добродушной снисходительностью веселил молодежь, когда со своим огромным животом скакал над платком или когда, пытаясь достать кольцо с верхушки пирамиды из муки, обсыпал ею свое широкое лицо[14].

Мы далеки от образа «застенчивого семинариста», каким однажды вечером воспринял его Тургенев, увидев в чопорном салоне г-жи Моль.

Это, однако, не означает, что светские развлечения были главными для этих двух людей, даже если мы постоянно встречаем их в веселой компании, в шумных парижских салонах. Главным для Ренана и Тургенева было стремление и вкус к творчеству.

В связи с чем и обратимся к хронологии. Советские ученые, осуществившие академическое издание Полного собрания сочинений и основной переписки Тургенева, допускают, что два писателя были знакомы к 1878 г.[15], что, как мы видим, не соответствует действительности. Вышеупомянутые исследователи ссы-

лаются на существование четырех записок Тургенева Ренану, первая из которых датирована 1879 г.: они были опубликованы впервые в 1901 г. в «Библиотеке Шарпантье» Гальпериным-Каминским в солидном сборнике писем Тургенева своим французским друзьям. В 1954 г. в критическом издании «Калибана» Колин Смит отыскал три важных письма Тургенева Ренану[16], к которым мы и обратимся. Двумя годами ранее Кори Сиоан подарила автограф Тургенева[17] Марселю Бутерону в день его отъезда из библиотеки Лованжуля, «с намерением, как она сказала, помочь ему забыть это расставание». Таким образом, нам известны восемь писем Тургенева Ренану за период 1878–1882 гг. Четыре письма-оригинала хранятся в Национальной библиотеке, два — в Музее частной жизни, одно — у наследников Марселя Бутерона, и одно — неизвестно где. Эта корреспонденция представляется нам фрагментарной; быть может, однажды автографы появятся на свет, и, может быть, даже в этом году — году столетия со дня смерти Ренана. В Национальной библиотеке среди бумаг Виардо хранится единственное письмо историка Тургеневу[18]. Тон этого единственного письма Ренана говорит о том, что между ними велась переписка. Ренан откликнулся на объявление

Габриэль Форе и Клоди Виардо у рояля. Рис. Полины Виардо

Тургенева о сборе пожертвований для установки памятника Гюставу Флоберу:

Париж, 22 ноября 1880

Милостивый государь и друг,

Конечно, да, как и вы, я хочу, чтобы был установлен памятник великому и редкому писателю, замечательному другу, память о котором мне так дорога. Зачислите меня в комитет, делайте со мной, что захотите, я счастлив быть с теми, кто любил Флобера, горжусь, что мы вместе.

Примите уверения в моей искренней и высокой дружбе,

Э. Ренан

Комитет возглавил Виктор Гюго, которому Тургенев написал в тот же день. Вся организационная работа была возложена на подкомитет, председателем которого был Тургенев. На него и легла вся тяжесть работы. Тургенев поблагодарил Ренана за пожертвования — 50 франков[19]. Во Флобере Ренан и Тургенев потеряли незаменимого друга. Они, конечно же, не забыли, что именно Флобер способствовал их сближению.

Ари Шеффер.
Рис. Полины Виардо

Этот благородный поступок не был единственным: доброта Тургенева хорошо известна. Он просил Ренана и о другом одолжении: речь идет о популяризации во Франции романа Толстого «Война и мир», который Тургенев распространял во французском переводе (первой редакции) среди друзей-писателей, надеясь, что статья или заметка в газете будут способствовать продаже романа. Ренан получил свой экземпляр и незамедлительно ответил Тургеневу.

Тургенев представил Ренану скульптора М. Антокольского[20], автора «Христа», который был показан на Всемирной Парижской выставке в 1878 г. Тургенев восхищался молодым еврейским скульптором и с большой радостью направлял к нему в мастерскую своих друзей и знакомых, например, Наталью Герцен[21], дочь социалиста Александра Герцена, одного из старших собратьев по перу Тургенева в борьбе против крепостного права, которую оба вели в разных идейных направлениях и разными методами. А еще скульптора Корнелию Маржолен[22], дочь художника Ари Шеффера и кузины жены Ренана. Корнелия Маржолен была близкой подругой старшей дочери супругов Виардо, Луизы Эритт, которая хвалебно отзывалась о ней в своих воспоминаниях[23]. В доме Ре-

Портрет Полины Виардо.
Худ. А. Шеффер

нана–Шеффера хранятся три записки без дат Тургенева к жене доктора Марголена: русский писатель предлагает проводить молодую женщину к Антокольскому, на улицу Байен. Мне удалось установить, что этот визит состоялся в воскресенье 10 марта 1878 г. Через день Тургенев приведет в мастерскую скульптора и Ренана. Экзегет жизни Иисуса должен был произвести хорошее впечатление на художника, старавшегося представить Христа как можно проще, покойнее, народнее[24]. Антокольский тотчас же сообщил критику Стасову в Петербург о визите Ренана в свою мастерскую[25]. Художник Боголюбов говорил своему московскому собрату Ивану Крамскому, главе Товарищества передвижных художественных выставок: «все образованные люди, начиная с Ренана, Виардо, Гюльома и многих других, уже там перебывали»[26].

Художественное паломничество представляется Тургеневу одним из этапов на пути к совершенствованию человека. Его книги, его переписка, его разговоры выражают все ту же идею: культура обогащает человека, она является одним из факторов прогресса, так называемого либерального прогресса, который он защищает, — путем, на котором он сблизился с Ренаном. Хоте-

Полина Виардо
в образе св. Цецилии за органом.
Худ. А. Шеффер. 1840

лось бы знать мнение автора «Жизни Христа», созерцающего «Христа перед судом народа» Марка Антокольского. Увы! Алфавитный указатель переписки Ренана не содержит имени Антокольского. Что же до Тургенева, то он вдохновился личностью скульптора и сочинил поэму в прозе, которая, возможно, не понравилась Ренану.

Ренан открыто признавал «светскую» религию, которую он приписывал своему герою Иисусу: Царство Божие находится в самом человеке и нигде больше.

Вот почему Христос Ренана, лишенный своей божественной сути, не так далек, быть может, от Христа Тургенева и Антокольского: человек как и все.

Состоялась ли так ожидаемая двумя писателями встреча? Тургенев читал Ренана, пытался вникнуть в его сюжеты, в его позицию. Эрудит, один из самых образованных людей своего времени, столкнувшись с другим эрудитом, признается, что не понимает его. Вот что Тургенев написал Анненкову 8 ноября 1879 г.: «Я начал читать последнюю часть Ренана “L’Eglise Chrétienne”. Любопытно — но на мой профанский вкус trop ingénieux (слишком заумно — *фр.*)»[27].

Портрет Ари Шеффера.
Худ. А. Леманн

Спустя десять дней он напишет из Буживаля самому автору: «Я все еще за городом и дочитываю вашу последнюю книгу. Вы просвещаете меня в отношении всех этих столь щекотливых и трудных вопросов: не знаю, чем мне восхищаться больше — тонкостью или верностью вашего — если смею так выразиться — психологического анализа тех способов, какими была организована церковь. Чтение этой книги доставляет истинное наслаждение»[28].

Изменяется тон, потому что изменяется ситуация. А через полтора года Тургенев и в самом деле сблизится с Ренаном. Фани Тургенева отметила в своем дневнике 4 марта 1878 г. как дату встречи Тургенева и Ренана в его семейном доме[29]. Эрнест сидел рядом с Иваном; это был тот самый день, когда Ренан пригласил Тургенева на чтение своей пьесы. Читал он в присутствии друзей философскую пьесу в 4 актах под названием «Калибан», продолжение «Бури» Шекспира. По-видимому, Ренан сбивчиво читал. Если Тургенев не мог понять его философию, то с театром дело обстояло еще сложней. В молодости Тургенев написал с десяток комедий, которые не могли быть поставлены в основном из-за цензуры. Сам он признавал, что его драматургия настолько слаба, что не заслуживает того, чтобы ее включили в полное собрание сочинений. К тому же, не он ли являлся участником известного «кружка пяти», или «кружка освистанных авторов», вместе с четырьмя другими романистами? Флобер, Эдмон де Гонкур, Золя и Доде оставили мечты о театре. Доде говорил с юмором: «Тургенев признавался, что был освистан в России, и поскольку он был тогда далеко, то не смог этого видеть»[30].

И вот такой «плохой» драматург должен был высказать свое мнение о пьесе, которую он только что выслушал из уст Ренана. Тургенев подсказывает ему так много и так дельно, что Ренан переделывает пьесу, добавив 5-й акт. По секрету Тургенев доверительно сообщает Стасюлевичу, издателю «Вестника Европы»: «О “Калибане” я также не читал. Я слышал его чтение из уст самого Ренана (в рукописи); и даже, скажу меж нами, он, по моему ходатайству, за Калибана, прибавил целый акт»[31].

В действительности Тургенев сделал гораздо больше. Когда он писал Стасюлевичу это письмо, у него в руках был только что полученный первый выпуск журнала за 1879 г.: в нем была опубликована статья в 30 страниц о «Калибане»[32]. Тургенев сделал для Ренана то, что он обычно делал для своих друзей — писателей-реалистов. Он обеспечил им возможность публиковаться в русской прессе и издавать свои романы в России.

Как мы уже говорили, три важных письма Тургенева Ренану хранятся в Национальной библиотеке. Колин Смит опубликовал их с несколькими ошибками в тексте, более того, он сделал неправильную подборку. Я предлагаю свою версию:

1

50, улица Дуэ[33]
Суббота [9 марта 1878]
4 ч<аса>

Дорогой г-н Ренан,

Вы так спешно ушли, что я не успел Вас поблагодарить за приглашение в числе других пришедших послушать еретическое произведение, которое Вы назвали «Калибан». Впрочем, это само собой разумеется; но, возвратившись домой, я выражаю снова свое восхищение и не могу удержаться, чтобы не сказать Вам, что, несмотря на все доводы нашего друга Ш. Эдмона[34], у меня сложилось стойкое впечатление: отсутствие Калибана создает эффект отсутствия равновесия — того, что немецкие «Вагнеры» называют «Abrundung» (шаг (па) в театральном смысле, Abrundung здесь означает «последний штрих», «окончательная отделка» — *А.З.*). Не то чтобы я хотел видеть Калибана в действии (здесь Эдмон прав) — но у меня такое чувство, будто я настоятельно хочу его увидеть. Представьте, к примеру, что в момент, когда Просперо кричит: «Да здравствует Калибан!» — видно, как тот уходит в глубину сцены с короной на голове и останавливается, чтобы с почти королевским жестом сказать: «Спасибо, Просперо» или нечто вроде этого (в чем должна присутствовать ирония поэта). — Не кажется ли Вам, что это похоже на отсутствие точки над i? — Я пишу Вам об этом с жаром, с волнением — и подсказываю вам идею, может быть, она чего-то стоит, а может, — ничего. (N.B. Люди, окружающие Просперо, ничего не должны говорить, но он, быть может, должен добавить: «Царствуй же!»)

Я приношу свои извинения за такое вмешательство — но доказательством этому служит мое глубокое впечатление от произведения, которое можно поставить рядом с теми, что Вы уже написали.

А теперь позвольте пожать Вашу руку и сказать

всецело Ваш
Ив. Тургенев

2

Воскресенье [10 марта 1878][35]

4 ч<аса> в<ечера>

Дорогой г-н Ренан,

«Ecce iterum Crispinus»[36], — скажете вы, может быть, получив это письмецо; а я хочу с вами говорить не о Калибане (это не означает, что мне на ум не приходят мысли, утверждающие меня в моем впечатлении — м.б.: смерть Ариеля — которая, как сильный аккорд, должна быть концовкой всего, — хочется, чтобы мотивировалось чем-то достаточно значительным и зрелищным, таким, как коронование Калибана; восклицание Просперо в конце — это не более чем остроумная шутка, проявление минутной досады и т. д.) — Речь пойдет вот о чем: Антокольский, с которым я виделся сегодня, сказал, что у вас есть намерение прийти посмотреть его Христа завтра в понедельник в половине четвертого. Если у вас в самом деле есть такое намерение, не будете ли вы против, если я заеду за вами к трем часам в коляске. Скажите только слово. Я сопровождаю сегодня г-жу Маржерон к А-скому[37]. — Она сильно потрясена его Христом.

С дружеским приветом,

преданный вам

Ив. Тургенев

3

Четверг[14 марта 1878][38]

3 ч<аса> 1/2

Дорогой мэтр,

Превосходно, восхитительно — именно об этом я и говорил. Я так горжусь, что способствовал рождению пятого акта. Молитва — это просто прекрасно. Осмелюсь ли вам высказать сомнения? — на странице 8 — я бы убрал фразу: «qui personnifie l'esprit humain dans sa tentative fondamentale, qui est de posséder les forces de la nature»[39]. — Это абсолютно справедливо и точно — но, на мой взгляд, слишком подробно. — Ваша снисходительность придает мне смелости говорить вам все, что приходит в голову.

Но повторяю: это прекрасно, поэтично — теперь остается как можно быстрее опубликовать «Калибана».

Жму вашу руку со всей силой восхищения и дружбы.

Ив. Тургенев

Еретическая пьеса Тургеневу понравилась; иначе бы он не отправил ее в Россию, чтобы написали статью о «Калибане». В ней он нашел часть своих мыслей: о культуре, о политике, об идеализме, яростным защитником которого являлся. Но уже с предисловия, с первой фразы он уловил зародыш идеи, которую Ренан, к сожалению, не развил и которую можно как готовую схему найти в последнем романе Тургенева «Новь», появившемся в фельетонах в «Тан» между январем и мартом 1877 г., а затем отдельным томом у Этцеля. Произведение имело огромный успех, если учесть интерес нашей публики к революционерам, к русским народникам, которым Тургенев предрекал провал. Ренан смог увезти роман с собой в Ишию летом 1877 г.: именно тогда он напишет свою пьесу. «Калибан, существо бесформенное, слегка отесанное, находящееся на стадии очеловечивания» — не похож ли он на Нежданова, эту «новь», этот грубый камень, который не признавал значения книг и культуры для революции.

В первой версии пьесы Ренан не объясняет, кем становится Калибан, бесформенное существо, когда берет власть, смещает Просперо, герцога Миланского, аристократа, человека, типичного для своей цивилизации. Тургенев упрекает Ренана в том, что он не закончил свою пьесу по-настоящему: победитель не появляется в конце, и именно в этом заключается сценический недостаток, технический недостаток, который необходимо было исправить. Это Ренан понимал и, учтя замечания своего русского друга, добавил один акт и ввел подсказанные детали, в частности финальный эпизод смерти Ариеля — символа идеализма, который придал новый смысл пьесе. Действительно, Калибан в V акте вопреки всякому ожиданию становится по-настоящему человеком, сблизившись с Просперо, аристократической элитой, ее философами и ее художниками. Тургенев приветствовал изменения, которые придали пьесе законченный вид, не веря, однако, как и его друг Флобер, в такой исход. Объединиться, чтобы править, — ложный путь, история показывает и еще покажет, что тираны никогда не бывают благородными.

Интересна по этому поводу реакция Флобера: «Читали ли вы “Калибана” Ренана? — спросил он у г-жи Роже де Женетт. — Там есть очаровательные места, но не хватает основы, много лишнего»[40]. В конечном итоге, воспитание Калибана — это воспитание Викторины и Виктора из главы X романа «Бувар и Пекюше», когда обучение обречено на провал; есть натуры, лишенные моральных качеств, и воспитанием им не поможешь.

Одна деталь из V акта потрясла Тургенева: молитва, являющаяся художественным успехом первого плана:

> О Всевышний! Тебя ничто не печалит и не смущает, ничто не раздражает и не утешает! Ты существо непорочное и святое, чистейший свет, проникающий, не оскверняясь, через вещественный мир. Ты незыблемая основа вечного движения. Тебя мы славим в каждом нашем вздохе, Тебя исповедуем справедливым, совершенным и добрым! Не ошибаются только те, которые верят, надеются и любят. Видимый мир — суета сует. Ты ненавидишь зло, и в этом его наказание. Довольно того, что Ты слышишь мольбы своих служителей и знаешь им счет; потому что нет ничего более реального, нежели то, что Ты существуешь. О бесконечная благость, в Твоем необъятном лоне все целуются и примиряются. Ты гармония, радость, мир, разум, вечное наслаждение! Поющие Тебе хвалу счастливы в течение всех лет жизни![41]

Ренан слушал орган в церкви, у него также была возможность слушать органную музыку Баха в исполнении г-жи Виардо на органе Кавайе-Коля на улице Дуэ. Чувство музыки (музыки, а не религиозное чувство), которым пропитана молитва, переходило в литературную форму, которая выражалась тремя ключевыми словами: дыхание, гармония, пение.

«Орган стонал как буря», — говорил Ренан. «Орган сам молился».

Музыкальная экспрессия, этот универсальный язык является контрапунктом чистого чувства, братской любви.

Я не могу отказаться от желания прочитать конец XXXIV главы «Дворянского гнезда», знаменитый отрывок из романа Тургенева, где старый музыкант Лемм начинает играть на пианино необычную композицию и становится выразителем любви, охватившей в этот момент сердце героя:

> Давно Лаврецкий не слышал ничего подобного: сладкая, страстная мелодия с первого звука охватывала сердце; она вся сияла. Вся томилась вдохновением, счастьем, красотою. Она росла, таяла; она касалась всего, что есть на земле дорогого, тайного, святого; она дышала бессмертной грустью и уходила умирать в небеса. Лаврецкий выпрямился и стоял, похолоделый и бледный от восторга. Эти звуки

так и впивались в его душу, только что потрясенную счастьем любви; они сами пылали любовью.

С тех пор Тургенев и Ренан будут «петь» в унисон. К сожалению, первому осталось жить не более пяти лет.

Через три месяца после чтения «Калибана» произошел эпизод, знаменательный для жизни Ренана и привлекший внимание Тургенева. Ренан представил свою кандидатуру во Французскую академию. Флобера, с которым переписывался «великий Московит», забавляло это академическое звание, полезности которого он не понимал, сам же он отрицал официальные почести, медали, учреждения. «Когда вы являетесь кем-то, то почему хотите быть чем-то», — говорил он[42]. В июне 1878 г. Флобер, однако, узнал, что оба кандидата на место академика люди скромные — Ренан и Тэн. Один из них готов был занять место Клода Бернара, другой — Тьера. Флобер уверен в том, что Ренан будет избран; что касается Тэна, он посылает ему то «поздравления», то «утешения»[43].

Диалог между Тургеневым и Флобером забавен. Флобер: «Я нахожу, что Тэн, побитый Анри Мартеном, это смешно...»[44]. Тургенев: «Конечно, А. Мартен — не великий писатель — но согласитесь, что Тэн в кресле Тьера — это уж совсем чудовищно! Лично мне Мартен очень нравится, и я рад его успеху»[45].

Тургенев поздравил Ренана с его избранием во Французскую академию. Он узнал о результате голосования от Виктора Гюго, который председательствовал в резиденции ложи «Великий Восток Франции» в Париже на Международном литературном конгрессе по авторскому праву, одним из вице-президентов которого был Тургенев. Поздравительное письмо, отправленное им Ренану в воскресенье 16 июня 1878 г., до сих пор не было опубликовано:

> Мои самые горячие поздравления новому академику и добрых дел самой Академии, которые поддержали бы ее честь, к чему обязывает ее долг, и которые, однако, она не всегда делает.

При сопоставлении этого текста с тем, что послал Флобер принцессе Матильде в день выборов («Что касается Ренана, в его успехе я уверен»), обнаруживается, на наш взгляд, некая преемственность между Нормандцем и Московитом. Они ходатайствовали вдвоем перед Виктором Гюго и рекомендовали дорогому и зна-

менитому мэтру кандидатуру Ренана — который, если верить его письму к Эдмону Шереру[46], волновался об исходе выборов.

На следующий год Тургенев ходатайствовал перед Гамбеттой, Э.Золя, издателем Шарпантье, Жюльеттой Адан, чтобы его друга, Гюстава Флобера, назначили хранителем Библиотеки Мазарини.

Тургенев внимательно следил за ходом событий. Он отправил своим русским друзьям текст знаменитой речи Ренана по случаю избрания его во Французскую академию 3 апреля 1879 г. и получил от бывшего русского министра просвещения Александра Головнина, «поклонника творчества Ренана», просьбу прояснить, кто из академиков поставил свою подпись на тексте. Тургенев эту просьбу выполнил[47].

Ренан, скорее всего, отправлял Тургеневу приглашения на заседания Академии. Об этом можно судить по ответу от 24 марта 1882 г.:

> Дорогой мэтр,
>
> Вы любезно прислали мне билет на заседание Академии; к несчастью, я не мог им воспользоваться, потому что у меня был сильный приступ зубной боли. Но я хочу поблагодарить вас за память.
>
> Примите выражения моей симпатии и преданности.
>
> Ив. Тургенев[48]

С этого времени активность Тургенева постепенно снижается. Он начал чувствовать первые признаки болезни — рака позвоночника, который сведет его в могилу через полтора года.

Навещал ли его Ренан, когда Тургенев лежал больной в Буживале? Мы этого не смогли установить. Но он присутствовал на отпевании 7 сентября 1883 г. в русской церкви на улице Дарю, где было выставлено тело писателя. Ожидали, что его отправят в Санкт-Петербург и похоронят на литераторском кладбище рядом с другом и учителем Белинским.

В этот день в церкви была толпа народу. Ренана узнали и попросили публику расступиться, чтобы пропустить академика и его супругу. Семейство Виардо, естественно, было там: Полина, вот уже четыре месяца как вдова, в сопровождении своих детей — Клоди, Марианны и Поля. Г-жа Виардо заметила знакомые лица: Массне, Эдмон Абу, Эрнест Ренан.

Поль Виардо, известный к этому времени скрипач, симпатизировал великому другу своей матери. Это он вместе со своими зятьями Жоржем Шамро и Альфонсом Дювернуа взял на себя иници-

ативу обратиться к президенту Общества писателей по поводу воздания почестей в Париже ушедшему из жизни русскому писателю. Эдмон Абу общался с Тургеневым в последние годы его жизни; они проживали на одной улице, и именно Абу пригласил Тургенева участвовать в Международном литературном конгрессе в Париже.

Девять дней прошло после отпевания в церкви. Ренан получил от Полины Виардо письмо в черной рамке (она носила траур по мужу):

Ясени[49]
16 [сентября]
[1883]

Дорогой г-н Ренан,

Чувства симпатии и восхищения, которые к вам испытывал наш великий и незабвенный друг Иван Тургенев, дают мне смелость обратиться к вам с просьбой сказать прощальное слово в тот день, когда его прах будет отправлен в Россию; с датой определятся, как только мы получим разрешение министра внутренних дел из Санкт-Петербурга.

Почтить память великого русского поэта, ставшего таким французским по сердцу, в самой достойной и благородной форме для меня и моих близких означает, что обращение к нему с последним словом должно прозвучать из дружеских уст одного из великих французов.

Я надеюсь и жду ответа, за который заранее благодарю вас от всего сердца.

Примите уверения, дорогой г-н Ренан, в моих чувствах восхищения и в моей горячей благодарности.

Полина Виардо

Ренан ответил певице на следующий день:

Париж, 17 сентября 1883[50]

Дорогая госпожа,

Ваша просьба затронула мое сердце. Я горжусь тем, что вы об этом попросили меня. Да, конечно, для меня большая честь сказать прощальное слово гениальному гостю, для которого вы были таким драгоценным другом. Это вам мы обязаны долгими годами общения с ним. Позвольте мне поблагодарить вас от имени всех. Будьте уверены в моей искренней и сердечной дружбе.

Э.Ренан

«Гениальный гость» — выражение, которое будет фигурировать в начале речи, произнесенной 1 октября.

«Вы были для него таким драгоценным другом» — это практически из заключительной части первой версии выступления[51]: «Франция, где ты нашел столько любящих тебя душ, ты тоже их любил». Ренан счел за лучшее убрать пять последних слов в последнем варианте. Безусловно, из осторожности, в любом случае, из такта, но он никого не называл персонально и говорил без намеков, не настаивая на взаимном характере известного чувства. Ференц Лист 25 годами раньше с такой же сдержанностью высказывался по поводу этой связи:

> Благодаря своему утонченному образованию, своей уже давней дружбе с очень почитаемым писателем, имея обширные познания во многих областях искусства, и в частности, в живописи, г-жа Виардо обладает хорошо развитыми способностями в разных сферах интеллектуальной жизни и в своих отношениях с обществом она, возможно, отдает больше, чем получает[52].

Ренан верно подметил: без Полины Виардо Тургенев не жил бы во Франции так долго и не купил бы поместье в Буживале. Я всегда говорю посетителям музея, который расположен в его доме, что нас бы здесь не было, если бы в жизни Тургенева не было г-жи Виардо.

Полина Виардо и есть настоящий дирижер церемонии прощания Парижа с Тургеневым, на которой она присутствовала, после того как приняла его последний вздох, вздох человека, которого любила.

Русские друзья Тургенева сделали все необходимое, чтобы похороны писателя, находившегося в своей стране более 30 лет на авансцене литературной жизни, стали общенациональным явлением. 22 сентября г-жа Виардо сообщает Ренану столь долгожданное известие[53]:

> Мои сыновья попросили г-на Абу как президента общества литераторов сказать прощальное слово великому писателю, и он ответил, что считает большой честью для себя быть приглашенным вместе с вами... Я ему верю.
>
> Разрешение от министра, наконец, получено. В настоящее время прилагаются усилия, чтобы ускорить отправле-

ние. Как только определятся с датой, вас тотчас же уведомят. Это зависит еще от стольких мелких вещей!

Примите, дорогой г-н Ренан, мои теплые и признательные воспоминания.

Полина Виардо

После того как определились исполнители, заговорили об организации торжественной церемонии прощания, о назначении даты и места. Госпожа Виардо удачно выбрала церемонию прощания французского народа с иностранцем, способствовавшим культурному сближению наших стран: Тургенев уже верил, и справедливо, что Россия стала частью Европы. Парижане хорошо знали великана с белой бородой. Этот Дед Мороз, ростом в 1 м 91 см дружил с Концерт-Колонь, Оперой, Комеди Франсез и еще отелем «Друо», где его называли запросто «г-н Гого».

Помимо феномена массовости, так желаемого и полученного г-жой Виардо (400 человек по статистике того времени), был еще другой, о котором она особенно заботилась и который вытекал из первого: массовое шествие перед гробом писателя представителей различных политических кругов Франции и России. Официальные лица, дипломаты, а также эмигранты, революционеры — все собрались в этот исключительный день.

Поль Алексис, один из членов «Меданской группы», в статье от 9 сентября 1883 г. в «Ревей» («Le Réveil») отметил факт, который поразил его во время отпевания:

Граф Орлов, русский посол во Франции, как официальное лицо от имени Императора сопровождал прах, а похоронный венец был положен на гроб русскими политическими эмигрантами, нигилистами и им подобными.

Итак, слава всем тем, на могиле которых может совершиться это объединение in extremis тщетных политических страстей![54]

Г-жа Виардо, как и обещала, снова пишет Ренану 28 сентября, чтобы сообщить день, час и место проведения прощальной церемонии перед отправлением праха Тургенева в Россию: «Церемония должна состояться на Северном вокзале. Вы получите пропуск, на котором будет указано точное время и вход, через который вы сможете войти. Я думаю, что это будет в половине третьего, вход — для малых грузов»[55].

Выступающих было четверо: Эрнест Ренан, член Французской

академии, говорил первым от имени друзей покойного, Эдмон Абу, член Французской академии, президент Общества писателей и член ложи «Великий Восток Франции», Григорий Вырубов, химик, профессор в Коллеж де Франс, давний сотрудник Эмиля Литре в «Ревю де ла философи позитив» («Revue de la philosophie positive») и член Совета ложи «Великий Восток Франции», и, наконец, по-русски говорил художник Алексей Боголюбов, член Петербургской Академии художеств и президент Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, одним из основателей которого был Тургенев.

Я перехожу к содержанию речи Ренана. Он не мог в своем пятнадцатиминутном публичном выступлении прославлять одновременно и человека и его творчество. Он сделал выбор — говорил о человеке, таком, каким его знал, точнее, каким увидел его через призму его творчества, в котором писатель полностью отразил себя. Именно поэтому Тургенев занимает исключительное место в истории литературы: он явил себя миру, чтобы показать единство жизни и творчества.

Он был служителем идеи, как и персонаж «Дон Кихота», бывший для него олицетворением идеалов справедливости. Он «при-

мирял», как говорил Ренан, и это абсолютно точное определение. «Для него не существует разногласий. В нем все примиряется: самые оппозиционные партии объединяются, чтобы его восхвалять, им восхищаться».

Мы сожалеем, что Ренан убрал из своего текста фразу, которая сохранилась в его черновике, из статьи Тургенева «Гамлет и Дон Кихот»: «он держал эти два полюса обеими руками». То же самое недавно отметил в работе «Русские мыслители» британский академик Исаак Берлин: «Тургенев обладал в превосходной степени особенностью, которую Гердер определяет как Einfublen: это способность восприятия чуждых для вас веры, чувств, поведения, даже глубоко противоречивых. В своем траурном панегирике Ренан на это указал»[56]; на современном языке мы называем это «плюралистическим» видением, которое охватывает многообразие путей развития.

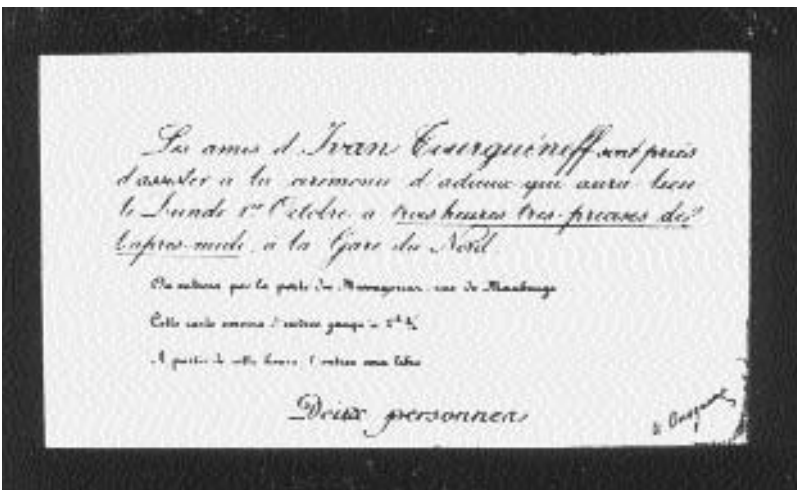
Плюрализм Тургенева породнил его с европейским либерализмом того времени и сделал «западником». Это свойство выделяет писателя из среды людей своего времени и приближает к нашему. Ренан считал его «разочарованным философом», можно было бы добавить «XX века»:

Запись о смерти И.С. Тургенева в приходской книге собора Александра Невского в Париже. 1883

Когда будущее даст свою оценку находкам, которые нам предлагает этот необыкновенный славянский гений со своей горячей верой, глубокой интуицией, особым отношением к жизни и смерти, необходимостью жертвенности, жаждой идеала, образы Тургенева будут бесценными документами, чем-то вроде портрета гения в детстве (если это возможно увидеть). Роль выразителя чаяний одного из великих народов для Тургенева исполнена огромной ответственности. Он чувствовал душевную тяжесть, и поскольку был человеком честным, то взвешенно относился к каждому своему слову. Он колебался между тем, что должен и не должен говорить.

В этом выступлении мы видим, прежде всего, своеобразный синтез не текстового материала (с которым мы, историки литературы, постоянно работаем), а живого слова и письма, от которых нам остались только крохи.

Текст выступления, на первый взгляд, абстрактный, меняет тональность. Одной из самых сильных сторон выступления является определение дара простоты Тургенева, что позволило ему стать


Les amis d'Ivan Tourguéneff sont priés d'assister à la cérémonie d'adieux qui aura lieu le Lundi 1er Octobre à trois heures très-précises de l'après-midi, à la Gare du Nord.

Deux personnes

Приглашение на церемонию прощания с прахом И.С. Тургенева на Северном вокзале Парижа. 1883

совестью всего народа, говорить его голосом: так как «у народа нет голоса; он может только чувствовать и невнятно говорить», сказал нам Ренан. Ему нужен выразитель, пророк, который будет говорить за него. Пророк: слово сказано... Ренан, безусловно, знал о переводе, сделанном Тургеневым и отредактированном Флобером, знаменитого стихотворения Пушкина «Пророк», в котором заключено кредо поэта, «предводителя нации». Другой русский поэт, Лермонтов, также написал поэму «Пророк» — продолжение «Пророка» Пушкина. Тургенев читал оба произведения на одном из литературных утренников у г-жи Виардо в 1881 г., и нас не удивило бы то, что Ренан присутствовал на этом чтении.

Поэт получил от Всевышнего Судьи всеведение пророка. Он проповедует любовь и истину, а взамен получает камни и им подобное. Гордец считает, что Бог говорит его устами.

> Кто будет этим пророком? Кто выразит его страдания, порожденные теми, кто хотел бы их не знать; его мечты, чаяния, которые нарушают наивный оптимизм удовлетворенных. Великий человек, милостивые государи, это когда он одновременно и носитель таланта, и человек сердца. Вот почему великий человек — самый несвободный из всех людей. Он не делает и не говорит того, что хочет. В нем говорит Бог...
>
> Тургенев постоянно находился в поисках истины.
>
> Он полностью принадлежал всему человечеству высотой своей философии, внимательным взглядом изучая условия человеческого существования, беспристрастно познавая реальность. Его философия вмещает в себя нежность, радость жизни, милость к творениям Божьим, особенно к несчастным. Он горячо любил это бедное человечество, часто, конечно, слепое, но еще чаще предаваемое собственными вождями. Он рукоплескал их бессознательному стремлению к добру и правде.

Постоянные искания добра и истины: не того ли искал Иисус, идеальный герой Ренана, или о чем говорил в своей речи по случаю приема в члены Французской академии его последователь Клод Бернар?

И не тем ли занимался сам Ренан?

Церемония прощания закончена. Было около четырех с половиной часов. Гроб с прахом Тургенева был отправлен с платфор-

мы Северного вокзала. Клоди Виардо и ее муж Жорж Шамро сопровождают гроб до Санкт-Петербурга.

Через три дня Ренан получил письмо от г-жи Виардо[57]:

> Позвольте вас поблагодарить от всей глубины такого скорбного, но такого признательного сердца.
>
> Вы сказали удивительные слова прощания нашему выдающемуся другу, только вы могли так говорить.
>
> Я буду очень счастлива и горда, если вы соблаговолите передать мне рукопись вашей восхитительной речи. Она будет настоящей реликвией для меня. Моя просьба нескромна, я это чувствую, но мое восхищение настолько велико, что ее, наверное, можно простить.
>
> Я пожимаю вашу руку самым горячим в мире рукопожатием и жду с томительным нетерпением вашего ответа.
>
> Полина Виардо

Ренан ответил в тот же вечер[58]:

> Вы сама любезность. То, что вам понравилась моя речь, для меня большая награда. Я читал ее по копии, сделанной Ари[59], которую передал корреспонденту русской газеты, он ее мне не вернул. Но у меня остался черновик. Он неразборчиво написан; я осмелюсь отправить его Вам только потому, что Вы так любезно попросили его у меня на память.
>
> Дорогая госпожа, примите уверения в моей самой искренней преданности.
>
> Э. Ренан

Так стало известно о существовании черновика прощального слова Ренана, находящегося в частной коллекции, который, я думаю, никогда до сих пор не извлекался оттуда. Рукописи, хранящиеся в бумагах Ренана в Национальной библиотеке, являются на самом деле двумя копиями (вторая — отредактированная), написанными рукой Ари Ренана, и содержат поправки его отца[60]. Вторая была окончательным вариантом текста, судя по тому впечатлению, которое она оставляет. Что касается черновика, сильно исчерканного, с многочисленными поправками, он нам позволил увидеть большую работу, проделанную Ренаном в короткий срок, поскольку в его распоряжении было всего две недели.

На этом история заканчивается. Больше на эту тему ничего нет.

Полина Виардо становится, согласно завещанию, наследницей авторских прав Тургенева, получает ежегодно гонорары от издателя Этцеля, опубликовавшего десятки книг писателя, большинство из которых много раз переиздавались. Так, в 1885 г. готовился к печати сборник последних произведений и возникло желание, чтобы в нем было опубликовано прощальное слово Ренана. Г-жа Виардо снова пытается привлечь Ренана. В этой связи интересно письмо, датированное 30 мая 1885 г.[61]:

> В настоящее время Этцель занят подготовкой к изданию тома последних рассказов Тургенева и был бы счастлив, если бы вы позволили ему опубликовать вашу превосходную речь, произнесенную вами на вокзале. Нет нужды говорить вам, как я чрезвычайно рада, что жива память о моем бедном старинном друге, и особенно во Франции. То, что делается в России для почитания его имени, на мой взгляд, сопоставимо с тем, что делается у нас для Виктора Гюго[62]. Открыли по всей России начальные школы, учредили стипендии во всех училищах, в музеях размещают вещи, ему принадле-

Мемориальная доска на доме 210 по улице Риволи в Париже

жавшие, устанавливают памятники в его честь, улицы называют его именем и т.д. и т. д. ...ничего не упущено.

Я с надеждой жду, что ваш ответ будет положительным, благодарю вас заранее и сохраняю о вас самые теплые и восторженные воспоминания.

Еще неясный образ французского музея Тургенева впервые возникает под пером Полины Виардо.

Ренан ответил, как обычно, в тот же день[63]:

Да, конечно, я буду очень рад, если те несколько слов, которые я произнес на Северном вокзале, будут опубликованы с последними рассказами Тургенева. Вам известно, как я его любил, и я счастлив, что вы находите, что в тот день я хорошо о нем говорил. Мне доставляет радость то, что в России, как вы рассказываете, создан его культ. Он был столь благороден и столь велик.

«Культ» Тургенева (я употребляю слово Ренана) действительно был в России в 1885 г. Он классик. Его любят, и не только в его стране, и не только в уходящем XIX в. В эпоху серой и чудовищной советской власти безупречный язык одного из лучших стилистов, ясная и светлая мысль мастера гармонии позволили чувствительным читателям уходить в просторы любви, в мир мечтаний, в лучший и более светлый мир.

У нас на холмах Буживаля, в 20 километрах от Парижа, его душа всегда с нами, свидетельством чего являются паломники, вот уже более века приезжающие со всех концов света.

Приложение I

Эрнест Ренан

Прощальное слово Тургеневу

Мы не можем, не отдав последнего долга, отправить на родину прах нашего гениального гостя, которого нам суждено было знать и любить. Мастер пера, о чем говорят его талантливые произведения, он открыл нам секрет своего утонченного творчества, очаровавшего наш век. Тургенев был выдающимся писателем. Более того, он был великим

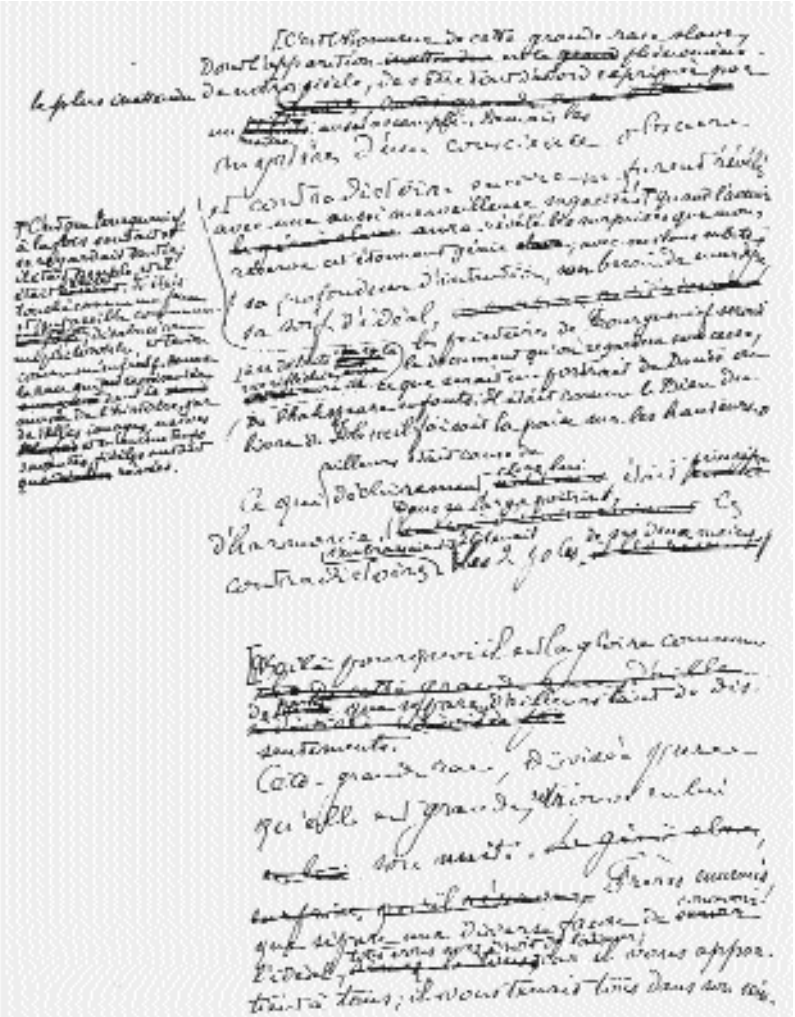
человеком. Я буду говорить только о его душе, в теплых отношениях с которой прошла наша высокая дружба.

Тургенев получил свыше, в качестве человеческого предназначения, благородный дар: родился же он обычным человеком. Его сознание не было сознанием индивида от природы более или менее одаренного, это было в некотором роде народное сознание. Еще до рождения он прожил тысячи лет; бесконечная череда образов жила в глубине его сердца. В нем одном воплотилось то, что свойственно всему человечеству. Весь мир жил в нем, говорил его устами; он дал жизнь и голос безмолвным поколениям предков, затерянных во мраке веков.

Молчащий народный гений — источник всех великих произведений. У народа нет голоса. Он может только чувствовать и невнятно говорить. Ему нужен выразитель, пророк, который будет говорить за него. Кто будет этим пророком? Кто выразит его страдания, порожденные теми, кто хотел бы их не знать; его мечты, чаяния, которые разрушают наивный оптимизм удовлетворенных. Великий человек, милостивые государи, это когда он одновременно и носитель таланта, и человек сердца. Вот почему великий человек — самый несвободный из всех людей. Он не делает и не говорит того, что хочет. В нем говорит Бог; десять веков страданий и надежд владеют и управляют им. Иногда ему приходится, как в древних библейских текстах, не призывать к мщению, а благословлять, подобно Духу, который веет, где хочет. Его язык повинуется не ему, а пребывающему в нем Духу.

Славянская раса может гордиться появлением на мировой авансцене такого неожиданного явления нашего века, мастера, способного все объяснить, и в этом видящего выполнение своего долга.

Никогда тайны подсознания, к тому же и противоречивого, не были раскрыты с такой блестящей прозорливостью. Только Тургенев одновременно чувствовал и анализировал. Он принадлежал народу и он принадлежал элите. Он был трогательным как женщина, бесстрастным как анатом, разочарованным как философ и нежным как дитя. Счастлив тот народ, который в начале своего самосознания может выразить себя наивными и глубинными, реальными и в то же время мистическими образами!



Страница черновика прощального слова Ренана, произнесенного на Северном вокзале Парижа. 1883

Когда будущее даст свою оценку находкам, которые нам предлагает этот необыкновенный славянский гений со своей горячей верой, глубокой интуицией, особым отношением к жизни и смерти, необходимостью жертвенности, жаждой идеала, образы Тургенева будут бесценными документами, чем-то вроде портрета гения в детстве (если это возможно увидеть). Роль выразителя одного из великих народов для Тургенева исполнена огромной ответственности. Он чувствовал душевную тяжесть, и поскольку был человеком честным, то взвешенно относился к каждому своему слову. Он колебался между тем, что должен и не должен говорить.

Его миссия была всецело миротворческой. Он был как Господь из «Книги Иова», «творящий мир на небесах». То, что у других вызывало разлад, у него становилось источником гармонии. В его широкой душе противоречия умиротворялись; проклятия и ненависть отступали под магическими чарами его искусства.

Вот почему он является общей славой всех литературных школ, между которыми существовало столько разногласий. Это великое племя, разделенное из-за своей многочисленности, объединяла его личность. Братья-враги, исповедующие разные идеалы, все пришли к его могиле; все вы имеете право его любить, потому что он принадлежал всем вам, всех вас вмещает его сердце. Удивительная привилегия гения! Для него не существует разноречивых сторон вещей. В нем все примиряется: самые оппозиционные партии объединяются, чтобы его восхвалять, им восхищаться. В тексте его произведений вульгарные слова теряют свою желчь. Гений делает за один день то, на что потребуются века. Он создает атмосферу иного высшего мира, где те, что были врагами, в конце концов становятся союзниками. Он открывает эру великой амнистии, в которой противоборствующие на арене прогресса обретают покой плечом к плечу, рука об руку.

Над расами в действительности стоит человечество, или, если хотите, разум. Тургенев был представителем своей расы в чувствах и в творчестве. Но он полностью принадлежал всему человечеству высотой своей философии, внимательным взглядом изучая условия человеческого существования, беспристрастно познавая реальность. Его философия вмещает в себя нежность, радость жизни, ми-

лость к творениям Божиим, особенно к несчастным. Он горячо любил это бедное человечество, часто, конечно, слепое, но еще чаще предаваемое собственными вождями. Он рукоплескал их бессознательному стремлению к добру и правде. Он не упивался иллюзиями, он не опускался до жалости. Жестокая политика к страждущим — конечно, не его черта. Никакие разочарования его не останавливали. Как вселенную, он тысячу раз заново обновлял свое творчество; он знал, что справедливость восторжествует; всегда все заканчивается, чтобы начаться сначала. Он действительно владел глаголами вечной жизни, глаголами мира, справедливости, любви и свободы.

Прощай же, великий и дорогой друг! Только твой прах может покинуть нас. Твой бессмертный духовный образ останется с нами. Для тех, кто пришел с тобой проститься, — твой гроб — это символ стремления к объединению и веры в торжество либерального прогресса. И когда ты упокоишься в родной земле, пусть все приходящие к твоей могиле тепло вспомнят ту далекую землю, где ты нашел сердечное понимание и любовь!

Приложение II

Письма Тургенева Корнелии Маржолен

Три небольших письма Тургенева Корнелии Маржолен, хранящиеся в Музее частной жизни, не лишены интереса и составляют, на наш взгляд, лишь часть их более значительной переписки.

Корнелия Маржолен (именуемая Корнелией Шеффер в «Критическом и документальном словаре художников, скульпторов, рисовальщиков, граверов» Бенези (Dictionnaire critique et documentaire des peintres, sculpteurs, dessinateurs et graveurs de Benesit) была художницей-любителем и скульптором.

Музеи Дордрехта и Роттердама приобрели у нее многочисленные копии картин ее отца Ари Шеффера, рисунок, изображающий его на смертном одре, а также два бюста с изображением этого художника и один бюст Гете.

Преклонение перед Ари Шеффером его единственной дочери способствовало укреплению большой дружбы, которая связывала художницу и семейство Виардо. Это преклонение объясняет час-

тично и причины частого посещения ее дома Тургеневым, куда он был, возможно, введен в 1856 г. после возвращения из долгой ссылки. Он вспоминал свой последний визит к художнику после возвращения из путешествия по Италии в начале мая 1858 г. Ари Шеффер скончался 15 июня. Тургенев отправил свои соболезнования Полине Виардо, добавив: «Какой ужасный удар для его дочери!»[64]

Проживая в 1860 г. в Баден-Бадене, Тургенев, во время своих поездок в Париж, безусловно, выполнял различные поручения г-жи Виардо. По ее просьбе он трижды посетил г-жу Маржолен, проживавшую на улице Шапталь[65].

Во время войны 1870 г. Корнелия, помогая своему мужу-хирургу, переоборудовала свой дом на улице Шапталь под госпиталь, где все раненые без различия национальностей получали медицинскую помощь. Во время Коммуны она оказала сопротивление банде революционеров, стремившихся захватить ее дом, где находился раненый немецкий офицер, которого она переправила за границу с помощью одного из своих слуг.

В этом Корнелия была верным последователем своего отца, Ари Шеффера, спасшего жизнь итальянскому революционеру

Корнелия Маржолен-Шеффер

Даниэлю Манину (1804–1857). Она также наследовала его художественный вкус. Этот прекрасный женский тип мог послужить русскому писателю прообразом героини его романа «Накануне» (1860). По состоянию исследований на сегодняшний день, Елена, один из наиболее удачных женских образов в его романах, не имеет известного реального прототипа. Тургенев собрал, по обыкновению, в этом образе черты, которые он наблюдал у разных женщин. Так, артистический темперамент скульптора и художника Корнелии, сочетаясь с преданностью, доходящей до жертвенности, отражается в образе Елены, подруги Инсарова[66]: последняя обязывает пылкого болгарина пройти через немыслимое для него в то время погружение в искусство, которое должно было предварять его революционную деятельность. Сцены в Венеции, колыбели живописи и музыки, где умирает герой романа, напоминают ту особую атмосферу культурного очага Шеффера, когда там присутствовал Даниэль Манин. Человек, провозгласивший Венецианскую республику, один из руководителей наряду с Гарибальди и Паллавичино движения за объединение Италии.

В письме Полины Виардо к Юлиусу Рицу от 29 июля 1859 г. прекрасно описана преданная дружба художника Шеффера и героя итальянского освободительного движения, оба они были франкмасонами:

«Бедная Италия! Еще несколько дней назад я сожалела, что Манин умер так рано, сегодня же я рада, что он не дожил до мира, из-за которого он неминуемо погиб бы от страдания и возмущения. Он был в близких отношениях с моим Шеффером, и поэтому мы были хорошо с ним знакомы. Что за прекрасная и великая личность этот Манин. Он похоронен в склепе Шефферов, где уже была погребена его дочь (м-ль Манин). Шеффер дал им приют после смерти, как и при жизни. Скоро должен наступить тот день, когда их тела перевезут в дорогую им Венецию, но сейчас!..»[67]

Интерес, который Тургенев испытывал к сильной личности Манина, проявился в одном из писем к Луи Виардо[68], написанном примерно через месяц после смерти Манина. Он воссоздал посредством художественного вымысла несостоявшуюся встречу Корнелии с Даниэлем[69].

Писатель, желая оставаться бесстрастным наблюдателем и занимать нейтральную позицию в конфликтах, где сталкиваются правители и подданные, страдает, как всякий человек. Требова-

ние властей выслать русского курьера революционера Петра Лаврова (1823–1900)[70] вызвало у г-жи Маржолен полное доверие к нему и даже некоторую солидарность с ним. Здесь обнаруживается одна из наименее изученных черт сложной личности Тургенева, который, допуская существование противоположных мнений, сам же увязает в политической конспирации.

1

50, улица Дуэ
Париж
Пятница утро
[8 марта 1878 ?][71]

Дорогая г-жа Маржолен,

Я не откажусь от удовольствия сопроводить Вас, так же как и г-жу Зубову[72]. Я увижу Антокольского сегодня в церкви[73], и я предупрежу его о Вашем визите. — В воскресенье в 2 часа я буду у Вас.

Тысяча искренних дружеских признаний.

Всецело Вам преданный.

Ив. Тургенев

Петр Лавров

2

Воскресенье
[10 марта 1878 ?][74]
10 часов утра

Дорогая г-жа Маржолен,

Если Вы позволите, я заеду за Вами в коляске точно без четверти час, чтобы в час быть у Антокольского, с которым я виделся вчера. Он мне сказал, что получил билет в цирк[75], где будут исполнять 9-ю симфонию. Он хотел бы ее послушать — начало в два.

Сердечно жму Вашу руку.

Всецело преданный Вам.

Ив. Тургенев

3

[июнь 1882 ?][76]

Я просил г-жу Маржолен, если она получит письмо из России на свой адрес, и если, распечатав это письмо, она найдет там бумагу, написанную по-русски, вложить ее в конверт и отправить по следующему адресу:

Г-ну Петру Лаврову
Улица Сен-Жака, 328[77]

Примечания

Текст выступления на конференции, организованной «Обществом изучения наследия Ренана» и состоявшейся в Коллеж де Франс 21 января 1992 г.
Опубликовано в Cahiers Tourguéniev. № 16. 1992. P. 3–35.

1 Мери Кларк, жена Жюля де Моля (1793–1880), принимала по пятницам в своем салоне на улице Бак.

2 Письмо Тургенева Полине Виардо (LI. P. 141).

3 См.: Письмо Флобера Тургеневу от 10 февраля 1872 г. (Correspondance Flaubert-Tourguéniev, Flammarion, 1989. P. 106).

4 Письмо Тургенева Полине Виардо от 26 июня 1873 г. (Тургенев. Письма. Т. 12. 2000. С. 312).

5 См. подборку материалов о Николае Ивановиче Тургеневе(1789–1871) в Cahiers Tourguéniev. № 13. 1989.

6 Фани-Александра Тургенева (1835–1890) помогала также издавать Мартену-Пашу «Молитву и милость» (№ 1 декабрь 1861 г.).

7 См.: *Султан-Ша М.* Тургенев и семья декабриста Николая Ивановича Тургенева из дневника Фани Тургеневой (1857–1883) // Литературное наследство. Т. 76. 1967. С. 386.

8 См.: *Liszt Franz.* Pauline Viardot-Garcia // Cahiers Tourguéniev. № 10. 1986. P. 91.

9 Корнелия, дочь Генри Шеффера, жена Эрнеста Ренана (1833–1894).

10 См. мою статью Autour de quelques documents exposés au Musée Tourguéniev // Cahiers Tourguéniev. № 14. 1990. P. 114.

11 См.: *Боголюбов А.П.* Из «Записок моряка-художника». Публикация Н.В. Огаревой // Литературное наследство. Т. 76. 1967. С. 450.

12 См.: *Baptiste Faurie.* Souvenirs sur Tourguéniev // Mercure de France. № 449. 1 mars 1917. P. 46.

13 Эти три экземпляра в настоящее время хранятся в резервном фонде Национальной библиотеки. К сожалению, два из трех посвящений Луи Виардо Ренану вырезаны.

14 См.:*Gustave Dulong.* Pauline Viardot, tragédienne lyrique.Ch. XI. P. 162.

15 См.: Тургенев. Письма. 1967. Т. XII. С. 634.

16 См.: *Ernest Renan.* Caliban, suite de La Tempête. Edited by Colin Smith. Manchester University Press, 1954. P. 31–33.

17 Рукописная копия хранится в Музее частной жизни (Музее Ренана-Шеффера). Мы благодарны ее хранителю, г-же Анн-Мари де Брем, предоставившей в наше распоряжение архивы Ренана.

18 BN, nouvelles acquisions françaises 16275. f. 309.

19 См. письмо Тургенева Эрнесту Ренану от 11 / 23 апреля 1881 г. (Тургенев. Письма. Т. XIII. Кн. 1. 1968. С. 82).

20 Антокольский Марк Матвеевич (1843–1902), один из наиболее крупных русских скульпторов, автор бюста Тургенева, бронзовая копия которого находится в настоящее время в музее Буживаля благодаря стараниям Михаила Елачича.

21 О Наталии Герцен (1844–1936) см.: Cahiers Tourguéniev. № 10. 1986. P. 185–188. Портрет отца, написанный ею маслом, подарен семьей музею Тургенева в Буживале.

22 Корнелия Шеффер (1830–1899) вышла замуж за доктора Рене Маржолена (1812–1895) в возрасте 15 лет.

23 См: *Louise Viardot-HØritte.* Une famille de grands musiciens. Paris, 1923. P. 82–84.

24 См.: Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи. Под ред. В.В. Стасова. СПб: М., 1905. С. 125.

25 «Третьего дня был у меня Ренан, на которого “Христос” сделал тоже сильное впечатление: он долго смотрел

и восторгался» (письмо М.М. Антокольского В.В. Стасову от 13 марта 1878 г., там же. С. 358).

26 Цит. по: Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 1. 1966. С. 645.

27 Там же. Т. XII. Кн. 2. 1967. С. 161.

28 Там же. С. 171–172.

29 См.: Литературное наследство. Т. 76. 1967. С. 391.

30 Alphonse Daudet. Tourguéniev // Cahiers Tourguéniev. № 14. 1990. P. 48.

31 Письмо Тургенева Стасюлевичу от 5/17 января 1879 г. (Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 2. С. 8).

32 Эта рецензия на «Калибана» журналиста К.К. Арсеньева (1837–1919) была опубликована в «Вестнике Европы». 1879. № 1. С. 95–125.

33 BN, nouvelles acquisions françaises 11467, f. 366 r.-v. Это письмо, равно как и два других, фигурирует в издании «Калибана» Колина Смита (op.cit. P. 31–33).

34 Шарль-Эдмон Шожецки (1822–1899), польский эмигрант, живший во Франции, сотрудник «Тан», библиотекарь Сената, автор драм. Тургенев представил его Флоберу в 1863 г.

35 BN, nouvelles acquisions françaises 11 467, f. 368. Мы датируем это письмо воскресеньем, 11 марта 1878 г., Ренан должен зайти к Антокольскому через день (в понедельник, 11 марта 1878 г.).

36 «И вот снова надоевшее» (Ювеналий). Эта сентенция показывает, что Тургенев все еще размышляет о пьесе, несмотря на отправленное накануне письмо. Колин Смит ошибочно поместил настоящее письмо третьим по порядку, следуя классификации, установленной Национальной библиотекой.

37 Имеется в виду Антокольский. Колин Смит ошибся при расшифровке этого имени в тексте. См.: *Ernest Renan*. Caliban, suite de La Tempête. Edited by Colin Smith. Manchester University Press, 1954. P. 33.

38 BN, nouvelles acquisions françaises 11 467, f. 367. Мы датируем это письмо четвергом после предыдущего письма, предположительно 14 марта 1878 г. У Ренана было время изменить свой текст и показать его Тургеневу.

39 Эта фраза действительно была в первом варианте, в самом конце VI акта, и принадлежала Хорежу (см.: *Ernest Renan*. Caliban. Op. cit. P. 90.

40 Письмо от 27 мая 1878 г. (*Flaubert G.* Œuvres complètes. Op. cit. T. XVI. P. 50).

41 *Ernest Renan*. Caliban. Op. cit. P. 82–83.

42 Письмо Флобера принцессе Матильде от 13 июня 1878 г. (*Flaubert G.* Œuvres complètes. Op. cit. T. XVI. P. 55).

43 Ibid.

44 Письмо Флобера Тургеневу от 20 июня 1878 г. (Correspondance Flaubert-Tourguéniev. Op. cit. P. 230).

[45] Письмо Тургенева Флоберу от 11/23 июня 1878 г. (Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 1. 1966. С. 332).

[46] Письмо Ренана Эдмону Шереру от 7 июня 1878 г. (*Renan E.* Œuvres complètes, édition définitive établie par Henriette Psichari, Paris, 1961. T. X. P. 755).

[47] См.: Письмо Александра Головнина Тургеневу от 28 июля 1879 г. // Литературное наследство. Т. 73. Кн. 2. С. 84.; письмо Тургенева Ренану от 6/18 ноября 1879 г. (Тургенев. Письма. Т. XII. Кн. 2. 1967. С. 171–172). Речь Ренана по случаю вступления во Французскую академию (3 апреля 1879 г.) см.: *Renan E.* Œuvres complètes. T. I. P. 723–748.

[48] Тургенев. Письма. Т. XIII. Кн. 1. 1968. С. 218.

[49] Это первое из шести писем Полины Виардо Ренану, хранящихся в Музее частной жизни (Musée de la Vie Romantique).

[50] *Renan E.* Œuvres complètes. T. X. P. 894.

[51] Черновик (6 страниц) хранится в частной коллекции.

[52] *Franz Liszt.* Pauline Viardot-Garcia // Cahiers Tourguéniev. № 10. 1986. P. 91.

[53] Музей частной жизни.

[54] Cahiers Tourguéniev. № 14. 1990. P. 107.

[55] Музей частной жизни.

[56] Isaiah Berlin. Russian thinkers. London, 1978.

[57] Музей частной жизни.

[58] Частная коллекция.

[59] Ари, сын Эрнеста Ренана (1858–1900).

[60] BN, nouvelles acquisions françaises 11472, f. 334–338; 341–345.

[61] Музей частной жизни.

[62] Виктор Гюго умер 22 мая 1885 г.

[63] Письмо Ренана Полине Виардо от 30 мая 1885 г. BN, nouvelles acquisions françaises 16272, f. 417.

[64] Письмо Тургенева Полине Виардо от 25 июня/7 июля 1858 г. Тургенев. Письма. Т. III. 1961. С. 223–224.

[65] 28 марта и 25 ноября 1864 г., 21 ноября 1868 г. (см. NCI. T. 1. P. 120, 134, 170).

[66] См.: *Crisan Constantin.* A la veille : l'hallucination sociale et poétique de la rédemption. Cahiers Tourguéniev. № 16. 1992. P. 37–43.

[67] Revue Pleyel, avril 1925. P. 13 A.

[68] Письмо Тургенева Луи Виардо от 4/16 октября 1857 г. (Тургенев. Письма. Т. III. 1961. С.157).

[69] В своей диссертации «Ари Шеффер и его время (1795–1858)» Марта Колб отметила: «Г-жа Маржолен в самом деле испытывала к Манину такую же сильную привязанность и такое же глубокое уважение, как и Ари Шеффер» (Kolb Marthe. Ary Scheffer et son temps. Paris, 1937. P. 263).

70 Об отношениях Тургенева с Петром Лавровым см.: *Красовский Ю.А.* Письма к П.Л. Лаврову // Литературное наследство. Т. 73. Кн. 2. 1964. С. 7–66.

71 Мы датируем эту записку пятницей 8 марта 1878 г., чтобы разделить ее с перепиской Тургенева и Ренана (см. его письмо от воскресенья, 10 марта 1878 г., в котором говорится о визите в мастерскую к Антокольскому).

72 Мария Николаевна Кокошкина, родившаяся в 1842 г., была женой Алексея Зубова (1838–1904), государственного секретаря и губернатора Саратова. Дочь дипломата Николая Кокошкина и внучки Анжелики Каталани, знаменитой итальянской певицы, Мария Зубова провела свое детство и молодость в Италии. Впервые в Россию она приехала в 1860 г. Именно тогда Тургенев познакомился с ней и давал ей уроки русского языка. Она была живым прототипом Валентины Сипягиной в романе «Новь». Тургенев находил ее премиленькой. Они обменялись фотографиями в начале семидесятых. (См.: NCI. Т. 2. P. 95–96.) Приятно видеть Тургенева в компании двух героинь его романов у скульптора Антокольского.

73 Речь идет о православной русской церкви на улице Дарю.

74 Эта записка была отправлена через два дня после предыдущей.

75 Зимний цирк, где проходили популярные концерты под руководством Паделу.

76 Мы полагаем, что эту записку принесли в дом г-жи Маржолен в начале июня 1882 г. перед отъездом больного Тургенева из Парижа в Буживаль. В феврале Тургенев был лично приглашен к префекту полиции Жан-Луи Эрнесту Камескасу по поводу его друга Петра Лаврова, получившего предписание покинуть Францию в три дня. Префект, казалось, был удовлетворен объяснениями Тургенева относительно «личности», которую тот описал как превосходного и достойного человека, несмотря на его революционные идеи (письмо Тургенева Лаврову от 30 января/11 февраля 1882 г. (Тургенев. Письма. Т. XIII. Кн. 1. 1968. С. 191); имеется подтверждение вышеизложенного художником Верещагиным. Несмотря на согласованную с префектом отсрочку, Лавров предпочел бежать в Лондон, откуда вернулся через три месяца благодаря вмешательству Григория Вырубова. Тургенев, зная, что Лавров находится под наблюдением полиции, придумал передавать письма, приходящие из России, через г-жу Маржолен. Поэтому ее инициалы (г-жа М.Ш.), т.е. г-жа Маржолен-Шеффер, он указал в письме, отправленном Лаврову 24 июля/5 августа 1882 г. (Тургенев. Письма. Т. XIII. Кн. 1. 1968.

С. 311) До сих пор никто не идентифицировал эту аббревиатуру.

77 Именно этот адрес фигурировал в двух письмах Лаврова к Тургеневу от 1879 и 1880 гг. (см. Литературное наследство. Т. 73. Кн. 2. 1964. С. 63–64).

Пер. В. Зубовой

Звигильский А.

З-345 Иван Тургенев и Франция: Сб. статей /Пер. с фр. / Сост. В.Р. Зубова, Е.Г. Петраш. 2-е изд. — М.: Русский путь, 2010. — 336 с., ил. — (Тургеневские чтения; Вып. 3)

ISBN 978-5-85887-365-5

Сборник включает статьи известного французского ученого, создателя Музея им. И.С. Тургенева в Бужевиле (Франция) Александра Звигильского, посвященные жизни и творчеству И.С. Тургеневу во Франции. Впервые публикуется на русском языке.

ББК 83.3(2Рос)1

Александр Звигильский

Иван Тургенев и Франция

Тургеневские чтения

Выпуск 3

Составители и научные редакторы
В.Р. Зубова и Е.Г. Петраш

Корректор *Н.Б. Вторушина*
Верстка *П.А. Сандомирский*

Подписано в печать 8.09.2010
Формат 60x90/16. Тираж 500 экз.

ЗАО «Издательство “Русский путь”»
109240, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (495) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru
Сайт в Интернете: www.rp-net.ru

Отпечатано в типографии НИИ «Геодезия»,
141260, г. Красноармейск, пр. Испытателей, д. 14